

ISSN 0131-2501

1/813

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/813

Решающий вклад СССР в Великую
Победу

Экономическая реформа в КНР

Сунь Ятсен — друг советского народа

60 лет китайским профсоюзам

Труды и дни Николая Спафария

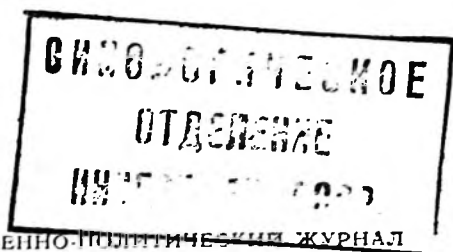
Искусство Востока

2

1985

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

2 [54] 1985

НАУЧНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ, ЯПОНСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Tw-1523

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Ключевая задача нашего времени

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- Решающий вклад СССР в разгром фашистско-милитаристского блока
16 *А. И. БАБИН*
Разгром японского милитаризма: уроки и современность
28 *В. Н. БУНИН*
СССР — освободитель Кореи и ее надежный союзник
40 *В. И. ПЕТУХОВ*

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

- К 30-летию конференции в Бандунге
51 *В. А. ВАСИЛЬЕВ*
Тайваньский фактор в американо-китайских отношениях
Н. В. ВАСИЛЬЕВ,
58 *Е. Г. МИРОНЕНКОВ*
Экономическое проникновение Японии в Южную Корею
65 *Д. МУН*

Экономическая реформа в КНР

- Актуальные проблемы хозяйственного развития Китая
С. В. СТЕПАНОВ,
78 *В. Я. ПОРТЯКОВ*
Новое в кредитно-банковской системе
85 *И. Б. ШЕВЕЛЬ*

ИДЕОЛОГИЯ

- Буржуазный либерализм в Китае: политическая история и идеология «третьего пути» развития (30—40-е годы XX в.)
92 *С. Р. БЕЛГУСОВ*

Критика буржуазной синологии

- О «дружелюбии» США по отношению к КНР
102 *М. В. КОВАЛЬ*
Будущее американо-китайских отношений: взгляд из США
106 *Ю. М. РЯКИН*

ИСТОРИЯ

- Сунь Ятсен — великий китайский революционер-демократ, друг советского народа
112

- О революционных традициях китайского рабочего движения
Т. И. АКАТОВА
119 О. Б. АЛЕКСЕЕВА
- Первая делегация Профинтерна и ВЦСПС в Китае
131 О. Б. ГОРОДОВИКОВА
- Межрабпом и китайская революция в 20-е годы
137 Б. М. ЗАБАРКО
- Борцы за правое дело**
- Видный партийный и государственный деятель МНР
144
- Из истории отечественного востоковедения**
- Труды и дни Николая Спафария
147 В. С. МЯСНИКОВ,
В. Н. ТАРАСОВ
- КУЛЬТУРА**
- Искусство Востока
Театр Сингэки
156 П. В. ЖУКОВА
- Выставки в Государственном музее искусств народов Востока
166 Л. И. КУЗЬМЕНКО
- ОБЗОРЫ СООБЩЕНИЯ СПРАВКИ**
- Япония и Сингапур: некоторые тенденции развития отношений
177 Г. Г. МОРОЗОВ
- Бруней — новое независимое государство на политической карте мира
185 С. Н. ДЕНИСОВ,
Б. Т. КОСТЯЕВ
- КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**
- Во имя утверждения исторической истины
192 И. А. ШИФРИН
- По пути мира, дружбы, сотрудничества
194 В. А. АРХИПОВ
- Исследование экономической структуры КНР
197 Б. К. ЧИЖОВ
- Экспансия США в Индийском океане
200 Г. В. АСТАФЬЕВ
- Яркая страница русско-японских культурных связей
201 Н. С. НИКОЛАЕВА
- О чем рассказывает ежегодник «Япония»
204 Ю. Е. ЕВГЕНЬЕВ
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**
- 207 Конференция в Улан-Удэ

Адрес редакции: Москва, 117818
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1985

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор), В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВЦОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

Ключевая задача нашего времени

В новейшей истории человеческого общества не было и нет скольконибудь значительного события, на котором не сказалось бы воздействие Великой Октябрьской социалистической революции, не оказал бы влияния распад мира на две противоположные социальные структуры. Эти факторы мировой истории будут и далее определять поступательное движение цивилизации. При этом в ходе противоборства двух систем наряду с общей тенденцией к укреплению сил мира и социализма возникают и процессы негативного свойства, которые качественно влияют на международные отношения в целом или на отдельные их направления. В этом сложность диалектики реальной международной жизни, современного мирового развития.

Так, в начале 80-х годов империализм, прежде всего американский, спровоцировал серьезное ухудшение международной обстановки. Пытаясь добиться военного превосходства над СССР, Вашингтон начал новый, опасный виток гонки вооружений. Цель такого курса — остановить исторически обусловленный процесс социального обновления мира, «потеснить» социализм и, в конечном счете, реализовать планы установления глобального господства американского капитала.

США продолжают размещать свои ракеты в некоторых западноевропейских странах. Вашингтон ведет интенсивную подготовку к тому, чтобы перенести гонку вооружений в космос, тем самым занести дамоклов меч над человечеством.

Лихорадочная гонка вооружений, осуществляемая милитаристскими кругами с целью нарушить сложившееся в мире военно-стратегическое равновесие и получить «силовое» превосходство над Советским Союзом и социалистическим содружеством в целом, серьезно угрожает международной стабильности и подрывает ее основы.

В обстановке, когда империализм столь откровенно делает ставку на грубое насилие в международном общении, еще большее значение приобретает борьба социалистических государств за справедливые принципы международных отношений, за сохранение и упрочение мира во всем мире. Ради этого страны социалистического содружества постоянно выдвигают идеи и предложения, нацеленные на укрепление мира, на развитие нормальных, основанных на взаимном уважении и доверии отношений со всеми государствами, в том числе и с теми, которые принадлежат к иной социальной системе. Этим международная политика социалистических государств принципиально отличается от внешнеполитического курса империализма.

Позиция Советского Союза в отношении капиталистических государств была четко сформулирована на мартовском (1985) Пленуме ЦК КПСС. «Мы, — было сказано на Пленуме, — будем твердо следовать ленинским курсом мира и мирного сосуществования. На добрую волю Советский Союз всегда ответит доброй волей, на доверие —

доверием. Но все должны знать, что интересами нашей Родины и ее союзников мы не поступимся никогда».

В основе этих отношений должно находиться возрождение достигнутой в 70-е годы разрядки, налаживание и расширение мирного, взаимовыгодного сотрудничества между государствами на началах равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Это настоятельно необходимо особенно теперь, когда над человечеством нависла угроза ядерной войны в результате все ускоряющейся гонки ядерных вооружений, переносимой правящими кругами США в космос. Разумный выход из создавшегося положения может быть найден лишь в честной и равноправной договоренности немедленно прекратить гонку вооружений — прежде всего ядерных — на Земле и не допустить ее в космос. Такая договоренность помогла бы продвигаться к желанной цели — полному уничтожению и запрещению навсегда ядерного оружия, к устранению угрозы ядерной войны.

Ставка на силу

Динамичность современного мирового развития ставит человечество перед лицом новых явлений и быстрых перемен в военно-стратегической ситуации. Военно-техническая революция совершает в 80-е годы новый виток спирали, создавая стартовую площадку для рывка в развитии качественно нового оружия.

Тревожным сигналом этих перемен служит выдвинутая президентом США Р. Рейганом концепция «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), предусматривающая создание космической ПРО (противоракетной обороны).

По замыслам американской администрации и Пентагона эта программа создает предпосылки для отхода от существующего сегодня стратегического равновесия между СССР и США, для захвата Соединенными Штатами позиции военного превосходства. В этом заключается сущность процесса, который всячески стимулируется Белым домом и Пентагоном в целях развития военно-силового варианта в ходе противоборства двух социальных систем.

Так называемая «стратегическая оборонная инициатива» была выдвинута президентом США Р. Рейганом два года назад. В принятой администрацией Рейгана стратегии предусматривается создание широкомасштабной системы противоракетной обороны с элементами космического базирования. Американское руководство стало предпринимать конкретные шаги по реализации планов создания этой системы — для этого выделяются колоссальные средства, заключаются бесчисленные контракты с фирмами-производителями оружия, ориентирована на это деятельность многих научно-исследовательских центров и т. д.

На остроту этой проблемы обращалось внимание на международных форумах научной общественности. Их участники, в том числе видные деятели науки США и других стран НАТО, авторитетно заявляют, что создание космического оружия, включая противоспутниковое и противоракетное, не только не укрепит стратегическую стабильность и международную безопасность, как это утверждают американские стратеги, но, напротив, приведет к их дальнейшему ослаблению.

Вооруженные силы и вооружения противостоящих друг другу сторон образуют в настоящее время сложную систему, компонентами которой являются, как наступательные, так и оборонительные виды оружия. Главным критерием стабильности этой системы служат сохранение примерного равенства, уважение принципа одинаковой безопасности сторон.

В самом деле, военно-стратегическое равновесие между СССР и США в глобальном масштабе, между странами — участницами ОВД

(Организация Варшавского Договора) и НАТО — в региональном плане являются, по существу, базовым фактором современной международной ситуации, их определяющая роль очевидна в решении проблем предотвращения войны, обуздания гонки вооружений, ослабления международной напряженности. А угроза дестабилизации стратегической ситуации, безусловно, возникает в ходе попыток Вашингтона создать ПРО с элементами космического базирования.

Планируя создание космических вооружений, в США утверждают, будто бы они будут носить оборонительный характер. Однако при этом Вашингтон пытается скрыть тот факт, что появление нового, космического оружия вызовет серьезное нарушение существующего баланса сил.

Как известно, еще на рубеже 60—70-х годов, когда СССР и США приступили к обсуждению проблемы стратегических вооружений, они признали, что между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями существует тесная связь. В соответствии с этим в 1972 г. между СССР и США были одновременно заключены бессрочный Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). Таким образом, оба государства исходили из того, что только взаимная сдержанность в области противоракетной обороны позволит идти вперед по пути ограничения и сокращения наступательных вооружений. В последние же годы в США предпринимаются усилия для того, чтобы устранить препятствия на пути безудержной гонки вооружений как наступательных, так и оборонительных.

Критика американских планов создания широкомасштабной противоракетной системы, в ходе которой компетентными учеными сделан вывод о невозможности создания абсолютно надежного противоракетного щита, так же, как настойчивые предостережения о том, что такая система будет неизбежно рассматриваться другой стороной в качестве направленного против нее средства первого удара, оказала определенное влияние на характер публичных дебатов в США. Вынужденные считаться с научно обоснованной критикой планов создания и развертывания космического оружия сторонники этой системы в Вашингтоне попытались перестроить свою аргументацию. Признавая теперь в ряде случаев, что космическое противоракетное оружие не будет «абсолютно непроницаемым щитом», они стали делать упор на то, что оно-де повысит «степень неопределенности» для противника и затруднит его военное планирование и строительство. Однако и этот «аргумент» не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики.

Полностью противоречит логике ограничения и сокращения вооружений, улучшения политической атмосферы в советско-американских отношениях и то, что в США намерены продолжать интенсивные научно-исследовательские работы, направленные на создание космического оружия.

О стремлении определенных кругов в США реализовать свою мечту о «звездных войнах» свидетельствует и такой факт, как осуществленный в обстановке сверхсекретности запуск космического корабля «Дискавери», программа полета которого полностью вышла из стен Пентагона.

Факты показывают, что прорабатываемые в США варианты космической противоракетной системы выглядят как предназначенные далеко не только для поражения спутников и стратегических ракет после их запуска, но и как оружие первого удара для поражения наземных объектов.

При этом ряд зарубежных специалистов справедливо отмечает, что использование космического ударного оружия против СССР и его

союзников не принесет его творцам желаемого эффекта, поскольку страны — участницы Варшавского Договора, без сомнения, сумеют обеспечить противокосмическую оборону своих территорий. Однако проектируемое в США космическое оружие вполне может рассматриваться как потенциальное средство применения военной силы против тех государств, которые не в состоянии создать соответствующие средства противодействия и защиты. История последних десятилетий показывает, что американский империализм готов использовать военную силу тогда, когда рассчитывает не встретить мощного отпора, и там, откуда Соединенным Штатам не угрожает ответный удар. Это во все большей степени осознают общественность и руководители развивающихся да и некоторых развитых капиталистических государств, выступающие против американских планов создания космического оружия.

После того как Советский Союз достиг стратегического паритета с Соединенными Штатами, в Вашингтоне неоднократно предпринимали попытки нарушить его и добиться превосходства прежде всего путем качественного совершенствования и увеличения числа боеголовок на носителях стратегического ядерного оружия. Для сохранения равенства, для того, чтобы в США не возникло иллюзий относительно возможности достижения превосходства, СССР был вынужден принимать необходимые ответные меры. Они носили и носят сугубо дозированный и взвешенный характер, направлены лишь на поддержание паритета, а не на обретение превосходства. На это были направлены в числе других меры, принятые СССР и его союзниками в ответ на начало размещения Соединенными Штатами своих ракет средней дальности в Западной Европе. Благодаря принимаемым Советским Союзом мерам ядерное равновесие восстанавливается, но происходит это уже на более высоком уровне.

Советско-американский стратегический паритет играет важную стабилизирующую роль не только во взаимоотношениях между СССР и США, но и для международной обстановки в целом.

Как свидетельствуют многие форумы общественности, в том числе научной, как показали дебаты на Генеральной Ассамблее ООН, широко признанной в мировом сообществе становится та истина, что ни международная безопасность, ни безопасность одной страны не могут быть обеспечены путем создания все новых систем оружия, тем более космического.

В прямой связи с курсом Вашингтона на ломку стратегического равновесия между СССР и США, на усиление гонки вооружений следует рассматривать количественные и качественные сдвиги в системе базирования военной мощи США за пределами их национальных границ.

Военные базы США — их примерно 1500 — размещены на территории 32 стран. На базах постоянно дислоцировано 500 тыс. американских военнослужащих. Система баз — весьма серьезный дестабилизирующий фактор за пределами территории США, так как представляет собой концентрацию силы (в том числе ракетно-ядерной мощи), подготовленной непосредственно к ведению агрессивных войн в любой точке планеты.

Большинство баз США расположено в непосредственной близости к территории СССР. В ФРГ, например, насчитывается около 200 баз и центров размещения американского оружия. Вашингтон намерен выдвинуть пункты постоянной дислокации своих войск в Западной Европе еще ближе к границам стран — участниц ОВД. США планируют создавать на земле Западной Европы новые базы. В регионе Восточной Азии, недалеко от советских границ Соединенные Штаты располагают 350 военными объектами.

Азиатскому континенту в агрессивных военно-политических планах США отводится первостепенная роль. На этом обширном, стратегически важном континенте, обладающем огромными природными богатствами, людскими ресурсами, подрывные действия сил империализма постоянно служили и служат источником обострения международного положения. В регионе Азии произошло подавляющее большинство войн и вооруженных конфликтов, развязанных империализмом и реакцией после второй мировой войны. И поныне в этом регионе сохраняются немало крупных и малых «горячих точек».

Под предлогом «обеспечения безопасности» азиатских стран империализм США осуществляет наглое вмешательство в их внутренние дела, объявляет обширные регионы Азии сферой своих «жизненных интересов». В последнее время происходит интенсивное наращивание военного присутствия США в азиатском регионе, здесь создаются все новые американские военные базы.

Совсем недавно командование вооруженных сил США получило «добро» Белого дома на размещение ядерного оружия в восьми зарубежных «точках», в том числе на Филиппинах и острове Диего-Гарсия (Индийский океан). В районах Тихого и Индийского океанов сконцентрирован крупнейший после Западной Европы контингент вооруженных сил США, в том числе «силы быстрого развертывания» во главе с «центральной командой» (Сентком). В сферу действия Сенткома включено 19 стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки. Опасным очагом напряженности и военной угрозы стала акватория Индийского океана: Пентагон создал здесь широкую сеть военных баз с центром на острове Диего-Гарсия. Вашингтон во всеулышание объявил этот огромный регион, где проживает миллиард человек — четверть населения земного шара, — сферой своих «жизненных интересов». К настоящему времени США создали в Индийском океане и Персидском заливе 30 военных баз, сосредоточили здесь 1500 боевых самолетов, 800 кораблей и большой контингент интервенционистских «сил быстрого развертывания».

Планирование и руководство операциями американских вооруженных сил в Индийском океане и Персидском заливе возложено на Сентком. Последний занимается также разработкой мероприятий, связанных с осуществлением в регионе американской программы милитаризации космоса. Создание в бассейне Индийского океана и Персидском заливе плацдарма Пентагона вызывает серьезную обеспокоенность не только прибрежных государств, но и подавляющего большинства стран — членов ООН.

На Дальнем Востоке планируется создание крупномасштабной военной структуры, костяком которой будет служить «треугольник» Вашингтон — Токио — Сеул. Строятся планы размещения здесь, а также в Южной Азии ракетно-ядерных вооружений средней дальности (в частности «першингов» и «томагавков»). Таким образом, эти регионы и субрегионы постепенно превращаются Пентагоном в плацдармы потенциальных ядерных конфликтов.

Весной нынешнего года Пентагоном были проведены на Корейском полуострове крупнейшие военные маневры «Тим Спирит-85». Этой крупномасштабной акции, имевшей характер подготовки к ведению боевых действий в Восточной Азии, предшествовала операция по сосредоточению и развертыванию здесь 200-тысячной армии (американские и южнокорейские части и соединения), вооруженной всем необходимым для ведения войны, в том числе ядерной. Действия США, связанные с учениями «Тим Спирит-85», отмечала японская газета «Акахата», практически вовлекают Японию в рамки пресловутого милитаристского «треугольника» Вашингтон — Токио — Сеул. Этот вывод сделан газетой на том основании, что значительную часть сил,

участвовавших в маневрах «Тим Спирит-85», составлял контингент американских войск, переброшенных в зону маневров с военных баз на Японских островах.

Империализм США интенсивно вооружает Пакистан, фактически превращая его в свою опору в регионе, составное звено «оборонительного союза», который замышляет Вашингтон сколотить в Южной Азии и регионе Персидского залива. Пентагоном планируется размещение на территории Пакистана американского ракетно-ядерного оружия.

Немало усилий прилагают силы империализма, чтобы столкнуть Республику Индию с ее традиционного курса позитивного нейтралитета, дестабилизировать внутреннее положение в этой стране, нарушить дружественные отношения Индии с Советским Союзом и другими странами социализма.

Под все усиливающимся нажимом США все более проявляется милитаристская направленность в политике правящих японских кругов. Япония все теснее солидаризируется с блоком НАТО, все активнее участвует в стратегических планах американской администрации в отношении Азиатско-тихоокеанского региона.

По своему географическому положению Страна восходящего солнца весьма удалена от Западной Европы. Но достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, в чем могут сойтись военно-стратегические интересы Японии и НАТО. Между ними лежит территория Советского Союза, стран социалистического содружества. Именно эту «общность» имел в виду начальник управления национальной обороны Японии Курихара, когда заявлял, что Япония и европейские члены НАТО не только являются союзниками Соединенных Штатов, но и непосредственно соприкасаются с Советским Союзом на Дальнем Востоке и в Центральной Европе. Как раз этим мотивировалось и его предложение наладить между НАТО и Японией обмен военной информацией об СССР.

Несколько лет назад отношения между Вашингтоном и Токио были впервые официально охарактеризованы как «союз», и с тех пор все очевиднее становится стремление правящих кругов США приравнять американско-японский «договор безопасности» к Североатлантическому пакту, и, стало быть, возложить на Японию такие же военные обязательства, какие несут западноевропейские члены НАТО. Примечательно, что вопрос о «натоизации» Японии возник именно в то время, когда США вознамерились обрести на японской земле такую же свободу действий, как, скажем, в ФРГ, Англии или Италии, невзирая на какие-либо оговорки вроде «трех безъядерных принципов».

Налицо дальнейшее втягивание Токио в глобальную стратегию Вашингтона. Вашингтон открыто заявляет, что краеугольным камнем военных усилий в указанном регионе служит альянс США — Япония. Очевидно, что американско-японский «союз» направлен против интересов СССР, других стран социализма, против интересов других стран Азии.

Интенсивное вооружение южнокорейского режима, сколачивание милитаристско-политического «треугольника» Вашингтон — Токио — Сеул являют собой звенья в процессе создания так называемой американско-японской «системы безопасности». Натовские стратеги имеют также планы включить в эту систему страны АСЕАН и Тайвань.

Проводя линию, враждебную делу мира, национальной независимости и социального прогресса народов, империалистические и гегемонистские круги препятствуют налаживанию добрососедских отношений между социалистическими странами Индокитая и странами — членами АСЕАН.

Военные ведомства Соединенных Штатов и Таиланда, как сообщила бангкокская «Нэйшн ревью», рассматривают вопрос о создании на территории этой страны пентагоновских складов оружия и военного снаряжения «на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств». Цель данной затеи очевидна: после поражения в Индокитае американский империализм не отказался от планов проникновения в Юго-Восточную Азию, объявленную «сферой жизненных интересов» США. В качестве предлога для вмешательства в дела суверенных государств Индокитае Соединенные Штаты используют так называемую «кампучийскую проблему» и миф об «угрозе» со стороны Вьетнама Таиланду. Из года в год растет военная помощь США Бангкоку.

В азиатской политике США важное место занимают планы превращения АСЕАН в военный блок или присоединения этой ассоциации к проектируемому США «Тихоокеанскому сообществу». Милитаристская политика США и Японии в ЮВА — серьезная угроза миру и безопасности в регионе Азии, международному миру и безопасности.

Стратегия в интересах человечества

В современной международной обстановке особенно велика ответственность мирового социализма за сохранение мира, за предотвращение ядерной катастрофы. Социализм, с первых своих шагов начертавший на своем знамени слово «Мир», противопоставил империалистической политике иной тип международных отношений, базирующихся на принципиально новом подходе к межгосударственным проблемам. Неотъемлемую часть этого подхода составляет ленинская концепция мирного сосуществования государств, независимо от их общественного строя.

В сложной современной международной обстановке мировое коммунистическое и рабочее движение выдвинуло своей первоочередной задачей предотвращение новой мировой войны, особенно ядерной. Растущее участие организаций рабочего класса в антивоенном движении придает ему массовость, организованность и действенность. Решающий вклад в предотвращение ядерной войны вносит социалистическое содружество. Впервые в мировой истории борьба против военной опасности стала делом не только общественных сил, не только Советского государства, но и целой группы государств. В этом социализм видит свой главный долг перед человечеством на современном этапе его истории.

Сознание такого долга лежит в основе всей внешнеполитической деятельности стран социалистического содружества. Чрезвычайное значение с этой точки зрения имеет то, что созданный в СССР ракетно-ядерный потенциал удерживает «ястребов» в США от военных авантур. Объединенная военная мощь государств — участников Варшавского Договора не только обеспечивает их собственную безопасность, но и служит опорой мира в Европе, и не только в Европе.

Вместе с тем СССР, другие страны социалистического содружества делают все возможное для того, чтобы повернуть вспять гонку вооружений, добиться разрядки международной напряженности, положить начало процессу разоружения. Советское государство, советский народ всеми своими делами и помыслами устремлены к сохранению и упрочению мирных условий для созидательного труда.

В области внешней политики курс Советского Союза ясен и последователен. Как было отмечено на мартовском (1985) Пленуме ЦК КПСС, это — курс мира и прогресса.

Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде КПСС, последующих Пленумах ЦК нашей партии была и остается неизменной. Это

означает, что всеми своими помыслами и делами Страна Советов и впредь будет устремлена к мирному созидательному труду.

Главные вехи внешнеполитической линии КПСС и Советского государства определены еще В. И. Лениным, его историческим Декретом о мире. Социализм — это мир. Политики иного содержания у него быть не может. Он готов к соревнованию двух систем и докажет свои преимущества, но докажет не силой оружия, а силой примера во всех областях жизнедеятельности общества. Чем выше роль и влияние социализма на земном шаре, тем перспективнее «дело уничтожения войн», — дело, о котором говорил В. И. Ленин.

Беречь и всемерно укреплять братскую дружбу с нашими ближайшими соратниками и союзниками — странами великого социалистического содружества — первая заповедь КПСС и Советского государства во внешней политике. Важное значение имеет общая решимость и впредь совершенствовать всестороннее политическое взаимодействие, экономическое, идеологическое и иное сотрудничество, которая была выражена 13 марта сего года в ходе встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с главами партийно-государственных делегаций государств — участников Варшавского Договора. Было подчеркнуто, что в условиях сложной международной обстановки укрепление единства и сплоченности братских стран, усиление координации их действий на международной арене приобретают особое значение. Большой резонанс в мире вызвало авторитетное заявление на мартовском (1985) Пленуме ЦК КПСС о том, что мы хотели бы серьезного улучшения отношений с Китайской Народной Республикой и считаем, что при наличии взаимности это вполне возможно.

В борьбе за мир и социальный прогресс партия Ленина как всегда будет тесно сотрудничать с братскими коммунистическими, рабочими, революционно-демократическими партиями, выступать за единство и активное взаимодействие всех революционных сил. Советские люди солидарны с героической борьбой народов, отражающих «необъявленные войны» и неоколониалистский натиск империализма. Неизменны наши симпатии к странам Азии, Африки и Латинской Америки, которые идут по пути укрепления независимости и социального обновления. Это наши друзья и партнеры в борьбе за прочный мир, за лучшие, справедливые международные отношения.

На мартовском совещании глав партийно-государственных делегаций стран — участниц Варшавского Договора они подтвердили решимость добиваться устранения угрозы ядерной войны, принятия действенных мер в области разоружения, прежде всего ядерного, недопущения милитаризации космоса. Это — истинно общая программа действий для всех государств, стремящихся к миру. В борьбе за прочный мир, за лучшие, справедливые отношения между народами на стороне социалистических государств есть друзья и партнеры — страны Азии, Африки и Латинской Америки, идущие по пути укрепления независимости и социального обновления. СССР, другие страны социалистического содружества готовы к практическому партнерству в защите всеобщего мира и с капиталистическими государствами. Только общие усилия способны обеспечить мир и безопасность народам.

В Советском Союзе понимают, сколь глубоки идеологические противоречия, разделяющие социализм и капитализм. Вместе с тем КПСС, Советское государство уверены в том, что эти противоречия не должны переноситься на межгосударственные отношения. В этих отношениях необходимо придерживаться общепризнанных норм — равноправия, уважения суверенитета и независимости всех стран, невмешательства в их внутренние дела, необходимо проводить курс на сотрудничество в интересах обеспечения мира, развития взаимопользительных контактов в разных областях.

СССР — за продолжение процесса разрядки. Важная предпосылка успеха в этом деле — прекращение гонки вооружений на Земле, недопущение ее распространения на космос. Из этого принципа исходила и исходит советская делегация на начавшихся 12 марта этого года в Женеве советско-американских переговорах.

Миролюбивая политика Страны Советов еще раз подтверждает, что коренные цели и принципы социализма в конечном счете выражают глубокие интересы всего человечества. Стратегия КПСС, Советского государства — в интересах советских людей, всего человечества, политика Советского Союза полностью созвучна этим справедливым чаяниям, а его усилия прямо направлены на то, чтобы воплотить их в реальность. Задачей задач на этом пути является выработка эффективных договоренностей для предотвращения гонки вооружений в космосе и ее прекращения на Земле.

Позиция Советского Союза четка и ясна. Наша страна последовательно выступает за то, чтобы вести дело к укреплению международной безопасности, недопущению вывода оружия в космос, запрещению использования силы в космосе и из космоса в отношении Земли, а также с Земли в отношении объектов в космосе. Ударные космические вооружения, основанные на любых принципах действия и любых видов базирования, не должны создаваться, испытываться и развертываться ни для использования в космосе, ни для использования из космоса против целей на Земле, в воздухе и на море. Уже созданные такие средства должны быть уничтожены. При кардинальном решении проблемы предотвращения гонки вооружений в космосе открылся бы путь к существенному снижению на взаимной основе уровня ядерного противостояния вплоть до полной ликвидации ядерного оружия. Разумеется, при строгом соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности.

Во всех странах приветствуют тот факт, что ныне имеется возможность для серьезного и плодотворного рассмотрения этих вопросов. Она объективно открыта договоренностью о цели и предмете проходящих в Женеве советско-американских переговоров. В ней заложена правильная, по сути дела, единственно возможная в существующих условиях схема решения проблемы ядерных и космических вооружений. Сейчас нельзя ограничить, а тем более сократить ядерные вооружения, не приняв эффективных мер, исключающих милитаризацию космоса. Взаимосвязь эта органическая, и она четко зафиксирована в известном совместном советско-американском заявлении.

Другой принципиальный момент состоит в том, что конечным итогом усилий сторон в области ограничения и сокращения вооружений должна быть полная ликвидация ядерного оружия. Для нашей страны с присущим ей миролюбием, отсутствием каких-либо групп, наживающихся на гонке вооружений, — это не проблема, напротив, — давно желанная цель. За уничтожение атомного оружия Советский Союз последовательно и настойчиво выступает с момента его появления. Что же касается Соединенных Штатов, то они до последнего времени уклонялись даже от бесед на тему полной ликвидации ядерных арсеналов.

Понятно, как важна выработанная основа ведения переговоров. Она позволяет вести их серьезно, целеустремленно. Предстоит большая и нелегкая работа. Но существующие сложности преодолимы. Нужны добрая воля, готовность к разумным компромиссам, строгое соблюдение принципа равенства и одинаковой безопасности. У Советского Союза все это есть. Дело — за Вашингтоном.

К сожалению, некоторые обстоятельства не могут не настораживать. Разогнанный американский конвейер вооружений не сбавляет скорости. Представители администрации ратуют за осуществление пресловутой концепции «стратегической оборонной инициативы», хотя ни-

какими потоками слов не закамуфлировать ее агрессивную сущность. Программа «звездных войн» — это попытка обрести для США возможность нанести ядерный удар в расчете на безнаказанность, прикрывшись противоракетным космическим «щитом» от возмездия. Налицо все тот же курс на достижение решающего военного превосходства американского империализма со всеми вытекающими отсюда опасными последствиями для дела мира и свободы народов. Советский Союз решительно против этой концепции и таких планов.

Сколько раз в Соединенных Штатах уже совершали серьезнейший просчет, принимая нашу искреннюю заинтересованность в прекращении гонки вооружений за признак слабости и форсируя новые военные программы. Сейчас кое-кто трактует подобным образом и советский призыв к отказу от милитаризации космоса. Не пора ли понять: СССР так остро выступает против распространения гонки вооружений на космос не потому, что не сможет ответить на эти планы Вашингтона. Если нас вынудят, мы, как уже не раз в прошлом, сделаем все необходимое, чтобы оградить свою безопасность, а также безопасность наших союзников.

Человечество кровно заинтересовано в разрядке, мире. А милитаризация космоса неминуемо вела бы к возрастанию военной угрозы, стала бы катализатором бесконтрольной гонки вооружений по всем направлениям. Никого не убаюкать пропагандой о том, будто космические планы США безобидны, рассчитаны на «оборону» и вообще «пока что» сводятся к чисто научным исследованиям. История тревожно напоминает о том, как в свое время научный проект «Манхэттен» обернулся для жителей Хиросимы и Нагасаки атомным адом. Не допустить, чтобы новая грозная опасность для человечества пришла теперь из космоса, — веление времени, разума.

Народы с признательностью и надеждой воспринимают конструктивную линию Советского Союза в кардинальных вопросах, от решения которых зависит само будущее человеческой цивилизации. Твердый курс КПСС и Советского государства на обуздание гонки вооружений, на мирный путь единодушно одобряют и горячо поддерживают все советские люди. Вместе со всем миролюбивым человечеством они требуют устранить ядерную угрозу, сохранить мирный космос на благо всех людей Земли.

Содружество социалистических стран сорвало расчеты империалистов на экономическое истощение социализма. За последние годы страны содружества еще дальше продвинулись в своем социально-экономическом развитии, и экономически они становятся все менее уязвимы для воздействия извне. Страны содружества не допустили, чтобы США и их союзники нарушили в свою пользу военно-стратегический паритет.

Стержень советской внешней политики сегодня — это борьба за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, за устранение угрозы мировой ядерной войны. Советский Союз не стремится к получению каких-либо односторонних преимуществ перед США, перед странами НАТО, к военному превосходству. СССР хочет жить с ними в мире, поддерживать нормальные, добрые отношения. Страна Советов выступает за прекращение гонки вооружений, именно поэтому ставит вопрос и о таких первоначальных шагах, как замораживание ядерных арсеналов сторон, прекращение дальнейшего развертывания ракет. Нельзя использовать Женевские переговоры для оправдания, маскировки дальнейшего наращивания и развертывания средств массового уничтожения — это был бы обман народов, преступление перед человечеством. СССР предлагает всерьез и на деле сократить накопленные вооружения, уничтожить для начала значительную их часть, а не идти дорогой, которая ведет планету к катастрофе: дорогой созда-

ния все новых и новых систем оружия и в космосе, и на Земле, систем наступательных или якобы оборонительных. Конечная цель советской внешней политики, как ее видит в этом аспекте Страна Советов, — полное уничтожение ядерного оружия повсюду на планете — и на Земле, и над Землей, то есть полное устранение угрозы ядерной войны. На Женевских переговорах еще велики расхождения по важнейшим вопросам обеспечения на нашей планете мира и безопасности стран и народов, ликвидации угрозы ядерной войны на Земле и в космосе. Но договоренность абсолютно необходима и вполне возможна.

Мирное наступление

Человечество переживает переломный момент своей истории. Важнейшие вопросы его бытия зависят от того, куда повернет ход событий, удастся ли найти пути к оздоровлению международной обстановки, будут ли решены проблемы — как не допустить переноса гонки вооружений в космос, как затормозить этот чреватый катастрофой процесс на Земле. Планета стоит перед дилеммой: или мир и далее будет катиться по наклонной, в пропасть гонки вооружений и апокалипсиса ядерной войны, или человечество победит в исторической битве за мир, и цивилизация на планете, сама жизнь на Земле будут сохранены.

Битва за мир на Земле, за предотвращение ядерной катастрофы, которую стойко и последовательно ведут СССР, другие страны социалистического содружества, отвечает жизненным интересам и чаяниям всех стран и народов, подавляющего большинства человечества. Не случайно такое широкое понимание и поддержку находит принципиальная политика Страны Советов. Эта политика направлена на создание климата доверия, на утверждение принципов мирного сосуществования, она содержит настоятельный призыв к США отрешиться от авантюристических и бессмысленных расчетов на военное превосходство, на призыв встать на путь реализма.

СССР готов честно пройти свою часть пути к взаимоприемлемой договоренности. Дело за аналогичной готовностью другой стороны уважать права и законные интересы безопасности друг друга, не стремиться к нарушению сложившегося равновесия сил, воздержаться от любых шагов, идущих вразрез с целями переговоров. Свидетельством авторитета и притягательной силы внешней политики СССР может служить высказывание газеты «Вашингтон пост», которая отмечала на днях, что «Советский Союз, судя по всему, разворачивает новое мирное наступление» и что представители НАТО, по их словам, «поражены шквалом выдвигаемых русскими инициатив». Сознвая свою ответственность за будущее человечества, СССР считает, что сложная ситуация в мире требует неотложных действий, практических мер по ее оздоровлению, созданию благоприятного международного климата.

Наша страна предложила, чтобы СССР и США ввели на весь период женевских переговоров мораторий на создание (включая научно-исследовательские работы), испытания и развертывание ударных космических вооружений, заморозили свои стратегические наступательные вооружения. Одновременно должны быть прекращены развертывание американских ракет средней дальности в Европе и, соответственно, наращивание советских ответных мер. Демонстрируя добрую волю, наша страна ввела в одностороннем порядке до ноября текущего года мораторий на развертывание своих ракет средней дальности и приостановила осуществление других ответных мер в Европе. Дальнейшее будет зависеть от того, как поступят Соединенные Штаты. Пока же завершившийся первый этап женевских переговоров показал, что США держат курс не

на договоренность с Советским Союзом. Они нарушают достигнутое ранее согласие сторон о взаимосвязи трех направлений диалога. Такая линия Вашингтона, преследующая старую цель — добиться доминирующего положения в мире, — бесперспективна.

Опасность ядерной войны с ее неизбежно губительными последствиями для современной цивилизации привела к вовлечению в борьбу за мир огромных масс людей во многих странах и на всех континентах. Все более широкие массы ищут пути влияния на развитие международных отношений в духе противодействия гонке вооружений. Активизация антиядерных выступлений народных масс превращает это движение в важный фактор мировой политики. Антивоенное движение ограничивает возможности империализма проводить авантюристическую политику на мировой арене.

Последние годы борьба между силами войны и силами мира стала особенно острой. Никогда не имели столь массового характера антивоенные движения, никогда массы не действовали столь активно и самоотверженно, как ныне. Различной была их идейная ориентация, подчас они действовали стихийно и разрозненно, без координации, столь необходимой для успеха борьбы. Но так же, как из капель складываются ручьи, из ручьев реки, а реки пополняют океан, так и антивоенные организации и движения, старые и новые, более опытные и менее опытные, в конечном итоге превратились в великую силу, с которой не могут не считаться самые горячие головы из лагеря сил войны.

Что касается движений сторонников мира Советского Союза и братских социалистических стран, то они, активно участвуя вот уже более 35 лет в движении глобального масштаба, возглавляемом Всемирным Советом Мира, стали в эти годы еще более массовыми, а их деятельность еще более целеустремленной. Воодушевляющим документом для них является выработанная XXVI съездом КПСС Программа мира на 80-е годы.

Объективный анализ показывает, насколько лживыми оказались пророчества деятелей НАТО о «закате» антивоенного движения после начала размещения новых американских ядерных ракет в Европе. Повсюду встречаются растущую поддержку требования немилитаризации космического пространства; ограничения и сокращения ядерных вооружений; отказа ядерных держав от применения ядерного оружия первыми; замораживания ядерных вооружений; запрещения испытаний всех видов оружия массового уничтожения и прекращения их разработки и производства; создания безъядерных зон в Европе и в других регионах планеты. Эти требования одобрены рядом международных форумов сторонников мира самой разной, а подчас и диаметрально противоположной идеологической окраски. Они являются платформой для действий множества национальных антивоенных организаций и движений на разных континентах.

В Дели состоялась встреча глав государств и правительств шести неядерных стран, представляющих различные районы земного шара. Руководители шести стран приняли совместный документ — Делийскую декларацию. В ней содержится призыв к народам, парламентам и правительствам всего мира принять срочные меры, чтобы положить конец гонке ядерных вооружений.

* * *

В Москве весной этого года состоялась сессия Президиума Всемирного Совета Мира. Четыреста представителей различных общественных и других организаций, освободительных движений более ста стран участвовали в этом международном форуме. Обсуждены актуальнейшие проблемы современности, вопросы усиления борьбы за мир, за

ликвидацию существующих очагов военной напряженности, содействие усилиям государств, освободившихся от колониальных пут, в утверждении их суверенитета.

Большой резонанс вызвали единодушно принятые документы сессии: Декларация Президиума Всемирного Совета Мира в связи с 40-летием Великой Победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией и Призыв к народам мира возвысить голос в могучей всемирной кампании против милитаризации космоса.

Снова наглядно подтверждено: расхождения в политических, идеологических и других взглядах тех, кто идет в рядах антивоенных движений, не мешают им действовать вместе, сообща, во имя защиты самого ценного, что есть на земле, — права на мирную жизнь.

Над человечеством нависла страшная опасность, говорится в Призыве участников сессии Президиума Всемирного Совета Мира к народам мира, сама жизнь на нашей планете поставлена под угрозу. Непрекращающиеся усилия США по реализации программы «звездных войн» угрожают сорвать эти переговоры. Участники сессии Президиума Всемирного Совета Мира призывают все движения и организации, народы и правительства, выступающие за мир и предотвращение ядерной войны, возвысить свой голос во всемирной кампании против милитаризации космоса, остановить подготовку «звездных войн», обеспечить успех переговоров в Женеве. Это — стержневая проблема современности, ключевая задача мировой политики.

Коммунистическая партия Советского Союза непоколебимо верна ленинскому курсу внешней политики. Именно с таким основным выводом восприняли за рубежом итоги состоявшегося в Москве 23 апреля Пленума Центрального Комитета КПСС наши единомышленники, братья и союзники, все те, кому дорого дело социализма, свободы, демократии.

Вновь были подтверждены крупные мирные инициативы СССР на встрече высших партийных и государственных деятелей стран — участниц Варшавского Договора. Выступая в Варшаве, товарищ М. С. Горбачев сказал: «Сегодня мы обращаемся ко всем государствам Европы и других континентов с призывом возвыситься над разногласиями, стать партнерами в борьбе с новой, угрожающей всему человечеству опасностью, — опасностью ядерного истребления».

«Учитывая высокую миссию всех государств, их парламентов и правительств в сохранении всеобщего мира, — говорится в Обращении Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «К народам, парламентам и правительствам всех стран», — сознавая ответственность за судьбы мира и человечества, Советский Союз обращается ко всем народам, парламентам и правительствам с призывом прислушаться к голосу разума, активными совместными действиями остановить сползание в бездну ядерной катастрофы, преградить путь новой войне...».

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Решающий вклад СССР в разгром фашистско-милитаристского блока

А. И. БАБИН,
*доктор исторических наук,
профессор,
генерал-майор*

Весна и осень 1945 г. вошли в историю как время полного разгрома фашистской Германии и краха милитаристской Японии, выступивших главными зачинщиками второй мировой войны, самой кровопролитной войны в истории человечества. Достигнутая в жестокой вооруженной борьбе Победа над германским фашизмом и японским милитаризмом явилась событием величайшего исторического значения. Она оказала глубокое воздействие на дальнейший ход мирового развития. стала важным рубежом в судьбах всего человечества.

Длившаяся 6 лет вторая мировая война охватила почти все континенты, втянула в свою орбиту 61 государство с населением 1,7 млрд. человек, что составило около 70 % всего населения нашей планеты. По своему размаху, напряженности, разрушительной силе, по вовлеченным в нее силам и техническим средствам, по последствиям, к которым привела вторая мировая война, она не имеет себе равных в истории. Военные действия происходили на большей части земного шара, по основная вооруженная борьба развернулась в Европе, на значительной части Азиатского континента, в Восточной и Северной Африке, в акваториях Атлантического, Тихого, Северного Ледовитого и Индийского океанов. Ареной боевых столкновений стала территория 40 государств общей площадью 22 млн. км². Война потребовала мобилизации огромных людских и материальных ресурсов и затронула все сферы жизни народов и государств. В вооруженные силы было призвано более 110 млн. человек.

Победа над фашистско-милитаристским блоком была достигнута общими усилиями народов и армий коалиции государств, отстаивавших справедливые, освободительные цели в этой войне. Однако реальный вклад различных стран в Победу был неодинаков. Основными его критериями служат достигнутые результаты, и прежде всего политический, экономический и военный ущерб, нанесенный противнику в ходе войны, количество разгромленных и захваченных в плен частей и соединений, уничтоженной военной техники.

Исходя из этого, не подлежит сомнению, что именно СССР, руководимые Коммунистической партией советский народ и его Вооруженные Силы вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с блоком фашистских государств.

«Нанеся сокрушительное поражение врагу, — говорится в постановлении Центрального Комитета КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии отстаивали свободу и независимость социалистической Родины, защитили дело Октября. Они внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с че-

стью выполнили свой патриотический и интернациональный долг. В этом их величайшая заслуга перед человечеством»¹.

Каковы же конкретные слагаемые этого вклада в Великую Победу?

* * *

22 июня 1941 года... Эта дата никогда не изгладится из памяти советского народа. На рассвете дня гитлеровская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны, обрушила на Советский Союз удар огромной силы. Мощные группировки сухопутных войск германской армии перешли в наступление на фронте от Балтики до Карпат. Одновременно начались бои южнее Карпат вдоль советско-румынской границы до Черного моря. Вместе с фашистской Германией в войну против СССР вступили Италия и Румыния, а через несколько дней — Венгрия, Финляндия и Словакия². Началась Великая Отечественная война советского народа.

Вступление СССР в военные действия против фашистского агрессивного блока коренным образом изменило военно-политическую обстановку в мире, ознаменовало новый этап мировой войны, изменило ее характер. «Социальный характер войны, ее истинное значение... — отмечал В. И. Ленин, — определяется тем, *какую политику* война продолжает («война есть продолжение политики»), *какой класс* в каких целях войну ведет»³. В войну была вовлечена могучая, самая передовая в мире социалистическая держава, занимавшая шестую часть территории земного шара с населением около 200 млн. человек, располагавшая огромным военно-экономическим потенциалом и крупными вооруженными силами. С началом Великой Отечественной войны Советского Союза развернулось вооруженное противостояние социалистического государства с ударными силами мировой реакции, которое носило ярко выраженный классовый характер. Гитлеровские захватчики покушались на свободу и независимость народов СССР, угрожали их социальным завоеваниям, воплощаям надежды и чаяния трудящихся всего мира. Поэтому борьба советского народа против немецко-фашистских захватчиков была справедливой войной в защиту социалистического Отечества, достижений в строительстве социализма, мировой цивилизации и социального прогресса. Одновременно советские люди выполняли свой интернациональный долг — оказывали братскую помощь трудящимся стран, ставших жертвами фашистской агрессии.

Борьба Советского Союза стала решающим фактором коренного изменения политического содержания второй мировой войны, являвшейся с самого начала империалистической, несправедливой с обеих сторон, выхода войны за рамки одной общественно-экономической формации, превращения ее в справедливую, освободительную со стороны стран антифашистской коалиции.

Именно Советский Союз стал тем военно-политическим центром, вокруг которого было осуществлено формирование широкой коалиции государств, отстаивавших в ходе мировой войны справедливые цели. 1 января 1942 г. 26 стран, в их числе СССР, США (начавшие военные действия в декабре 1941 г. сначала против Японии, а затем и против Германии с Италией), Англия, Китай подписали декларацию об объединении военных и экономических ресурсов для разгрома фашистского блока⁴. Сам факт появления такого военно-политического союза явился свидетельством провала расчетов фашистского руководства на

¹ «Правда», 17.VI.1984.

² См.: Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с. 118.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 196—197.

⁴ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, М., 1980, с. 477—478.

международную изоляцию СССР. В нем нашел свое подтверждение ленинский вывод о том, что и при империализме в определенных условиях и при действии некоторых факторов одни капиталистические государства могут вести справедливую войну против других капиталистических государств⁵.

Роль и место советско-германского фронта, ставшего главным фронтом второй мировой войны, в военном противоборстве коалиций определялись решительностью и бескомпромиссностью политических и стратегических целей вооруженной борьбы, ее размахом, напряженностью и активностью, достижением наиболее важных военно-политических результатов, решающим влиянием на ход военных действий на других фронтах и международную обстановку во всем мире.

Целью стратегии фашистской Германии и ее сателлитов были разгром Вооруженных Сил СССР и сокрушение Советского государства. Этому была подчинена вся подготовка вооруженных сил агрессора. Ни на один из фронтов второй мировой войны не было брошено столько сил и средств вермахта, сколько на советско-германский фронт. Здесь в жестоком противоборстве столкнулись две основные военные силы: Советская Армия, созданная для защиты завоеваний социализма, и гитлеровский вермахт — ударный кулак империалистической агрессии. От исхода их вооруженной борьбы зависел дальнейший ход второй мировой войны в целом, зависела судьба человечества.

В составе армии вторжения, совершившей нападение на Советский Союз, насчитывалось 190 дивизий и 4 воздушных флота — 5,5 млн. солдат и офицеров, более 47 тыс. орудий и минометов, около 4,3 тыс. танков и штурмовых орудий, почти 5 тыс. боевых самолетов.⁶ На Советский Союз напал агрессор, который к июню 1941 г. уже захватил одну за другой многие страны Европы: за 35 дней была разгромлена буржуазная Польша, за сутки пала Дания, были оккупированы Норвегия, Бельгия, Голландия и Люксембург. Французская армия сопротивлялась всего 44 дня. Нацисты захватили ряд стран на Балканах. Потерпела крупное поражение английская экспедиционная армия, которую командование поспешило эвакуировать на Британские острова, подверглись бомбардировкам Лондон и другие английские города⁷. Эти поражения явились сущностью мюнхенского сговора, осуществив который в СССР попытались некоторые буржуазные государства. В этом мире, по существу, не оказалась силы, которая могла бы противостоять агрессору.

В первые недели и месяцы войны против СССР в генеральном штабе вермахта также царил оптимизм и удовлетворенности и благодушие. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер не без удовлетворения начал в своем дневнике, что Вильнюс и Каунас взяты немецкими войсками 24 июня, именно в тот самый день, когда они были заняты Наполеоном в 1812 г. Это порождало у гитлеровских генералов надежду, что и Смоленск будет занят так же быстро, как это удалось Наполеону, а Москва (что означало бы, по их мнению, поражение всего Советского государства) падет, как о том в свое время мечтал Вильгельм II, «до осеннего листопада». «Фюрер считает, — писал Гальдер 30 июня 1941 г., — что в случае достижения Смоленска в середине июля пехотные соединения смогут занять Москву... в августе»⁸. 4 июля Гитлер торжественно заявил: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл»⁹.

⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 5—8, 81, 84.

⁶ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 12, М., 1982, с. 216—217.

⁷ См. там же, с. 33—34, 23.

⁸ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1. М., 1971, с. 66.

⁹ «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы. М., 1967, с. 258.

Несмотря на первоначальные успехи, достигнутые за счет внезапности и вероломства фашистского вторжения, войска Германии и ее сателлитов так и не смогли добиться осуществления поставленных целей. Ослабленные в результате героического сопротивления воинов Советской Армии, всего советского народа на фронтах вооруженного противоборства, они были остановлены под Москвой и потеряли там первое во второй мировой войне крупное поражение.

Героизм и самоотверженность защитников Брестской крепости, обороны Одессы, Севастополя, Киева, мужество и боевое мастерство советских воинов, стоявших насмерть у осажденного Ленинграда и на подступах к Москве, героизм тружеников тыла — эти факты стали известны всему миру, они свидетельствовали о могучем патриотическом подъеме, охватившем весь советский народ с первых же, самых трудных дней войны и не оставлявшем его вплоть до окончательной Победы над агрессором. Эти факты были вынуждены признать и гитлеровские генералы. Вот что, например, записал в своем дневнике 28 июня 1941 г. уже упоминавшийся генерал Гальдер: «Сопротивление... фанатически сражающихся войск противника было очень сильным...»¹⁰ На следующий день Гальдер сделал такую запись: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека»¹¹.

Немецко-фашистской армии был нанесен большой урон в живой силе и боевой технике. Достаточно отметить, что за первые три месяца военных действий на советско-германском фронте гитлеровцы потеряли 500 тыс. человек, в том числе около 18 тыс. офицеров. Это значительно больше, чем количество убитых и раненых немецких солдат и офицеров за все время военных действий на Западном фронте. В некоторых соединениях было выведено из строя до 50 % офицерского состава. Большие потери имелись в военной технике. После Смоленского сражения, в ходе которого в результате действий советских войск противник понес тяжелые потери, резко изменилась обстановка на Московском стратегическом направлении, где 30 июля 1941 г. немецкие войска перешли к обороне¹². С целью отрезать столицу СССР от крупных экономических центров и улучшить снабжение своих войск всем необходимым Гитлер был вынужден сосредоточить усилия на захвате Украины, центральных районов России до Дона, Крыма и Кавказа.

Неутомимая деятельность Коммунистической партии Советского Союза по мобилизации экономических и моральных ресурсов страны привела к срыву этого плана гитлеровского командования. После того как немецко-фашистским войскам не удалось овладеть ни Крымом, ни Кавказом, Гитлер вновь предпринял еще одну попытку наступления на Москву. В ходе ожесточенных боев под Москвой гитлеровские войска были, однако, истощены и полностью утратили свои наступательные возможности. 5 и 6 декабря 1941 г. войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов перешли в контрнаступление, завершившееся крупным поражением немецких войск. Победа советских войск под Москвой развеяла миф о непобедимости вермахта, окончательно похоронила план «молниеносной войны», положила начало коренному повороту в войне. Стратегическая обстановка изменилась в пользу Советской Армии.

К моменту завершения контрнаступления советских войск под Москвой (20 апреля 1942 г.) гитлеровцы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 1,5 млн. человек, или одну треть всего состава сухопутных войск, действовавших на советско-германском фронте, и были отброшены на 150—400 км на запад от Москвы¹³.

¹⁰ Ф. Гальдер. Указ. соч., т. 3, кн. 1, с. 56.

¹¹ Там же, с. 60.

¹² См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 134.

¹³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 12, с. 219. Вторая мировая война. Краткая история, с. 159.

Советская Армия ликвидировала то неравенство в условиях войны, которое сложилось вследствие внезапного нападения. Она убедительно доказала ложность предположений военно-политического руководства фашистской Германии о том, что Советский Союз слаб в военном отношении и не способен вести современную войну, что перед немецкими танками и авиацией Советская Армия не устоит, что советский тыл непроходим и СССР окажется в изоляции на международной арене. Реализуя преимущества социализма, опираясь на прочность тыла, Советская Армия показала себя первоклассной армией. Оценивая ее действия и влияние на ход второй мировой войны, президент США Ф. Рузвельт писал 6 мая 1942 г.: «С точки зрения большой стратегии ясен простой факт — русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»¹⁴.

Поражение под Москвой сорвало планы гитлеровского руководства «решить все континентальные проблемы в Европе» в 1941 г. и после завершения «восточного похода» высвободить силы для действий против Англии, США и колониальных захватов на Ближнем и Среднем Востоке. Выдающаяся победа Советской Армии окончательно ликвидировала угрозу немецкого вторжения в Англию, укрепила позиции сторонников антифашистского курса в США, заставила правящие круги Японии отложить претворение своих планов нападения на СССР на неопределенное время, подняла международный авторитет СССР, способствовала подъему освободительного движения народов оккупированных стран, сплочению антифашистских сил.

Тем не менее из-за отсутствия второго фронта в Европе фашистской Германии удалось не только восполнить потери на Востоке, но и увеличить группировку своих войск, которые к весне 1942 г. почти на 700 тыс. человек превышали численность ударных сил, начавших агрессию против СССР в июне 1941 г.¹⁵ Сосредоточив основную массу войск на юго-западном направлении, противник весной 1942 г. вновь овладел стратегической инициативой, развернул наступление и занял значительные пространства на юге Советского Союза. Однако, как и в 1941 г., главные политические и стратегические цели агрессора — захватить важнейшие военно-экономические центры страны, сокрушить Советскую Армию и вывести СССР из войны — достигнуты не были. В ожесточенных оборонительных сражениях Советская Армия измотала и обескровила группировку врага, остановила его у Волги, предгорий Кавказа и подготовила условия для перехода в контрнаступление. Агрессор оказался не в состоянии завершить ни одной из новых стратегических операций.

Центром военно-политических событий того времени стала для всего мира Сталинградская битва. В оборонительных боях советские войска нанесли противнику огромный урон, а затем в ходе контрнаступления разгромили пять армий гитлеровской коалиции. Всего за время Сталинградской битвы, длившейся более полугода (с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 г.), фашистский блок потерял убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести около 1,5 млн. человек, или четвертую часть сил, находившихся на советско-германском фронте. Катастрофа под Сталинградом, по признанию бывших офицеров вермахта, «затмила все военные трагедии прошлого»¹⁶.

Победа на Волге означала полный и окончательный переход стратегической инициативы к советским Вооруженным Силам. Отныне они диктовали свою волю противнику. За контрнаступлением на Волге последовали удары советских войск на огромном фронте от Северного Кавказа

¹⁴ Цит. по: Вторая мировая война и современность, М. 1972, с. 13.

¹⁵ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 12, с. 220.

¹⁶ История второй мировой войны 1939—1945, т. 12, с. 221.

до Ладожского озера, в результате которых противнику было нанесено крупнейшее поражение. Были созданы условия для массового изгнания врага с советской земли.

Разгром немецко-фашистской группировки под Сталинградом положил начало коренному перелому не только в Великой Отечественной войне, но и во всей второй мировой войне. Изменение соотношения сил на советско-германском фронте, ослабление боевой мощи и падение международного престижа государств «оси», кризис агрессивного блока, начавшиеся поражения и отступления вооруженных сил захватчиков — таков главный политический и военный итог битвы на Волге.

Теряя веру в победу Германии, ее сателлиты начали искать пути установления контактов с союзниками СССР с целью заключения с ними сепаратного мира. Правящие круги Турции отказались от присоединения к фашистскому блоку. Японские милитаристы вновь были вынуждены отложить свои планы нападения на СССР.

Главными событиями летне-осенней кампании 1943 г. стали битвы под Курском и на Днепре. В ходе Курской битвы было разгромлено 30 вражеских дивизий, противник потерял около 500 тыс. солдат и офицеров, огромное количество военной техники. Особенно ощутимыми были потери в танковых войсках и авиации¹⁷. В результате мощного наступления 1943 г. было освобождено почти две трети территории СССР, оккупированной захватчиками.

Битвами под Курском и на Днепре был завершён коренной перелом в Великой Отечественной войне и в целом во второй мировой войне. Однако второй фронт, образование которого намечалось на 1942 г., был открыт лишь в июне 1944 г.¹⁸ По-прежнему основная тяжесть борьбы с общим врагом лежала на плечах советского народа. Так, в конце 1944 г. против Советского Союза действовало 185 дивизий и 21 бригада, тогда как против его западных союзников — всего лишь 74 дивизии и 3 бригады гитлеровцев¹⁹. Тем не менее советские Вооружённые Силы не только освободили советскую территорию от фашистских захватчиков, но и приступили к выполнению интернациональной миссии — освобождению народов европейских стран, в том числе и немецкого, от фашизма. 8 мая 1945 г. гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала.

За период Великой Отечественной войны на советско-германском фронте были разгромлены и пленены 607 дивизий фашистского блока. На долю союзников по антигитлеровской коалиции приходится 176 разгромленных и пленённых дивизий, причём значительно менее боеспособных и, по существу, подвергшихся разгрому в период, когда исход войны был уже предрешён. Из 13 млн. 600 тыс. военнослужащих вермахта, убитых, раненных и пленённых в годы второй мировой войны, 10 миллионов приходилось на советско-германский фронт.

Вынеся основную тяжесть войны на Европейском театре второй мировой войны и сковывая миллионную Квантунскую группировку войск на Дальнем Востоке, Советский Союз способствовал тем самым ускорению достижения перелома в пользу своих западных союзников на Азиатско-тихоокеанском театре военных действий. А на завершающем этапе второй мировой войны СССР внес основной вклад и в достижение победы над милитаристской Японией, которая после капитуляции Германии по-прежнему представляла огромную угрозу. Судя по неоднократным высказываниям американских и английских государственных деятелей, для разгрома милитаристской Японии после победы над фашистской Германией потребовалось бы не менее полутора лет колоссальных военных усилий. Так, по планам военного командования США высадка аме-

¹⁷ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 12, с. 222.

¹⁸ См.: Вторая мировая война. Краткая история, с. 411—412.

¹⁹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 9. М., 1978, с. 531.

риканских войск на главный остров Японии Хонсю намечалась лишь на весну 1946 г. При этом военный министр Г. Стимсон докладывал президенту США, что при высадке в Японии потери только американских войск могут составить более 1 млн. человек. По его мнению, американские войска ожидает «более жестокая битва, чем в Германии»²⁰. В этих условиях комитет начальников штабов США предлагал добиться того, чтобы «изгнанием японской армии с материка занялись русские»²¹.

Правящие круги Японии отчетливо сознавали, что вступление в войну Советского Союза может ускорить ее поражение, и предпринимали чрезвычайные усилия с целью предотвратить выступление СССР. Однако в целях обеспечения безопасности дальневосточных рубежей СССР, прочного мира и справедливости на Дальнем Востоке, ускорения окончания второй мировой войны, оказания помощи трудящимся Восточной и Юго-Восточной Азии в их освободительной борьбе и восстановления исторических прав Советского Союза на территории, ранее незаконно отторгнутые Японией, верное союзническим обязательствам, взятым на Крымской конференции, Советское правительство 8 августа 1945 г. заявило, что Советский Союз с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией.

Вступление СССР в войну против милитаристской Японии, явившееся справедливым актом в защиту интересов Советского Союза и всех стран, которым угрожали японские милитаристы, высоко оценили правительства и общественность США, Англии, Китая и других стран, многие миллионы обездоленных и угнетенных, те, кто долгие годы жил и мечтал об освобождении.

Разгромив в августе 1945 г. в течение 23 дней почти миллионную группировку японских войск в ходе Маньчжурской операции, советские войска вырвали у Японии основные средства дальнейшего ведения войны и заставили ее принять требование антигитлеровской коалиции о безоговорочной капитуляции. Таким образом, вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны в Азии.

Разгромив японскую Квантунскую группировку войск, Советская Армия освободила Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова.

Победа советских войск оказала огромную помощь освободительной борьбе народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

Победа над германским фашизмом и японским милитаризмом, решающий вклад в которую внес советский народ, явилась событием величайшего исторического значения. Великая победа привела к падению реакционных режимов в ряде стран Европы и Азии, созданию мировой системы социализма, способствовала мощному подъему национально-освободительного движения, вызвавшему крушение колониальной системы империализма. Подписание 8 мая в Берлине и 2 сентября в 1945 г. в Токийском заливе Актов о безоговорочной капитуляции главных инициаторов второй мировой войны — фашистской Германии и милитаристской Японии — не только завершающий аккорд многолетней войны, которую вели против фашистско-милитаристского блока страны антигитлеровской коалиции во главе с Советским Союзом, но и яркое свидетельство торжества ленинских идей защиты социалистического Отечества, победы сил прогресса и социализма над силами реакции и фашизма.

²⁰ H. Stimson and Mag. Bundy. On Active Service in Peace and War. New York, 1948, p. 619.

²¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin, 1945, vol. 1. Washington, 1961, p. 905.

* * *

40 лет прошло со времени окончания второй мировой войны. И чем дальше отодвигается от нас этот рубеж в истории человечества, тем ярче высвечивается величие подвига советского народа в этой войне, тем отчетливее вырисовывается тот решающий вклад, который внес Советский Союз в дело вооруженной борьбы с черными силами агрессии и реакции, в позитивное преобразование послевоенного мира.

Во времена второй мировой войны и в первый послевоенный период этот исторический факт никто не подвергал сомнению. Впоследствии же в некоторых кругах недобросовестных аналитиков на Западе стали подвергать ревизии историю второй мировой войны, в частности вопрос о вкладе той или иной страны в разгром фашистско-милитаристского блока. Эта тема стала объектом острой идеологической борьбы.

Реакционная буржуазная историография прилагает все усилия к тому, чтобы принизить роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в достижении общей Победы над врагом и в то же время незаслуженно преувеличить вклад в нее других участников коалиции — речь идет прежде всего о США и Великобритании. Выполняя социальный заказ реакционных империалистических кругов, буржуазные идеологи и историки стремятся во что бы то ни стало добиться подрыва международного авторитета, завоеванного советским народом и его Вооруженными Силами в результате Победы над фашистской Германией и ее сателлитами, внести разлад в содружество социалистических стран, образовавшееся по окончании второй мировой войны, реабилитировать в глазах мировой общественности захватнические планы реакционных империалистических кругов и их современную агрессивную политику, идейно оправдать подготовку империалистов к новой мировой войне против Советского Союза и других социалистических государств.

Реакционные буржуазные историографы, задавшись целью во что бы то ни стало извратить роль Советского Союза во второй мировой войне, прежде всего стремятся принизить до минимума степень его участия в разгроме фашистской Германии, исходя из той позиции, что если уж будет «доказано» это, то не придется говорить и о роли СССР во второй мировой войне в целом. При этом они пытаются доказать, что главную роль в разгроме гитлеровской Германии сыграли США и Великобритания, причем еще якобы до открытия второго фронта, и что коренные изменения во второй мировой войне произошли исключительно благодаря действиям американских вооруженных сил на Тихом океане, в частности в результате сражений за острова Мидуэй и Гуадалканал.

В книге Э. Зимке «От Сталинграда до Берлина» (Вашингтон, 1968) утверждается, например, что еще задолго «до вторжения союзных войск в Норвегию» стратегический вклад западных держав и Советского Союза был приблизительно одинаковым, а силы Германии распределены почти в равной степени между Востоком и Западом.

Т. Дюлуи в 16-томной «Военной истории второй мировой войны», изданной американским издательством «Франклин Уоттс инкорпорейтед», отмечает, что «Германию никогда бы не поставили на колени, если бы стратегическое руководство США и Англии не сумело столь искусно применить морскую силу» и если бы действия американских стратегических бомбардировщиков не оказывали «немедленное и прямое влияние на боевую мощь немецко-фашистских войск».

Г. Коммаджер и Р. Моррис в предисловии к еще одному американскому изданию пишут: «В конечном счете лишь объем американского производства — способность Америки произвести достаточно бомбардировщиков, кораблей, танков, продовольствия и горючего для своих собственных нужд и для нужд Великобритании, России и даже Китая — был

тем фактором, который предопределил перелом в войне»²². То же утверждают С. Сильвестри, К. Хоув и другие буржуазные авторы.

Западногерманские историки Г. Якобсен и Г. Доллингер считают, что решающее влияние на достижение коренного перелома во второй мировой войне оказали семь «поворотных пунктов войны», из которых только один такой «пункт» связывается с действиями советских войск (Сталинград). Американский историк Х. Болдуин считает, что исход мировой войны решили 11 битв («великих кампаний»). Из сражений, выигранных Советской Армией, он называет лишь Сталинградскую битву²³. Но в любых этих вариантах необоснованное предпочтение отдается Тихоокеанскому и Североафриканскому театрам военных действий, а главному — советско-германскому фронту — отводится второстепенное место.

Многие буржуазные историки вообще замалчивают сражение под Москвой, Курскую и другие исторические битвы и стратегические операции, но обязательно упоминают высадку усиленной дивизии американской пехоты на острове Гуадалканал в августе 1942 г., хотя она и имела частное значение, и морское сражение у острова Мидуэй в июне 1942 г., в результате которого, несмотря на поражение японцев, превосходство их флота на Тихом океане ликвидировано не было, а само сражение тем более не оказало серьезного влияния на общий ход второй мировой войны.

Безусловно, война на море и в воздухе нанесла ущерб гитлеровской Германии и особенно Японии. Но исход второй мировой войны решался на сухопутных театрах военных действий. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что имевшая губительные последствия для американских ВМС Гавайская операция Японии (7 декабря 1941 г.) не смогла стать решающим фактором в войне Японии с США и не привела к окончательной победе Японии в этой войне. Стратегия фашистской Германии, и об этом не раз заявляли руководители вермахта, была континентальной. А руководители США, Великобритании, как, впрочем, и Японии, при планировании крупных военно-политических акций всегда отдавали приоритет учету положения Германии. Именно ее, вплоть до капитуляции, США считали врагом номер один²⁴.

Без тесного союза с Германией и Италией милитаристская Япония не смогла бы начать войну против США и Великобритании и овладеть территорией, в несколько раз превышающей ее собственную. В 1941 г. ее военно-промышленный потенциал в 10 раз уступал американскому, уровень развития техники был гораздо ниже, чем в США²⁵. После окончания войны официальная американская комиссия по исследованию результатов стратегических бомбардировок авиации США пришла к выводу, что, начиная военные действия на Тихом океане, высшее военное и политическое руководство Японии рассчитывало на неизбежность разгрома СССР фашистской Германией и быстрый успех своих вооруженных сил. В этих условиях Великобритания была бы обречена на поражение, а США остались бы в одиночестве перед агрессором и им пришлось бы мириться с установлением японского господства на Тихом океане и в Восточной Азии²⁶.

Начальник штаба армии США в период войны генерал Маршалл признавал, что «без успешных действий Советской Армии американские

²² A. Buchanan. The United States and World War II, vol. I. New York, 1964, p. XV.

²³ H. Jacobsen, H. Dollinger. Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten, Bd. 4. München, 1968; H. Baldwin. Battles Lost and Won, Great Campaigns of World War II. New York, 1966.

²⁴ In: R. Coakley, R. Leighton. Global Logistics and Strategy 1943—1945. Washington, 1968, p. 391.

²⁵ In: The United States Strategic Bombing Survey (USSBS). Summary Report (Pacific War). Washington, 1946, p. 27.

²⁶ In: USSBS. The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy, p. 11.

войска были бы не в состоянии противостоять агрессору и война была бы перенесена на Американский континент»²⁷.

Неопровержимые исторические факты свидетельствуют, что советский народ и его армия сумели собственными силами добиться коренного перелома в противоборстве с фашистской Германией, который в то же время явился коренным переломом в ходе всей войны.

На протяжении всей второй мировой войны Советский Союз вынужден был держать на Дальнем Востоке в полной боевой готовности от 15 до 30 % боевых сил и средств Советских Вооруженных Сил²⁸. Это не только обеспечивало, отрывая от советско-германского фронта столь необходимые, особенно в первые годы Великой Отечественной войны, силы, безопасность дальневосточных границ, но и оттягивало на себя миллионную Квантунскую группировку войск, лишая японское командование возможности активно использовать ее для усиления своих войск, действовавших против вооруженных сил США и Англии и на китайском фронте. Так, к концу 1942 г., то есть в самый критический момент для западных союзников на Тихоокеанском театре военных действий, а для СССР — на советско-германском фронте, Советский Союз держал на Дальнем Востоке в противовес Квантунской группировке почти столько войск и боевой техники, сколько США и Англия, вместе взятые, против всех вооруженных сил Японии²⁹.

Япония не могла широко использовать Квантунскую армию для усиления своих вооруженных сил на других фронтах даже в критических ситуациях. С весны 1945 г. Япония вновь приступила к наращиванию численности своих войск в Маньчжурии.

Объективно это оказывало прямую и неоценимую помощь союзникам СССР по антигитлеровской коалиции на всем протяжении войны в зоне Тихого океана. Буржуазная историография при рассуждениях о вкладе США в победу над Японией обычно «забывает» этот немаловажный и постоянно действовавший фактор.

«Забывают» вспоминать об этом и некоторые китайские историки, так же как они «не вспоминают» о том, что благодаря всесторонней помощи со стороны СССР Китаю удалось выстоять в первые годы начавшейся в июле 1937 г. японо-китайской войны и сорвать японский план «блицкрига» в этой стране. Советский народ отдает должное борьбе китайского народа с японскими захватчиками в годы второй мировой войны. Однако локальный характер вооруженной борьбы на китайском фронте не позволяет говорить о сколько-нибудь заметном воздействии происходивших там событий на ход мировой войны ни в один из ее периодов. Именно фактор сдерживания Советскими Вооруженными Силами японской Квантунской группировки позволял китайским войскам обеспечивать на протяжении ряда лет статус-кво на китайско-японском фронте, не давая японцам возможности перейти здесь к более решительным действиям. Лишь после вступления Советского Союза в войну с Японией в августе 1945 г. китайские войска смогли перейти в генеральное наступление.

Характерными приемами американских и других буржуазных фальсификаторов при оценке роли стран антигитлеровской коалиции в разгроме милитаристской Японии являются замалчивание и даже полное отрицание вклада СССР в разгром этого крупнейшего союзника фашистской Германии.

Начало кампании по фальсификации истории войны с Японией было положено еще в разгар «холодной войны» американским президентом Г. Трумэном, заявившим, что Советский Союз не внес «никакого военно-

²⁷ Н. Н. Arnold, Ernest J. King. The War Report of George C. Marshall. New York, 1947, p. 149.

²⁸ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 11, с. 183.

²⁹ См. там же, т. 6, М., 1976, с. 253.

го вклада» в победу над Японией³⁰. Это утверждение долгое время служило исходным пунктом для буржуазных авторов. Стремясь умалить роль СССР, многие из них пытаются доказать, что Япония вынуждена была капитулировать чуть ли не исключительно из-за действий вооруженных сил США, а все остальные союзники внесли лишь «символический» вклад в достижение победы, причем СССР — едва ли не наименьший. Такая же точка зрения протаскивается и через официальные издания. Например, при рассмотрении вопроса о капитуляции Японии вклад Вооруженных Сил СССР в американской энциклопедии вообще не упоминается, а в английской — упоминается лишь вскользь. Напротив, Соединенные Штаты изображаются в виде такого мифического гиганта, который мог «одной рукой вести континентальную войну в Европе, а другой — морскую войну на Тихом океане»³¹.

Факты свидетельствуют о том, что эффективно влиять на судьбы Европы США вместе с другими союзниками смогли лишь после того, как во второй мировой войне уже произошел благодаря СССР коренной перелом. Да и на Тихом океане до 1944 г. американское командование ограничивалось лишь проведением небольших десантных операций. Остальное же время, используя благоприятную передышку, которую им дал, ведя смертельную схватку с фашистским агрессором, Советский Союз, они фактически заново создавали сухопутные войска, наращивая мощь своих военно-воздушных сил, и восстанавливали флот, понесший огромные потери в начале войны с Японией.

То, что замалчивается сейчас, открыто признавалось видными государственными деятелями США в годы войны. В 1944 г. министр внутренних дел Соединенных Штатов Т. Икес писал: «Величайший дар, который русские преподнесли Объединенным Нациям, — это время, без которого Англия не смогла бы даже залечить раны, полученные в Дюнкерке, а Соединенные Штаты не смогли бы развернуть военное производство и создать армии и флоты...»³²

Советские историки не склонны преуменьшать роли Соединенных Штатов, как и других союзников по антифашистской коалиции, в разгроме Японии. Да, действительно, к августу 1945 г. американские войска вышли на ближайшие подступы к Японскому архипелагу. Они сильно ослабили военно-морской флот и авиацию Японии, перерезали коммуникации, связывавшие ее с районами, богатыми стратегическим сырьем, с помощью авиации нанесли ущерб крупным японским городам. Однако им не удалось сломить сопротивление Японии. Даже атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, которым американские историки придают решающую роль в разгроме Японии, не стали причиной принятия японскими правящими кругами решения о капитуляции.

Ход событий кардинально изменился, когда в войну с Японией вступил Советский Союз, чьи вооруженные силы обладали огромным военным потенциалом, богатым опытом ведения войны, отличались высокой идейностью, героизмом и мастерством личного состава. В боевых действиях на стороне СССР приняли участие воины Монгольской Народной Республики. 9 августа на экстренном совещании Высшего совета по руководству войной премьер-министр Японии Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»³³. Известный английский военный историк С. Кирби впослед-

³⁰ The Army Air Force in World War II, vol. 5. Chicago, 1955, p. 512.

³¹ The Encyclopedia Americana, vol. 29. New York, 1970, p. 493; Encyclopaedia Britannica, vol. 23. L., 1973, p. 8021.

³² Цит. по: С. Г. Горшков. Морская мощь государства. М., 1976, с. 182.

³³ К. Иноуэ, С. Окояги, С. Судзуки. История современной Японии. Пер. с яп. М., 1975, с. 263—264.

ствии констатировал: «Решающим фактором, заставившим Японию принять условия Потсдамской декларации, явилось объявление ей войны Россией»³⁴.

С такой оценкой трудно не согласиться. Действительно, вступление СССР в войну с Японией, блестящее проведение Маньчжурской стратегической наступательной операции сыграли решающую роль в достижении победы на завершающем этапе войны с милитаристской Японией. Опровергнуть этот исторический факт не дано никому.

Анализ истории второй мировой войны свидетельствует о том, что именно действия советских Вооруженных Сил против фашистской Германии, милитаристской Японии и их союзников составили главное содержание военного противоборства коалиций и оказались решающим фактором победы стран антигитлеровской коалиции.

³⁴ S. Kirby and others. The War Against Japan, vol. V. The Surrender of Japan. L., 1969, p. 433.

Разгром японского милитаризма: уроки и современность

В. Н. БУНИН,
кандидат исторических наук

9 мая 1985 г. наша страна торжественно встречает знаменательную дату в истории социалистического государства — 40-летнюю годовщину со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вместе с Советским Союзом этот славный юбилей отмечают народы Европы и Азии, которым Красная Армия, разгромившая в победоносном 1945 г. германский фашизм и японский милитаризм, принесла долгожданный мир и освобождение от сковывавших их долгие годы цепей фашистского рабства и кровавых злодеяний японской военщины.

Победа советского народа над гитлеровской Германией и императорской Японией стала возможной благодаря тому, что у руководства страной стояла ленинская Коммунистическая партия. «Своей многогранной деятельностью она обеспечила прочное единство политического, государственного и военного руководства, армии и народа, фронта и тыла. По ее призыву вся страна поднялась на смертный бой с фашизмом. Коммунистическая партия была подлинно сражающейся партией. Коммунисты находились на самых трудных и решающих участках борьбы с врагом. Личным примером, страстным партийным словом они вдохновляли и вели советских людей к победе»¹.

Под сокрушительными ударами Советских Вооруженных Сил фашистская Германия 8 мая 1945 г. подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Однако война на Восточном фронте шла еще полным ходом: Соединенные Штаты Америки и Великобритания продолжали воевать с Японией, и до победы здесь было не близко. Правительства союзных СССР по антигитлеровской коалиции держав при оценке общей военнополитической ситуации исходили из невозможности скорой победы над Японией без участия Советского Союза и уже длительное время настойчиво добивались его вступления в эту войну.

«Было совершенно очевидно, — пишет в своих мемуарах Маршал Советского Союза А. М. Василевский, — что союзники не в состоянии своими силами быстро принудить Японию к капитуляции. Правительства США и Англии хорошо понимали, что исход войны на Тихом океане зависел прежде всего от разгрома сухопутных сил Японии на азиатском континенте. Они справедливо признавали, что для вторжения на японские острова им потребуется армия численностью около 7 млн., а война без вступления в нее Советского Союза продлится не менее 18 месяцев после поражения Германии и потребует огромных жертв»².

Чтобы приблизить долгожданный день полной победы, за три месяца до подписания в Берлине Акта о капитуляции состоялась историческая Крымская конференция трех великих держав — Советского Союза, США и Великобритании. Ее проведение было обусловлено тем, что бое-

¹ «Правда», 17.VI.1984.

² А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, с. 507.

вые действия в Европе с начала 1945 г. уже переместились на территорию Германии и участь гитлеровского рейха была практически предreshена. На конференции наряду с рассмотрением и решением важнейших проблем, связанных с завершением войны против Германии и послевоенным устройством Европы, в частности, были определены сроки вступления Советского Союза в войну против милитаристской Японии.

Участник Крымской конференции, бывший в то время наркомом Военно-Морского Флота, Н. Г. Кузнецов в книге «Курсом к победе» вспоминает, что член американской делегации адмирал Э. Кинг на совещании 6 февраля прямо сказал, что на победу над Японией в 1945 г. рассчитывать не приходится, если не будут изысканы дополнительные ресурсы. Поэтому завершение советских руководителей, зафиксированное 11 февраля 1945 г. в Ялтинском соглашении, о том, что наши войска закончат подготовку к наступлению на Восточном фронте спустя два-три месяца после окончания войны на Западе, по словам автора, очень обрадовало представителей союзных держав³. В документе, в частности, было отмечено, что союзные державы «согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии»⁴.

Для начала военных действий против Японии у СССР было много побудительных причин. Несмотря на памятные уроки событий у озера Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-Гол в 1939 г., милитаристское правительство Японии ждало только случая, чтобы вновь возобновить агрессивные акции против СССР. После подписания в Берлине в сентябре 1940 г. антикоминтерновского «тройственного пакта» между Германией, Японией и Италией, известного как «ось Рим — Берлин — Токио» и направленного против Советского Союза, японский империализм стал еще более авантюристичным. Военные стратеги Токио разрабатывали планы захвата всего советского Дальнего Востока, Сибири и Камчатки. Японские милитаристы создали у границ СССР два плацдарма: Маньчжурский и Курильско-Сахалинский.

Оккупировав Маньчжурию, японцы перебросили туда отборную Квантунскую армию и к осени 1941 г. довели ее численность до 750 тыс. человек. К тому же она подкреплялась еще марионеточными войсками Маньчжоу-Го (180 тыс. человек) и монгольского князя Дэ-Вана (12 тыс. человек). Кроме того, находящиеся в Северном Китае японские войска численностью до миллиона человек в любой момент могли быть переброшены в Маньчжурию. На Курильско-Сахалинском плацдарме находилось 5 японских дивизий, предназначенных для наступательных операций против Советского Союза.

2 июля 1941 г., после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, в Токио состоялась имперская конференция, подробно рассмотревшая военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке, увязав ее с положением в Европе. Конференция приняла так называемую «Программу национальной политики» Японии, в которой указывалось: «Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на духе „оси“ трех держав, мы в настоящее время не будем вмешиваться в нее и сохраним независимую позицию, секретно завершая в то же время военную подготовку против Советского Союза... Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему и обеспечит стабильность положения на Севере»⁵.

В соответствии с этим решением японский генеральный штаб в июле 1941 г. разработал план войны против СССР, зашифрованный под кодо-

³ Н. Г. Кузнецов. Курсом к победе. М., 1975, с. 450.

⁴ См.: Дайтоа сэисо кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии), т. 73. Токио, 1970, с. 338—391.

⁵ История войны на Тихом океане. Пер. с яп. т. III. М., 1958, с. 380.

вым названием «Кан-Току-Эн» (сокращение от японского «Кантогун токубэцу энсю» — «Специальные маневры Квантунской армии») и предусматривавший захват территории советского Дальнего Востока и Забайкалья⁶. Для осуществления плана «Кан-Току-Эн» летом 1941 г. в Японии была проведена дополнительная мобилизация. Нападение на Советский Союз намечалось на 29 августа 1941 г., окончание «молниеносной войны» предполагалось в середине октября. Провал гитлеровского «блицкрига» на советско-германском фронте и наличие значительных сил Красной Армии на Дальнем Востоке вынудили японских агрессоров отложить выполнение своих захватнических замыслов.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и последовавшие за этим блестящие победы Советских Вооруженных Сил на советско-германском фронте в 1942—1944 гг. заставляли японских стратегов многократно корректировать свои агрессивные планы. Оставаясь союзником гитлеровского рейха, империалистическая Япония на протяжении всей войны Советского Союза с фашистской Германией фактически не соблюдала договор о нейтралитете, нарушала границы СССР, чинила препятствия судоходству, имея крупную группировку войск у границ Советского Союза, сковывала значительные силы Красной Армии на Дальнем Востоке. Она вовсе не отказалась от замыслов нападения на СССР и лишь медлила с выступлением, выжидая удобного момента.

«Чем труднее складывалось у нас положение на Западе, — пишет Н. Г. Кузнецов, — тем более вызываясь вели себя японцы... Таким образом, хотя Япония медлила с нападением на нашу страну, ее агрессивное поведение являлось косвенной помощью фашистской Германии»⁷.

К августу 1945 г. стратегическая группировка японских войск, сосредоточенная вдоль границ Советского Союза и Монгольской Народной Республики, насчитывала 1,2 млн. человек, 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 26 кораблей и 1907 боевых самолетов⁸. Основу этой группировки составляла Квантунская армия, которая включала два фронта и две отдельные общевойсковые армии в составе 24 дивизий, 12 бригад и подчиненные ей 2-ю воздушную армию и Сунгарийскую военную флотилию. Всего императорская армия Японии к этому времени насчитывала свыше 7 млн. человек, более 10 тыс. самолетов и около 500 боевых кораблей⁹.

После отказа Токио выполнить требование союзников СССР по антигитлеровской коалиции о безоговорочной капитуляции в соответствии с документами Потсдамской конференции 8 августа 1945 г. было объявлено решение Советского правительства о вступлении в войну против Японии. К этому времени на Дальний Восток в сжатые сроки после окончания войны в Европе были переброшены крупные соединения Советских Вооруженных Сил, которые при незначительном перевесе в живой силе существенно превосходили противника в боевой технике.

Верный своим союзническим обязательствам, Советский Союз 9 августа начал боевые действия на Восточном фронте против императорских войск.

Вступление СССР в войну против империалистической Японии было логическим продолжением Великой Отечественной войны, неотъемлемой частью борьбы советского народа против фашизма и милитаризма. Для Советского Союза это был справедливый акт в защиту своих государственных интересов, а также интересов всех стран, которым угрожали японские милитаристы. Красная Армия приступила к ликвидации опасного очага войны на Дальнем Востоке, к восстановлению мира и справедливости в этой части земного шара. При этом преследовались благо-

⁶ См.: Военный энциклопедический словарь. М., 1984, с. 315.

⁷ Н. Г. Кузнецов. Курсом к победе, с. 496.

⁸ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. II. М., 1980, с. 182.

⁹ См.: Военный энциклопедический словарь, с. 325.

родные и гуманные цели: ускорить окончание второй мировой войны, изгнать японских захватчиков из Маньчжурии и Кореи и тем самым оказать содействие китайскому и корейскому народам в их освободительной войне против империалистического рабства.

В соответствии с планами советского командования были осуществлены три последовательные стратегические операции: главная — Маньчжурская и вспомогательные — Южно-Сахалинская и Курильская. За 23 дня боев, ведя наступление на фронте общей протяженностью свыше 5 тыс. км, советские войска в составе трех фронтов под общим командованием Маршала Советского Союза А. М. Василевского, во взаимодействии с Тихоокеанским флотом, Амурской военной флотилией, а также с частями Монгольской народной армии, разгромили Квантунскую армию, что в конечном счете предопределило безоговорочную капитуляцию Японии. Продвинувшись на глубину 600—800 км, они освободили Северо-Восточный Китай, Северную Корею и острова в Охотском море.

Военная кампания Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке увенчалась блестящей победой. Ее итоги трудно переоценить. «Внезапность, — отмечал видный советский военачальник генерал армии С. М. Штеменко, — была достигнута в смысле масштабов, оперативных темпов наступления и направления главных ударов»¹⁰. В плену у наших войск оказалось 148 японских генералов, 594 тыс. офицеров и солдат императорской армии.

Маньчжурская операция, по оценке советского командования, была поучительна небывалой по масштабам перегруппировкой войск с запада на восток страны (9—12 тыс. км), стремительным наступлением на большую глубину в условиях горно-таежного и пустынного театра военных действий, применением в первом эшелоне фронта танковых армий и конно-механизированной группы, высадкой воздушных десантов¹¹.

Начало военных действий Советским Союзом вызвало панику в правящих кругах Японии. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, — заявил 9 августа премьер-министр Японии Кантаро Судзукки, — ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»¹².

Выдающееся значение операций Советских Вооруженных Сил признавали в то время и высшие руководители США и Англии. Американский генерал Ченнолт в интервью газете «Нью-Йорк таймс» говорил, что «вступление России в войну против Японии явилось тем решающим фактором, который привел к окончанию военных действий. Если бы атомная бомба не была сброшена, результат был бы тот же... Благодаря быстрому продвижению советских войск было завершено крушение Японии и достигнута победа»¹³. Именно действия Советских Вооруженных Сил, а не варварские атомные бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки, как пытаются представить некоторые американские фальсификаторы истории, решили судьбу Японии и ускорили окончание второй мировой войны.

Массовое уничтожение мирного населения этих японских городов — первых атомных полигонов США, не вызывавшееся военной необходимостью и лихорадочно приуроченное к кануну вступления СССР в войну на Востоке, по замыслу президента США Г. Трумэна, имело главной целью создать иллюзию, что американские атомные бомбы, а не удары Красной Армии поставили Японию на колени, и было для Вашингтона не столько актом конца второй мировой войны, сколько первым шагом в «холодной войне» против Советского Союза.

¹⁰ С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, с. 372.

¹¹ См.: Военный энциклопедический словарь, с. 423.

¹² К. Иноуэ, С. Оконоги, С. Судзукки. История современной Японии. Сокращ. пер. с яп. М., 1955, с. 264.

¹³ "The New York Times", August 15, 1945.

Победа СССР на Дальнем Востоке явилась еще одним ярким свидетельством могущества советского социалистического строя. Она вынудила Японию подписать 2 сентября 1945 г. Акт о безоговорочной капитуляции, создала народам Восточной и Юго-Восточной Азии благоприятные условия для борьбы за независимость и социально-экономические преобразования. Освобожденный Красной Армией Северо-Восточный Китай стал надежной базой революционных сил страны.

Разгром Советскими Вооруженными Силами японского милитаризма имел всемирно-историческое значение. Благодаря ему коренным образом изменилась расстановка сил в Азии в пользу мира, демократии и социализма, произошло дальнейшее углубление общего кризиса империализма, небывалый подъем получило национально-освободительное движение. В результате революционной борьбы народных масс в этом регионе мира образовался целый ряд социалистических государств: Демократическая Республика Вьетнам, Корейская Народно-Демократическая Республика, Китайская Народная Республика, а позднее — Лаосская Народно-Демократическая Республика и Народная Республика Кампучия.

Уроки и итоги второй мировой войны с особой очевидностью показали, сколь авантюристическими и несбыточными были мечты японской военщины о «Великой азиатской сфере процветания» под эгидой Японии и планы завоевания мирового господства. Эти уроки и по сей день служат серьезным предостережением всем империалистическим агрессорам, произвольно объявляющим «сферами своих жизненных интересов» обширные районы мира, в том числе на Азиатском континенте, в бассейнах Тихого и Индийского океанов.

Советский Союз с первых послевоенных лет, опираясь на мощь и сплоченность стран социалистического содружества, стремится превратить Азию в зону прочного мира и стабильности. Совершенно иную позицию в вопросах послевоенного переустройства этого региона с самого начала заняли империалистические державы, и прежде всего Соединенные Штаты Америки, основные принципы политики которых в отношении Азиатско-тихоокеанского региона, и в частности Японии, заключались в том, чтобы поставить расположенные здесь государства под свой военно-политический контроль, превратить их в своих сателлитов, а на их территориях расположить американские военно-стратегические плацдармы агрессии, дугой опоясывающие с востока Советский Союз. Как свидетельствует история, вся послевоенная политика Вашингтона, делавшего ставку на первый удар и средства передового базирования, развернутые на территориях союзных стран, а также на их милитаризацию, была подчинена этим главным целям, что наглядно прослеживается на примере Японии.

В результате разгрома японского милитаризма, причинившего неисчислимы бедствия не только народам многих азиатских стран, но и населению самой Японии, империя Восходящего солнца утратила былое военное могущество, лишившись всех своих колониальных владений. По официальным данным, во второй мировой войне погибло 2 млн. японцев, в том числе 660 тыс. человек — от американских бомбардировок¹⁴.

Поражение императорской Японии способствовало усилению классового сознания японских трудящихся, которые стали ясно осознавать, что виновниками всех бедствий явились втянувшие страну в горнило второй мировой войны финансовая олигархия и военщина. Разгром милитаризма оказал в целом благотворное влияние на жизнь японского народа, который, развернув демократическое движение в стране, даже в условиях американской оккупации и противодействия правящих кругов добился в первые послевоенные годы некоторых, хотя и ограниченных, социальных преобразований.

¹⁴ In: Statistical Yearbook, 1948. New York, 1949, p. 120.

3 мая 1947 г. вступила в силу новая конституция, которая ограничила власть императора, расширила права парламента и, что самое главное, декларировала в 9-й антивоенной статье запрет на создание армии и возрождение военно-промышленного потенциала. Конституция провозгласила отказ Японии от ведения войны как суверенного права нации, а также от угрозы и применения военной силы для разрешения международных споров. Этим был нанесен «сильный удар военщине, которая в значительной мере утратила свои прежние позиции в правящем лагере и временно исчезла с политической арены»¹⁵.

Но, к сожалению, только временно. Под давлением империалистических кругов США, оформивших в 1951 г. с Японией двусторонний военный союз, и при содействии местных реакционных сил уже в начале 50-х годов были созданы предпосылки для реставрации японского милитаризма. В 1954 г. на базе полицейских военизированных отрядов, в нарушение статьи 9 конституции, явочным порядком было, по существу, завершено формирование кадровой армии, замаскированной под название «сил самообороны». Вооруженные силы Японии в день 30-летнего юбилея в июле 1984 г. насчитывали уже свыше 240 тыс. человек (240,904 тыс.)¹⁶, а по своему оснащению, боевым возможностям и огневой мощи в десятки раз превосходили бывшую императорскую армию.

Выполняемые в настоящее время «силами самообороны» функции и их вооружение позволяют говорить о них как о военной силе, которая по совокупности тактико-технических характеристик занимает в оценках западных специалистов 5—6-е место в капиталистическом мире и удерживает передовые позиции в Азии. Японская армия давно уже перешагнула рамки «чисто оборонительных задач» и способна вести все виды боевых операций, в том числе и наступательные, а по сфере деятельности вышла на региональный уровень и фактически интегрирована в азиатско-тихоокеанскую стратегию Пентагона.

Главный урок второй мировой войны состоит в том, что против войны надо бороться, пока она не началась. В массах японского населения, перенесшего трагедию атомных бомбардировок, после разгрома милитаризма укоренились сильные антивоенные настроения, возникло народное движение за полное запрещение атомного и водородного оружия. Массовые выступления трудящихся за предотвращение угрозы развязывания мировой термоядерной войны обрели в Японии особую силу и значимость в последние годы. Показательными являются титанические усилия японских сторонников мира, собравших в 1982 г. 82,5 млн. подписей под петицией о полном запрещении ядерного оружия, которая была передана второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Всеобщее одобрение советских людей вызывает развернувшееся в стране движение за объявление сотен городов и ряда префектур Японии безъядерными зонами.

К сожалению, правящие круги Японии, хотя и делают декларативные заявления о своем миролюбии, на деле, вопреки воле народа, запретам конституции и парламентским принципам, проводят курс на поддержку широкой милитаризации страны, солидаризируются с глобальной и региональной стратегией Вашингтона, направленной на достижение военного превосходства над Советским Союзом. Все это не может не сказываться негативно на состоянии японо-советских отношений. В советских руководящих кругах неоднократно обращалось внимание на опасность развития в Японии реваншистских и милитаристских тенденций.

¹⁵ И. А. Латышев. Конституционный вопрос в послевоенной Японии. М., 1959, с. 76.

¹⁶ См.: Бэй хандо букку, 1984 (Справочник по вопросам обороны, 1984). Токно, 1984, с. 126.

На июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что правительство Японии «берет крен в сторону наращивания военного потенциала, активизирует милитаристские тенденции в стране, подключается к глобальной стратегии конфронтации, навязываемой Вашингтоном»¹⁷. В мае 1984 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко отмечал, что «японский милитаризм уже не раз обнаруживал свое экспансионистское, колонизаторское нутро, не раз развязывал войну. Между тем из Токио вновь звучат реваншистские ноты, выдвигаются территориальные претензии. Попытки повторить историю — причем на более опасной основе, в эпоху ядерного оружия, — сказал К. У. Черненко, — не могут не вызывать настороженности у многих азиатских государств»¹⁸.

Военные приготовления японских правящих кругов встречают мощное противодействие со стороны миролюбивой общественности этой страны. Так что Советский Союз вовсе не одинок, считая, что практические мероприятия правительства Японии по наращиванию военного потенциала в угоду Пентагону не могут быть расценены иначе, как крен в сторону милитаризации, дестабилизирующей обстановку в районе Азии. Для такого вывода у СССР имеются веские аргументы.

Основным показателем усиления милитаристских тенденций в Японии являются возрастающие из года в год суммы статей военного бюджета. Если судить по темпам роста военных расходов (а они в последние годы увеличиваются не менее чем на 6,5—7 % в год, что в два раза превышает аналогичные показатели стран НАТО), то создается впечатление, что японские правящие круги поставили перед собой цель занять в этой области лидирующее положение в мире. За последние два десятилетия прямые ассигнования на армию возросли в 10 раз — с 301,4 млрд. иен в 1965 г. до 3,14 трлн. иен в 1985 г.¹⁹

Представители японского правительства любят подчеркивать, что военный бюджет Японии не превышает 1 % валового национального продукта (ВНП), то есть «политического потолка», установленного для затрат на армию в 1976 г. Однако в связи с тем, что в 1985 г. военные расходы определенно превзойдут этот рубеж, в правительственных кругах уже настойчиво стали раздаваться призывы о пересмотре ранее установленного лимита в сторону его повышения. Администрация Р. Рейгана требует от Японии довести военный бюджет до уровня военных бюджетов стран НАТО, то есть до 3 % ВНП, хотя уже сейчас объявленная в государственном бюджете на 1985 г. абсолютная сумма прямых ассигнований на армию превышает аналогичные показатели всех азиатских стран, включая Китай.

Это, казалось бы, парадоксально, но страна, декларировавшая в своей конституции отказ «на вечные времена» от войны и вооружений, спустя четыре десятилетия после поражения в войне прочно закрепилась на 6-м месте в капиталистическом мире по ассигнованиям на военную машину. При этом следует учитывать, что эта сумма не включает многих статей скрытых военных расходов, таких, как пенсии ушедшим в отставку офицерам, пособия семьям погибших военнослужащих, а также расходы на разработку новой боевой техники в научно-исследовательских центрах крупных монополий. С учетом данных статей Японии по военным расходам встанет в один ряд с западноевропейскими членами Североатлантического блока.

Вторым по значению показателем усиления милитаристских приготовлений Японии являются затраты одной трети средств военного бюд-

¹⁷ «Правда», 17.VI.1983.

¹⁸ «Правда», 24.V.1984.

¹⁹ Данные за 1965 г. приводятся по «Бой хакусэ, 1983» («Белая книга по вопросам обороны, 1983»). Токио, 1983, с. 258; за 1985 г. — по газете «Акахата», 30.VIII.1984.

жета на производство вооружения. В 1983 г. общая стоимость заказов Управления национальной обороны (УНО) в промышленности составила 1,2 трлн. иен (5 млрд. долл.)²⁰. Военная промышленность Японии более чем на 90 % обеспечивает «силы самообороны» управляемыми ракетами, современными танками, истребителями-бомбардировщиками, «самыми лучшими в мире» (по оценке западных специалистов) эскадренными миноносцами, подводными лодками, новейшим электронным оборудованием. Если оценивать потенциальные возможности японской промышленности, то можно сказать, что она способна производить любой вид вооружения, вплоть до ракетного. При наличии политического решения, по мнению японских ученых, в короткие сроки может быть налажено производство тактического атомного оружия, для чего Япония располагает и техническими и финансовыми возможностями.

По качеству, а по некоторым видам боевой техники и по количеству Япония не только не отстает от стран блока НАТО, но даже опережает их. Это относится прежде всего к противолодочным эсминцам, морским патрульным самолетам Р-3С и истребителям F-15. По всем названным видам вооружения Япония в количественном отношении уступает только Соединенным Штатам Америки. Что же касается качества, то произведенные в Японии по американским лицензиям боевые самолеты Р-3С и F-15 по многим параметрам превосходят американские образцы. Всемирную известность получили достижения Японии в области электроники, в том числе и военной. Область высокой военной технологии стала в последние годы объектом пристального внимания Вашингтона, который с одобрения правительства Я. Накасонэ получил беспрепятственный доступ к новинкам японской электронной техники, используемой в военном деле.

В соответствии с японо-американским соглашением о передаче Пентагону военной технологии, подписанным в ноябре 1983 г., США определили пять направлений производства, секреты которого в нарушение парламентского запрета об экспорте оружия и военной технологии Япония обязана поставлять своему заокеанскому союзнику. Речь идет о производстве арсенида галлия, используемого при изготовлении компьютеров и другого сверхточного электронного оборудования, оптической электроники, включая волоконную оптику, композитных материалов, таких, как углеродное волокно, керамики и жаропрочных покрытий²¹.

Таким образом, передача военной технологии США, по мнению японских обозревателей, открывает путь для дальнейшего расширения сферы вывоза японского вооружения (Южную Корею называют очередным импортером японской технологии) и превращения Японии в торговца дефицитным электронным оружием. Этого уже давно добиваются монополии, поскольку видят в экспорте вооружения мощный стимул, способный предотвратить застой в экономике страны.

Форсирование японскими правящими кругами программ строительства «сил самообороны» можно отнести к следующему по значению показателю роста милитаристских тенденций. В угоду Пентагону УНО Японии эти программы выполняет, как правило, досрочно. 5-я программа укрепления и развития «сил самообороны» на 1980—1984 гг. была завершена на один год ранее намеченного срока. Не успела завершиться 6-я программа, рассчитанная на 1983—1987 гг., как в мае 1984 г. Совет национальной обороны (СНО) Японии одобрил проект новой, 7-й программы, который намечает строительство вооруженных сил вплоть до 1990 г. и вступит в стадию реализации также с упреждением на один год, то есть в 1986 г.²²

²⁰ См.: «Правда», 10.XI.1984.

²¹ Ип: "Japan Economic Journal", 1984, N 1122, p. 1.

²² См.: «Асахата», 9.V.1984.

Основным содержанием новой программы, составленной с учетом последних военно-политических концепций Пентагона и установок общего глобального и азиатско-тихоокеанского курса США, помимо количественного и качественного наращивания вооруженных сил, является тщательная разработка новой «морской стратегии» Японии, предусматривающей активное участие ее военно-морских подразделений совместно с 7-м флотом США в боевом патрулировании и охране морских путей.

Дело в том, что по примеру Вашингтона правительство Японии в 1981 г. по сути дела объявило «сферой своих жизненных интересов» обширную океанскую акваторию, простирающуюся от японских берегов на 1000 морских миль, взяв на себя обязательство обеспечить в этой зоне боевое патрулирование и охрану военными средствами морских коммуникаций. Поддерживая антикоммунистический курс Вашингтона, правящие круги Японии, как считают специалисты, преследовали стратегические цели достижения совместно с США военно-морского превосходства над Советским Союзом в западной части Тихого океана. Они открыто называют теперь СССР главным потенциальным противником Японии и пытаются оправдать наращивание военных усилий в стране навязанным из-за океана мифом о «росте советской военной угрозы».

Выдвижение военно-политическим руководством страны амбициозных задач «защиты» торговых путей в зоне, которая простирается на юго-запад на 1000 морских миль до пролива Баши, расположенного между островом Тайвань и Филиппинами, и на юго-восток до острова Гуам, отстоящего от Токио на 1330 морских миль, затрагивает интересы многих соседних с Японией стран. Поэтому не удивительно, что данная акция Токио вызвала справедливое опасение народов ряда государств Юго-Восточной и Восточной Азии за свою безопасность. В самой Японии она была встречена бурными дебатами, которые выявили диаметрально противоположные позиции в подходе к проблеме.

Представители прогрессивного лагеря и оппозиции в японском парламенте придерживаются мнения, что концепция «охраны коммуникаций» выдвинута «ястребами», выступающими за форсированную милитаризацию страны. Поскольку торговым путям в настоящее время никто и ничто не угрожает, зачем же, спрашивают они, Японии брать на себя такое непосильное бремя. Если бы правящие круги действительно беспокоились о безопасности своих коммуникаций, почему бы им не поддержать предложение СССР, направленное генеральному секретарю ООН весной 1984 г., по вопросам ограничения военно-морской деятельности и военно-морских вооружений, в котором, в частности, имелось в виду распространить меры доверия «на акватории морей и океанов, особенно на те районы, где пролегают наиболее оживленные морские пути»²³. Реализация этого предложения значительно укрепила бы мир и стабильность в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Разделяющие точку зрения правящих кругов и УНЮ считают, что, взявшись за решение проблемы охраны коммуникаций, Япония поступила разумно. Она впервые реально приступила к формированию отсутствовавшей у нее военной и, в частности, военно-морской стратегии, поставив перед своими вооруженными силами цель решения боевых задач на оперативно-стратегическом удалении от берегов страны. Это позволит Японии, по мнению бывшего командующего военно-морскими силами адмирала в отставке Рёхэй Ога, обеспечить свою безопасность и обоснованно выйти за рамки чисто национальных задач на региональный уровень и легализовать посылку «сил самообороны» за границу²⁴.

²³ «Правда», 15.IV.1984.

²⁴ См.: Бэйзэн кан, 1983 (Ежегодник по вопросам обороны, 1983). Токио, 1983, с. 151.

Составным обязательным элементом новой «морской стратегии» является блокада международных проливов Лаперуза, Сангарского и Корейского с целью закрыть выход кораблям советского Тихоокеанского флота в открытый океан. Эта беспрецедентная акция, разрабатываемая в мирное время военным руководством Японии совместно с Пентагоном, не только грубо попирает международное морское право, но и расценивается общественностью как проявление недружелюбия к соседнему государству — Советскому Союзу. Особую опасность этот агрессивный шаг приобретает в связи с активным подключением к его реализации вооруженных сил США и стремлением Вашингтона и Токио втянуть сюда же и армию южнокорейского марионеточного режима. Предпринимаются меры к созданию «восточного фронта» против стран социализма — военно-стратегической инфраструктуры Вашингтон — Токио — Сеул, сколачиванию на этой основе нового военно-политического блока по типу НАТО.

В связи с этим фактом нельзя не вспомнить аналогичные агрессивные акты японской военщины в период второй мировой войны. Как свидетельствует история, 8 декабря 1941 г. японское правительство вопреки международному праву объявило проливы Лаперуза, Сангарский и Корейский своими «морскими оборонительными зонами», поставив, таким образом, под контроль своих вооруженных сил Японское море и все выходы из него. «В декабре 1941 г., — вспоминает Н. Г. Кузнецов, — японцы потопили советские торговые суда „Кречет“, „Свирьстрой“, „Перекоп“ и „Майкоп“ и захватили суда „Симферополь“ и „Сергей Лазо“»²⁵. Создается впечатление, что, повторяя печальные факты истории, руководители современной Японии напрочь забыли уроки второй мировой войны. На сей раз они даже повысили уровень подготовки агрессивных акций, возведя их в коалиционный ранг.

Заслуживает особого упоминания позиция УНО по проблеме охраны морских коммуникаций, изложенная им в «Ежегоднике по вопросам обороны» за 1983 г.

Чиновники УНО полагают, что Япония, почти полностью зависящая от импорта энергетического и другого стратегического сырья, в рамках развития «концепции выживания» обязана считать обеспечение безопасности торговых путей в океанской акватории от берегов Японии до 20-й параллели северной широты «особо актуальной и жизненно важной проблемой».

Безопасность морских коммуникаций, по мнению военного ведомства, включает в себя комплекс мер по защите портов, организации надежной противовоздушной обороны надводных кораблей, морскому и воздушному патрулированию акватории, эскортированию судов, блокаде и контролю международных проливов. Перечень мероприятий свидетельствует о том, что речь идет не о подготовке единичного действия, а о совокупных операциях, характерных для наступательной морской стратегии.

В «Ежегоднике» содержатся стратегические дефиниции, согласно которым охрана прибрежных вод относится к территориальной обороне и осуществляется в радиусе нескольких сотен миль, защита коммуникаций в открытом океане входит в функции стратегической обороны, сфера которой простирается на 1000 морских миль. Тут же делается оговорка о том, что зона действия «сил самообороны» не является чем-то раз и навсегда установленным и неизменным и ее границы следует соотносить со степенью «угрозы морским коммуникациям».

«Нельзя с определенностью сказать, — отмечается в «Ежегоднике», — что силы самообороны обязательно будут действовать строго в пределах 1000-мильной зоны и не будут оперировать за рамками этой

²⁵ Н. Г. Кузнецов, Курсом к победе, с. 492.

сферы»²⁶. Для эффективного обеспечения безопасности судов в «специальных случаях» УНО намерено устанавливать «особые зоны» их «защиты» на всем протяжении коммуникаций за пределами установленных границ. Следовательно, 1000-мильная зона является своего рода трамплином для расширения в последующем сферы действия «сил самообороны» на все акватории морей и океанов, где будут находиться японские корабли и суда.

Что же касается повседневного обеспечения безопасности мореплавания японских судов торгового флота за рамками 1000-мильной сферы, то, по свидетельству материалов УНО, оно входит в функции 7-го флота США. Об этом якобы была достигнута договоренность на 14-м рабочем совещании японо-американского комитета по обеспечению безопасности, которое состоялось в августе 1982 г. Договоренность была подкреплена устным заверением шефа Пентагона К. Уайнбергера, подчеркнувшего, что «за охрану зоны, находящейся за пределами 1000 морских миль от берегов Японии, ответственность несут США»²⁷. Таким образом, получается, что, взяв на себя обязательство обеспечить боевое патрулирование в западной части Тихого океана, «силы самообороны» высвобождают корабли 7-го флота США для их переброски в составе интервенционистских «сил быстрого развертывания» в Индийский океан и другие горячие точки планеты.

Особенно воинственно звучит положение, которым предусматривается нанесение ударов по базам «противника» на Камчатке и Курильских островах, ограничение передвижения, а затем и полное перекрытие проливов. В разработке УНО, сделанной не без влияния американских директив и указаний Пентагона, делается заключение, что от успеха разгрома баз «противника» зависит эффект дальнейшего использования японской военной мощи²⁸. Помощник заместителя министра обороны США Ричард Л. Армитидж (ответственный за регион Восточной и Юго-Восточной Азии), выступая 12 июня 1984 г. в конгрессе США, выразил точку зрения Пентагона, заключающуюся в том, что блокада Японией «проливов Лаперуза, Сангарского и Корейского является одной из мер обеспечения обороны морских коммуникаций на 1000 морских миль. Обладание Японией способностью блокировать эти проливы, — сказал Армитидж, — поможет ей малой ценой решить проблему сдерживания Советского Союза»²⁹.

УНО подчеркивает далее, что «охрана» судов и кораблей в открытом море «в зависимости от степени угрозы» подразделяется на непосредственную (активную оборону) и косвенную (пассивную оборону). Непосредственная «охрана» каравана судов или одного корабля достигается прямым эскортированием и обеспечивается огневыми средствами кораблей военно-морского флота Японии. Косвенная охрана осуществляется радиоэлектронными средствами, которыми оснащены патрульные самолеты и корабли.

Те же задачи ставились и во время проведения многосторонних военно-морских учений «Римпак-84» («Тихоокеанское кольцо-84»), проходивших с 15 мая по 29 июня 1984 г. с участием флотов США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Японии. «Силы самообороны» Японии, которые участвовали в подобных военных играх уже третий раз, направили на них 1400 солдат и офицеров, а также 5 боевых кораблей, в том числе 2 вертолетоносца («Курама» и «Савакадзэ», оба водоизмещением 5200 т). Эскадренные миноносцы военно-морских сил Японии отрабатывали методику боевого эскортирования американских атомных авиа-

²⁶ Бозэй нэнкан, 1983, с. 116.

²⁷ Там же, с. 156.

²⁸ См. там же.

²⁹ «Комэй симбун», 14.VI.1984.

носцев «Энтерпрайз» и «Карл Винсон». Кроме того, на учениях решались наступательные задачи, включая нанесение ударов по подводным лодкам и надводным кораблям «противника»³⁰.

Таким образом, программа УНО, разработанная в связи с проблемой «охраны» морских коммуникаций, и конкретные меры военного ведомства Японии по распространению сферы действия «сил самообороны» на Японское, Желтое и Восточно-Китайское моря непосредственно затрагивают интересы СССР, КНДР, КНР и СРВ, представляя реальную угрозу их торговому судоходству.

Эти военные мероприятия дополняются санкционированной правительством широкой антисоветской пропагандой. Спекулируя на тезисе о «росте советской военной угрозы», правящие круги Японии подогревают реваншистские настроения в стране, предъявляют к СССР необоснованные территориальные претензии, чем пытаются перечеркнуть итоги второй мировой войны. В Токио, где делают ставку на продолжение провокационного курса активного подключения Японии к военно-блоковой политике Вашингтона, проводятся идеологические мероприятия, которые позволили бы в будущем открыть шлюзы для широкой милитаризации страны.

Речь прежде всего идет об идеологической подготовке населения страны в милитаристском духе, формировании общественного мнения по вопросам военного курса Японии, создании благоприятного климата и условий для проведения широких и дорогостоящих мероприятий по количественному и качественному наращиванию военно-экономического потенциала, для принятия правительством в случае необходимости радикальных политических решений в области военного строительства. Средства массовой информации внушают японцам мысль о необходимости военного выбора, о целесообразности иметь крупную армию для «отпора коммунизму», то есть Советскому Союзу, который якобы вот-вот собирается напасть на Японские острова.

Нагнетаемый Вашингтоном и местной реакцией милитаристский психоз и создаваемая ими в стране атмосфера недоверия к СССР в значительной мере тормозят нормальное развитие японо-советских отношений. Важные инициативы Советского Союза, направленные на оздоровление и углубление всесторонних контактов между нашими странами, к сожалению, не находят в правительстве Японии одобрения и поддержки. В частности, в условиях, когда «активизируются попытки склонить Японию к нарушению „безъядерных принципов“, вынашиваются опасные планы превратить страну и окружающие ее районы в стартовые площадки ядерного оружия», подчеркнул в своем ответе губернатору японской префектуры Канагава Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, важное значение имело бы заключение двустороннего соглашения о гарантиях, то есть обязательство СССР не применять ядерное оружие против Японии в ответ на ее подтверждение строго соблюдения статус безъядерной державы³¹.

Развернувшееся по всей стране мощное антивоенное, антиядерное движение является убедительным свидетельством тому, что трудящиеся массы, вся демократическая общественность не разделяют курс милитаристских и реакционных кругов, мечтающих о превращении Японии в «крупную военную державу». Оно служит грозным предупреждением тем силам в Японии, которые, забыв уроки прошлого и попирая выработанные на основе трагического опыта законы и принципы, ратуют за возрождение былой военной мощи, вновь поднимают на щит идею о «Великой азиатской сфере сопроцветания».

³⁰ «Санкэй симбун», 14.V.1984; «Акахата», 3.VII.1984.

³¹ «Правда», 23.IX.1984.

СССР — освободитель Кореи и ее надежный союзник

*В. И. ПЕТУХОВ,
кандидат исторических наук*

Вступление Советского Союза в войну против империалистической Японии имело огромное историческое значение. СССР не только выполнил до конца свой союзнический долг, приняв решающее участие в разгроме японского милитаризма, но и оказал мощную интернационалистскую поддержку национально-освободительному движению в Азии. Это было высоко оценено корейским народом, который в результате победы Советской Армии был избавлен от почти полувекового ига японских колонизаторов. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, Президент КНДР Ким Ир Сен, освобождение Кореи Советской Армией положило начало новой эре в истории этой страны: «Перед корейским народом открылась широкая дорога национальной независимости и демократического развития»¹.

К концу боев на Тихом океане Япония, обладавшая многомиллионной сухопутной армией и мощными военными плацдармами в Корее и Маньчжурии, была еще способна оказать серьезное сопротивление и надолго затянуть войну. Это таило в себе большую опасность для корейского народа: Корея могла превратиться в поле сражений, что неизбежно повлекло бы за собой опустошение страны, гибель значительной части ее населения. Такой трагедии не произошло только потому, что Советский Союз выступил против империалистической Японии, решительно ускорив окончание второй мировой войны.

Разгром советскими вооруженными силами Квантунской армии в Маньчжурии и Корее привел к тому, что Япония была вынуждена прекратить сопротивление и подписать акт о безоговорочной капитуляции. Очаг агрессии на Востоке был ликвидирован. Корея была освобождена от ига японского империализма. Это освобождение принесла корейскому народу Советская Армия. Войска других стран участия в освобождении Кореи не принимали.

По договоренности между союзными державами принятие капитуляции японских войск в Корее севернее 38-й параллели осуществляли советские войска, южнее — американские². Указанная договоренность касалась лишь порядка капитуляции японских войск в различных районах театра военных действий и не содержала каких-либо положений, которые предусматривали бы продолжительное пребывание американских и советских войск на освобожденной от японцев территории. Советский Союз рассматривал пребывание своих войск в Северной Корее как временное мероприятие, вытекавшее из необходимости завершить эвакуацию капитулировавших японских войск, покончить с колониальным режимом и обеспечить корейскому народу возможность устроить

¹ Ким Ир Сен. Избранные статьи и речи. М., 1962, с. 326.

² См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. II. М., 1957, с. 258—264.

свои внутренние дела по собственному усмотрению. Что же касается Соединенных Штатов, то они воспользовались оккупацией Южной Кореи в целях установления и закрепления постоянного американского контроля над ней.

Как известно, роль США в истории борьбы корейского народа за независимость и свободное развитие была всегда неприглядной и характеризовалась актами вероломства и предательства. Правительство США в свое время фактически содействовало превращению Кореи в колонию японской империи. Япония в свою очередь одобрила захват Соединенными Штатами Филиппин. В этом тайном сговоре два империалистических хищника — США и Япония — выступили заодно в роли международных разбойников и поработителей других народов. Как подчеркивал В. И. Ленин, «...японский капитализм и американский одинаково разбойны»³.

В декабре 1943 г. на конференции в Каире руководители США, Китая и Великобритании сформулировали цели союзных держав в войне против Японии. В коммюнике конференции (Каирская декларация) было, в частности, указано, что ее участники, «помня о поработленном народе Кореи, решили, чтобы в должное время Корея стала свободной и независимой»⁴. Характерно, что в Каирской декларации Кореи была обещана независимость не сразу после победы над Японией, а лишь «в должное время» («in due course»). Ни в одном официальном заявлении США того периода не раскрывалось, что имелось в виду под этой расплывчатой формулировкой. Ее смысл определился значительно позже, когда правительство США занялось на практике корейскими делами и дало ясно понять, что не собирается спешить с предоставлением Кореи обещанной свободы и независимости⁵.

С первых же дней деятельности советских и американских военных властей в Кореи выявилось принципиальное различие в их политике. В то время как мероприятия советского командования в Северной Кореи были направлены на ликвидацию пагубных последствий японского господства в политической и экономической жизни страны, полное разрушение японского колониального аппарата управления, установление и развитие демократических институтов, содействие проведению в стране радикальных демократических преобразований — осуществлению земельной реформы, национализации промышленности, принятию прогрессивного законодательства о труде и др., — мероприятия американского командования в Южной Кореи преследовали цели ограничения и подавления демократического движения корейского народа, сохранения тех институтов японского колониального режима, которые могли быть использованы американцами для установления своего контроля в Кореи.

Освобождение страны от японского ига вызвало к жизни огромную политическую активность корейского народа. Возникли массовые политические организации и партии, возглавившие движение за демократические реформы. В городах и деревнях население создавало народные комитеты, которые брали на себя организацию демократического самоуправления на местах. Этот политический подъем захватил корейские массы как на Севере, так и на Юге страны. 6 сентября 1945 г. в Сеуле собрался всекорейский съезд представителей народных комитетов и общественных организаций, который провозгласил создание

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 284.

⁴ «Известия», 3.XII.1943.

⁵ На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Ф. Рузвельт, высказав И. В. Сталину свое предложение об установлении опеки над Кореей, пояснил, что для того, чтобы подготовить корейцев к самоуправлению, потребуется, «может быть, 20—30 лет» (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. IV. М., 1979, с. 142).

Корейской Народной Республики и избрал ее высший орган — Центральный Народный Комитет.

Американские военные власти не признали правительства Народной Республики и, взяв в свои руки всю полноту власти в Южной Корее, начали разгонять и преследовать народные комитеты, сохранив при этом нетронутым весь японский административный аппарат. Только в результате бурных народных демонстраций протеста американский генерал Д. Макартур был вынужден отдать японскому правительству приказ прекратить административную деятельность в Корее.

Вместо уволенных японских чиновников в аппарат американской военной администрации был зачислен в качестве советников ряд деятелей прояпонского толка — крупные корейские помещики, промышленники, банкиры. Им был поручен отбор корейцев на государственную службу. Поскольку деятели такого типа были скомпрометированы своими связями с японцами и их выступления на политической арене вызвали возмущение корейцев, на помощь им американские власти в срочном порядке импортировали из США и Китая корейских эмигрантов, известных своими реакционными взглядами (Ли Сын Мана, Ким Гу и др.).

Опираясь на эти оторванные от своего народа элементы, американские военные власти в Южной Корее повели наступление против пробудившихся демократических сил. Американский корреспондент Д. Ольмстед, который провел восемь месяцев в рядах оккупационных войск в Южной Корее, отмечал в газете «Корниен индепенденс» (Лос-Анджелес): «Когда мы высадились в Корее для освобождения страны, американцы имели хорошую возможность помочь мужественному народу в его борьбе за независимость, отдать должное тем, кто боролся против японского империализма, и наказать тех, кто помогал японцам в эксплуатации Кореи и в войне с союзниками. Но американская военная администрация избрала другой путь. Мы свергли правительство Народной Республики, которое было создано силами сопротивления после капитуляции Японии. Корейские коллаборационисты не только пережили японский крах, но, согласно спискам, представленным лидерами народного фронта, многие из них находятся на службе у американской военной администрации»⁶.

Обещанные американцами демократические свободы были ими же попораны. Приказ Макартура в сентябре 1945 г. предупреждал недоброжелателей: «Всякая попытка нарушить мир в Корее и всякие враждебные действия против оккупационных сил будут наказуемы смертью или подлежат другим наказаниям, какие установят оккупационные власти»⁷. В приказе, изданном начальником американской военной администрации генералом Арнольдом, говорилось, что «все предписания прежнего правительства Кореи, имевшие силу закона до 9 августа 1945 г., будут продолжать действовать... и вся власть, которой обладал генерал-губернатор Кореи, переходит к начальнику военной администрации»⁸.

Фактически Южная Корея была поставлена американцами в худшее положение, чем побежденная Япония.

Как через некоторое время стало совершенно очевидно, американские власти планировали решить корейский вопрос по-своему, навязав Корее некий новый статус зависимой от США территории. План предусматривал два основных этапа: на первых порах упор делался на объединение экономики всей Кореи под руководством администрации в Сеуле — зоне военной ответственности США, что должно было обесп-

⁶ Цит. по: «Правда», 16.XI.1946.

⁷ «Тон а ильбо» (Сеул), 7.IX.1945.

⁸ Там же, 3.XI.1945.

печить распространение американского контроля не только на Южную, но и на Северную Корею; затем Вашингтон планировал после неизбежной неудачи переговоров с советским командованием избавиться от сотрудничества с СССР в корейских делах и прибегнуть для этого к помощи ООН, где американцы в то время располагали подавляющим большинством голосов и могли рассчитывать на принятие выгодных им решений. Ни на одном из указанных этапов американские власти не имели в виду создание единого демократического правительства Кореи. Они старались использовать послевоенную ситуацию в интересах экспансии американского капитала и превращения Кореи в военно-политическую базу США на Дальнем Востоке.

Сведения о такого рода планах просочились в печать еще задолго до того, как вопрос о практических мероприятиях в отношении Кореи стал предметом обсуждения между союзными державами. Вашингтонский корреспондент газеты «Дейли ньюс», издававшейся в Лос-Анджелесе — центре корейской эмиграции в США, — сообщал в конце сентября 1945 г. о том, что «американские источники в Вашингтоне утверждают, что Корея придет к демократии и полной независимости через опеку Объединенных Наций»⁹.

20 октября 1945 г. в Вашингтоне выступил руководитель управления по делам Дальнего Востока государственного департамента Джон К. Винсент. Сославшись на то, что Корея не подготовлена к самоуправлению, Винсент подтвердил, что США выступают за опеку, в которой должны принять участие «союзные государства, непосредственно заинтересованные в корейских делах». «Как долго будет продолжаться опека, — пояснил Винсент, — не может сказать никто: ни вы, ни я». Новым в выступлении Винсента было то, что он выразил недовольство по поводу разделения Кореи на «две зоны оккупации», которое, по его словам, было «явно неудовлетворительным с точки зрения управления страной» и поэтому, «прежде чем будет учреждена опека, — заявлял Винсент, — должны быть разрешены различные административные вопросы»¹⁰, вытекавшие из существования двух зон.

Вслед за выступлением представителя госдепартамента американские власти и печать в Южной Корее стали утверждать, что все беды, которые переживает корейское население, возникли, дескать, не в результате оккупационной политики США, а главным образом из-за разделения страны и, как только СССР и США договорятся об административном и экономическом воссоединении двух зон, положение в корне улучшится. Для успокоения корейцев американские власти делали вид, что они принимают меры к этому и что по данному вопросу уже ведутся переговоры с Советским правительством.

В действительности никаких переговоров по вопросу о Корее в это время не велось. Дело ограничилось письмом тогдашнего посла США в Москве А. Гарримана на имя наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова от 8 ноября 1945 г. Американский посол уведомлял в этом письме, что ему поручено правительством США всего лишь «исследовать возможность ведения переговоров с Советским правительством о временно действующем соглашении относительно упорядочения связи, торговли, финансов и других не решенных в Корее спорных вопросов»¹¹. Каких-либо практических предложений письмо Гарримана не содержало.

С 16 по 26 декабря 1945 г. в порядке периодических консультаций, предусмотренных союзными державами, в Москве проходило совеща-

⁹ «Korean Independence» (Los Angeles), 3.X.1945.

¹⁰ «The Department of State Bulletin», October 21, 1945. Washington, 1945. p. 646.

¹¹ FRUS. Diplomatic Papers 1945, vol. II. Washington, 1967, p. 627.

ние министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Совещание обсудило широкий круг важных проблем послевоенного устройства, в том числе и вопрос о Корее.

В первоначальной повестке дня совещания вопрос о Корее был сформулирован следующим образом: «О создании независимого правительства Кореи»¹². Это предложение было внесено американской делегацией с пропагандистской целью и отнюдь не предназначалось для осуществления. Уже на первом заседании американская делегация настояла на изменении первоначальной формулировки, и вопрос о Корее был включен в окончательную повестку дня совещания в следующей редакции: «Создание объединенной администрации для Кореи, имея в виду учреждение независимого корейского правительства»¹³. Позже, однако, выяснилось, что американский проект создания объединенной администрации вовсе не предполагал сформирование независимого правительства в Корее, по крайней мере в ближайшее время. Попав в связи с этим в неловкое положение, американская делегация попыталась внести еще одну поправку в повестку дня, заменив в ней принятую формулировку третьего пункта (о Корее) формулировкой, содержащейся в первом параграфе письма А. Гарримана от 8 ноября 1945 г., а именно: «О временно действующем соглашении относительно упорядочения связи, торговли и других не решенных в Корее спорных вопросов»¹⁴.

Таким образом, американская делегация стремилась подменить вопрос о создании корейского правительства, в быстрейшем разрешении которого был кровно заинтересован корейский народ, вопросом об экономическом объединении двух зон, которое американцы рассчитывали использовать в целях распространения американского контроля на Северную Корею. Бирнс прямо предложил ограничиться обсуждением вопросов, выдвинутых в письме А. Гарримана В. М. Молотову от 8 ноября 1945 г., с тем чтобы «уполномочить американского командующего и советского командующего переговорить по вопросу о создании объединенной администрации в Корее». Только после обсуждения вопросов, выдвинутых в письме А. Гарримана, Бирнс считал возможным перейти к обсуждению, как он выразился, «вопроса о системе опеки в будущем»¹⁵.

Итак, согласно американскому плану, на первом этапе, не ограниченном временными рамками, Кореей должна была управлять объединенная военная администрация. После этого, в будущем, над Кореей должна была быть установлена опека. Смысл и характер такой опеки в американских предложениях был определен позже. Но уже с первых шагов дискуссии полностью выяснилось стремление американского правительства затянуть разрешение основного вопроса о политическом устройстве Кореи и о создании корейского национального правительства.

В. М. Молотов указал, что письмо А. Гарримана, на обсуждении которого настаивал Бирнс, не касается вопроса, включенного в повестку дня совещания, так как «в этом письме нет даже упоминания насчет корейского правительства»¹⁶. В письме ставились вопросы о возобновлении обмена товарами между Северной и Южной Кореей, о финансовой политике и т. д. «Едва ли было бы желательно, — заявил В. М. Молотов, — ограничить обсуждение корейского вопроса только этими специальными вопросами»¹⁷. В. М. Молотов подчеркивал, что это отвлекло бы совещание от обсуждения вопроса относительно ко-

¹² FRUS. Diplomatic Papers 1945..., p. 599.

¹³ Ibid., p. 617.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid., p. 618—619.

¹⁶ Ibid., p. 618.

¹⁷ Ibid., p. 620.

рейского правительства, создание которого, по мнению советской делегации, являлось неотложной задачей.

Потерпев неудачу в попытке свести дело к обсуждению второстепенных экономических вопросов, американская делегация выдвинула на обсуждение свой проект решения вопроса о Корее. Он был изложен в документе под названием «Объединенная администрация для Кореи», который был представлен Бирнсом. В этом документе говорилось, что правительство Соединенных Штатов считает, что ближайшей целью в Корее должно быть создание единой администрации во главе с двумя военными командующими, действующими сообща по всем вопросам, касающимся корейских национальных интересов, то есть по вопросам валюты, торговли и транспорта, средств связи, распределения электроэнергии, каботажного судоходства, перемещенных лиц и т. д. Предполагается, что корейцы будут использоваться, поскольку это осуществимо, в единой администрации как администраторы и как консультанты и советники при военных командующих¹⁸.

Согласно американскому проекту, единая военная администрация должна была управлять Кореей до установления опеки.

Какие же условия опеки выдвигала американская делегация?

Она предлагала создать из представителей США, Китая, Великобритании и СССР «административный орган», действующий от имени Объединенных Наций и народа Кореи. В своем проекте американская делегация предусматривала, «чтобы этот административный орган осуществлял такую исполнительную, законодательную и судебную власть, какая может быть необходимой для эффективного управления Кореей до того, как будет сформировано свободное и независимое корейское правительство», и «чтобы административный орган осуществлял свои полномочия и функции через Высокого комиссара и Исполнительный совет, состоящий из одного представителя от каждого из государств, входящих в административный орган»¹⁹.

Нетрудно заметить, что американский проект опеки имел своей целью обеспечить представителям США в Корее руководящее положение, подобное тому, какое они заняли в Союзном совете для Японии. Опираясь на поддержку представителей Великобритании и гоминьдановского Китая, они рассчитывали получить в свои руки пост Высокого комиссара, посадить в Корее еще одного Макартура и диктовать свою волю остальным членам Исполнительного совета.

Такое управление Кореей, согласно американскому проекту, предполагалось осуществлять «в течение 5-летнего срока, который может быть продлен в случае необходимости на дальнейший период, не превышающий 5 лет, по соглашению между четырьмя государствами, представленными в административном органе». Фактически это означало бы подмандатное управление Кореей в течение 10 лет, по истечении которых американцы могли бы оставить в Корее марионеточное правительство из отобранных ими и соответствующим образом подготовленных корейских чиновников.

Следует отметить, что американский проект не предусматривал в течение всего срока опеки не только создания корейского национального правительства, но даже местного корейского самоуправления. Этот проект совершенно игнорировал мнение и чаяния корейского народа. Соглашение об опеке, согласно американскому проекту, должно быть выработано и принято без всякого участия представителей корейского народа и без учета его национальных интересов. По сути дела, американская делегация предлагала обойтись с Кореей как с обычной коло-

¹⁸ In: FRUS. Diplomatic Papers 1945..., p. 641.

¹⁹ Ibid.

нией или по крайней мере не лучше, чем с государством, воевавшим против союзников по антигитлеровской коалиции.

Разумеется, советская делегация на совещании министров иностранных дел не могла согласиться с предложениями американской делегации. Она внесла на рассмотрение министров свой проект решения вопроса о Корее²⁰, который предусматривал в качестве первоочередной задачи создание Временного корейского демократического правительства «в целях восстановления Кореи как независимого государства, создания условий для развития страны на демократических началах и скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного японского господства». Для оказания содействия образованию такого правительства предлагалось создать Совместную комиссию из представителей командования американских войск в Южной Корее и командования советских войск в Северной Корее. Комиссия должна была бы при выработке своих предложений консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. В советском проекте предлагалось также поручить Совместной комиссии разработать меры помощи и содействия Корее (опеки) на срок до 5 лет — не более, тогда как американский проект предусматривал установление опеки после некоторого периода управления Кореей «единой военной администрацией», а в дальнейшем, по истечении 5-летнего срока опеки, допускал ее продление. Особенно важно отметить, что меры помощи и содействия, получившие по инициативе и настоянию американцев наименование опеки, подлежали, согласно советскому проекту, разработке с участием Временного корейского демократического правительства и с привлечением корейских демократических организаций. Целевое назначение этих мер было четко и недвусмысленно определено в советском проекте — «помощь и содействие политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи». Таким образом, само понятие опеки приобретало принципиально иное содержание, нежели в американском проекте: оно должно было отразить интересы и пожелания самого корейского народа и, следовательно, исключить какие-либо экспансионистские притязания государств, которым предстояло участвовать в опеке.

Проект советской делегации поставил американскую делегацию в затруднительное положение. Из политических соображений ей было невыгодно выступать против советского проекта и настаивать на принятии проекта, выдвинутого американской делегацией. Было слишком очевидно, что ее проект преследовал империалистические цели, в то время как проект советской делегации был направлен на удовлетворение национальных требований корейского народа и на оказание ему дружественной коллективной помощи в деле создания независимого демократического корейского государства.

Бирнс был вынужден признать, что советский проект лучше американского. Министр иностранных дел Великобритании Бевин также согласился принять советский проект за основу решения вопроса о Корее. Американская делегация внесла лишь две незначительные поправки к советскому проекту. В остальном советский проект был полностью принят на совещании министров в качестве решения по корейскому вопросу.

Московское решение не отвечало экспансионистским целям правящих кругов США. Не осмелившись выступить на совещании против советских предложений, положенных в основу этого решения, американцы чуть ли не на следующий день после закрытия совещания повели плохо

²⁰ См.: Советский Союз и корейский вопрос. М., 1948, с. 8—12.

прикрытую борьбу против выполнения подписанного ими же международного соглашения. Перевод текста Московского решения на корейский язык был преднамеренно искажен: «меры помощи и содействия (опека)» переданы как «протекторат». Этим немедленно воспользовались дирижируемые американцами реакционные группировки Южной Кореи. Они открыто выступили против Московского решения, преграждавшего им путь к власти. Играя на национальных чувствах корейских масс, они маскировали свою борьбу против демократического переустройства страны лозунгами о борьбе против опеки. Американские власти со своей стороны всячески подогревали среди корейцев настроения, враждебные Московскому решению, и поощряли выступления реакционеров против выполнения этого решения и против СССР.

Толчок к таким выступлениям был дан госсекретарем Бирнсом, который по возвращении из Москвы заявил по радио 30 декабря 1945 г.: «Советско-американская комиссия, действующая совместно с Временным корейским демократическим правительством, может принять решение о прекращении опеки. Мы ставили своей целью приблизить день, когда Корея станет независимым членом семьи народов». Руководители американской военной администрации в Южной Корее генералы Ходж, Арнольд и Лэрч, вторя Бирнсу, стали вдруг говорить о том, что они считают Корею подготовленной к самоуправлению. Одновременно Ли Сын Ман и другие ставленники США занялись распространением вымысла о том, что на Московском совещании СССР будто бы требовал введения в Корею мандатного управления, в то время как США, дескать, настаивали на создании самостоятельного корейского государства.

Все эти грязные маневры преследовали очевидные цели; обеспечить популярность реакционным проамериканским элементам в Корее и, напротив, поставить в затруднительное положение левые демократические партии и организации, выступившие в поддержку Московского решения. Первая же встреча представителей советского и американского командований, состоявшаяся в Сеуле в январе — феврале 1946 г., выявила нежелание американцев сотрудничать с советской стороной в Корее на равноправной основе в соответствии с Московским решением. Вместо обсуждения вопроса об организации товарообмена между северной и южной зонами американское командование предложило подчинить финансы, транспорт, связь, систему электроснабжения и другие отрасли экономики Северной и Южной Кореи центральным органам, которые оно рассчитывало создать в Сеуле, в зоне военной ответственности США. При этом имелось в виду включить в состав этих органов корейцев, находившихся на службе в аппарате американской военной администрации и в большинстве своем служивших до этого японским колониальным властям. Советское командование указало, что вопросы политического и экономического объединения должны быть решены единым корейским правительством после создания такового. Вместе с тем оно изъявило готовность обеспечить эквивалентный товарообмен между двумя зонами, необходимый для оживления экономической жизни Кореи, и, в частности, согласилось полностью удовлетворить заявку американского командования на поставки товаров из Северной Кореи. Однако американское командование отказалось поставить в обмен южнокорейские товары, в которых остро нуждалась Северная Корея, в том числе продовольствие. В надежде скомпрометировать политику советского командования и вызвать голод на Севере американцы отказались поставлять туда рис, хотя было известно, что при японцах Южная Корея производила рис на экспорт и постоянно снабжала им Северную Корею. Сделав невозможным достижение соглашения о товарообмене, американское командование использовало провал переговоров в Сеуле по этому вопросу в целях раздувания антисоветской кампании.

Еще очевиднее эта враждебная Московскому решению линия американского командования проявилась в ходе переговоров Совместной комиссии, которые состоялись весной 1946 г. и летом 1947 г. К этому времени правящие круги США открыто повели курс на обострение международной обстановки в целях силового давления на СССР и другие страны социалистического лагеря. Напомним, что в марте 1947 г. президент Трумэн выступил со своей «доктриной», которая представляла собой программу поддержки реакционных сил во всем мире в целях обеспечения условий для расширения экспансии монополистических кругов США. «Доктрина Трумэна» предопределила позицию американской делегации в Совместной комиссии, нацеленную на то, чтобы не допустить участия демократических сил корейского народа в управлении страной и подготовить условия для создания сепаратного марионеточного режима, который способствовал бы превращению Южной Кореи в долговременный военно-политический плацдарм США на Дальнем Востоке. Ставка делалась на экспорт контрреволюции, который приобретал все более вызывающий и неприкрытый характер. А что касается переговоров в Совместной комиссии, то американская делегация делала все, чтобы завести их в тупик, подвести мировое общественное мнение к заключению о невозможности достижения соглашения с Советским Союзом и таким образом оправдать передачу корейского вопроса на рассмотрение Организации Объединенных Наций.

Для срыва работы Совместной комиссии был избран вопрос о консультации с корейскими демократическими партиями и организациями. В результате махинаций американцев и их агентуры заявления на участие в консультациях поступили от 425 партий и организаций Южной Кореи. Общее число их членов выражалось фантастической цифрой — 70 млн. человек, — в то время как все население этой части страны составляло примерно 19 млн. человек. Американская делегация рассчитывала таким образом при проведении консультаций обеспечить большинство для правых реакционных группировок, покровительствуемых военной администрацией, и не допустить преобладания действительно демократических партий, явно доминировавших в политической жизни и Севера, и Юга. Свои карты американская делегация раскрыла, когда ее глава генерал Браун 3 июля 1947 г. заявил на заседании Совместной комиссии: «Хорошо известно, что в Корее имеются две главнейшие политические группировки — так называемые правые и левые. Так же хорошо известно, что правые составляют большинство примерно в пропорции 3:2 в общей политической картине Кореи». Американская делегация старалась выдать желаемое за действительное, рассчитывая, что подтасовка указанных данных облегчит формирование такого корейского правительства, которое обслуживало бы интересы США. Она маневрировала, затягивая переговоры с целью выиграть время, необходимое для разгрома демократических сил и укрепления позиций местной реакции. На это были направлены главные усилия американского командования в Корее, перешедшего летом 1947 г. к открытому террору против левых партий и организаций.

Когда в результате последовательной и твердой позиции советского командования и советской делегации в Совместной комиссии, а также нараставшего противодействия демократических сил в Корее американцы убедились в тщетности своих попыток создать с помощью Совместной комиссии реакционное правительство, они решили действовать напролом. Не ожидая завершения переговоров с советской стороной, правительство США в сентябре 1947 г. заявило о передаче корейского вопроса на рассмотрение ООН, несмотря на то что этот вопрос не входил в компетенцию этой организации, поскольку являлся частью общего вопроса о послевоенном урегулировании и как таковой должен был решаться заинтересованными государствами на основе достигнутого

между ними международного соглашения. Было совершенно ясно, что Соединенные Штаты стремятся использовать корейский вопрос в рамках общей стратегии своего дипломатического наступления на Советский Союз и разжигания «холодной войны». Их замысел состоял в том, чтобы прикрыть авторитетом ООН свои односторонние действия, имевшие целью утвердить контроль США над Южной Кореей.

Поскольку в результате позиции, занятой американской стороной, выполнение Московского решения оказалось невозможным, советская делегация в Совместной комиссии 26 сентября 1947 г. внесла предложение вывести из Кореи одновременно американские и советские войска, предоставив корейцам возможность самим сформировать свое правительство. Это предложение, нашедшее горячую поддержку со стороны самых широких слоев корейского населения, застало американцев врасплох. Они отказались обсуждать его, выдав тем самым намерение надолго сохранить свое присутствие в Южной Корее.

Как и следовало ожидать, американскому правительству удалось проташить в ООН нужные ему резолюции. Сформированная по настоянию Вашингтона специальная Комиссия ООН, хотя по существу и признала, что в Южной Корее отсутствуют условия для проведения свободных выборов, тем не менее в конечном счете уступила давлению американцев и одобрила явно фальсифицированные результаты фарса с выборами. Но для мирового общественного мнения было очевидно, что организация выборов и подведение их итогов контролировались американцами. В кресло «президента» созданного таким образом марионеточного правительства был посажен предатель национальных интересов Кореи, американский ставленник Ли Сын Ман, который был настолько ненавистен корейскому народу, что позднее был вынужден с позором бежать из страны.

Корейский народ гневно протестовал против планов расчленения страны и требовал прекращения вмешательства ООН в ее дела. Во всенародном бойкоте сепаратных выборов участвовали не только партии и организации демократического направления, но и все партии и организации центра, а также ряд правых партий Южной Кореи, в том числе и такие, которые до этого тесно сотрудничали с американскими властями (группировки Ким Гу, Ким Гю Сика).

Единый демократический фронт Кореи, объединивший эти партии и организации, в ответ на сепаратные выборы в американской зоне принял решение провести выборы по всей стране. В результате было сформировано Верховное народное собрание, которое в сентябре 1948 г. провозгласило создание Корейской Народно-Демократической Республики. По просьбе правительства КНДР Советское правительство в конце 1948 г. в одностороннем порядке эвакуировало свои войска из Кореи. Корейский народ еще раз убедился в том, что в отличие от США Советский Союз является действительным сторонником независимости Кореи и ее демократического развития.

Южнокорейское же «правительство» Ли Сын Мана первым делом заключило в августе 1948 г. военное соглашение с США, которое устанавливало их полный контроль над местными войсками и полицией, предоставляло американской военной право заниматься организацией, подготовкой и снаряжением вооруженных сил в Южной Корее и совершенно обходило вопрос о сроках вывода войск США. Соглашение было настолько тяжелым и унижительным для корейцев, что американцы и лисымановцы не осмелились его опубликовать.

Советский Союз, отстаивая национальные интересы Кореи, последовательно противопоставляет агрессивной-экспансионистской политике США, выступает на международной арене с разоблачением существа этой политики и отдельных акций американского правительства. Соединенные Штаты не могут уйти от ответственности перед историей за то, что их

политика нанесла колоссальный, непоправимый ущерб корейскому народу, разделив страну на две части, противопоставив одну часть другой и воспрепятствовав созданию единого демократического корейского государства.

В южной части страны штыками американской армии были приведены к власти предатели корейского народа, старавшиеся выслужиться перед Вашингтоном и рассчитывавшие с его помощью развязать войну, чтобы задушить народно-демократическую республику на Севере полуострова.

Долгие годы США цинично эксплуатировали зависящее от них «большинство» в ООН, поставив его на службу своей политике в Корее. Они использовали эту международную организацию сперва для создания марионеточного южнокорейского правительства, а затем для прикрытия флагом ООН американского вооруженного вмешательства в корейские дела, принесшего неисчислимые жертвы и бедствия корейскому народу. После достижения перемирия в Корее Вашингтон по-прежнему выкручивал руки своим младшим партнерам, чтобы не допустить политического урегулирования корейской проблемы в ходе Женевского совещания министров иностранных дел 1954 г. и последующих обсуждений этой проблемы в ООН.

Но время шло, и соотношение сил в Организации Объединенных Наций изменилось не в пользу США. В ее состав вошли десятки молодых, обретших независимость стран Азии, Африки, Латинской Америки, которым близки и понятны национальные чаяния корейского народа. Эти страны отказываются поддерживать политику Вашингтона. Американская дипломатия потерпела ошутимый провал на сессиях Генеральной Ассамблеи уже в начале 70-х годов, когда делегация КНДР была впервые приглашена участвовать в рассмотрении корейского вопроса. В 1973 г. Генеральная Ассамблея приняла решение распустить Комиссию ООН по объединению и восстановлению Кореи, которая более 20 лет служила орудием империалистического вмешательства во внутренние дела корейского народа. В 1975 г. Генеральная Ассамблея подавляющим большинством голосов высказалась за вывод из Южной Кореи всех иностранных войск, находящихся под флагом ООН. Она призвала принять практические меры к прекращению наращивания вооружений на Корейском полуострове, недопущению военной конфронтации и замене соглашения о перемирии мирным договором.

США отказываются прислушаться к призывам Организации Объединенных Наций. Мир является свидетелем эскалации агрессивности американского империализма, угрожающего миру и безопасности на Дальнем Востоке. В трудной обстановке ведет корейский народ борьбу против происков империалистов и их пособников, отстаивая дело единства и независимости родины. Оплотом этой борьбы является Корейская Народная-Демократическая Республика, чьи миролюбивые конструктивные предложения об объединении страны завоевывают все большую поддержку. Советский Союз, все социалистические государства приветствуют инициативные шаги правительства КНДР, которые открывают возможность решения корейской проблемы единственно правильным и реальным в наше время путем — на основе соглашения, отражающего стремления и требования всего корейского народа.

К 30-летию конференции в Бандунге

В. А. ВАСИЛЬЕВ

В апреле 1985 г. исполнилось 30 лет со времени проведения Бандунгской конференции, сыгравшей важную роль в истории национально-освободительного движения народов Азии и Африки. Значение этой конференции заключается в том, что она заложила принципиальные основы единства афро-азиатских народов в их борьбе против империализма и колониализма, за национальное освобождение бывших колониальных стран и угнетенных народов этих двух великих континентов. Принципы Бандунга явились важным стимулом перестройки международных отношений на новой, демократической основе.

Историческая Бандунгская конференция стала специфическим отражением новой ситуации в мире, перехода независимых стран к политике все более активного противодействия системе империалистических блоков и тенденции к дальнейшему укреплению афро-азиатской солидарности. Этот форум оставил глубокий след в истории мирового национально-освободительного движения в целом.

* * *

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии, создание мировой социалистической системы привели к коренному изменению соотношения классовых сил на международной арене, существенно расширили возможности установления международных отношений нового типа.

Крушение ударных сил мирового империализма имело всемирно-историческое значение для стран Азии, Африки и Латинской Америки. Вступив на путь самостоятельного развития, бывшие колониальные страны из резерва империализма превратились в естественных союзников мирового социализма в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс.

Объективное совпадение основных интересов и целей внесло принципиальные коррективы в содержание и структуру международных отношений социалистических и молодых развивающихся государств в мировой политике, что неоднократно находило свое выражение в их совместных действиях на международной арене, во взглядах и занимаемых позициях в Организации Объединенных Наций и на различных международных форумах.

Процесс становления внешней политики молодых освободившихся стран Азии был сложным и трудным, но неуклонным. Во-первых, формирование их внешней политики было тесно связано с основополагающими идеями национально-освободительных движений, которые для большинства развивающихся стран имели много общего, прежде всего в их антиимпериалистической и антиколониальной направленности. Во-вторых, формирование этой политики определялось спецификой

исторического и политического развития каждой страны, расстановкой и соотношением классовых сил в стране после завоевания ею политической независимости, когда на повестку дня вставал вопрос о выборе пути социально-экономического развития. Важное влияние на формирование внешней политики молодых освободившихся стран оказывают классовые интересы важнейших общественных слоев и групп в зависимости от условий каждой страны и сложного взаимодействия внутренних и внешних обстоятельств.

Усиление позиций стран социализма и их роли в международных делах, начавшийся распад колониальной системы империализма и определенное нежелание большинства стран Азии и Африки подчиняться диктату вызвали серьезную тревогу империалистических держав, и прежде всего США.

Социалистические страны и освободившиеся государства стали все чаще выступать в едином строю борьбы за демократическое обновление мира, за поступательное развитие человечества, за обуздание империалистических сил, стремящихся к мировому господству. По мере укрепления независимости освободившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки все более актуальной становилась задача обеспечения их безопасности и суверенитета с помощью совместных усилий, консолидации освободившихся государств в единое движение или даже организацию, способную противостоять давлению и провокациям со стороны империалистических держав.

Как известно, первая попытка создания такой организации была предпринята в 1945 г. президентом Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мином, предложившим правительству Индонезии принять совместную декларацию об объединении усилий обеих стран в борьбе против колониализма, а также создать комиссию для организации сотрудничества государств Юго-Восточной Азии. В том же 1945 г. в период работы учредительной конференции ООН, проходившей в Сан-Франциско, представители ряда стран Азии и Африки выдвинули идею укрепления сотрудничества и упрочения единства народов двух континентов и обратились с соответствующим призывом к наиболее авторитетному политическому деятелю освободительного движения Джавахарлалу Неру, который откликнулся на это предложение и приступил к разработке принципов консолидации стран обоих континентов в целях усиления борьбы против империализма и колониализма.

В 1947 г. в Дели была созвана конференция, в работе которой приняли участие представители 27 стран Азии и ряда международных организаций ООН, Лиги арабских стран и другие участники. Обращаясь к конференции, Дж. Неру заявил: «Пожалуй, одним из самых существенных последствий европейского господства в Азии была изоляция азиатских стран друг от друга... По мере того как это господство отходит в прошлое, окружающие нас стены падают, и мы снова видим друг друга и встречаемся, как давно расставшиеся друзья»¹. С особой силой на конференции прозвучали идеи осуждения всех форм колониализма, возрождения стран Азии к новой жизни как полноправных членов мирового сообщества. «Страны Азии перестали быть пешками в чужой игре. Они будут проводить свою собственную политику в международных делах»², — подчеркнул в своем выступлении на конференции Дж. Неру.

Предложение о подготовке к созыву конференции афро-азиатских государств впервые было сформировано в заключительном коммюнике встречи в Коломбо представителей Индии, Бирмы, Цейлона, Индонезии

¹ A. Vandenbosch, R. Butwell. Southeast Asia among the World Powers. Lexington, 1957, p. 299.

² Дж. Неру. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления 1946—1964. М., 1965, с. 52—53.

и Пакистана, состоявшейся 28 апреля — 2 мая 1954 г. Выступив с призывом к уважению национального суверенитета развивающихся стран и невмешательству в их внутренние дела, конференция, в частности, подчеркнула необходимость экономического сотрудничества и взаимной помощи в духе «панча шила». На второй встрече указанных выше государств 28—29 декабря 1954 г. в Богоре обсуждались вопросы о целях, сроке, месте и круге участников такой конференции и были приняты соответствующие решения.

Проведение Бандунгской конференции обусловлено следующими факторами:

1) озабоченностью будущим политики неприсоединения перед лицом давления и происков главных империалистических держав в Азии;

2) стремлением к уменьшению угрозы войны путем ограничения определенных очагов напряженности;

3) заинтересованностью в повышении веса афро-азиатских стран в мировой политике.

Следует заметить, однако, что интерес к конференции некоторых кругов определялся стремлением ослабить, если не исключить вообще, влияние мирового социализма в Азии и оторвать КНР от мировой системы социализма, прежде всего от Советского Союза, с помощью этого афро-азиатского форума.

На конференции в Бандунге, которая проходила с 18 по 24 апреля 1955 г., собрались руководители государств разных социально-экономических систем, религий, культурных традиций, но объединенных целью противодействия империалистическому и колониальному диктату. Как говорил один из инициаторов созыва Бандунгской конференции выдающийся политический и государственный деятель Индии Дж. Неру, Бандунг был «частью общего великого исторического процесса», означавшего появление на международной арене в качестве активной политической силы «большой половины человечества». «Всем странам Азии, — подчеркивал Дж. Неру, — нужно встретиться на равных правах во имя общей задачи и цели... Слишком долго Азия была просительницей в западных судах и канцеляриях. Теперь это должно отойти в прошлое. Мы намерены твердо стоять на собственных ногах и сотрудничать как равные с равными со всеми, кто готов сотрудничать с нами. Но мы не намерены быть игрушкой в чьих бы то ни было руках»³.

Дж. Неру был страстным поборником идеи прогресса экономики, возрождения культурного наследия освободившихся стран. Он активно выступал за развитие экономических связей, культурных и научных контактов с Советским Союзом и другими странами социализма, в которых угнетенные народы видели своих друзей и союзников в борьбе за укрепление суверенитета, за независимость и социальный прогресс.

Проникая империализма впервые был противопоставлен фронт афро-азиатских стран, объективно ставший частью мирового антиимпериалистического движения. Неудивительно поэтому, что сама идея созыва конференции сразу же вызвала резко отрицательную реакцию правящих кругов США, Англии и других империалистических государств. Вначале они пытались вообще сорвать конференцию путем организации подрывной деятельности среди стран, выразивших желание принять в ней участие, и направить движение афро-азиатских стран в удобное им русло.

СССР вместе с другими странами социализма выразил поддержку Бандунгскому форуму, рассматривая его как яркое проявление растущего единства афро-азиатских народов в борьбе со всеми формами национального и расового угнетения. Советский Союз выступил с заявлением, в котором выражалась уверенность в том, что конференция в Бан-

³ Дж. Неру. Указ. соч., с. 51, 53.

дуге знает свой вклад в дело укрепления национального самосознания народов Азии и Африки, является новым шагом на пути развития сотрудничества между народами в интересах ослабления международной напряженности и поддержания всеобщего мира.

Солидарность стран Азии, Африки, их поддержка социалистическими государствами стали главной причиной того, что происки реакционных сил против Бандунгской конференции не достигли желаемых результатов.

Стремясь вернуть утраченные позиции, империалистические державы вели подготовку к широкому контрнаступлению на молодые национальные государства, строили различного рода планы подавления национально-освободительного движения. Империалистические государства под фальшивым флагом формирования системы «коллективной безопасности» против коммунизма создавали широкую сеть военных баз, сколачивали военные блоки, пытались вовлечь в них молодые государства Азии и Африки, брали оружием на границах социалистических стран, направляли войска в районы национально-освободительного движения, нагнетали международную напряженность. Осложнение обстановки в Азии и Африке в тот период выдвигало на первый план задачу сплочения всех антиимпериалистических и миролюбивых сил в борьбе против империалистической агрессии, колониализма и расизма, в защиту национального суверенитета, политической и экономической независимости освободившихся государств.

Конференция в Бандунге должна была дать ответ на эти и другие вопросы, вставшие перед азиатскими и африканскими народами, указать им путь борьбы против «холодной войны» и империалистических блоков, за мир и мирное сосуществование. Большое место в работе конференции заняли проблемы борьбы за мир и безопасность народов, за утверждение принципов мирного сосуществования в качестве основы взаимоотношений между государствами с различным социальным строем. Важное значение имела единогласно принятая в Бандунге «Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», в которой провозглашались принципы уважения суверенитета и территориальной целостности всех стран, признание равенства всех рас и наций, уважение права каждой страны на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии с Уставом ООН, отказ от интервенции и вмешательства во внутренние дела других стран, воздержание от актов или угроз агрессии или применения силы, преследующих цель ликвидации территориальной целостности или независимости любой страны, урегулирование всех международных споров мирным путем в соответствии с Уставом ООН, содействие сотрудничеству во имя общих интересов.

Конференция в Бандунге не только признала пять принципов мирного сосуществования, но подняла и развила их в стройную систему, представившую политико-правовую основу взаимоотношений государств с различным социальным строем. Особенность Бандунгской конференции состояла в том, что она собралась не для решения какого-либо конкретного вопроса, а для рассмотрения и одобрения комплекса основополагающих принципов, призванных лечь в основу международных отношений. Значение Бандунгской конференции состоит в том, что на ней была заложена основа единства стран Азии и Африки в борьбе против империализма и колониализма, продемонстрирована твердая воля народов этих стран к борьбе за достижение полной независимости на основе коллективных усилий. Конференция в Бандунге убедительно показала, что сила освободившихся народов в их единстве и сплоченности, в солидарности и сотрудничестве со странами социалистического содружества. Бандунг явился важным шагом в определении достойного места афро-азиатских стран в системе международных отношений. Он стал выражением растущей веры этих стран в собственные силы и их

все большей готовности к коллективным действиям на международной арене при постепенном преодолении противоречий, уходящих корнями в колониальное прошлое. Тем самым было подтверждено предсказание В. И. Ленина о том, что «наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»⁴.

Решения Бандунгской конференции оказали большое влияние на международные отношения, выработку новых норм международного права, а также на активизацию связей между азиатскими и африканскими странами и развитие их отношений с социалистическими странами.

Многие положения, сформулированные в Бандунге, сохраняют свою актуальность и в современной обстановке. Это объясняется прежде всего тем, что конференция в Бандунге отразила объективную историческую тенденцию к сплоченности свободолюбивых и миролюбивых сил, выступающих против колониализма и всех видов национального и расового гнета, против империалистической агрессии, за независимость, мир и международную безопасность. Эта объективная историческая тенденция отражает и ныне основное направление мирового развития.

Помнить об опыте Бандунгской конференции, добиваться материализации ее идей особенно важно для развивающихся стран, их друзей и союзников в наши дни, когда международная обстановка значительно обострилась по вине империалистических кругов США и их партнеров по агрессивному блоку НАТО, по вине реакционных кругов в самих молодых государствах. Империализм меняет свои формы господства над бывшими колониальными и зависимыми странами, выступает в новом облике, в виде неоколониализма, для которого характерны косвенные методы господства и контроля. Это прежде всего монополизация каналов международной торговли и неэквивалентный обмен. Империалистические государства, чтобы удержать свои позиции в освободившихся странах, все чаще прибегают к такому коварному оружию, как дестабилизация. Империалистическая агентура, вступая в союз с реакционными политическими силами в некоторых освободившихся странах, осуществляет наглое вмешательство во внутренние дела этих государств, проталкивает на руководящие посты преданных им людей, подкупает лидеров политических партий и общественных организаций, дискредитирует и убивает патриотически настроенных, прогрессивных деятелей. Типичным примером страны, где империализм осуществлял политику дестабилизации, является Индия. Агенты империализма спровоцировали убийство премьер-министра Индиры Ганди — выдающегося политического деятеля.

ЦРУ все более сосредоточивает свое внимание на Афганистане. Раздувая демагогическую кампанию «защиты» афганских мусульман, посылая в страну своих агентов и банды диверсантов, Вашингтон пытается свергнуть народно-демократический режим в этой стране и поставить ее под свой контроль. Однако никакие уловки империалистов и их агентуры не могут изменить соотношение сил, сложившееся на мировой арене в послевоенные годы. Тем не менее заправилы американского империализма не хотят признать реальную действительность и все еще пытаются претендовать на господствующее положение в мире.

Растущая сплоченность и антиимпериалистическая направленность движения неприсоединения, первый шаг к созданию которого был сделан в Бандунге, никогда не устраивали империалистические державы. Империализм и сейчас прилагает все усилия к тому, чтобы разобщить

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 328.

неприсоединившиеся страны, оторвать их от естественного союзника — социалистического содружества.

ООН признала существование группы неприсоединившихся государств. Между этой группой и социалистическими странами по многим вопросам развивается успешное и плодотворное сотрудничество. Многие государства Азии, особенно Индия, совместно с социалистическими странами вносят существенный вклад в дело международного признания и применения принципов мирного сосуществования как нормы межгосударственных отношений. В этом смысле большой заслугой освободившихся государств является участие в принятии ООН резолюции относительно запрещения ядерного оружия, создания безъядерных зон, разоружения и ограничения гонки вооружений, а также в решении проблем формирования новых международных экономических отношений.

Большое внимание неприсоединившиеся страны уделяют дальнейшему развитию регионального сотрудничества на основе принципов мирного сосуществования и неприсоединения. Зародившееся на азиатской земле движение неприсоединения с присущими ему антиколониальными, антиимпериалистическими чертами накопило богатый опыт в борьбе за мир и безопасность на основе совместных усилий.

Рост могущества сил социализма и демократии обеспечил национально-освободительному движению крепкую и надежную опору. В обстановке обострения международной напряженности, вызванной происками империализма в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке, руководители неприсоединившихся стран в марте 1983 г. собрались в Дели, чтобы продемонстрировать поступательное развитие движения неприсоединения, единство его участников и их верность движению. Конференция в Дели с большей силой, чем предыдущие конференции, показала, что без мира нет деколонизации в полном смысле этого слова, нет подлинной свободы, что в условиях возрастающей опасности ядерной катастрофы нет места пассивности и нейтралитету. Данный форум собрался в обстановке, когда силы империализма во главе с Соединенными Штатами развернули в невиданных масштабах гонку вооружений, особенно ядерных. Они расширяют свою военную, политическую и экономическую экспансию в развивающихся странах, объявляют «сферой своих жизненных интересов» огромные районы земного шара, расширяют и модернизируют старые, строят новые военные базы на чужих территориях. Империалисты все более активно и открыто проводят политику диктата, грубо вмешиваются в дела других государств и народов. И вместе с тем не только не забыт, а, наоборот, еще изощреннее и коварнее применяется старый колониальный метод «разделяй и властвуй». Расколоть единство движения неприсоединения во имя осуществления своих имперских планов — такова была линия империализма раньше. Проявилась она и на форуме в Дели, где, обрабатывая делегатов, активно действовала «команда» США во главе с С. Джонсон из группы американского представителя при ООН.

На конференции в Дели впервые, пожалуй, развивающиеся страны осознали, что опасность ядерного конфликта грозит всему человечеству. И не только осознали, но и заявили об этом в полный голос. «В последнее время, — подчеркнула в своей речи славная дочь индийского народа Индира Ганди, — стали распространять идею, будто тактическое ядерное оружие применимо в «ограниченных войнах». Могущественные государства пропагандируют несостоятельную доктрину сдерживания. Все новые районы вовлекают в зоны, охваченные стратегическими группировками, военными блоками и союзами. Создаются новые базы и объекты. Вот почему наши ответы должны звучать увереннее, должны быть более быстрыми и решительными. Стремление к миру является всеобщим».

Развитие, независимость, разоружение и мир неразрывны. Эта мысль явилась ключевой, определившей ход конференции в Дели и в конечном счете — ее итоги. Оценивая их, можно с уверенностью сказать, что движение неприсоединения осталось верным принципам Бандунга. Оно получило новый импульс для дальнейшего усиления своей активности в борьбе за демократизацию международных отношений, за национальное и социальное освобождение народов, против политики агрессии, проводимой империализмом США.

Важную роль в упрочении тенденций мира и разрядки в Азии играет один из инициаторов встречи в Бандунге — Индия. «Мир, — подчеркивал первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру, — это не просто отказ от войны, а активный и позитивный подход к международным отношениям и проблемам, который ведет к ослаблению существующей напряженности путем решения проблем за столом переговоров, путем растущего международного сотрудничества в различных областях — культурных и научных контактов, расширения торговли и деловых связей, обмена мнениями, опытом и информацией. Мы должны стремиться к устранению всех препятствий, мешающих сближению наших умов и сердец, препятствий, которые могут возникнуть на пути международного сотрудничества».

Воинствующие империалистические круги рассматривают Азию, Африку и Латинскую Америку как арену глобального противоборства с социализмом. Если раньше американские подачки развивающимся странам использовались с целью удержать их в орбите капитализма, то теперь они прежде всего увязываются с военно-стратегическими интересами США. Пресловутый «крестовый поход», объявленный Белым домом, направлен не только против СССР и его союзников, но и против молодых государств Азии, Африки, Латинской Америки. Цель вашингтонских стратегов — подчинить страны «третьего мира» своей воле, свести на нет их роль в мировой политике.

В противоположность этому Советский Союз, все страны социалистического содружества выступают за повышение роли молодых государств в международных делах. Они выступают против попыток вовлечь страны Азии, Африки и Латинской Америки в военно-политические союзы или распространять на них сферы действия существующих блоков. Опыт трех последних десятилетий свидетельствует, что социалистическое содружество и неприсоединившиеся страны занимают общие или близкие позиции по ключевым проблемам современности.

Угроза ракетно-ядерной катастрофы привела ныне в движение широчайшие народные массы в Азии, Европе, Америке, других странах. Ныне, как никогда, важно, чтобы антивоенный потенциал неприсоединения воплощался в конкретные практические действия во имя мира. История учит, что коллективная воля, воплощенная в совместных действиях стран и народов, является самым эффективным оружием в борьбе за мир, национальное освобождение и социальный прогресс. Утверждение прочного мира и безопасности, осуществление принятых в Бандунге принципов мирного сосуществования и сотрудничества равноправных народов отвечают интересам не только народов Азии и Африки, но и всего человечества.

Тайваньский фактор в американо-китайских отношениях

*Н. В. ВАСИЛЬЕВ,
Е. Г. МИРОНЕНКОВ*

На протяжении длительного периода проблема Тайваня является важным противоречием в американо-китайских отношениях. Она возникла в результате попыток Соединенных Штатов предотвратить победу китайской революции и не допустить построения в Китае нового социалистического общества. Попытки Вашингтона противодействовать революционным силам в Китае первоначально воплощались в экономической и военной помощи гоминьдановской реакции, затем в посредничестве, имевшем целью спасти режим Чан Кайши от неизбежного военного поражения, и, наконец, — в содействии сохранению изгнанного с континента гоминьдановского «правительства», обосновавшегося на Тайване.

Вместе с тем гоминьдановский режим на Тайване важен был для Соединенных Штатов тем, что американская администрация стремилась сохранить возможность вмешательства во внутренние дела Китая, держать вопрос об исходе гражданской войны открытым и выжидать благоприятного момента для политического торга с КНР, опираясь на «тайваньский рычаг». Тайваню наряду с другими союзниками Вашингтон стал отводить также определенную роль в системе «сдерживания коммунизма», имея в данном случае в виду Китайскую Народную Республику, которая в 50-е годы воспринималась как угроза американским интересам на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана¹.

Место Тайваня в американской политике по отношению к КНР окончательно оформилось после победы на президентских выборах в 1952 г. кандидата от республиканской партии генерала Д. Эйзенхауэра. Республиканцы осудили в конгрессе США администрацию Трумэна за «потерю Китая» и предприняли шаги для закрепления Тайваня под своим контролем, заключив в 1954 г. с гоминьдановским режимом договор о «взаимной совместной обороне», который формально обязывал Вашингтон защищать остров. Соединенные Штаты совместно с гоминьдановским режимом дважды, в 1955 и 1958 гг., предпринимали попытки обострить военную обстановку в районе Тайваньского пролива, угрожая КНР вооруженным вмешательством. Твердая, последовательная миролюбивая позиция Советского Союза, подтвердившего свою верность советско-китайскому договору о дружбе, союзе и взаимопомощи, позволила избежать в этом районе развязывания крупномасштабного военного конфликта.

С приходом в 1968 г. в Белый дом президента США Р. Никсона происходит определенный пересмотр всей внешнеполитической линии. Процесс переоценки ценностей в политике в отношении Китая был ускорен поражениями американского империализма в Юго-Восточной

¹ In: E. K. Snyder, T. Gredor. The Taiwan Relations Act and the Defence of the Republic of China, University of California, Berkeley, 1980, p. 1—2.

Азии, попытками администрации Вашингтона компенсировать возникшие трудности в азиатской политике США за счет улучшения отношений с Китаем.

Для творцов американской внешней политики весьма существенным было определение общей позиции, которую следовало бы занять в подходе к КНР и Тайваню с учетом задач глобальной и региональной стратегии. Выбор правящей элитой США был сделан в пользу КНР, в то время как место и роль Тайваня, особенно после изгнания его из ООН и других международных организаций, подверглись пересмотру в свете ограниченности возможностей гоминьдановского режима противостоять «росту коммунистического влияния» на Дальнем Востоке. При этом Вашингтон не сбрасывал со счетов важного стратегического положения острова, своих тесных политических, экономических и военных связей с Тайбэем.

Вашингтон, реализуя политику «двух Китаев», занял двойственную позицию. С одной стороны, Р. Никсон демонстрировал готовность развивать американо-китайские отношения, а с другой — предпринимал все меры для обеспечения сепаратного существования острова под контролем США и сохранения там капиталистической системы. Визит Р. Никсона в Пекин в феврале 1972 г. и подписание Шанхайского коммюнике не оказали существенного влияния на позицию Вашингтона по тайваньской проблеме. Вашингтон, видимо, исходил из того, что путем неясных формулировок в данном коммюнике и последующих дипломатических документах можно будет обеспечить на неопределенное время возможность поддержания дипломатических отношений, экономических связей и сохранения договора о «совместной обороне» с Тайванем. Такой подход к решению тайваньской проблемы позволял США развивать связи с КНР при минимуме уступок, давал возможность сохранять фактический союз с Тайванем.

Кроме того, Тайвань на протяжении десятилетий получал значительную военную помощь от США, которая целиком предназначалась для оснащения гоминьдановской армии оружием и боевой техникой американского производства. На острове были построены заводы по совместному производству боевых самолетов и стрелкового оружия.

На начало 80-х годов тайваньская армия насчитывала 500 тыс. человек, из которых 330 тысяч служило в сухопутных войсках, 35 тысяч — в военно-морских, 70 тысяч — в военно-воздушных подразделениях и 39 тысяч — в морской пехоте².

Длительное существование политических, военных и экономических связей между Вашингтоном и Тайбэем содействовало образованию в США прослойки в республиканской и демократической партиях, среди чиновников государственного и правительственного аппарата, представителей банковского и промышленного капитала, частных компаний и фирм, интересы которых тесно переплелись с интересами гоминьдановской бюрократии и политиков на Тайване. Эту прослойку обычно называют «протайваньским лобби» в системе государственного и военно-политического механизма Соединенных Штатов.

Более общие стратегические интересы американского правящего класса, а также личные амбиции Р. Никсона заставили его искать пути решения тайваньской проблемы, не затрагивая прямых интересов «протайваньского лобби» и поддерживающих его консервативных сил. Эти соображения принимались во внимание при разработке «гуамской доктрины», политике «вьетнамизации» войны в Индокитае, а также при выработке планов сокращения американского военного присутствия в районе Тайваньского пролива. На положении, сложившемся вокруг проблемы Тайваня, в огромной мере сказались победы народов Индо-

² In: E. K. Snyder, T. Gredor. Op. cit., p. 25.

китай в борьбе за национальное освобождение, решительно изменившие баланс сил в регионе в пользу мира и социализма.

Администрация Дж. Форда фактически не внесла каких-либо изменений в решение тайваньской проблемы. Вместе с тем темпы американо-китайского сближения в этот период существенно замедлились.

С приходом Дж. Картера в Белый дом (январь 1977 г.) на ключевые посты в Совете национальной безопасности были назначены лица, являющиеся инициаторами использования «китайского фактора» в противоборстве с Советским Союзом и не связанные ни политическими, ни военными, ни экономическими узами с гоминьдановским режимом. Поэтому все предложения З. Бжезинского, М. Оксенберга и других сторонников американо-китайского альянса были направлены на то, чтобы «в лице Китая приобрести надежного проводника интересов США в Азии и способного в случае кризисной ситуации на Дальнем Востоке принять удар на себя»³.

В мае 1978 г. в Пекин направился помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский, который должен был изложить китайским руководителям идеи президента по поводу нормализации отношений между двумя странами. Выбор кандидатуры З. Бжезинского для выполнения этого поручения был не случаен. Дата приезда З. Бжезинского в Китай была приурочена к 20 мая — дню выборов нового президента Тайваня Цзян Цзинго. Этим с внешней стороны незначительным моментом Дж. Картер как бы продемонстрировал свое желание установить дипломатические отношения с Китаем за счет снижения статуса Тайваня во взаимоотношениях Вашингтона с Тайбэем.

С приходом к власти республиканской партии в американской администрации произошли значительные изменения в расстановке сил и соответственно в подходе к комплексу проблем, определяющих уровень и характер отношений с Китаем. Прежде всего это объясняется тем, что Р. Рейган окружил себя советниками с антикоммунистическими взглядами, которые, выступая за развитие американо-китайских отношений в политическом плане, вместе с тем отстаивали сохранение Тайваня в стратегическом активе США, добиваясь, в частности, поддержания военных взаимоотношений с гоминьдановским режимом путем поставок ему современных видов оружия.

Активными сторонниками протайваньского акцента в политике Рейгана выступили влиятельное «тайваньское лобби» в конгрессе США, некоторые крупные американские промышленные корпорации. Немаловажную роль в сохранении американских позиций на Тайване играет Пентагон, который опасается того, что в случае решения тайваньской проблемы остров может быть использован «коммунистическими противниками» для нападения на американские военные объекты, расположенные на территории Японии и Филиппин. Оставаясь же под контролем США, Тайвань, по мнению стратегов Пентагона, при определенных ситуациях может служить целям блокирования действий китайских ВВС и ВМС, создания угрозы экономическим объектам Китая, а также проведения наблюдений за ходом модернизации китайской армии; все это представляется заманчивым для американских военных кругов и делает их сторонниками укрепления американо-тайваньских связей.

Под влиянием этих сил произошла некоторая переоценка американо-китайских отношений и значения Тайваня для США, появились новые импульсы для закрепления острова в системе стратегических и внешнеполитических планов Вашингтона. Все это создало ряд предпосылок для обострения американо-китайских отношений.

³ J. C. Hsiung. The Conceptual Foundations of U.S. China Policy. A Critical Review, School of Law, University of Maryland, 1980, N 2, p. 14.

Во-первых, Тайвань стал рассматриваться сейчас как «естественный», надежный антикоммунистический союзник, тогда как КНР расценивается в качестве партнера «противоестественного», а потому весьма сомнительного в смысле надежности и долговременности.

Во-вторых, Тайвань представляется американским правящим кругам своего рода «витриной преуспевающего капитализма» в Азии, особенно в связи с быстрыми темпами прироста ВВП острова за последние полтора десятилетия (порядка 10 % в год). Это особенно важно для правых сил, ибо данная «витрина» используется главным образом для воздействия на «коммунистический Китай» с его весьма сложными экономическими проблемами.

В-третьих, подчеркивается растущее стратегическое значение Тайваня для США как важного пункта, расположенного вблизи водных путей, связывающих западное побережье Соединенных Штатов и Японию с энергетическими ресурсами Ближнего и Среднего Востока.

Политика администрации Рейгана по тайваньскому вопросу (и более широкому, китайскому) строилась с учетом позиции оппозиционных сил в правящей элите США. Если некоторые политические советники президента ориентировались на долгосрочный характер отношений с Тайванем, то другие придерживались идеи преимущественного развития отношений с КНР. В результате Белый дом должен был принять двойственный прагматический подход к проблеме Тайваня, продолжая лавировать между Пекином и Тайбэем в рамках политики «один Китай, два правительства». Такой поворот американской политики в китайском вопросе произошел, во-первых, из-за довольно жесткой позиции Рейгана по проблеме Тайваня, а во-вторых, в связи с определенной переоценкой места и важности «китайского фактора» в азиатской политике США.

Подобные тенденции вызвали беспокойство в КНР. В связи с двойственной политикой Р. Рейгана китайское руководство подвергло резкой критике действия Вашингтона, обвинив его в том, что закон об отношениях с Тайванем «попирает китайско-американское соглашение об установлении дипломатических отношений и принципы международного права»⁴. В связи с этим было заявлено, что «Китай оставляет за собой право применить силу в решении тайваньской проблемы». Это было одно из первых предупреждений КНР администрации Р. Рейгана, которая продолжала проводить политику «один Китай — один Тайвань». Особой критике подверглось выступление Р. Рейгана в Лос-Анджелесе 25 августа 1980 г., в котором он определил перспективу американской политики в Азии, в том числе и в отношении Тайваня. В частности, Р. Рейган, говоря о политике США на Дальнем Востоке, отметил, что «отношения с Тайванем будут развиваться на основе американского законодательства и будут сохранены все обязательства США по обеспечению безопасности острова».

Не слишком считаясь с протестами китайской стороны, Вашингтон последовательно проводил курс на расширение и углубление связей с гоминьдановским режимом. Экономические отношения США с Тайванем все это время шли по нарастающей линии. Если в 1980 г. торговля между США и Тайванем составила 11 млрд. долл., то в 1983 г. ее объем превысил 13 млрд. долл. Предусмотрено дальнейшее предоставление Тайваню кредитов со стороны Экспортно-импортного банка США и Корпорации частных зарубежных капиталовложений, происходит сосредоточение и консолидация американских предпринимателей вокруг «Экономического совета США — Республика Тайвань», созданного в декабре 1977 г. Немаловажную роль в политике США в отношении Тайваня играет Пентагон, стремящийся сохранить остров в рамках аме-

⁴ «Жэньминь жибао», 4.VII.1981.

риканской военно-политической структуры в западной части Тихого океана. Активизируются различные формы военного сотрудничества между Вашингтоном и Тайбэем: обучение офицерского состава тайваньской армии, подготовка военных специалистов на территории военно-морских и военно-воздушных баз США и т. п.

Важным вопросом, который приобрел большую остроту, является проблема поставок американского оружия и боевой техники Тайваню. Еще в июне 1979 г. министерство обороны США направило в конгресс США список готового к отправке на Тайвань оружия стоимостью 240,7 млн. долл. В этот перечень входили: 48 истребителей F-5E и запасные части к ним, 500 ракет «воздух — земля» типа «Маверик», лазерное оборудование для поисковых целей, противотанковые ракеты. 3 июня 1980 г. госдепартамент США заявил, что Вашингтон готов дополнительно продать Тайваню оружие на сумму 280 млн. долл.: различные виды ракет типа «Гарпун», противолодочные самолеты типа P-3. Со своей стороны Тайбэй обратился к США с просьбой о продолжении совместного производства на Тайване реактивных истребителей F-5E, а также о закупке самолетов F-16, F-18, F-4. В этих же целях Тайвань закупил у США два самолета типа АВАКС⁵.

Соединенные Штаты продолжили реализацию взятых на себя по закону об отношениях с Тайванем 1979 г. обязательств по продаже гоминьдановскому режиму оружия, изображая в пропагандистских целях дело так, будто на Тайвань поставляются оборонительные и устаревшие виды военной техники.

В ответ КНР предприняла ряд мер по оказанию давления на администрацию Р. Рейгана, пытаясь заставить ее отказаться от поставок Тайваню всех видов вооружений. Китай дал понять Вашингтону, что проблема поставок оружия Тайваню в еще большей степени осложнит американо-китайские отношения.

Отражением попыток нейтрализовать тайваньскую проблему и улучшить отношения между США и Китаем явилось так называемое «второе шанхайское коммюнике», подписанное в результате переговоров по проблемам продажи Тайваню американского оружия и опубликованное 17 августа 1982 г. Этот противоречивый документ отразил достигнутый на переговорах компромисс, суть которого состояла в том, что китайская сторона согласилась на продолжение реальных американских военных поставок Тайваню в ответ на словесные заверения Вашингтона сохранить и прекратить их в неопределенном будущем.

В этой связи уместно напомнить, что политика мирного освобождения Тайваня существует в политическом арсенале КНР с 1955 г., когда Чжоу Эньлай заявил на II сессии ВСНП, что, «если бы было возможно, китайское правительство желало бы обсудить с компетентными местными тайваньскими властями конкретные шаги для мирного освобождения Тайваня». С тех пор мирные намерения неизменно присутствовали в подходе КНР к тайваньской проблеме. В частности, в 1973 г. Китаем была сформулирована платформа по этой проблеме, предвосхищавшая в основных чертах нынешние предложения КНР, изложенные в «девяти пунктах». Следует подчеркнуть при этом, что, выдвигая как предпочтительные мирные методы, правительство КНР никогда не отказывалось от своего суверенного права решать эту внутреннюю проблему любыми средствами. Такой остается официальная позиция КНР и в настоящее время.

По другую сторону Тайваньского пролива гоминьдановская администрация все эти годы решительным образом отвергала предложения КНР о мирном воссоединении, наращивала с помощью Соединенных

⁵ In: Nationalists Update Fighter Force: — «Aviation Week and Space Technology», vol. 108, N 22, May 29, 1978, p. 14—16.

Штатов свой военный потенциал. В таком духе же тайваньские власти ответили на обращение правительства КНР от 1 января 1979 г. и на «девять пунктов», а по поводу совместного коммюнике от 17 августа 1982 г. заявили Соединенным Штатам протест.

Игнорируя протесты КНР, США поставили Тайваню в 1983 г. оружия на сумму 800 млн. долл., а в 1984 г. — на 780 млн. долл.⁶ Это превышает объем продаж в предшествующие годы, что резко противоречит обязательству, принятому Вашингтоном в коммюнике от 17 августа 1982 г.

В рамках тайваньской проблемы, помимо вопроса о продаже оружия, время от времени разгорались и другие споры. В июне 1983 г. американская авиакомпания «Пан-Американ» открыла авиалинию, связывающую США и Тайбэй. В ноябре того же года внешнеполитическая комиссия сената США приняла резолюцию о «будущем Тайваня», а сенат США и палата представителей приняли закон об ассигновании денежных средств, в котором выдвигается требование полноправного членства Тайваня в Азиатском банке развития. Эти решения были расценены в КНР как проявления нового вмешательства во внутренние дела Китая.

Администрация США продолжает поддерживать гоминьдановский режим, что самым серьезным образом противоречит стремлению КНР к восстановлению своей территориальной целостности. Для Китая решение тайваньского вопроса — это эпилог более чем векового периода истории, когда Китай был объектом иностранной агрессии, унижения и создания колониальных анклавов на своей территории.

Что касается места и роли тайваньской проблемы с точки зрения перспектив американо-китайских отношений, то не вызывает сомнения, что они будут оставаться одним из важнейших спорных вопросов и предметом постоянного беспокойства для обеих сторон. Нельзя исключать и резкого расхождения позиций между двумя странами как по отдельным компонентам, так и по всей проблеме в целом.

Администрация Р. Рейгана до середины 1983 г. укрепляла свои связи с Тайванем, но она не сбрасывала со счета и того обстоятельства, что снижение уровня отношений с КНР может сказаться на американской стратегии как на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, так и в глобальном масштабе. С учетом этого в политических кругах США нередко повторяют мысль о том, что тайваньская проблема должна решаться на двусторонней основе мирным путем; некоторые американские политики и ученые выступают за образование на Тайване самостоятельного китайского государства. Подобные идеи выдвигаются для того, чтобы замаскировать истинные намерения правящих кругов США в отношении Тайваня и как можно дольше без ущерба для развития американо-китайских отношений оттягивать справедливое решение тайваньской проблемы, так как Соединенные Штаты исходят из того, что КНР вряд ли пойдет на решение вопроса военным путем.

Целый ряд факторов, по оценке американских специалистов, будет серьезно ограничивать возможность военных действий КНР против Тайваня, в частности особенности географического положения острова, отсутствие у Китая необходимых современных военно-транспортных средств, сложность обеспечения достаточной концентрации вооруженных сил на тайваньском направлении, вероятность остронегативной реакции по стороны США, Японии, стран Западной Европы в случае подобной акции.

Вместе с тем американские политики не исключают полностью возможности использования со стороны КНР средств давления на Тайвань, таких, как военная блокада острова, попытка захвата прибреж-

⁶ In: «Far Eastern Economic Review», April 14, 1983, p. 44.

чных островов Цзиньмэнь и Мацзу, экономическая блокада, шаги по организации политической борьбы против гоминьдановского господства на самом острове.

Следует подчеркнуть, что такая линия поведения КНР поставила бы США перед сложной проблемой, поскольку законом об отношениях с Тайванем предусмотрена реакция американского правительства на подобную ситуацию как «на угрозу миру и безопасности в западной части Тихого океана».

В целом роль тайваньской проблемы в будущем в системе американо-китайских отношений зависит от целого ряда факторов. Сюда относятся акценты в политических курсах США и Китая по отношению к Тайваню и внутривнутриполитической ситуации на Тайване.

Что касается текущего момента, то тайваньская проблема продолжает оставаться спорным моментом в отношениях между США и КНР. Им пока что не удалось найти долгосрочного решения этой проблемы.

При современном положении дел можно выделить два уровня воздействия этой проблемы на перспективы американо-китайских отношений. Как минимум, она будет выступать в качестве причины периодических трений и конфликтов, заглушаемых стимулами к сближению и вновь выходящих на поверхность в связи с обострением иных противоречий; как максимум, при определенных условиях противоречия по тайваньской проблеме могут перерасти в более серьезный конфликт и привести к регрессу во взаимоотношениях между США и КНР.

Нет никаких сомнений, что тайваньский вопрос является большим препятствием на пути стабильного и долгосрочного развития американо-китайских отношений, так как США делают все для того, чтобы увековечить свой контроль над Тайванем и не прекращают грубого вмешательства в дела КНР.

Экономическое проникновение Японии в Южную Корею

*Д. МУН,
кандидат экономических наук*

До начала 60-х годов экономическая экспансия в Южную Корею монополю осуществлялась США. Они занимали доминирующее положение в сбыте товаров на южнокорейском рынке. При этом Вашингтон стремился развивать экономические отношения с южнокорейским режимом лишь в той мере, в какой они способствовали бы стабилизации экономического и политического положения сеульского режима, превращению Юга Корейского полуострова в важный военно-стратегический плацдарм империализма на Дальнем Востоке. Углубление общего кризиса капитализма и обострение социально-экономических противоречий на Юге Кореи, хронический дефицит платежного баланса и истощение золотых запасов США, успехи социалистического строительства в КНДР, которой оказывали помощь СССР и другие социалистические страны, заставили Вашингтон отказаться от монополии на экономическое вторжение в Южную Корею и допустить туда в известных пределах капитал из других государств. К такой коллективной экспансии Соединенные Штаты стремились подключить в первую очередь Японию с целью переложить на нее часть расходов по укреплению южнокорейского режима, глубже втянуть ее в свою дальневосточную политику и в какой-то мере ослабить японское влияние на американском рынке за счет некоторых уступок на южнокорейском.

Япония, со своей стороны, была весьма заинтересована в активном проникновении в южнокорейскую экономику. Превосходное знание этого рынка, географическая близость и крайне низкая стоимость рабочей силы делали Юг выгодным объектом приложения капитала и внешне-торговой экспансии. Кроме того, развивая экономическое сотрудничество, Токио рассчитывал поднять военно-экономический потенциал Южной Кореи, которую рассматривал как «передовую линию обороны» Японских островов. В свою очередь Сеул считал необходимым активно привлекать японский капитал, вести более широкую торговлю с Японией для экспортноориентированной индустриализации и достижения амбициозной цели — добиться военного и экономического превосходства над КНДР, что позволило бы, как мыслила сеульская верхушка, диктовать свои условия в вопросах объединения Кореи.

При таких обстоятельствах вполне естественно было и активное содействие и посредничество США в деле нормализации отношений между бывшими метрополией и колонией, достигнутой в декабре 1965 г. Это, в свою очередь, положило начало интенсивному проникновению японского капитала, широкой внешне-торговой экспансии Японии в Южную Корею и созданию в дальнейшем основы тройственного альянса Вашингтон — Токио — Сеул, направленного против КНДР и других социалистических стран.

Экономическая экспансия

После того, как доступ в южнокорейскую экономику был широко открыт, туда с Японских островов буквально хлынул относительно избыточный капитал, ожидавший выхода. С самого начала он носил государственно-монополистический характер: экспорт частнокапиталистических и государственных инвестиций органично сливался в едином потоке капитала, основная часть которого поступала в Южную Корею в заемно-кредитной форме.

Нарастившая в целом предоставление займов и кредитов сеульскому режиму, Япония распределяла их по времени крайне неравномерно: мощный поток ссудного капитала иногда сокращался до размеров небольшого ручейка, за которым устремлялись новые массы финансовых средств. Такая неравномерность была связана с тем, что на размер займов, направляемых Японией в Южную Корею, сильно влияли политические отношения между ними, которые периодически заметно охлаждались. Дозируя займы и кредиты, Токио стремился умерить некоторые чрезмерные, с его точки зрения, требования Сеула и сделать южнокорейский режим более «попослушным». Так, в 1975 г., в обстановке ухудшения двусторонних политических отношений¹, Япония в 6,2 раза сократила выдачу заемных средств Югу по сравнению с предыдущим годом.

За 1966—1983 гг. Япония экспортировала в Южную Корею ссудный капитал объемом в 4355 млн. долл. — 13,4 % кумулятивного итога поступивших в южнокорейскую экономику заемных средств. По этому показателю она уступает только США, сохранившим за собой главную ответственность за судьбу капитализма в южной части Корейского полуострова.

Значительную часть (около 38 %) этих средств Япония предоставила Сеулу в форме государственных займов. Всего за 1966—1983 гг. она экспортировала в Южную Корею в виде займов 1660 млн. долл. Начав экономическую экспансию в Южную Корею позже многих других стран, Япония быстро вошла в число крупнейших экспортеров государственного капитала в эту страну, уступая в этом плане только США.

Предоставление Японией государственных займов обычно обуславливалось обязательствами Сеула по закупке японских товаров. Поэтому экономическая «помощь» Японии по государственному каналу была в первую очередь помощью самой себе, так как служила расширению японского экспорта товаров. Государственные займы, предоставленные Японией, Сеул использовал для расширения, реконструкции железных и автомобильных дорог, портов, строительства электроэнергетических и других инфраструктурных объектов, металлургического комплекса в городе Пхохане и связанных с ним объектов. На правительственные займы Южная Корея закупала в Японии также продовольственные то-

¹ Это ухудшение возникло на почве территориального спора и неудавшегося покушения на жизнь Пак Чжон Хи, совершенного японцем корейского происхождения Мун Се Гваном. Объект территориального спора — небольшой островок в Японском море, называемый по-японски Такэсима, а по-корейски — Токто. Кроме того, в споре за острова Сэнкаку, развернувшимся между Японией и КНР, подает свой голос ряды с Тайванем и Южная Корея, также претендующая на эти острова. Что касается неудавшейся попытки Муна убить южнокорейского диктатора, то сеульские власти обвинили японское правительство в попустительстве деятельности «прохвильянской» Лиги корейцев в Японии (Чочхонён), с которой был якобы связан Мун, и потребовали положить конец существованию этой лиги. Японские правящие круги отвергли эти обвинения, расценив домогательства Сеула как прямое вмешательство во внутренние дела Японии. Немаловажную роль в ухудшении японо-южнокорейских отношений сыграло и то, что южнокорейским властям было выгодно время от времени раздувать антияпонские настроения и тем самым ослаблять накал выступлений против антинародного режима.

вары, в основном рис, для покрытия дефицита в продовольственном балансе.

Начиная с 1971 г. по специальным двусторонним соглашениям Япония предоставляла Южной Корее иеновые займы. Эти займы, выдаваемые по линии «официальной помощи развитию», использовались для развития производства экспортных товаров, модернизации сельского хозяйства и морского промысла, приобретения комплектующего оборудования для заводов по выпуску синтетических волокон и резины, цемента, а также для смягчения напряженности платежного баланса. Всего за 1971—1980 гг. японское правительство передало в распоряжение сеульских властей иеновые займы на сумму, эквивалентную 879 млн. долл.

В соответствии с вступившим в силу в декабре 1965 г. Соглашением о репарациях и экономическом сотрудничестве, Япония вплоть до 1975 г. выплачивала сеульскому режиму репарации. Репарационные платежи размером в 300 млн. долл. были направлены на развитие металлургии, сельского хозяйства, морского промысла, на строительство плотин, скоростных автомагистралей, железных дорог, портов и других объектов производственной инфраструктуры.

По репарациям, естественно, не взимались проценты, и формально они являлись безвозвратными. Однако Япония, предоставляя их, навязывала Сеулу различные обязательства политического и экономического характера. «Безвозмездно» передавая часть своих бюджетных средств Южной Корее, Токио, равно как при выдаче займов, стремился прежде всего обеспечить и закрепить наиболее благоприятные социально-экономические условия для экспорта частного предпринимательского капитала и извлечения максимума прибыли и способствовать завоеванию рынка многих промышленных товаров в Южной Корее.

Наибольший объем капитала Япония экспортировала в Южную Корею в форме коммерческих кредитов. К концу 1983 г. сумма таких кредитов достигла 2690 млн. долл. — 59,5 % всех японских капиталовложений в южнокорейскую экономику². Коммерческие кредиты, полученные Югом от Японии, использовались для развития нефтехимии, нефтеперерабатывающей, химической промышленности, электроэнергетики, связи, машиностроения, автомобилестроения, производства специальных сортов стали.

Коммерческая выгода, связанная с предоставлением этих кредитов, объясняет их преобладание в общем объеме ссудного капитала, экспортированного в Южную Корею. Кредитование товарного экспорта в эту страну служило Японии средством форсирования и выгодного сбыта своих товаров. Частный капитал полностью связывал кредит с поставщиками, а компании-экспортеры диктовали монопольно высокие цены.

Следует отметить, что Япония предоставляла кредиты Южной Корее на гораздо более благоприятных условиях, чем другие государства. Довольно длительное время ссудный процент частных заемных средств Японии держался на уровне 3,25—5,75 %, редко поднимаясь до 7,75 %. Срок погашения длился от 5 до 25 лет, а льготный период отсрочки удерживался в пределах 7 лет, лишь временами сокращаясь до 1,5—5 лет³. Некоторая часть кредитов предоставлялась без процентной ставки. Однако последнее не означало бесплатного предоставления кредита.

² См.: В. И. Шипаев, Япония и Южная Корея («Помощь развитию» и ее последствия). М., 1981, с. 113; «Гэккан тэсэн сирё», 1983, т. 23, № 3, с. 65, 74; «Кэйлэй хёрон», 1983, № 7, с. 56, 58; «Korea Herald», 10.III.1984.

³ Для сравнения: установленная США и странами Западной Европы максимальная норма ссудного процента составила 12 %, а минимальная — 9 % (см. В. И. Шипаев, Япония и Южная Корея..., с. 117, «Гэккан тэсэн сирё», 1983, т. 23, № 3, с. 67).

поскольку величина коммерческого процента по нему тесно связывалась с ценами поставляемых товаров, то есть процент частично или полностью включался в контрактную цену.

По экспорту в Южную Корею ссудного капитала в виде коммерческих кредитов Япония занимает весьма заметное место. Удельный вес ее в общем объеме частных кредитов, полученных Сеулом за 1959—1983 гг., исчислялся в 20,1 %⁴. В этом отношении она также уступает только своему заокеанскому конкуренту.

Японская экономическая «помощь» в виде репараций, правительственных займов и коммерческих кредитов явилась для Южной Кореи одним из важных средств накопления капитала. В результате воспроизводство общественного капитала Южной Кореи оказалось тесно связанным с японским. И если Сеул стремился использовать эту «помощь» для сокращения разрыва между внутренними и требуемыми накоплениями, то Токио рассматривал ее как мощное орудие втягивания Южной Кореи в качестве эксплуатируемой части в систему производственно-го комплекса Японии. В этом проявилось одно из главных противоречий между Японией и Южной Кореей.

В сфере прямых инвестиций в Южной Корее японские монополии занимают ведущую позицию, далеко опережая даже американские ТНК, которые начали разворачивать там предпринимательскую деятельность значительно раньше конкурентов. Неравномерно внедряясь в южнокорейскую экономику, японские прямые капиталовложения к концу мая 1984 г. достигли по балансовой стоимости 861,3 млн. долл. против 498,4 млн. долл. американских, что равнялось соответственно 48,2 и 27,9 % всего объема иностранных инвестиций, непосредственно помещенных в Южной Корее⁵.

Японские компании вкладывают свои капиталы в основном в трудоемкие и экологически вредные производства. Особенно энергично они проникают в текстильную, электротехническую, химическую, автомобильную, судостроительную и другие отрасли обрабатывающей промышленности, на долю которой приходится около 84 % всех японских прямых вложений в южнокорейскую экономику⁶. Активную деятельность развернули они и в сфере услуг.

Особо следует подчеркнуть, что японские ТНК преуспели больше, чем компании других стран, в переводе в Южную Корею неприсмлемых с экологической точки зрения производств. Перезапуская «грязные» производства в другие страны, в том числе в Южную Корею, Япония, где разрушительные последствия капиталистической сверхиндустриализации ощущаются с особой остротой, пытается хотя бы частично решить проблему охраны окружающей среды.

Характерно, что прямые инвестиции японских монополий в южнокорейскую экономику предназначаются преимущественно для производства товаров на экспорт. Из десяти отраслей промышленности, куда направлялся основной поток таких инвестиций, в восьми они вложены в производство товаров на внешние рынки. В противоположность этому основным направлением деятельности американских ТНК в Южной Корее являлось замещение экспорта товаров из США производством их на месте⁷. Поэтому большинство японских и американских компаний, открывших свои филиалы или дочерние компании в Южной Корее, практически не конкурируют на местном рынке.

Разумеется, «мирное сосуществование» американских и японских ТНК в Южной Корее носит относительный характер. Их интересы на

⁴ In: «Korea Herald», 10.III.1984.

⁵ Ibid., 2.VI.1984.

⁶ См.: «Гэкан тэсэн сирё», 1982, т. 22, № 5, с. 60.

⁷ См. подробнее: «Hitotsubashi Journal of Economics», 1980, vol. 20, N 2, p. 29.

местном рынке все же сталкиваются. Во-первых, ряд японских филиалов и дочерних компаний в Южной Корее выпускает товары для местного рынка. Во-вторых, японские предприятия экспортной ориентации довольно значительную часть своей продукции реализуют на месте. В-третьих, в перспективе не исключено в погоне за высокой прибылью взаимопроникновение капиталов США и Японии в их «законных» сферах предпринимательства.

Еще одной особенностью японских прямых инвестиций в Южной Корее является то, что значительная их часть осуществляется мелкими и средними предприятиями в отраслях с устаревшей технологией. Из всех объектов японских прямых инвестиций в южнокорейской экономике лишь 24 % осуществлены крупными компаниями с числом занятых более 300 человек. По состоянию на конец 1980 г. вложения предприятий мелкого бизнеса Японии были сосредоточены в 525 объектах на Юге⁸. Безусловно, экспорт капитала японскими фирмами второй категории в определенной мере сглаживал остроту проблем, связанных с «двойственной структурой» японской экономики.

Опираясь на свою финансовую и технологическую мощь, японские ТНК захватывают ключевые позиции во многих отраслях южнокорейской промышленности. Японский капитал контролирует 100 % химической, алюминиевой, стекольной промышленности, 80 % производства стального проката и холодильников, 50 % цементной промышленности Южной Кореи⁹.

Японские монополии захватили сильные позиции и во внешнеторговых операциях Южной Кореи. Начиная с 1978 г. на долю японских торговых компаний приходилось около 10 % посреднических операций в южнокорейском экспорте. Особенно значительна роль «сого сёся» — универсальных торговых монополий Японии — в экспорте южнокорейских товаров на японский рынок. В 1978 г. через них было осуществлено 58,1 % вывоза южнокорейских товаров в Японию, а в 1981 г. — 40 %¹⁰. Юг затрачивает немалые средства на оплату посреднических операций японских фирм.

Примерно с середины 70-х годов стала наблюдаться тенденция изъятия японскими компаниями своих капиталов из Южной Кореи. В середине 1979 г. известная японская компания «Итотю сёдзи» полностью репатрировала свой капитал из смешанной фирмы «Сонсан сомью». Другая японская компания, «Хонда гикэн», также была вынуждена изъять капитал из смешанного предприятия «Киа киён кон», в марте 1980 г. «Мацусита дэнки» вышла из фирмы «Кориа нэшил». Прекратила свое участие в смешанном предприятии «Вошин сонн» известная фирма «Сонн», «Канэбо» и «Томэн» отказались от участия в компании «Тондо ыйе». Из Масанской экспортной зоны Южной Кореи намерены перевести свои капиталы в другие страны и территории ЮВА японские компании «Мицун дэнки», «Тайё юдэн», «Нихон кэбуру сисутэму», «Марунти кокан» и др. Как писала японская газета, «более половины японских предприятий в Масанской зоне выражает желание покинуть Южную Корею, если удастся продать активы по приемлемым ценам»¹¹. Под воздействием этого обстоятельства (в сочетании с мерами Сеула по ограничению притока мелких вложений) японские прямые инвестиции в 1977—1981 гг. сократились до 214,9 млн. долл. по сравнению с 376,9 млн. долл. в 1972—1976 гг.¹²

⁸ «Кэйдзай», 1982, № 218 (8), с. 13; «Far Eastern Economic Review», 1982, vol. 116, N 20, p. 68.

⁹ См.: «Правда», 16.IX.1980.

¹⁰ «Гэккан тёсэн сирё», 1982, т. 22, № 5, с. 62.

¹¹ «Ниппон кэйдзай симбун», 4.VIII.1979.

¹² In: «Korea Herald», 2.XI.1984.

Причинами столь странного на первый взгляд поведения японских компаний являются: рост заработной платы рабочих в Южной Корее, вследствие чего утрачивает свое значение весьма привлекательный для иностранного предпринимательского капитала фактор — крайняя дешевизна местной рабочей силы; меры сеульских властей по некоторому ограничению иностранного предпринимательства и повышению доли национального капитала в смешанных предприятиях под давлением местной буржуазии; ухудшение конъюнктуры как на внутреннем, так и на внешнем рынках, затрудняющее выгодную реализацию товаров; превращение Южной Кореи в конкурента Японии на мировом рынке; нестабильная в течение длительного времени внутривластная обстановка.

Надо отметить, что все же большинство японских компаний крепко обосновались в Южной Корее и собираются еще долго выкачивать огромные прибыли, нещадно эксплуатируя местную рабочую силу, которая однако остается дешевле японской, например в обрабатывающей промышленности в 5—6 раз¹³. В последние годы наблюдается даже новая волна инвестиционного бума японских компаний в южнокорейской экономике. Если в 1981 г. непосредственные вложения японского капитала в экономику Юга составили 34,6 млн. долл., то в 1983 г. — 167,5 млн. долл., то есть примерно столько же, сколько за весь период 1977—1980 гг.¹⁴

Массированное привлечение ссудного капитала из Японии и других стран привело к огромному росту внешнего долга Южной Кореи. К концу 1983 г. его размер достиг астрономической суммы 40,1 млрд. долл. Вместе с ростом задолженности быстро увеличивались расходы в счет погашения займов, кредитов и процентов по ним, которые достигли в 1983 г. 6 млрд. долл. Только на выплату процентов по займам и кредитам Сеул израсходовал в 1981 г. 3,7 млрд. долл., а в 1982 г. — 3,9 млрд. долл. — цифры, наглядно свидетельствующие о значительной финансовой эксплуатации Южной Кореи экспортерами ссудного капитала, в том числе Японией¹⁵. Естественно, что общий размер реально используемых средств, привлекаемых извне, уменьшался из-за выплачиваемых процентов за ранее полученные кредиты.

В условиях нарастающей утечки финансовых ресурсов для выплаты внешнего долга, реализации программы укрепления военно-экономического потенциала и дальнейшей индустриализации хозяйства Южная Корея постоянно испытывает острую нехватку капиталонакоплений. В этой обстановке на японо-южнокорейских переговорах министров иностранных дел, проходивших в Токио в августе 1981 г., южнокорейская сторона запросила у японской займы на льготных условиях 6 млрд. долл., главным образом для «обеспечения безопасности». Сославшись на разные причины, японская сторона заявила о невозможности оказать «помощь» в таком размере. В результате полуторгового торгового Сеулу удалось добиться согласия Токио на предоставление ему меньшей суммы — 4 млрд. долл. Во время визита японского премьер-министра Я. Накасонэ в Южную Корею (11—12 января 1983 г.) было подписано соглашение о займах и кредитах, согласно которому Япония в течение 7 лет предоставит Сеулу экспортные кредиты размером в 2150 млн. долл. с 7,75 % годовых и неновые займы по линии «официальной помощи развитию» на сумму, эквивалентную 1850 млн. долл. (в том числе банковские кредиты на 350 млн. долл.).

¹³ Подсчитано по: «Кикай юсюцу», 1982, т. 30, № 7, с. 36.

¹⁴ Ип: «Korea Herald», 2.VI.1984.

¹⁵ См.: В. А. Маринов, А. В. Торкунов. Южная Корея — база империализма на Дальнем Востоке. М., 1979, с. 63; «Гэкан тэсэи сирё», 1983, т. 23, № 3, с. 62; «Тонъа ильбо», 19.I.1984.

со сроком погашения в 18 лет при 7-летнем льготном периоде и 4—4,5 % годовых¹⁶.

Энергичное проникновение японского капитала в Южную Корею привело к ее экономической зависимости от крупнейшего в Азии капиталистического государства. Новая обильная инъекция финансовых ресурсов еще значительно усилит зависимость Юга от бывшей метрополии.

Внешнеторговая экспансия

В отличие от экспорта капитала товарообмен Японии с Южной Кореей начался задолго до нормализации двусторонних отношений. Он был восстановлен вскоре после окончания второй мировой войны в условиях оккупации американскими войсками Японских островов и Корейского полуострова южнее 38-й параллели. Торговля между бывшими метрополией и колонией на базе наличного расчета в долларах велась с разрешения оккупационных властей в Японии и американского военного командования в Южной Корее.

В 40—50-х годах Япония экспортировала в Южную Корею текстильные изделия, бумагу, лесоматериалы, металлы, металлоизделия, машины, химические лекарственные препараты и другие товары обрабатывающей промышленности, а также племенной скот. Импортировала она из Южной Кореи в основном продукцию горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства и морских промыслов. Таким образом, структура японо-южнокорейской торговли сохраняла характер колониального прошлого, когда Япония поставляла в Корею преимущественно готовые промышленные товары, а вывозила оттуда минеральное, сельскохозяйственное сырье и морские продукты.

Даже при отсутствии дипломатических отношений Япония являлась одним из важнейших торговых партнеров Южной Кореи. Вплоть до 1964 г. Япония была крупнейшим контрагентом в южнокорейском экспорте. Временами на ее долю приходилось более половины всего вывоза Южной Кореи. В 1960 г., например, удельный вес Японии в южнокорейском экспорте составил 61,6 %. В южнокорейском ввозе доля Японии была скромнее, хотя достаточно значительна (в том же году — 20,5 %). До нормализации отношений для двусторонней торговли была характерна несбалансированность: экспорт Японии в Южную Корею, как правило, значительно превышал обратный поток товаров.

После установления дипломатических отношений двусторонняя торговля стала расширяться чрезвычайно быстрыми темпами. Если в 1965 г. товарооборот Японии с Южной Кореей составлял 210,6 млн. долл., то уже в 1970 г. — 1049 млн. долл., то есть за 6 лет он увеличился почти в 5 раз. Причинами этого служили форсированная экспорт-ориентированная индустриализация Южной Кореи, энергичное проникновение японского капитала в южнокорейскую экономику и экспортная экспансия Японии, переживавшей тогда промышленный бум.

Особенно резко взаимный товарооборот возрос в 1973 и 1974 гг., 1975 г. был особым в развитии торговых связей Японии с Южной Кореей: впервые после установления дипломатических отношений товарооборот между ними сократился на 6,8 %. Это было вызвано теми же самыми причинами, которые привели к сокращению экспорта японского ссудного капитала в Южную Корею.

Взаимоотношения Токио с Сеулом строятся на принципах общей борьбы с социализмом. Вследствие этого возникавшая между ними напряженность вскоре была ослаблена при посредничестве США. Это

¹⁶ «Хангук кёнчже синмун», 13.I.1983.

немедленно сказалось на развитии двусторонней торговли. Уже в 1976 г. товарооборот между ними вновь значительно увеличился и достиг 4901 млн. долл. В последующие годы взаимная торговля продолжала расширяться. В 1979 г. товарооборот достиг рекордного на сегодняшний день уровня в 10 010,6 млн. долл.

В 1980 г. товарооборот между Японией и Южной Кореей сократился на 11,1 %. Новое уменьшение объема торговли было связано прежде всего с резким ухудшением хозяйственного положения в Южной Корее, приведшим к падению производства на 5,7 %. Немаловажное значение имело и ухудшение торгового баланса Японии, сведенного в 1980 г. с отрицательным сальдо в 10 721 млн. долл.¹⁷ В этих условиях Япония ограничила импорт товаров из ряда стран, в том числе из Южной Кореи.

Сокращению торговли Японии с Южной Кореей в определенной степени способствовало довольно быстрое расширение японо-китайских торговых связей. КНР энергично вытесняет Южную Корею с японского рынка, экспортируя туда не только нефть, нефтепродукты и уголь, но и текстильные изделия, вольфрам, морские продукты, овощи, фрукты и другие товары, являющиеся важными статьями южнокорейского экспорта. Заметим, что в 1981 г. Китай вышел на второе место по экспорту текстильных изделий в Японию, уступая по этому показателю только Южной Корее. В 1982 г. КНР отеснила Южную Корею на второе место по сбыту вольфрамовой руды и одежды на японском рынке. Отмечая энергичное проникновение КНР на японский рынок текстильных изделий, японский журнал пишет: «Если так будет продолжаться, то вопрос захвата (Китаем. — Д. М.) ведущей позиции у Южной Кореи — дело времени»¹⁸.

Уменьшение объема двусторонней торговли было связано еще с тем, что южнокорейские власти вынуждены принимать меры по диверсификации внешнеторговых связей, добиваясь ослабления чрезмерной зависимости от двух основных партнеров — Японии и США. И наконец, в какой-то мере оно явилось следствием очередного охлаждения японо-южнокорейских отношений, которое произошло под влиянием японской общественности, недовольной подавлением выступлений народных масс в Южной Корее и расправой над видным оппозиционным деятелем Ким Тэ Чжуном.

Очередное сокращение (на 3,4 %) товарооборота Японии с Южной Кореей произошло в 1982 г. Оно было обусловлено главным образом серьезным сдвигом в направлении развития южнокорейской экономики, который был порожден попыткой Сеула преодолеть обостряющееся противоречие между экспортной ориентацией и потребностью в дальнейшем хозяйственном росте. В условиях нарастающих трудностей сбыта товаров на внешних рынках Юг вынужден осуществлять некоторый перенос центра тяжести хозяйственного развития в сторону импортозамещения и производства товаров для внутреннего потребления. В результате южнокорейский экспорт в 1982 г. увеличился лишь на 1,8 % — самый низкий прирост с 1962 г., а импорт сократился на 6,9 %¹⁹. Несомненно, на сокращении двусторонней торговли сказались и продолжавшиеся японо-южнокорейские трения, которые Белый дом воспринял как помехи для его дальневосточной стратегии. Вашингтону пришлось вновь вмешаться в отношения Токио с Сеулом и подтолкнуть Японию на дальнейшее сближение с южнокорейским режимом.

После визита главы японского правительства в Южную Корею в

¹⁷ Подсчитано по: «Хангук ильбо», 31.XII.1980; Япония, 1982. Ежегодник. М., 1983, с. 320; «Quarterly Economic Review of Japan, South Korea», 3-rd Quarter 1981, p. 30.

¹⁸ «Тюгоку когё цудзин», 1984, № 208—1, с. 11.

¹⁹ In: «Korea Herald», 1, 8.I.1983.

отношениях между последней и Японией наступило потепление, благоприятно повлиявшее на взаимный товарообмен. В 1983 г. объем товарооборота Японии с Южной Кореей увеличился на 7,2 %, составив 9369 млн. долл.

Взаимная торговля развивалась на базе нарастающей экспортной экспансии Японии в Южную Корею и неадекватного расширения встречных поставок. После нормализации отношений с Южной Кореей туда бурным потоком устремились японские товары, буквально наводняя южнокорейский рынок. За 1965—1979 гг. экспорт Японии в Южную Корею увеличился со 167 до 6247 млн. долл.

Правда, в динамике японского экспорта в Южную Корею в указанный период наблюдался спад (который произошел в 1975 г.), когда вывоз японских товаров на южнокорейский рынок сократился на 7,2 %. Несмотря на это, динамика японского экспорта на Юг в целом имела форму крутой кривой восхождения.

В результате широкой внешнеторговой экспансии Японии Южная Корея стала одним из важнейших рынков сбыта японских товаров. В отдельные годы — в 1970, 1973—1974, 1978—1979 гг. — Юг был вторым после США рынком сбыта товаров японских компаний. В 1970 г. на долю Южной Кореи приходилось 4,2 % японского экспорта, в 1973—1974 гг. — 4 %, а в 1978 и 1979 гг. — соответственно 6,2 и 6,1 %.

В результате сокращения японских поставок на Юг в 1980 и 1982 гг. значение южнокорейского рынка для Японии относительно упало. Тем не менее Южная Корея остается одним из главных рынков сбыта продукции японских компаний. В 1983 г., когда японский экспорт в Южную Корею составлял 6004 млн. долл. (заметьно меньше уровня 1979 г.), южнокорейский рынок был третьим по важности для Японии.

Японские компании заняли практически монопольное положение в поставках в Южную Корею таких товаров, как продукция черной металлургии, текстильное сырье, металлорежущие станки, заводское оборудование в комплектах. Так, в 1976 г. на долю Японии приходилось 98,6 % ввоза в Южную Корею сплавов и высокоуглеродистой стали, 85,9 % — синтетического текстильного сырья, 80 % — металлорежущих станков, 75,3 % — термопластических смол. В 1980 г. Япония поставляла 65 % ввозимых в Южную Корею судовых машин.

Экспорт Японии в Южную Корею расширялся медленнее, чем весь южнокорейский импорт. Если за 1965—1983 гг. южнокорейский импорт в целом увеличился в 54 раза, то сбыт японских товаров на южнокорейском рынке — в 36 раз. Это объясняется мерами Сеула по диверсификации географии импорта. Тем не менее они не привели к существенному уменьшению зависимости Сеула от импорта из бывшей метрополии. Если до 1965 г. ведущую позицию в южнокорейском импорте занимали США, то уже с 1966 г. — первого года активного вторжения японского капитала в Южную Корею — они надолго уступили ее Японии. В 1966—1977 гг. удельный вес Японии в южнокорейском импорте составил в среднем 37,5 %, в 1981 г. — 24,4 %. В 1982—1983 гг. ведущее место в южнокорейском импорте вновь заняли США, оттеснив Японию на второй план. В 1983 г. удельный вес Японии в импорте Юга составил 24,2 %, что убедительно свидетельствует о сохранении Японией весьма сильной позиции на южнокорейском рынке²⁰.

При анализе двустороннего товарообмена обращает на себя внимание существенное изменение структуры японского импорта южнокорейских товаров. В ней значительно выросла доля товаров обрабатывающей про-

²⁰ См.: Проблемы экономического развития стран Азии и Северной Африки, с. 205; «Кикай юсюцу», 1984, т. 32, № 4, с. 4; «Гэккан тэсэн сирё», 1979, т. 19, № 2, с. 56—58; 1980, т. 20, № 2, с. 47; Japan, 1981. An International Comparison, Tokyo, 1981, p. 25; «Korea Herald», 1.11.1984; «Zosen», 1982, vol. 27, N 5, p. 46.

мышленности, отражая процесс индустриализации в Южной Корее. В 1983 г. готовые промышленные товары составляли 61,9 % импорта Японии из Южной Кореи против 28,2 % в 1968 г.

При анализе становится ясно, что в этом показателе велика доля продукции трудоемких отраслей — текстиля, одежды, фанеры, обуви, подвижного железнодорожного состава и т. д., — а также экологически вредных производств — например, химического. В этом проявилось стремление японского империализма максимально использовать индустриализацию в Южной Корее в своих интересах: способствуя индустриальному развитию, он создавал там прежде всего трудоемкие отрасли, а в последние годы — экологически вредные производства, причем мощности некоторых из них используются для военного производства. Значительную часть производимой японскими предприятиями в этих отраслях продукции Япония импортирует либо сбывает в других странах под маркой южнокорейских компаний. Такие товары подвергаются меньшим нетарифным ограничениям, чем товары из самой Японии.

По поставкам товаров некоторых указанных отраслей на японский рынок Южная Корея заняла ведущую позицию. Так, она стала крупнейшим экспортером продукции черной металлургии в Японию. В 1983 г. на нее приходилась наибольшая доля в 34,3 % всего японского импорта черных металлов, в том числе 65,6 — тонколистной стали горячего и холодного проката, 58 — горячекатанной широкополосной стали, 50,8 % — листовой стали средней и большой толщины.

В структуре импорта Японии из Южной Кореи до сих пор велика доля продовольственных товаров, сырья и топлива — продукции традиционного ввоза колониального периода и первых послевоенных лет. В 1983 г. она составила 38,1 % ²¹. В этом выразилась определенная преемственность в структуре торговли между двумя странами.

После установления дипломатических отношений Япония продолжала постоянно сводить торговый баланс с Южной Кореей с активом, который имел тенденцию к быстрому росту. «Торговый дефицит Южной Кореи с Японией рос буквально как снежный ком по мере расширения двусторонней торговли», — отмечал южнокорейский журнал «Корна ньюс-ревью» ²². Если в 1965 г. пассив Южной Кореи в торговле с Японией составил 123 млн. долл., то в 1978 г. — 3355 млн. долл. В 1965—1983 гг. японский экспорт в Южную Корею в среднем в 2 раза превышал встречные поставки товаров. В результате кумулятивный итог отрицательного сальдо Юга в торговле с Японией за 1965—1983 гг. составил 26,7 млрд. долл. Преобладающая часть дефицита южнокорейской внешней торговли образовалась именно из-за огромного отрицательного сальдо в торговле с Японией. В 1965—1983 гг. на долю торговли с Японией приходилось в среднем более 75 % всего отрицательного сальдо внешнеторгового баланса Южной Кореи ²³.

Такое положение в японо-южнокорейской торговле обусловлено рядом факторов. Один из них — сильнейшая зависимость Юга от Японии в импорте важнейших видов продукции тяжелой индустрии, в основном товаров производственного назначения, необходимых для индустриализации. Япония является главным поставщиком 12 из 16 важнейших статей южнокорейского импорта. Эта зависимость во многом сложилась вследствие энергичного проникновения в Южную Корею японского капитала, прекрасно знающего местные условия и имеющего тесные связи с местными деловыми кругами, а также его активной «помощи» в экспортно-ориентированной индустриализации. Немаловажную роль сыграло и то,

²¹ Цусё хакусё какурон (Белая книга по внешней торговле). Токно, 1984, с. 275—276; «Тэккокай», 1984, т. 34, № 5, с. 29.

²² In: «Korea Newsreview», 19.VII.1980, p. 18.

²³ In: «Korea Herald», 18.III.1984.

что Южная Корея сама в значительной степени ориентировалась на Японию при приобретении капитального оборудования, техники, промежуточных изделий и других товаров производственного назначения, учитывая достаточно высокое качество японских промышленных товаров при относительно низких ценах и транспортных издержках. В то же время Южная Корея не располагает природными богатствами, которые позволили бы ей покрывать импорт из Японии экспортом минерального сырья и топлива.

Двусторонняя торговля, возможно, была бы более сбалансированной, если бы Япония импортировала южнокорейские товары в таком объеме, в каком могла бы их поставлять Южная Корея. Однако вместо того, чтобы ввозить товары адекватно вывозу или близко к нему, Япония начиная с середины 70-х годов ставит различные препоны на пути продвижения южнокорейских товаров. Это связано с тем, что Юг стал составлять серьезную конкуренцию на внутреннем рынке Японии, нанося определенный ущерб японским предпринимателям. Таким образом, вскормив путем интенсивного вливания капитала «младшего партнера», Япония теперь стремится обуздать новоявленного конкурента, пытающегося наводнить японский рынок дешевыми товарами.

Южная Корея неоднократно поднимала вопрос о выравнивании баланса во взаимной торговле. Однако благоприятного отклика она не добилась. Ей удалось достичь лишь согласия создать специальные комитеты — японо-южнокорейский и южнокорейско-японский — по вопросам сбалансирования и расширения двусторонней торговли. На VI совещании этих комитетов, состоявшемся в 1979 г., южнокорейская сторона потребовала серьезного отношения к вопросу о выравнивании торговых связей и осуществления конкретных шагов по его решению. Японская сторона пообещала сократить таможенные пошлины на 45 видов южнокорейских товаров, но при условии, что будет улучшен статус японских предприятий в Южной Корее. Соответствующие меры были приняты обеими сторонами. Вследствие этого в 1979 г. пассив Юга в торговле с Японией несколько сократился, несмотря на заметный рост японского экспорта на южнокорейский рынок. Но размер пассива все же оставался значительным, поэтому Сеул настойчиво просил Токио организовать специальную миссию, которая изучила бы на месте возможности расширения закупок южнокорейских товаров.

Учитывая обострение японо-южнокорейских противоречий из-за крайне неблагоприятного для Юга баланса во взаимной торговле, Токио вынужден был пойти навстречу этой просьбе. В июле 1980 г. Южную Корею посетила самая представительная делегация в истории двусторонних отношений, состоявшая из 127 человек во главе с президентом одной из крупнейших торговых фирм Японии «Ниссё-Иван» М. Уэда. Основными задачами делегации были ознакомление с состоянием южнокорейской экономики, изучение возможностей расширения импорта южнокорейских товаров в ближайшем будущем и выравнивание баланса торговли между двумя странами в более отдаленной перспективе. Во время визита этой делегации были заключены 510 сделок на общую сумму в 931 млн. долл., достигнута договоренность о регулярной организации выставок южнокорейских изделий в Японии для широкого ознакомления японских покупателей с товарами, производимыми в Южной Корее. Было также решено активизировать сотрудничество между Ассоциацией универмагов Японии и предприятиями Южной Кореи. Эти соглашения имели цель стимулировать импорт южнокорейских товаров в Японию²⁴.

В 1980 г. торговый дефицит Южной Кореи с Японией сократился до 2819 млн. долл. Но это сокращение не столько результат претворения в жизнь достигнутых соглашений, сколько значительного сокращения япон-

²⁴ «Кэйданрэн гэппо», 1980, т. 28, № 10, с. 40.

ского экспорта в Южную Корею. В 1983 г. ее отрицательное сальдо в торговле с Японией уменьшилось до 2639 млн. долл., что обусловлено умеренным ростом поставок японских товаров на южнокорейский рынок после их сокращения в 1980 г., с одной стороны, и непропорциональным расширением обратного потока товаров — с другой.

Несмотря на тенденцию сокращения торгового дефицита Южной Кореи, ее торговля с Японией еще долго будет несбалансированной в пользу последней. Оказывая определенное содействие развитию экспортной базы Южной Кореи, Япония вряд ли допустит ее товары на свой рынок в объеме, могущем нанести ущерб интересам национальной промышленности. При строго лимитированном импорте Японией южнокорейских товаров, к тому же преимущественно потребительских, Югу трудно будет противостоять наплыву встречных поставок японской продукции, главным образом средств производства, и достичь выравнивания взаимной торговли.

Технологическая экспансия

Вывоз капитала Японии в Южную Корею тесно переплетается с торговлей научно-техническими знаниями. Японские монополии рассматривают торговлю техникой как третий путь (наряду с вывозом капитала и экспортом товаров) завоевания южнокорейского рынка, подчинения экономики Юга интересам Японии.

Продажу технологии японские монополии начали еще в 1962 г., когда Южная Корея встала на путь экспортноориентированной индустриализации. В то время Япония форсированными темпами проводила техническую реконструкцию своей промышленности и потому передала устаревшие технологические знания Южной Корее. Коммерческую передачу производственного опыта Югу она начинала нерешительно, здесь сказались не только отсутствие дипломатических отношений с Южной Кореей, но и относительно неразвитый собственный научно-технический потенциал.

Зато после нормализации отношений технологический экспорт Японии в Южную Корею принял лавинообразный характер. За короткий срок японские деловые круги прибрали к рукам львиную долю сделок, связанных с внедрением нового производственного оборудования и соответствующих «ноу-хау» в хозяйство Юга. В 1967 г. Япония поставила южнокорейскому режиму 69,9 % всех приобретаемых им технологических процессов, в 1970 г. — 73,1 %. Всего за период с 1962 по апрель 1984 г. японские монополии заключили 1556 сделок по поставке техники и технологии в Южную Корею, что составляло 56 % всего южнокорейского импорта нового производственного оборудования и «ноу-хау». Заметим, что на долю США в этот период приходилась 23,1 % всей технологической «помощи» Югу²⁵.

Японии удалось занять ведущее положение в торговле научно-техническими знаниями с Южной Кореей в основном благодаря установлению более «благоприятных» условий лицензионной платы по сравнению с другими странами. Установление таких условий не означало проявления доброжелательности к Сеулу. Оно было продиктовано прежде всего необходимостью расширения инвестиционного потенциала частного капитала и продажи нуждающемуся в технической помощи Югу «вчерашней» для Японии технологии.

Япония продавала технику и технологию прежде всего контролируемым ею предприятиям. Поэтому не случайно значительная часть нового производственного оборудования и «ноу-хау», поставляемых Японией в Южную Корею, сосредоточена в машиностроении, радиоэлектронике,

²⁵ Нантёсэн-но кэйдзай (Экономика Южной Кореи). Токио, 1978, с. 403; «Korea Herald», 18.III.1984.

электротехнике, нефтеперерабатывающей промышленности, производстве синтетического текстильного сырья, фармацевтике и судостроении, куда вложена львиная доля японских прямых инвестиций. В результате уже в 1978 г. Южная Корея по техническому уровню судостроения и многих подразделений электротехники отставала от Японии менее чем на 5 лет, а в производстве стиральных машин, холодильников, осветительных приборов, телевизоров, радиоприемников и гальванических элементов практически не отставала²⁶.

Особенно сильно зависят в техническом отношении от японского капитала мелкие и средние предприятия Южной Кореи: в 1980 г. 64 % ее предприятий мелкого бизнеса, получивших от правительства финансовую помощь для технической реконструкции производства, приобрели технологию из Японии²⁷. Японские фирмы мелкотоварного сектора передавали при этом относительно устаревшие технологические процессы и «ноу-хау», приобретая взамен на мировом рынке более прогрессивные.

Осуществляя структурную перестройку своей промышленности, Япония часто передает «младшему партнеру» технологию, приобретенную у других промышленно развитых стран и несколько усовершенствованную ею самой. Таким образом, Юг выступает для Японии рынком сбыта устаревшего оборудования и «ноу-хау». В результате технологической экспансии Японии в Южную Корею южнокорейская экономика становится еще более зависимой от японской.

* * *

Экономическое проникновение Японии в Южную Корею привело к закономерному итогу — к сильнейшей зависимости бывшей колонии от бывшей метрополии, к привязке южнокорейской экономики к японской, превращению Юга в важный рынок сбыта японских товаров и устаревшей техники. В политическом отношении оно привело к дальнейшему втягиванию Южной Кореи в агрессивный военный альянс Вашингтон — Токио — Сеул. Активно следуя американской стратегии — создать азиатский эквивалент НАТО, объединить западный и восточный фланги империалистических блоков, — Япония всячески содействует введению в действие тройственного военного союза. Такая политика Токио означает пренебрежение интересами безопасности своей страны, усиливает конфронтацию на Корейском полуострове и во всем дальневосточном регионе.

²⁶ Тосио Ватанабэ. Гэндай канкоку кэйдзай бунсэки. Кайхацу кэйдзайгаку то гэндай Адэна (Анализ экономики современной Южной Кореи. Политэкономия развивающихся стран и современная Азия). Токио, Кэйсё сёбо, 1983, с. 45.

²⁷ «Гэккан тэсэн сирё», 1981, т. 21, № 12, с. 53.

Актуальные проблемы хозяйственного развития Китая

С. В. СТЕПАНОВ,
В. Я. ПОРТЯКОВ

За 35 лет своего существования Китайская Народная Республика прошла сложный и противоречивый путь развития. Успешное продвижение в направлении строительства социализма в первое десятилетие сменилось вдвое более продолжительным господством левацкой политики, грубо извращавшей важнейшие принципы социализма и приведшей к серьезным деформациям его основ, которые были заложены в 50-е годы при широкой помощи СССР и других социалистических стран. Особенно разрушительными для китайской экономики и жизни всего общества были такие «эксперименты», как «большой скачок» и «культурная революция», которые в век научно-технической революции не только задержали развитие страны, но и поставили под вопрос саму социалистическую ориентацию Китая.

Новый этап в жизни КНР наступил после смерти Мао Цзэдуна. Пришедшее к власти руководство страны внесло во внутреннюю политику серьезные коррективы. Оно попыталось учесть уроки прошлого, хотя делалось это противоречиво и непоследовательно, с националистическими позициями, что во многом связано с личной причастностью многих нынешних лидеров к проведению прежней политики.

Наряду с признанием пагубности волюнтаристских, чисто административных методов управления, преобладавших в годы после «большого скачка», и правильности в целом политики времен первой пятилетки в Китае в последние годы предпринимаются попытки подходить к развитию народного хозяйства с более рациональных позиций, используя некоторые объективные экономические законы, товарно-денежные отношения, принципы материального стимулирования. Китайское руководство подвергло критике «погоню за скороспелыми успехами» и перешло к урегулированию положения в народном хозяйстве, то есть к ослаблению наиболее острых диспропорций и повышению эффективности экономики.

Более трезвый подход к развитию народного хозяйства вкупе с определенным оздоровлением общей обстановки в Китае привели к заметному оживлению экономики страны. В 1981—1984 гг. среднегодовой прирост промышленного производства составил 9,0 %, сельскохозяйственного — 10,3 %, национального дохода — 8,3 %¹. Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства в стоимостном выражении в 1983 г. превзошла плановые показатели, которые должны были быть достигнуты к концу текущей пятилетки (в 1985 г.), оказались выполненными или перевыполненными пятилетние задания по ряду важнейших видов продукции.

Улучшилось материальное положение населения. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих с 63,5 юаней в 1980 г. возросла до 80 юаней в 1984 г., среднедушевые общие доходы крестьян, как показали выборочные обследования, за тот же период возросли с 15,9 до 29,5 юаней в месяц. Сократилось количество нормируемых потребительских товаров².

Постараемся разобраться в том, что же стоит за этими цифрами.

Прежде всего подчеркнем, что экономический рост в последние годы был обеспечен при невысоком исходном уровне и наличии значительных резервов недоиспользуемых производственных мощностей и возможностей хозяйственного развития. Китай и в настоящее время относится к числу экономически слабо развитых стран мира: по величине национального дохода на душу населения (около 230 долл. в 1983 г.) КНР не входит в первую сотню государств мира.

В то же время по совокупному экономическому потенциалу Китай занимает примерно 8-е место в мире, то есть имеет возможность аккумулировать значительные ресурсы для целей развития. В 50-е годы во многом благодаря содействию СССР и других социалистических стран в КНР была создана сравнительно целостная народнохозяйственная система, обеспечивающая осуществление процесса воспроизводства в основном на собственной основе.

¹ Расчет по данным статистики КНР. В валовой продукции сельского хозяйства учитывается часть продукции сельской промышленности.

² Сводки ГСУ КНР за соответствующие годы.

Из-за серьезных диспропорций в экономике, углубившихся в 60—70-е годы, отставания сельского хозяйства, топливно-сырьевого и энергетического комплекса, приостановления на два десятилетия процесса реконструкции оборудования, отвлечения значительных средств на военные цели в Китае имелись и до сих пор имеются используемые в недостаточной степени производственные мощности. Только из-за нехватки электроэнергии простаивает до 30% оборудования в машиностроении. Уже к началу 70-х годов мощности по выплавке стали превысили 30 млн. т, а ее производство, например, в 1977 г. составило 23,7 млн. т и затем за один год было увеличено до 31,8 млн. т, 30—40 млн. т нефти (или 30—40% добычи) сжигалось в качестве топлива без переработки. Поэтому при нормализации положения в народном хозяйстве, определенном перераспределении ресурсов и без значительных капиталовложений китайская экономика имеет значительные внутренние резервы роста.

Немалые резервы могли быть вскрыты только за счет организационных мероприятий: наведения элементарного порядка на производстве, прекращения политических кампаний, восстановления более или менее нормального планирования и т. п. Это и было отчасти осуществлено в последние годы.

Нельзя не учитывать и того, на каком фоне происходило оживление китайской экономики в последние годы. В течение двух предшествовавших десятилетий народное хозяйство КНР развивалось крайне неравномерно и в целом неудовлетворительно. Господствовали административные методы управления, экономические же стимулы бездействовали, уровень жизни был заморожен, а по ряду параметров снижался. В сельском хозяйстве царил застой, а точнее, с учетом роста населения, оно переживало глубокий кризис. Поэтому сдвиги последних лет оказались особенно зримыми.

Возврат к более рациональным методам хозяйствования, многие из которых были в свое время заимствованы у СССР и дали хорошие результаты в самом Китае, не означает восстановления системы управления, существовавшей в стране в 50-е годы. Ставится задача и предпринимаются соответствующие практические шаги по проведению различных реформ в народном хозяйстве.

В обосновании их необходимости помимо вполне естественных ссылок на изменившиеся условия в Китае и требования научно-технической революции выдвигаются и другие аргументы. С одной стороны, признавая в целом полезность использования советского опыта, в Китае теперь утверждают, что его «слепое копирование» принесло вред, так как он не вполне соответствовал условиям КНР. С другой стороны, с явно националистической претенциозностью выпячивая особенности страны, в Пекине во главу угла ставят задачу строить в КНР «социализм с учетом специфики Китая», хотя марксизм-ленинизм, как хорошо известно, всегда отвергал какой бы то ни было шаблон в создании нового общества и требовал учета местных условий.

В соответствии с этими установками в текущей пятилетке в КНР проводились разнообразные и часто широкомасштабные эксперименты, а в ряде случаев были осуществлены решительные преобразования: массовое введение мелкогруппового подряда в деревне, восстановление мелкотоварного индивидуального сектора, допуск в страну иностранного капитала.

Наиболее радикальные и далеко идущие изменения произошли в сельском хозяйстве. За несколько лет от привычной крупнобригадной организации производства с характерными высоким уровнем формального обобществления собственности, «уравниловкой» в распределении, административно-волюнтаристским управлением китайская деревня перешла к мелкогрупповому (главным образом — семейному) подряду с прямой увязкой доходов с результатами хозяйствования. Управленческие функции бригад зачастую переходят к комитетам сельских жителей.

Непосредственная материальная заинтересованность крестьян резко повысила их трудовую активность, интенсивность труда. Производственные результаты оказались значительными, особенно в сравнении с предшествовавшим двадцатилетним застоем. Урожай зерновых с 305 млн. т в 1978 г. вырос до 407 млн. т в 1984 г.³, хлопка — с 2 до 6 млн. т. Возросла товарность производства (зерна — с 20 до 30%). Улучшилось снабжение населения и промышленности сельскохозяйственной продукцией.

Упор на мелкий подряд определен в Китае как долгосрочная стратегия в развитии аграрного сектора. С 1984 г. срок закрепления земли по подряду увеличивается с 3 до 15 и более лет, что, по идее, должно стимулировать капиталовложения для повышения ее плодородия. Всячески поощряется создание так называемых «специализированных» дворов, которые заняты товарным производством определенных видов продукции. В настоящее время такие дворы составляют 13% всех крестьянских дворов в Китае⁴.

В то же время такой поворот в китайской деревне ставит целый ряд серьезнейших проблем, которые в большей или меньшей степени уже проявились.

Прежде всего усложняется демографическая ситуация. При абсолютной нехватке обрабатываемой земли (0,1 га на человека) рост производительности труда даже при существующем низком уровне механизации оборачивается высвобождением значительных трудовых ресурсов из полеводства, составлявших прежде скрытое аграрное

³ С учетом батата и картофеля в пересчете на зерно в соотношении 5:1.

⁴ См.: «Хунцзи», 1984, № 20.

перенаселение. О перемещении их в города ни сейчас, ни в перспективе не может быть и речи, так как в городах сохраняется безработица, а расширение производства и услуг в лучшем случае позволит найти применение в городе лишь молодым людям, которые в ближайшее десятилетие достигнут трудоспособного возраста.

Пока лишние рабочие руки удается занять в смежных отраслях сельской экономики. В частности, мелкие деревенские промышленные предприятия дают работу около 30 млн. человек. Но в дальнейшем из полеводства, по оценке китайских специалистов, могут быть высвобождены не только десятки, но даже сотни миллионов бывших крестьян. Соответствующее расширение в гигантских масштабах смежных отраслей и услуг может оказаться трудновыполнимым из-за нехватки сырья и просто экономической нецелесообразности. Демографический фактор способен превратиться в главный ограничитель развития подрядной системы.

Избыток рабочих рук накладывает отпечаток на и без того медленный процесс механизации сельского хозяйства, без чего, как признают и китайские экономисты, невозможно кардинальное решение аграрных проблем. В ряде случаев механизация оказывается невыгодной с экономической и социальной точек зрения. Опыт последних лет показал, что спрос среди крестьян растет в основном на простые орудия и малогабаритную технику. Так, выпуск «ручных» тракторов с 218 тыс. штук в 1980 г. возрос до 493 тыс. штук в 1983 г. и намного превысил первоначальные планы на 1985 г. (280 тыс.). В то же время производство крупных и средних тракторов за эти годы сократилось с 98 до 37 тысяч. Падение спроса на них связано и с тем, что отдельной семье трудно собрать необходимую для покупки сумму денег.

При подрядной системе растет имущественная дифференциация среди крестьян. В настоящее время узаконен временный найм рабочей силы, хотя он пока не получил широкого распространения. В рамках поощрения создания «специализированных» дворов теперь разрешена передача подрядной земли на возмездной основе (продажа запрещена). То есть возможна концентрация земли в семьях специализирующихся на зерновом производстве, что составит материальную основу обогащения. Крестьянам разрешается также вкладывать средства в основные фонды сельского хозяйства (дороги, помещения, мелкие ГЭС) с получением впоследствии соответствующего дохода. Официально допускается достижение зажиточности вначале части крестьян.

Для накопления средств требуется время. И если до сих пор имущественное расслоение не достигло в китайской деревне угрожающих масштабов, ситуация может измениться через несколько лет. Воспитанные на идеалах уравнительности крестьяне чрезвычайно болезненно реагируют на любые проявления неравенства. Предвестниками будущих острых социальных коллизий могут стать уже отмеченные случаи стихийного «раскулачивания» некоторых более зажиточных крестьян.

Принятые в последние два года решения ЦК КПК открывают достаточно широкий простор для личного предпринимательства в деревне КНР, которое, помимо отмеченных возможностей обогащения, таит в себе угрозу роста частнособственных настроений, распространения мелкобуржуазной идеологии. Этому будет способствовать и по преимуществу индивидуальный характер хозяйствования при мелкогрупповом подряде. К тому же в последнее время отмечено быстрое расширение индивидуального сектора за счет крестьян, окончательно выбывших из сферы общественного производства. Так, в ноябре 1984 г. в деревне уже насчитывалось 6,1 млн. индивидуальных хозяйств, в которых было занято 8,4 млн. человек⁵. Это может привести в конечном счете к серьезным социальным и политическим последствиям.

Активные преобразования в сельском хозяйстве, полученный хозяйственный эффект, несмотря на указанные издержки, укрепили готовность китайского руководства провести реформу экономики городов.

Широкое проведение реформы в городской экономике планируется на будущее пятилетие. Важным шагом в этом направлении стали решения III пленума ЦК КПК двенадцатого созыва (октябрь 1984 г.).

Как подчеркивают в Китае, намечаемая реформа носит всеобщий характер, а ее главными целями являются динамизация экономической системы, подтягивание ее к требованиям научно-технической революции и «социализма с учетом специфики Китая».

Многие подобные идеи высказывались в Китае ранее. Они непосредственно перекликаются с теми положениями, которые содержались в проектах реформ конца 50-х — середины 60-х годов. Еще в октябре 1957 г. на III расширенном пленуме ЦК КПК восьмого созыва были одобрены предложения Чэнь Юня о реформе системы управления промышленностью, торговлей и финансами, которая предусматривала передачу значительной части предприятий в управление на местах и расширение прав местных органов и предприятий в планировании, материально-техническом снабжении и финансировании. Эта попытка осуществить реформу была сорвана начавшимся на следующий год «большим скачком», следующая попытка — «культурной революцией».

Центральным направлением нынешней реформы провозглашено всемерное развитие «планового товарного хозяйства» на базе общественной собственности на сред-

⁵ См.: Чжунго нунминьбао, Пекин, 13.XI.1984.

ства производства⁶. По мнению китайских теоретиков, этот курс соответствует специфике современного периода развития КНР, находящейся на «начальном этапе строительства социализма». Он призван обеспечить рациональное разделение общественно-го труда, ломку полунатурального хозяйства и региональной разобщенности, накопление средств для экономического строительства, сочетание государственного контроля, гарантирующего приоритет общественных интересов, и гибкого функционирования на микроуровне за счет повышения активности низовых хозяйственных подразделений.

Основными принципами хозяйственной реформы в КНР являются:

- допущение разделения права собственности и права хозяйствования, многообразие конкретных форм управления государственными и кооперативными предприятиями с повсеместным внедрением различных форм подряда и ответственности за хозяйственную деятельность и ориентацией на самокупаемость как можно большей части предприятий;

- освобождение административных органов от оперативного управления предприятиями, сосредоточение усилий центральных хозяйственных органов на разработке стратегии, планов, приоритетов экономического строительства и т. п.;

- расширение самостоятельности предприятий в вопросах планирования, производства и сбыта продукции, ценообразования, формирования и использования собственных фондов, заработной платы и премирования;

- сокращение сферы директивного в пользу направляющего (рекомендательного) планирования;

- повышение роли экономических рычагов (цены, налоги, кредиты) в управлении народным хозяйством;

- усиление воздействия рыночного спроса на производственную деятельность предприятий, особенно небольших, известное поощрение конкуренции низовых хозяйственных организаций в целях повышения качества продукции;

- сокращение промежуточных звеньев и увеличение количества каналов товарного обращения;

- повышение роли городов как «естественных» экономических центров в противовес традиционному ведомственному и территориальному (по административным районам) управлению.

Постепенно вышеназванные принципы реформы «переводятся на язык» законодательных актов и нормативных положений, хотя основная работа здесь еще впереди. В частности, в 1984 г. Госсовет КНР утвердил Временные положения о дальнейшем расширении самостоятельности предприятий⁷, о реформе строительства и системы управления капитальным строительством⁸, доклад министерства внешнеэкономических связей и внешней торговли о реформе системы управления внешней торговли⁹, разработанные Госпланом временные установки по совершенствованию системы планирования¹⁰.

Уже осуществляется замена отчисления прибыли в бюджет налогами, призванная обеспечить устойчивый рост финансовых ресурсов, поступающих в распоряжение государства, и одновременно стимулировать совершенствование хозяйственной работы на предприятиях. С 1 октября 1984 г. повсеместно введены налоги. Определен 21 вид налогов: 4 — на оборот, 6 — на доходы, 6 местных, 2 типа рентных платежей (на ресурсы, землю) и 3 целевых (на премии, строительный и на сжигание нефти). В 1983 г. предприятия, уже перешедшие на новую систему, получили в свое распоряжение 17,9% всей полученной прибыли против 15,7% в 1982 г.¹¹, 50% прироста прибыли, оставшейся у предприятия, должно направляться в фонд развития производства, 20 — в фонд общественного благосостояния, 30% — в премиальный фонд¹². Контроль за соблюдением государственных законов в области финансов и налогообложения возложен на учрежденную в июне 1984 г. Ревизионную комиссию КНР.

Предполагается сокращение числа подлежащих централизованному распределению видов продукции с 256 до 65¹³, сферы директивного планирования, отмена централизованных закупок и сбыта сельхозпродукции¹⁴. Вводятся различные формы подрядной ответственности за выполнение планов. Взамен прежней системы оптовой торговли намечено создавать торговые центры для снабжения предприятий средствами производства независимо от их ведомственной принадлежности.

⁶ «Гуанмин жибао», 8.XI.1984.

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 12.V.1984.

⁸ См. там же, 3.X.1984.

⁹ См. там же, 20.IX.1984.

¹⁰ См. там же, 10.X.1984.

¹¹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 9, с. 18.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 22.IX.1984.

¹³ См.: «Шинцзе цзинцзи даобао», 27.VIII.1984.

¹⁴ Этой сферой будут охвачены главные виды промышленного сырья, топлива, оборудования, бумаги, сигарет, продукции военного назначения, железнодорожные перевозки основных материальных ресурсов, грузооборот важнейших портов, инвестиции в основные фонды, импорт и экспорт важнейших видов продукции и т. п.

В строительстве осуществляется повсеместный переход на подряд в строительстве и освоении проектных мощностей с широким использованием тендеров и конкурсов на проектирование и сооружение объектов. С 1985 г. все капитальное строительство переводится на банковское кредитование взамен финансирования (в последние годы этот метод опробован на 800 госбюджетных строительных объектах).

Преодолению местничества, ведомственных барьеров, по идее, должен способствовать эксперимент, начатый в городах Чунцин (провинция Сычуань), Шаши (провинция Хубэй), Чанчжоу (провинция Цзянсу) и распространенный с 1984 г. еще на ряд городов (среди них Ухань, Далянь, Нанкин, Чэнду, Гуанчжоу). Суть его в том, что городу, выступающему в качестве единого объекта планирования, переданы в управление практически все сосредоточенные в нем предприятия.

Важным элементом реформы выступает поощрение в последние годы развития кооперативного и индивидуального секторов. Первый и раньше был достаточно представленным — в нем занято около $\frac{1}{4}$ всех рабочих и служащих. Теперь этот сектор расширяется ускоренными темпами: его доля в промышленном производстве с 19,7% в 1976 г. возросла до 22% в 1983 г.¹⁵

Но более важна организационная перестройка кооперативного сектора. Прежде он был придатком государственного сектора и управлялся на соответствующих принципах. Теперь он переводится на основу «самохозяйствования», то есть полной ответственности за прибыли и убытки, хотя государственные органы и не бросают кооперативные предприятия на произвол судьбы, оказывая им кое-какое содействие. Ориентированный главным образом на производство потребительских товаров и услуг, кооперативный сектор, переводимый на новые рельсы, сыграл в последние годы важную роль в оживлении рынка и удовлетворении потребностей населения КНР. В настоящее время на положение кооперативных переводится и часть мелких государственных предприятий торговли и сферы услуг.

Схожее, хотя и меньшее, значение имело расширение индивидуального сектора. Количество частных в городах со 150 тыс. в 1978 г. возросло до 2,96 млн. в конце 1984 г.¹⁶ Пока индивидуальные «предприятия» развиваются почти исключительно на семейной основе, хотя законом разрешено иметь до 2 «помощников» и 5 «учеников». На одном «предприятии» в среднем занято 1,25 человека. Сосредоточенный в основном в сфере обслуживания индивидуальный сектор играет заметную роль только в розничной торговле (примерно 9,8% товарооборота в 1984 г.)¹⁷ и общественном питании (16,6% оборота в 1982 г.). Его доля в промышленном производстве составляет лишь 0,1% валовой продукции.

Отметим, что кооперативный и индивидуальный секторы в определенной степени ослабляют нагрузку на государство в борьбе с безработицей и создании новых рабочих мест. В 1983 г., например, из 3,18 млн. общего прироста занятых 1,77 млн., или 56%, пришлось на кооперативный и индивидуальный секторы.

При анализе перспектив реформы нельзя игнорировать следующие обстоятельства. Достаточно масштабные эксперименты, проводившиеся в Китае в последние годы, заставили отказаться от многих первоначальных проектов и дали далеко не однозначные результаты.

Расширение прав низовых звеньев управления, хотя и стимулировало местную инициативу, привело к «растаскиванию» средств и уменьшению поступлений в госбюджет. Образовался значительный бюджетный дефицит (в 1979—1983 гг. в сумме 39,6 млрд. юаней), который в Китае не надеются полностью ликвидировать и до конца текущей пятилетки. Никак не удается сузить фронт капитального строительства; «сдерживание» роста централизованных инвестиций сводится на нет увеличением капиталовложений из местных источников. В частности, в 1982 г. инвестиции в основные фонды возросли на 26%, превзойдя прирост национального дохода (7,4%), а в 1983 г., несмотря на принятые ограничительные меры, капиталовложения увеличились еще на 12,6%, что опять-таки превысило прирост национального дохода (9%)¹⁸.

В этих условиях эффективность капитального строительства неизбежно оказывается низкой. По признанию китайской прессы, в 1979—1981 гг. 31% инвестиций «не вывигал своей эффективности»¹⁹.

Ослабление централизованного контроля над ценами, допущение в ограниченных масштабах установления «договорных» цен обусловили их общее повышение. Так, розничные цены в 1983 г. были в среднем на 14,5% выше, чем в 1978 г.²⁰ Только в 1983 г. цены на свежие овощи возросли на 12,7%, на продукты водного про-

¹⁵ См.: «Шинцзе цзинцзи даобао», 25.VI.1984.

¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 10.III.1985. Для сравнения: в 1952 г. в Китае насчитывалось 8,8 млн. частных, в 1957 г. — 1 млн. (Чжунго тунцзи няньцзянь 1981. Пекин, 1982, с. 105).

¹⁷ Вместе с продажей сельхозпродукции на городских «коллективных» рынках — 14,9%. Расчет по: Чжунго тунцзи чжайяо 1984, Пекин, 1984, с. 78; «Жэньминь жибао», 10.III.1985.

¹⁸ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 9, с. 42.

¹⁹ «Хунцзи», 1983, № 16, с. 13.

²⁰ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 9, с. 43.

мысла — на 13,4, на фрукты — на 14,7 %²¹. Растут и цены на важнейшие производственные материалы. С учетом продолжающегося увеличения денежной массы в обращении налицо, таким образом, очевидные признаки инфляционных процессов.

В Китае далеко еще не выполнены задачи по «урегулированию» экономики. Относительно невысокие планировавшиеся темпы роста и были нацелены на смягчение имеющихся диспропорций и повышение эффективности производства. Отклонение от планов в этом смысле оказывается нежелательным и затрудняет «урегулирование».

Слабо контролируется процесс повышения доходов рабочих и служащих. Так в 1979—1983 гг. прирост общего фонда зарплаты в 1,5 раза опережал прирост национального дохода, а рост средней зарплаты рабочих и служащих был вдвое выше прироста производительности труда на государственных предприятиях²².

Осуществлявшиеся до сих пор меры в рамках подготовки к широкой хозяйственной реформе пока не дали почти никакого результата в решении краеугольной для китайской экономики проблемы повышения эффективности. Министр финансов КНР Ван Бинцян приводил красноречивые факты: себестоимость продукции в 1983 г. снизилась всего на 0,2 % при плане 2 %, хотя несколько снизились убытки промышленных предприятий, они достигают 2,8 млрд. юаней, 16 % предприятий остаются убыточными. Если в 1978 г. государственные финансовые субсидии в целом достигали 14 % от суммы финансовых доходов государства, то в 1982 г. этот показатель возрос до 38 %²³.

Необходимость проведения реформы хозяйственного механизма в Китае сама по себе не может вызывать никаких вопросов: методы хозяйствования, применявшиеся в КНР длительное время, завели народное хозяйство страны в тупик. Хозяйственная реформа проводится, но еще рано говорить, насколько эффективно она сможет решить острые проблемы китайской экономики. Практическое воплощение реформы в различных сферах экономики может повлечь за собой нежелательные, непредвиденные последствия. Не случайно в выступлениях хозяйственных руководителей страны на III сессии ВСНП КНР шестого созыва (март 1985 г.) с тревогой указывалось на «отставание управления и контроля от развития обстановки». Вызывает сомнение реалистичность некоторых планов. Например, в Постановлении ЦК КПК о реформе хозяйственной системы предусмотрено постепенно повысить цены на некоторые виды сырья без повышения цен на готовую продукцию и увеличить закупочные цены на многие сельскохозяйственные продукты без повышения общего уровня соответствующих розничных цен, однако на практике цены заметно растут.

Отдельно надо сказать о кадровой проблеме. И дело здесь не только в нехватке квалифицированных специалистов. Реформа требует перестройки в работе хозяйственников и партийного аппарата, она предъявляет к этим кадрам совершенно новые требования, к чему многие явно не готовы. Уже сейчас сказывается нежелание кадров на местах браться за новые и хлопотливые дела. Это может оказаться одним из серьезнейших препятствий на пути реформы.

Не могут не настораживать и появившиеся националистические, китаеццентристские мотивы, когда на ранней стадии реформы любые ее элементы объявляются оригинальным изобретением, а «социализм с учетом китайской специфики» противопоставляется опыту других стран как пример «жизнеспособности». Выдвигаются претензии на «развитие марксизма в современных условиях», декларируется необходимость отказа «от педантичного следования конкретным обобщениям Маркса и Энгельса»²⁴.

От перестройки китайской экономики неотделим пересмотр внешнеэкономической политики. Отказавшись от автаркической трактовки концепции «опоры на собственные силы», руководство КНР провозгласило политику «открытых дверей». Она предусматривает активизацию внешнеэкономических связей, которые теперь рассматриваются как важный фактор хозяйственного развития, незаменимый в условиях научнотехнической революции.

Здесь надо подчеркнуть одно важное обстоятельство. По словам члена Госсовета КНР Бо Ибо, «политика открытых дверей» проводится в отношении западного капиталистического мира (США, Западной Европы, Японии) и представляет интерес для Китая, «поскольку из этих районов мы можем получать технологию и средства»²⁵. То есть китайское руководство продолжает преимущественно ориентировать свои внешнеэкономические связи на капиталистические страны, хотя торговля КНР с социалистическими странами, в том числе и с СССР, в последние годы заметно расширилась. В 1983 г. 55 % внешнеторгового оборота Китая пришлось на развитые капиталистические страны и лишь 6 % — на страны СЭВ.

Активная внешнеэкономическая политика прежде всего выразилась в значительном расширении объема внешней торговли, который за последнее десятилетие возрос в 10 раз и теперь превышает 50 млрд. долл.

Параллельно с конца 70-х годов Китай стал практиковать и разнообразные формы хозяйственного взаимодействия преимущественно опять-таки с западными странами.

²¹ См.: Сводка ГСУ КНР за 1983 г.

²² См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 9, с. 44.

²³ См. там же, с. 42.

²⁴ «Бэйцзин шиюань сюэбао», 1983, № 4, с. 15.

²⁵ «Шинэ цзинцзи даобао», 20.VIII.1984.

Ушли в прошлое времена, когда Китай отказывался привлекать внешние заемные средства, а в прессе с гордостью подчеркивали, что КНР является чуть ли не единственной страной мира, не имеющей внешних долгов. Отметим, правда, что Китай проводит довольно осторожную кредитную политику: имея еще в 1979 г. соглашения на привлечение кредитов на сумму более 30 млрд. долл., к концу 1983 г. страна реально использовала около 12 млрд. долл.²⁶, внешний же долг в настоящее время остается на уровне 4 млрд. долл. при более 14 млрд. долл. инвалютных запасов²⁷.

В Китае все больший упор делают на привлечение не кредитов, а прямых иностранных инвестиций. За 1979 — первую половину 1984 г. они достигли 8 млрд. долл. (по соглашениям) в форме вложений в смешанные предприятия, кооперационных и компенсационных соглашений, проектов нефтегазразработок на морском шельфе (из них 3,3 млрд. долл. уже используется)²⁸.

Большие надежды возлагались на создание смешанных предприятий как средство привлечения иностранного капитала, передовой технологии и управленческого опыта. Однако они до недавнего времени получили ограниченное развитие: в стране на начало 1984 г. насчитывалось 188 смешанных предприятий, в которые было вложено около 200 млн. долл. иностранного капитала. С расширением прав ряда провинций и городов в области внешнеэкономической деятельности процесс существенно активизировался: в 1984 г. было санкционировано создание более 700 «смешанных» предприятий²⁹.

Чтобы обеспечить более благоприятные условия для функционирования иностранного капитала, в Китае взяли курс на создание «специальных экономических зон» (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь), которые обособлены от остального Китая и характеризуются льготными условиями для зарубежных предпринимателей, особенно если они заняты производством экспортной продукции. В наиболее развитую и выгодно расположенную (на границе с Гонконгом) «зону» Шэньчжэнь к концу 1983 г. было уже инвестировано (по соглашениям) 1,8 млрд. долл.³⁰

Практика создания районов с благоприятными для иностранного капитала условиями расширяется. Создаются зоны в Шанхае, на всем острове Хайнань. Весной 1984 г. было объявлено о предоставлении особых полномочий в привлечении иностранного капитала 14 крупным приморским городам, а в начале 1985 г. — об «открытии» для внешнего мира районов дельт рек Янцзы и Чжуцзян и части побережья провинции Фуцзянь. В будущем должна образоваться целая приморская полоса, «открытая» для связей с Западом.

Политика «открытых дверей» носит ярко выраженный прагматический характер. Китайское руководство готово пойти на идеологические уступки ради получения экономического эффекта. Но если создание изолированных экономических зон выглядело еще делом как будто не очень опасным, то нынешние планы «открытия» экономически наиболее развитой приморской полосы чреваты массированным вторжением иностранного капитала и присущих ему хозяйственных методов в Китай. Речь будет идти не только об экономическом, но и серьезном политическом влиянии Запада с трудно предсказуемыми последствиями.

Как видно, в китайской экономике происходят серьезные изменения, идет крупномасштабная перестройка. Сейчас, конечно, еще рано делать окончательные выводы. Сложные процессы носят противоречивый характер, дают неоднозначные результаты. Остается много крупных проблем, появляются новые. Становится все более ясным, что нынешние перемены в народном хозяйстве КНР в перспективе могут иметь не только заметные экономические, но важные социальные и политические последствия.

²⁶ См.: «Гоцзи маон», 1984, № 5.

²⁷ In: «China Daily», 4.IV.1984.

²⁸ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 4, с. 36.

²⁹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 11, с. 36.

³⁰ In: «China Daily», 13.IV.1984. Фактически использовано к концу 1984 г. 580 млн. долл. — «Жэньминь жибао», 18.I.1985.

Новое в кредитно-банковской системе

И. Б. ШЕВЕЛЬ,

кандидат экономических наук

Организация банков, кредита и роль банков в народном хозяйстве существенным образом различались на отдельных этапах всего 35-летнего периода существования КНР. Банковско-кредитная система нового типа создавалась в Китае с учетом опыта других социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, и была призвана служить одним из мощных рычагов развития нового общественного строя. Она выступала в качестве орудия перераспределения материальных ресурсов, способствовала быстрому восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства, росту производительных сил и укреплению экономической независимости страны.

Основы этой системы начали закладываться еще в освобожденных районах Китая, то есть до победы народной революции в масштабах всей страны. В течение восстановительного периода было в основном завершено социалистическое преобразование банков старого типа. Большое развитие новая банковско-кредитная система получила после перехода к плановому экономическому строительству.

В период первой пятилетки (1953—1957) намного возросла сеть учреждений основного банковско-кредитного института — Народного банка Китая (НБК), — расширилась его деятельность и повысился уровень всех выполняемых им функций; были созданы специализированные банковские институты — Народный строительный банк Китая (НСБК, Стройбанк), Сельскохозяйственный банк Китая (СХБК, Сельхозбанк); большое развитие получила кредитная кооперация в деревне. Кроме того, в этот период функционировали такие смешанные государственно-частные учреждения, как Банк Китая, Банк путей сообщения, единый Смешанный банк, возникший в результате объединения и преобразования бывших частных банков. В целом этот период характеризуется повышением роли банков и кредита в народном хозяйстве, углублением специализации отдельных банков, перераспределением в связи с этим функций между ними, перестройкой деятельности смешанных банковских учреждений.

В период «большого скачка» роль банковско-кредитной системы претерпела значительные изменения, затронувшие как ее структуру, так и функции отдельных банков. Прекратил свою деятельность Банк путей сообщения, а Смешанный банк был объединен с Народным банком. Функция финансирования капитального строительства была возложена на финансовые отделы местных народных комитетов, в связи с чем прекратилась деятельность Стройбанка. Несколько ранее был упразднен Сельхозбанк. В результате создания народных коммун прекратила свое существование кредитная кооперация на селе как самостоятельная форма организации крестьян. В целом период «большого скачка» характеризуется упрощенным подходом к решению многих вопросов банковско-кредитной деятельности.

«Урегулирование» народного хозяйства (1961—1965), последовавшее вслед за «большим скачком», сопровождалось частичным восстановлением прежних методов и форм работы НБК. Однако в последующий период вплоть до начала 80-х годов роль НБК была ограничена, у него было мало полномочий по принятию решений, и фактически он руководил системой «распределения фондов». Роль денег, кредита и банковского процента в указанный период отвергалась, что означало существенное ослабление позиций банковско-кредитной системы в народном хозяйстве КНР. В небольшой степени этому способствовала утрата Народным банком своей организационной самостоятельности: в 1970 г. он вместе со всей своей разветвленной сетью был включен в систему министерства финансов. В этот период свои кредитные и контрольные функции он должен был осуществлять через финансовые органы на местах¹.

В конце 70-х годов организационная самостоятельность Народного банка была восстановлена. Как и ранее, он был поставлен в непосредственное подчинение Госсовета КНР.

¹ См.: Китайская Народная Республика в 1978 году. Политика, экономика, идеология. М., 1980, с. 161.

Одним из направлений проводимой с конца 70-х годов реорганизации хозяйственного механизма являются изменения в банковско-кредитной системе. Эти изменения выразились как в увеличении числа банковских учреждений, так и в расширении и повышении уровня выполняемых ими функций, что сопровождалось возрастанием их воздействия на народнохозяйственные процессы, а в целом привело к значительному усилению их влияния на экономику страны. При нижеследующем рассмотрении отдельных банковских учреждений следует иметь в виду, что роль и место того или иного учреждения в экономической жизни страны проявляются через его функции.

Рассмотрим современную организацию банковско-кредитной системы КНР в связи с изменениями, произведенными в ней за последние годы.

Как и в предшествующие периоды, до января 1984 г. Народный банк Китая выступал в качестве важнейшего банковско-кредитного института с многообразными народнохозяйственными функциями. Он занимал ведущее положение в банковской системе, действуя прежде всего как денежный, кредитный, расчетный и кассовый центр страны.

В качестве денежного центра НБК осуществлял эмиссию денег и регулирование денежного обращения; на счетах в банке находились денежные средства предприятий государственной и кооперативной собственности, госучреждений, частей Народно-освободительной армии, а также министерства финансов КНР. В качестве денежного центра банк осуществлял работу по привлечению сберегательных вкладов населения.

Выполняя функцию кредитного центра, НБК осуществлял краткосрочное кредитование народного хозяйства. Изменения в стратегии и методах экономического строительства в связи с переходом к политике «урегулирования» народного хозяйства, сопровождавшиеся возрождением и дальнейшим усилением финансовых стимулов и распространившиеся на все звенья народного хозяйства, в области кредитной деятельности НБК выразились в расширении его кредитных связей с государственными предприятиями в результате перехода также к среднесрочному и долгосрочному кредитованию, в распространении этих связей на предприятия коллективной и индивидуальной собственности, усилении роли банковского процента, кредитного контроля за предприятиями и т. д.

Еще в начале 50-х годов был введен порядок, согласно которому все операции между предприятиями совершались путем безналичных расчетов через банк, а не путем перевода наличных денег. Функционируя как расчетный центр, НБК производил операции по платежам между государственными и кооперативными предприятиями, осуществлял контроль за банковскими счетами каждого из них, обеспечивая их работу по плану. Предприятия обслуживались местными отделениями НБК, которые практически осуществляли за ними повседневный контроль, одним из важных аспектов которого являются перечисления средств между предприятиями.

С середины 50-х годов НБК выполняет функции государственного казначейства. Это означает, что он ведает кассовым исполнением бюджета, обеспечивая аккумуляцию финансовых ресурсов, поступающих в доходы государства, их хранение и использование в соответствии с утвержденными ассигнованиями. В круг деятельности НБК входит балансирование счетов провинциальных отделений путем перераспределения между ними излишков средств и их перечисления в Главную контору, а также регулирование государственного долга.

Кроме выполнения перечисленных функций, НБК в качестве центрального банка был наделен правом разрабатывать для всей страны политику, руководящие принципы, правила и инструкции в области денежного обращения и кредита, осуществлять торговые операции с золотом и серебром, контролировать фонд заработной платы, устанавливать курс юаня в отношении других валют. В 1980 г. он получил также право контроля за деятельностью специализированных банков, несмотря на то что в административном отношении эти банки были подчинены Госсовету. По мере возобновления и развития деятельности спецбанков некоторые функции НБК переходили к этим банкам.

В сентябре 1983 г. Госсовет принял решение о реорганизации Народного банка Китая. В соответствии с решением с 1 января 1984 г. сеть отделений НБК по всей стране была реорганизована в новый Промышленно-торговый банк Китая (ПТБК, Промторгбанк), а в конце января права Главной конторы НБК были существенно расширены. Народный банк был официально превращен в центральный банк КНР.

На НБК как на центральный банк возложены следующие функции: рассмотрение и формулирование принципов и политических установок, принятие постановлений, основополагающих предписаний и инструкций по вопросам денежного обращения и кредита в общегосударственном масштабе и обеспечение их проведения в жизнь после утверждения Госсоветом; денежная эмиссия и контроль за обращением денежной массы; проведение единого контроля за уровнем процента по кредитным операциям и вкладам как в юанях, так и в иностранной валюте; разработка общегосударственных кредитных планов и контроль за использованием кредитных ресурсов; контроль за иностранной валютой, золотом и серебром, принадлежащими государству, а также за золото-валютными резервами; исполнение функций государственного казначейства; рассмотрение и утверждение вопросов создания, слияния и ликвидации кредитно-денежных учреждений; координация и проверка деятельности всех кредитно-денежных

учреждений и ведение операций от имени правительства КНР в международных валютно-финансовых учреждениях.

Предполагается, что благодаря своему новому статусу НБК будет способствовать устранению чрезмерной децентрализации кредитных ресурсов, возникшей в связи с развитием деятельности спецбанков. Предусматривается, что с этой целью он возьмет под свой контроль 40—50 % общего объема кредитных ресурсов страны. Для спецбанков устанавливаются лимиты ресурсов, которыми они могут распоряжаться в качестве своих оборотных средств, а остальная часть помещается ими на счета в Народном банке. НБК регулирует соответствующую пропорцию распределения ресурсов в целях проведения контроля за денежной массой и кредитными операциями. Таким образом, в настоящее время НБК не имеет непосредственных кредитных и расчетных отношений с отдельными предприятиями и лицами, а выступает как орган регулирования вопросов денежного обращения и кредита на общегосударственном уровне.

Задача созданного в январе 1984 г. Промторгбанка состоит в руководстве денежными средствами, находящимися на счетах промышленных и торговых предприятий в банке, кредитовании этих предприятий для пополнения их оборотных средств и проведения технических преобразований, а также в осуществлении расчетов между предприятиями и ведении сберегательного дела среди городского населения. Таким образом, ПТБК принял на себя прежние функции НБК как кредитного, расчетного центра и по выполнению финансового контроля в отношении государственной и кооперативной промышленности и торговли, стал спецбанком по обслуживанию этих отраслей народного хозяйства. В стране насчитывается 360 тыс. промышленных и 150 тыс. торговых предприятий, имеющих самостоятельный баланс, и 60 % оборотных средств, необходимых этим предприятиям, поступает за счет банковского кредита². Ожидается, что новый спецбанк будет более успешно обслуживать эти предприятия, чем это делал ранее Народный банк. Проводимый в настоящее время курс на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, предполагающий их ответственность за собственные прибыли и убытки, налагает на Промторгбанк обязательства по соблюдению строгих экономических критериев при предоставлении кредитов.

В роли одного из орудий «урегулирования» экономики в настоящее время выступает Народный строительный банк Китая (НСБК, Стройбанк), функционирование которого было официально возобновлено в 1979 г. Этот банк специализируется на финансировании капитального строительства за счет средств государственного бюджета и на кредитовании капитального строительства. В ноябре 1979 г. банк был передан под непосредственное руководство Госсовета, но одновременно в своей текущей работе он был подотчетен министерству финансов, и частично руководство им осуществлял также Государственный комитет по капитальному строительству, утверждавший планы финансирования объектов банком.

В соответствии с «Временными правилами кредитования объектов капитального строительства», утвержденными Госсоветом в августе 1979 г., значительное развитие получила кредитная деятельность банка, что означает отход от прежней практики обеспечения капитального строительства средствами только за счет безвозвратного бюджетного финансирования и направлено на повышение уровня управления финансами капитального строительства и получение большей отдачи от вложенных средств. Согласно этим правилам, кредиты выдаются лишь при условии подписания специального договора между банком и заемщиком, причем только на строительство хорошо спланированных и экономически обоснованных объектов. Кредиты предоставляются только предприятиям, находящимся на самостоятельном балансе, а это означает, что объекты, управляемые государственными органами, не могут пользоваться кредитами до тех пор, пока они не станут самостоятельными и не возьмут на себя полную ответственность за результаты своей финансовой деятельности, чтобы быть в состоянии погасить полученные кредиты.

По отношению к заемщику банк применяет финансовые санкции: в случае задержки с погашением кредита — с части его, оставшейся непогашенной, взимается удвоенная процентная ставка, а в случае использования кредита не по назначению — процентная ставка увеличивается втрое. Банк имеет право контролировать хозяйственную деятельность заемщика и использование им кредита, заемщик со своей стороны обязан представлять в распоряжение банка соответствующие финансовые документы и статистические данные. В случае обнаружения фактов непредусмотренного использования выделенных средств заемщиком банк обязан предупредить его и потребовать устранения нарушений в установленный срок, в случае необходимости он может досрочно приостановить выдачу кредита и сообщить о нарушениях вышестоящим органам.

Все это свидетельствует о значительном изменении и расширении функций Стройбанка, изменении характера отношений между банковскими органами и заемщиками, внедрении экономических методов руководства капитальным строительством. В начале 80-х годов деятельность банка характеризовалась значительным ростом объема кредитов, предоставленных различным отраслям народного хозяйства, и соответствующим сокращением размеров безвозвратного бюджетного финансирования, что спо-

² In: «China Quarterly», 1982, N 91, p. 465.

собствовало экономии государственных средств, улучшению экономических показателей, сдерживало чрезмерно растянутый фронт капитального строительства в интересах «урегулирования» народного хозяйства.

В феврале 1979 г. решением Госсовета был восстановлен Сельскохозяйственный банк Китая. В настоящее время он выступает как спецбанк, отвечающий за банковское дело в сельских районах и подчиненный непосредственно Госсовету. Его основные задачи — заведование средствами государственного бюджета, предназначенными для финансирования сельского хозяйства, предоставление кредитов в сельских районах, руководство сельскими кредитными кооперативами, развитие банковского дела на селе «в интересах модернизации сельского хозяйства». В функции банка входит также развитие сберегательного дела в сельских районах, подготовка бухгалтерских кадров для народных коммун, усиление контроля в целом за финансами сельской местности, где в обращении находится до 60 % всей денежной массы государства.

В сельской местности под руководством банка функционируют кредитные кооперативы, восстановленные в качестве самостоятельной формы объединения крестьян. Кредитные кооперативы, являясь коллективной финансово-кредитной организацией, в то же время выполняют функции низовых органов Сельхозбанка. Они ведут денежные счета и предоставляют кредиты предприятиям, находящимся в ведении волостных и сельских органов, принимают меры по развитию сберегательного дела, осуществляют кредитование крестьянских дворов, а также другие операции в области денежного обращения в сельской местности.

К концу 1980 г., когда было завершено восстановление всей структуры Сельхозбанка, в сельских районах страны насчитывалось 27,2 тыс. банковских учреждений и 59 тыс. кредитных кооперативов³. За период после восстановления Сельхозбанка был проведен ряд всекитайских конференций управляющих конторами банка и совещаний по обмену опытом, направленных на повышение уровня банковского обслуживания сельского хозяйства. Обсуждались, в частности, вопросы о привлечении средств для кредитования и наиболее эффективном использовании кредитов, о стимулировании банковскими методами производства товарной продукции сельского хозяйства, которое выдвинуто в качестве руководящего принципа всей банковской работы на селе, о расширении сферы кредитования и обеспечении большей гибкости в предоставлении услуг банком и кредитными кооперативами в условиях проведения реформы банковской системы и др.

В целом, по данным китайской печати, деятельность Сельхозбанка за истекший период характеризуется значительным ростом объема как привлеченных средств (средств на счетах хозяйственных организаций, сберегательных вкладов населения), так и предоставленных кредитов, повышением доли кредитов на производство товарной продукции⁴.

Выше были рассмотрены современная организация, функции и основные особенности деятельности Народного банка Китая и специализированных банковских учреждений КНР, обслуживающих различные отрасли народного хозяйства внутри страны. В то же время изменения в системе внешнеэкономических связей, вызванные переходом к политике «открытых дверей», весьма существенно затронули фактически все звенья хозяйственного механизма, включая банковскую сферу. В названной сфере это проявилось в развитии прежних и возникновении новых банковских функций, связанных с внешнеэкономической деятельностью государства, а также в создании новых банковско-кредитных институтов.

Со времени образования КНР в области международных расчетов и валютных операций специализировался Банк Китая, являвшийся смешанным предприятием, функционировавшим под руководством НБК. Однако в новых условиях расширения внешнеэкономических связей положение Банка Китая изменилось; его организационная структура и деятельность подверглись перестройке в целях усиления влияния на внешнеэкономические процессы.

Прежде всего, в 1979 г. Банк Китая был переведен под непосредственный контроль Госсовета, что означало повышение уровня подчиненности и ответственности. Далее, в сентябре 1980 г. Госсовет утвердил его пересмотренный устав, согласно которому Банк Китая был объявлен государственным предприятием. Уставный фонд банка был увеличен с 400 млн. до 1 млрд. юаней, то есть в 2,5 раза, а функции существенно расширены. Его обязанности, согласно новому уставу, состоят в том, чтобы «привлекать, использовать, накапливать и контролировать иностранный капитал, вести операции с иностранной валютой, участвовать в международной финансовой деятельности в целях обслуживания модернизации социалистического строительства Китая».

На банк возложены ведение международных расчетов по внешней торговле и неторговым операциям, сберегательных и кредитных операций в отношении с международными банками, переводных операций с границей, сберегательных, кредит-

³ См.: Экономический ежегодник Китая. 1981. Пекин, 1981, с. IV — 161 (на кит. яз.).

⁴ См. там же, с. IV — 162.

ных и других операций в иностранной валюте, а также международных операций с золотом, организация или участие в займах международных консорциумов, вложение капитала или участие в операциях банков, финансовых корпораций или других предприятий в районах Сянган (Гонконг), Аомыня (Макао) и за рубежом. Отметим, что новый устав предоставил банку также право выпуска в иностранной валюте облигаций и других обращающихся ценных бумаг. Банк участвует в международных конференциях по финансовым вопросам и осуществляет другие виды деятельности по поручению государства⁵.

Таким образом, Банк Китая выполняет функции центрального банка в сфере международной финансово-кредитной деятельности Китая. Если его деятельность внутри страны ограничена операциями с иностранной валютой, то за границей в отношениях с иностранным капиталом его функции гораздо шире — на местных рынках, где функционируют его отделения, он производит банковское обслуживание розничной, оптовой торговли и промышленности, а также финансовые операции по внешней торговле и, кроме того, операции с аккредитивами, дорожными чеками и денежными переводами.

Быстрое развитие внешнеэкономических связей Китая сопровождалось расширением сети отделений банка как внутри страны, так и за границей. Главная контора банка находится в Пекине. К концу 1983 г. в стране имелось 190 его учреждений, а число зарубежных отделений возросло до 275. Большая часть зарубежных агентств находится в Сянгане и Аомыне, имеются отделения в Сингапуре, Лондоне, Люксембурге, Нью-Йорке и других международных финансовых центрах, а также представительства в Токио и Париже. Банк Китая состоит в корреспондентских отношениях с 3150 банками и их отделениями, находящимися в 149 странах. В 1983 г. банк предоставил кредиты смешанным (с участием китайского и иностранного капитала) предприятиям, находящимся в Китае, на сумму 130 млн. юаней и 50 млн. ам. долл.⁶

Под руководством Банка Китая функционирует Главное управление валютного контроля (ГУВК) — специальное учреждение, созданное Госсоветом в марте 1979 г. в целях осуществления контроля за операциями с иностранной валютой. ГУВК одновременно подчиняется также Народному банку Китая и непосредственно Госсовету.

В конце 1980 г. ГУВК разработало новые правила контроля за валютой. В обязанности этого органа входит планирование политики в области контроля за операциями с иностранной валютой, составление и проведение правил валютного контроля, установление обменного курса юаня к иностранным валютам. Последняя функция осуществляется совместно с НБК и Банком Китая. Вместе с Банком Китая ГУВК отвечает за состояние платежного баланса страны.

К банковской системе КНР относится также Международная посредническая инвестиционная компания Китая (МПИКК), созданная в октябре 1979 г. в Шанхае как смешанное (с участием иностранного капитала) предприятие, в котором частная иностранная собственность фактически является номинальной⁷. В Совет директоров компании вошел ряд представителей буржуазии китайского происхождения из Сянгана и Аомыня. Компания находится в непосредственном подчинении Госсовета.

Особенностью компании является то, что ее банковские функции и связи с другими банковскими учреждениями КНР весьма ограничены. В целом она может быть охарактеризована как наполовину банковское учреждение по привлечению частных иностранных капиталовложений. Основная ее функция — способствовать притоку иностранного капитала и передовой технологии в экономику Китая. Она инвестирует или выступает в роли посредника при инвестировании иностранного капитала в смешанные предприятия либо в китайские предприятия, работающие на экспорт. При этом формы привлечения иностранного капитала могут различаться: компания использует соглашения как о компенсационной торговле, так и о «встречных закупках».

МПИКК имеет деловые контакты с финансовыми учреждениями многих стран. В феврале 1982 г. ее права расширились. Она получила возможность учреждать финансовые и другие организации за границей совместно с иностранными фирмами с целью привлечения в Китай иностранного капитала в форме кредитов. Она также пользуется свободой выбора мелких и средних объектов для инвестиционной деятельности в Китае, использует по собственному усмотрению иностранную валюту, получаемую в виде кредитов или доходов от вложенных средств. В 1980—1981 гг. корпорация вложила 550 млн. ам. долл. в различные объекты внутри страны, в 1982 г. она выпустила в Японии облигации на 42,8 млн. ам. долл.⁸ и т. д.

Наконец, еще одно новое банковское учреждение, вызванное к жизни политической «открытостью дверей», — Инвестиционный банк Китая (ИБК). Этот банк, функционирующий в области международного кредита, учрежден в декабре 1981 г. и в административном отношении подчинен непосредственно Госсовету. Он создан при содействии Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и специализиру-

⁵ См. там же, с. VIII—40.

⁶ In: «Beijing Review», 1984, N 10.

⁷ In: Paul D. Reynolds. China's International Banking and Financial System. New York, 1982, p. 34.

⁸ In: «China Quarterly», 1982, N 91, p. 466.

ется на привлечении иностранного капитала для финансирования и кредитования строительства новых объектов, реконструкции и модернизации уже имеющихся предприятий.

Толчком к созданию ИБК послужило начало осуществления в мае 1981 г. программы кредитования Китая, предпринятой МБРР и его филиалом — Международной ассоциацией развития (МАР) на общую сумму 800 млн. ам. долл. Выделенные средства направлялись для инвестирования мелких и средних, а не крупных предприятий «в целях усиления влияния программы на экономический рост Китая». Потребовался орган для распределения кредитов в соответствии с указаниями МБРР. Именно таким органом, подчиняющимся руководству МБРР и выступающим в роли посредника при распределении кредитов МБРР между объектами, и стал ИБК. Его главная контора находится в Пекине; кроме того, открыты отделения в Шанхае, Тяньцзине, провинциях Цзянсу и Хэбэй⁹.

Уставный фонд банка, равный 4 млрд. юаней, используется для предоставления небольших и средних кредитов (5—9 млн. юаней) для объектов капитального строительства и проведения анализа экономической целесообразности проектов с использованием инвестиционных критериев МБРР, а также для вложения в смешанные — с участием иностранного капитала — предприятия. В иностранной печати приводилось существующее в МБРР мнение, что ИБК представляет собой «инвалютное окно Стройбанка», предназначенное для того, чтобы показать другим кредитным институтам Китая, как надо принимать обоснованные решения по капитальным вложениям. Это мнение основано на существующей среди западных специалистов точке зрения о том, что фактически ИБК есть не что иное, как часть Народного строительного банка Китая¹⁰.

Таким образом, современная банковско-кредитная система КНР включает Народный банк Китая, Промторгбанк, Стройбанк, Сельхозбанк, сельскую кредитную кооперацию, Банк Китая, Международную посредническую инвестиционную компанию Инвестиционный банк. Для того чтобы представление по этому вопросу было более полным, следует сказать также о двух иностранных (британских) банках, имеющих свои филиалы в Шанхае, — Standard Chartered Bank и Hongkong and Shanghai Banking Corp., и двух банках, принадлежащих китайцам, проживающим за границей, — The Bank of East Asia, Ltd. (филиал в Шанхае) и Overseas Chinese Banking Corp. (филиалы в Шанхае и Сямыне), которые функционировали в дореволюционный период и в настоящее время продолжают свою деятельность в силу «исторических причин»¹¹. До последнего времени их деятельность ограничивалась ведением расчетов по экспорту и импорту, приемом денежных переводов из-за границы и некоторыми посредническими операциями. С 1984 г. выполняемые ими функции расширились. Сейчас они также принимают вклады в инвалюте от китайцев, проживающих за границей, иностранных и смешанных (с участием иностранного капитала) предприятий, осуществляют кредитование в инвалюте, прием и выдачу денежных переводов.

Создание новых банковских учреждений привело к рассредоточению кредитных ресурсов между банками, а расширение кредитных отношений банков с народным хозяйством сопровождалось последующим рассредоточением этих ресурсов между большим числом заемщиков, что способствовало нарастанию тенденций децентрализации и стихийности в народном хозяйстве. Это обусловило реорганизацию Народного банка Китая, преобразование его в центральный банк страны, осуществляющий единое управление и контроль за деятельностью спецбанков. В новых условиях ИБК выполняет роль банка для других банков. Этой же цели — укреплению централизованного начала — служит и учреждение при ИБК специального органа — Совета, призванного регулировать спорные вопросы, возникающие в отношениях между спецбанками. Директор ИБК является одновременно председателем Совета, в качестве членов Совета выступают представители Госплана, Госэкономкомитета, министерства финансов. В случае когда вопрос не может быть решен названным Советом, он решается Госсоветом КНР.

Реорганизации ИБК, превращению его в особый центральный банк придается в КНР важное значение, эта мера рассматривается как весьма серьезная реформа банковской системы страны. Бывший директор ИБК и председатель вышеупомянутого Совета Люй Пэйцзянь в интервью корреспонденту «Beijing Review» (апрель 1984 г.) отмечал: «Эта крупная реформа придаст социалистической банковской системе Китая особые черты и будет играть важную роль в развитии народного хозяйства и укреплении контактов с иностранными экономическими и валютно-финансовыми учреждениями»¹².

Нельзя не обратить внимания на как бы «внешнюю» сторону проведенной реформы. Речь идет о стремлении китайских средств информации подчеркнуть сходство, близость реорганизованной банковской системы к практике, существующей в бан-

⁹ Экономический ежегодник Китая. 1983. Пекин, 1983, с. IV—150 (на кит. яз.).

¹⁰ «China Business Review», 1982, N 1.

¹¹ См.: Экономический ежегодник Китая, 1981, с. IV—163; Paul D. Reynolds. China's International Banking and Financial System, p. 78.

¹² «Beijing Review», 1984, N 15.

ковской сфере капиталистических стран, привлечь внимание этих стран и международных валютно-финансовых учреждений и как бы вызвать одобрение ими проведенной реорганизации. Создание особого центрального банка на базе НБК рассматривается в противовес его прежнему статусу, когда он, выполняя функции по обслуживанию промышленности и торговли, «не являлся центральным банком в полном смысле, не располагал контрольными функциями в отношении спецбанков и не мог выполнять роль посредника в конфликтах»¹³. Из понятия центрального банка «в полном смысле», как оно трактуется в КНР, вытекает, что оно должно напоминать положение центральных банков в экономике капиталистических стран в целом и в плане их отношений с коммерческими банками.

Одна из причин создания особого центрального банка — стремление укрепить отношения с международными валютно-финансовыми организациями. Об этом ясно сказано в упомянутом интервью Люй Цзйцзяня: «Китай стал членом МВФ и МБРР, возрастают его экономические связи с иностранными государствами. Поэтому требуется, чтобы страну представлял подлинный центральный банк»¹⁴.

Средства экономической информации капиталистических стран со своей стороны активно реагируют на реформу банковской системы КНР, комментируют ее со своих позиций. Так, известный американский журнал «China Business Review», в 1982 г., когда еще только намечалась реорганизация НБК, отмечал: «Примечательно, что это единственное изменение, которое произойдет в банковском деле в результате экономической встряски, которая в настоящее время происходит в Китае»¹⁵. В начале 1984 г., когда уже были созданы центральный банк и Совет при нем, комментарий журнала был иным: он отмечал сходство созданной структуры с Федеральной резервной системой США (объединение банков, выполняющее функции центрального эмиссионного банка), после чего констатировал, что, по-видимому, «новый НБК намерен остановить, а затем повернуть вспять децентрализацию банковской системы»¹⁶.

А еще через полгода тот же журнал приводил критику, которой на «собрании китайского общества финансовых и банковских работников» подверглась «негибкая банковская система» в связи с «ее неудачами в предоставлении «профессиональных, гибких, эффективных банковских услуг», что сопровождалось предложением дать возможность создать новые «коллективные, местные и кооперативные банки», которые соревновались бы с НБК и другими государственными банками»¹⁷. Приведенные высказывания американского журнала, по-видимому, свидетельствуют, с одной стороны, об одобрении американским бизнесом проведенной реорганизации банковской системы Китая, а с другой — о неудовлетворенности рамками реформы и стремлении подтолкнуть Китай к развитию банковской системы по пути дальнейшей децентрализации и создания таких банковских учреждений, которые могли бы конкурировать с государственными банками в обслуживании отдельных отраслей и секторов народного хозяйства страны.

В настоящее время еще не представляется возможным подводить итоги эффективности проведенной реорганизации банковской системы, равно как нет серьезных оснований предполагать ее дальнейшее развитие по пути децентрализации. В «Постановлении ЦК КПК о реформе хозяйственной системы», принятом его III пленумом двенадцатого созыва в октябре 1984 г., лишь в самой общей форме говорится о намерении наряду с реформой цен провести реформу финансовой и банковской систем и лучше использовать кредит в качестве одного из экономических рычагов для регулирования важнейших народнохозяйственных пропорций и повышения эффективности экономики.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ «China Business Review», 1982, N 2.

¹⁶ Ibid., N 1.

¹⁷ Ibid., N 4.

Буржуазный либерализм в Китае: политическая история и идеология «третьего пути» развития (30—40-е годы XX в.)

С. Р. БЕЛОУСОВ

В 30—40-х годах нынешнего столетия жизнь китайского общества определялась противоборством двух основных политических сил — гоминьдана и КПК. Именно в бескомпромиссной борьбе этих партий — реакционной и прогрессивной — решался принципиальный вопрос о перспективе развития Китая. Но наряду с ними в те же годы в стране существовала и третья политическая сила из представителей так называемых промежуточных слоев, буржуазно-либеральных деятелей, с ведущей партией которых — Демократической лигой — нельзя было не считаться. Ее теоретическая платформа представляла собой китайскую версию «третьего пути» развития как «альтернативу» и капитализму и социализму, что получило в XX в. довольно широкое распространение в ряде стран Азии и Африки. Советские востоковеды и африканисты уделяли и уделяют большое внимание критике подобных национал-реформистских иллюзий, тормозящих классовое становление пролетариата и представляющих известную угрозу делу социализма, поскольку наряду с относительно прогрессивной направленностью и общедемократическим, антиимпериалистическим содержанием в таких концепциях неизменно присутствуют попытки «синтеза идеологий» социалистической и буржуазной, которые по существу абсурдны и вредны, так как «никому не дано соединить несоединимое, антагонистическое, классово противоположное»¹. Эта проблема продолжает сохранять свою актуальность в силу того, что самым непосредственным образом связана с перспективами развития афро-азиатских стран. Однако китайская буржуазно-либеральная интерпретация теории и практики «третьего пути» еще подробно не рассматривалась, хотя ее ретроспективный анализ дает конкретный материал для критики концепции в целом и для понимания тенденций и закономерностей идейно-политического развития Китая в новейший период его истории в частности. Не претендуя, естественно, на исчерпывающий анализ, данная работа преследует цель в известной степени восполнить этот пробел.

При изучении китайского варианта «третьего пути» необходимо исходить не из случайных сопоставлений, но из целостного представления не только о теоретической, но и практической деятельности его апологетов, причем вторая сторона вопроса имеет даже некоторый приоритет, поскольку общеизвестна истина, гласящая, что общественно-политическая мысль формируется не в вакууме, а является органической частью жизни общества, развиваясь параллельно с изменением исторической обстановки и внутренней ситуации в стране, была особенно актуальна для Китая первой половины XX века: необходимость создания политического режима, максимально адекватного условиям тогдашнего китайского общества, равно как и перманентный общенациональный кризис, обуславливавшие немедленную реакцию на те или иные события, подразумевали и самую тесную взаимосвязь теоретических доктрин и практической политики, заставляя идеологов учитывать вполне реальные социально-исторические коллизии современной им действительности и корректировать свои взгляды в зависимости от определенных задач политической борьбы. В данном контексте становится очевидным, что для всестороннего понимания китайской версии «третьего пути» развития необходимо изучить подоплеку этой борьбы на примере эволюции Демократической лиги Китая, поскольку взгляды сторонников вышеуказанной концепции не в последнюю очередь определялись конъюнктурными интересами этой организации (ставшей известной как «третья сила» Китая). Иными словами, конкретно-исторический анализ механизма функционирования Демократической лиги способствует научной критике самой теории, так как в программе этой партии и проводимой ею политике находили непосредственное воплощение умозрительные построения ее лидеров.

¹ Р. А. Ульяновский. Политические портреты борцов за национальную независимость. М., 1980, с. 89—90.

Актуальность этой темы неоднократно отмечалась в работах советских китаеведов, которые подчеркивали: «Крайне важно всесторонне изучать историю политических партий китайских помещиков и буржуазии — гоминьдана, Демократической лиги, Младокитайской партии и различных идеологических направлений, связанных с этими партиями».

Проблемы, связанные с изучением политической истории китайской буржуазии, ее различных групп и слоев... представляют немалый интерес как для понимания процессов, происходящих в наши дни в КНР... так и для сравнительного изучения роли буржуазии в странах Азии, Африки и Латинской Америки»².

Симптоматично, что этот круг вопросов вызывает заметный интерес и в самом сегодняшнем Китае, о чем свидетельствуют публикации соответствующих выдержек из «Избранных произведений Дэн Сяопина», постоянная рубрика в газете «Жэньминь жибао» («Изучение национальной истории»), регулярно помещающая крупные статьи на эту тему, и другие материалы центральной печати КНР³.

Предыстория «третьей силы» в Китае

В. И. Ленин отмечал, что деление всякого общества на политические партии наиболее рельефно выступает «во время глубоких, потрясающих всю страну, кризисов»⁴. Китайская действительность начала нашего века служит лишней иллюстрацией этого ленинского положения.

В XX веке Китай стал свидетелем интенсивного развития партий, которые в период Синьхайской революции 1911 г., да и позднее, возникали, как «молодые побеги бамбука весной»⁵. Однако этот процесс протекал сложно, если не сказать болезненно. Это объяснялось отсутствием демократических традиций, четкой классовой дифференциации в обществе (аморфная социальная структура отражалась прежде всего в политической сфере), напряженной внутренней ситуацией и политической нестабильностью в стране, многочисленными военными и гражданскими катаклизмами, общим «изнашиванием политических стандартов»⁶. Далеко не последнюю и едва ли не решающую роль в процессах эволюции партий сыграл такой фактор, как монопольное правление реакционного гоминьдана, однопартийная диктатура которого была официально санкционирована двумя декадами режима «политической опеки» (1929—1948).

Появившиеся в 20—30-е годы многочисленные партии ослабевали с самого начала своего существования — такая судьба постигла большинство националистических группировок, которые обычно возникали по инициативе китайских студентов, обучавшихся за границей. Единственной «выжившей» из всех подобных организаций была Партия молодого Китая (Шаонянь Чжунго дан), созданная в декабре 1923 г. в Париже по инициативе Цзэн Ци, Ли Хуана и других «этактистов» и впоследствии переименованная в Младокитайскую партию (МКП — Чжунго цинняндан)⁷.

После японского вторжения на Северо-Восток Китая в сентябре 1931 г. на приливной волне национального самосознания появился другой отряд политических партий и групп «либералов». К этому периоду относится активизация Третьей партии (Дисаньдан), возглавлявшейся Чжан Боцзюнем, Группы аграрной реконструкции (ГАР — Сянчунь цзяньшэ пай), лидером которой был Лян Шумин и Общества профессионального образования Китая (ОПО — Чжунхуа чжине цзяоюй шэ) под руководством Хуан Яньпэя; осенью 1934 г. была сформирована Государственно-социалистическая партия Китая (ГСП — Чжунго гоцзя шэхуэйдан) — лидерами ее были Чжан Цзюньмай, Чжан Дунсунь и Ло Лунцзи⁸; наконец, в декабре 1935 г. в Шанхае по инициативе Шэнь

² Проблемы советского китаеведения (Сборник докладов Всесоюзной научной конференции китаеведов, состоявшейся в ноябре 1971 года). М., 1973, с. 31—32; 121.

³ См., например: «Жэньминь жибао», 2.IX, 8 и 24.VIII.1983; «Хунцзи», 1983, № 20, с. 46—48; № 23, с. 17—22; № 24, с. 14—23; «Гуанмин жибао», 15.XII.1983.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 276.

⁵ Ян Юцзюнь, Чжунго чжэндан ши (История китайских политических партий). Шанхай, 1927, с. 48.

⁶ J. K. Fairbank. East Asia. The Modern Transformation, vol. 2. Boston, 1965, p. 653—655.

⁷ О Младокитайской партии см.: Лю Ся. Шибанянь лай чжи Чжунго цинняндан (Младокитайская партия за последние 18 лет). Чэнду, 1941; Чжунго цинняндан данши цзяляо (Материалы по истории Младокитайской партии). Тайбэй, 1955; Чжунго цинняндан (Младокитайская партия). Пекин, 1982.

⁸ Подробнее об этом см.: С. Р. Белоусов. Об одной разновидности китайского буржуазного национализма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 2, с. 115—126; Цзюнь Шэнь (Чжан Цзюньмай и Чжан Дуншэнь [сунь]). Чжунго гоцзя шэхуэйдан (Государственно-социалистическая партия Китая). — «Цзайшэн цзачжи», 1946, № 5.

Цзюньжу, Цзоу Таофэня и других была создана Ассоциация национального спасения (АНС — Чжунго жэньминь цзюго хуэй)⁹.

Причины появления и активизации этой «плеяды» партий в самых общих чертах сводятся к тому, что они возникли как реакция на угрозу национальной независимости Китая и как сила, стремившаяся к абстрактно понятой демократизации общественной жизни, поскольку средние, «промежуточные» слои¹⁰ в большей степени устраивала стабилизация буржуазно-демократического строя, нежели авторитарный режим «сильной власти» гоминьдана.

Необходимо отметить, что эти организации китайского буржуазного либерализма, известные как «третьи» партии (то есть помимо гоминьдана и КПК), были отнюдь не однородны, их политические платформы и конечные цели значительно отличались друг от друга, причем идеологические установки каждой носили весьма противоречивый характер и не поддаются однозначной оценке. Тем не менее анализ программ этих партий позволяет с достаточной степенью уверенности констатировать, что их объединяли некоторые существенные моменты, такие, как национализм (трактовавшийся, правда, тоже далеко не одинаково — от прогрессивного до реакционно-консервативного), традиционный тезис буржуазного либерализма о свободной конкуренции воззрений в условиях буржуазной демократии (как единственной рациональной форме политического противоборства) и та или иная степень оппозиции официальному режиму, что и позволило им на определенном этапе объединить свои усилия.

Если коротко охарактеризовать положение мелких, «третьих» политических партий и групп Китая в конце 20-х — первой половине 30-х годов, то можно сказать, что в этот период они оставались не более как статистами на политической сцене страны. После контрреволюционного переворота Чан Кайши (апрель 1927 г.), ухода КПК в подполье, опубликования и введения в действие «Программы политической опеки» (январь 1929 г.) малочисленные организации либеральной части национальной буржуазии существовали лишь номинально: их подпольная деятельность была подчинена исключительно решению проблемы «выживания». После японского вторжения в Маньчжурию гоминьдан в определенной степени пересмотрел свое отношение к мелким партиям, несколько снизив ограничения на их политическую активность. Тем не менее легального статуса они не получили, свидетельством чему может служить «геростратовский» известный арест «семи благородных» («ци цзюньцзы шицзянь») — семи лидеров АНС в ноябре 1936 г.¹¹ В этот период продолжал действовать принятый в январе 1931 г. и сформулированный в недвусмысленных выражениях «Закон о немедленном наказании за преступления против Республики», и если сказать, что любая политическая партия была лишена права на более или менее легальное существование вплоть до начала антияпонской войны, то это будет совершенно справедливо и с точки зрения законов того времени, и фактически.

Организационное оформление и первые шаги

Начало нового этапа японской агрессии (июль 1937 г.) поставило Китай перед необходимостью выработки программы общенационального сопротивления захватчикам, программы, позволяющей координировать усилия всех политических партий и группировок. В этих условиях гоминьдановское руководство вынуждено было пойти на организацию единого национального антияпонского фронта, на чем настаивала КПК и другие патриотические силы страны. Первым шагом в этом направлении было формирование Консультативного совета национальной обороны, а равно через год, 7 июля, был создан Национально-политический совет (НПС), объединивший представителей всех партий при подавляющем большинстве членов гоминьдана (соотношение — 24 к 176). Естественно, со стороны прогрессивных сил и средних слоев было бы наивно строить иллюзии в отношении гоминьдановского состава этого органа, но по крайней мере в первый год существования НПС различные партии работали в нем относительно согласованно¹².

Однако даже в этот период мелкие партии «промежуточных» сил не имели статуса независимых политических организаций, полностью признанных законом. С дру-

⁹ Об этих организациях см.: Шао Чжунъи. Чжунго гэ данпай цюаньмао (Общая характеристика китайских партий и группировок). Фучжоу, 1946, с. 41—71, 78—83, 87—91; Чжунго синь миньжун юньдун чжунду данпай (Партии и группировки в новодемократическом движении Китая). Шанхай, 1946, с. 41—61.

¹⁰ В советской литературе нет четкого определения этого понятия применительно к Китаю. Как бы то ни было, социальный состав этих сил был очень нестрем, по в основном они объединяли либеральные слои национальной буржуазии (прежде всего чиновничество и интеллигентские круги — преподавателей, студентов, деятелей культуры и т. п.), либеральную часть помещиков, а также часть мелкой буржуазии.

¹¹ См.: С. Р. Белоусов. Цзоу Таофэнь — поборник китайско-советской дружбы. — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1, с. 182.

¹² In: Ch'ien Tuan-sheng. The Government and Politics of China. Camb. Mass.), 1961, p. 280—281, 371.

гой стороны, их положение в самом начале антияпонской войны зависело не столько от отношений с официальными властями, сколько от собственной популярности. Но балансируя между двумя крупнейшими политическими силами, гоминьданом и КПК, «третьи» партии не могли составить им реальной конкуренции и имели мало шансов для активного развития, поскольку не обладали четко разработанными теоретическими концепциями общественного переустройства, и ни их программы, ни руководство, ни практические шаги не были оригинальны или в чем-то явно привлекательны. Поэтому сами претензии «либералов» были в значительной степени безосновательны, и у них не было объективных оснований считать свое положение в этот период неудовлетворительным. К тому же «третьи» партии надеялись на его улучшение, рассчитывая, что их сотрудничество с гоминьданом и КПК в рамках единого фронта будет развиваться.

Однако в начале 1939 г. период относительной либерализации политического режима закончился, и ситуация резко изменилась к худшему. Усиление реакционных тенденций в гоминьдане, обострение его отношений с КПК, принятие решения «О мерах по ограничению деятельности чуждых партий» (январь 1939 г.)¹³ — все это не могло не сказаться на положении мелких политических групп. В этих условиях лидеры некоторых из них пришли к заключению о необходимости организационного оформления «третьей силы» Китая, которая, по их замыслу, должна была способствовать урегулированию внутривнутриполитических конфликтов и демократизации страны (в буржуазном понимании), что в данном случае подразумевало в первую очередь ликвидацию однопартийной системы гоминьдана и формирование коалиционного правительства.

Феномен «третьей силы» Китая и ее представителя — Демократической лиги — складывался постепенно, пройдя до своего окончательного оформления через ряд этапов. Зимой 1939/40 г. лидеры различных партий «второго эшелона», члены НПС, договорились об объединении руководимых ими организаций в Ассоциацию сторонников общенациональной реконструкции (Тунъи цзяньго тунчжи хуэй), центром деятельности которой стал Чунцин, а печатными органами — газета «Гуанмин бао» и журнал «Жэньминь сяньфа». В новую Ассоциацию вошли МКП, ГСП, ГАР и ОПО. Реакция гоминьдана на ее создание была резко отрицательной. Один из его лидеров, Сунь Фо, был послан в Гонконг с целью принять меры к ограничению деятельности Ассоциации. Кроме того, гоминьдановский официоз, орган ЦИК газета «Чжунъян жибао», поставила существование Ассоциации под вопрос, поскольку заявление о ее создании не сопровождалось упоминанием каких бы то ни было имен вошедших в нее членов и руководящего состава¹⁴.

После того как реакционное гоминьдановское руководство осуществило в январе 1941 г. военную провокацию против КПК, был проведен объединительный съезд ряда оппозиционных гоминьдану партий и групп «либералов» (март 1941 г.), на котором Ассоциация была реорганизована в Лигу демократических политических организаций Китая (Чжунго миньчжэ чжэнтунъань датунмэн). На этом этапе в Лигу, кроме вышеперечисленных группировок, вошла также Третья партия¹⁵.

В октябре 1941 г. новая организация опубликовала на страницах «Гуанмин бао» декларацию прогрессивного характера и текст своей программы («Программа десяти пунктов»), в которых говорилось о необходимости предотвращения рецидива гражданской войны и демократизации общественной жизни¹⁶. Но из-за неоднородности своего социального состава, различий в политических воззрениях отдельных группировок, а главным образом вследствие значительного влияния правых элементов и сохранения иллюзий в отношении гоминьдана Лига в этот период (март 1941 — октябрь 1944 г.) занимала в основном пассивную позицию, не ведя энергичной борьбы за осуществление провозглашенных принципов и оставаясь немногочисленной и маловлиятельной организацией. Положение усугублялось фактически полулегальными условиями деятельности, обуславливавшими различные организационные трудности, не говоря уже о трудностях, порождавшихся войной¹⁷.

¹³ Новейшая история Китая, 1917—1970. М., 1972, с. 193.

¹⁴ Вопрос об «анонимности» был вынесен на рассмотрение Постоянного комитета НПС, но на этом же заседании Чжан Цзюньмай, Цзо Шуньшэн, Хуан Яньпэй и Ло Лунцзи заявили, что берут на себя ответственность за все действия, связанные с новой организацией. — In: C. Chang. The Third Force in China. New York, 1952, p. 113—114.

¹⁵ См.: Шао Чжунъи. Указ. соч., с. 54—55.

¹⁶ См.: Пинань чжунго цзичань цзэцзи чжунцзянь лусянь панькао цзыляо (Материалы по критике среднего курса китайской буржуазии), т. 2. Пекин, 1958—1959, с. 6—8, 8—9 (далее — ППЦЛ).

¹⁷ Характерный штрих: газета «Гуанмин бао», орган Лиги, была закрыта в декабре 1941 г., когда Гонконг попал в руки японцев, а ее главный редактор Лян Шумин вынужден был бежать в Юго-Западный Китай. — In: C. Chang. Op. cit., p. 115.

Активизация деятельности Демократической лиги

В мае 1944 г. на страницах официального органа Лиги еженедельника «Миньчжу чжоукань» был опубликован документ под названием «Позиция Лиги демократических политических организаций Китая в отношении настоящего момента», отразивший обострение внутренней ситуации и дальнейшее усиление недовольства либеральных слоев буржуазии и интеллигенции антинациональной политикой гоминьдана. Приблизительно с этого времени начинают предприниматься конкретные шаги к активизации деятельности Лиги. Часть ее лидеров считала, что «для претворения в жизнь демократической политики недостаточно объединения усилий мелких партий и групп и впредь необходимо объединить усилия представителей всех кругов и слоев общества»¹⁸ (имелись в виду те же «промежуточные» слои. — С. Б.); то есть ставилась задача превратить Лигу в «локальный» единый фронт «третьих» сил («единый фронт местного значения»). Именно со стремлением расширить рамки организации и «возвести ее в ранг» третьей крупной политической партии (помимо гоминьдана и КПК) было связано ее переименование (19 сентября 1944 г.) в Демократическую лигу Китая (Чжунго миньчжу тунмэн) — подтверждением тому служит текст выдвинутого в тот же день «Проекта программы». Эту же цель преследовала и внутренняя реорганизация Лиги, проведенная на конференции в Чунцине 20 октября того же года (сигравшей фактически роль 1 съезда), в результате которой в ее состав вошла АНС — наиболее прогрессивная из мелких партий. Но главным фактором, способствовавшим заметному росту численности и влияния Демократической лиги, стало введение индивидуального членства, благодаря чему она значительно расширила свои ряды за счет беспартийных деятелей, в основном преподавателей и студентов различных университетских центров, прежде всего Чунцина и Куньмина (чаще всего прозелиты были настроены даже более решительно, чем представители входивших в Лигу партий и политических групп)¹⁹.

Однако вопрос членства оставался до конца не решенным. В период наибольшего подъема деятельности Лиги в ее состав, кроме трех мелких партий (МКП, ГСП и Третьей) и трех политических групп (ГАР, ОПО и АНС, «шестерки» — «люэ данпай»), входили и так называемые «независимые» деятели, не связанные с вышеперечисленными группировками, значительная часть студенческой молодежи (хотя руководство Лиги и отрицало какую-либо деятельность со своей стороны по рекрутированию членов среди студентов), а также определенное число как гражданских, так и военных политиков, представителей деловых и чиновничьих кругов крупных городов Китая, по разным причинам не удовлетворенных гоминьдановским режимом. В целом, социальный состав Демократической лиги был разношерстным, причем удельный вес «независимых» деятелей был чрезвычайно велик (в 1946 г., например, 70 % от общего числа)²⁰. Анализ ее состава приводит к заключению, что подобной организации трудно было рассчитывать на завоевание политической власти в стране. Если Лига и добилась определенного влияния, то это объясняется скорее непопулярностью объекта ее атаки — гоминьдана, нежели какими-то позитивными действиями или альтернативными предложениями ее собственного руководства.

Численность Демократической лиги установить трудно, весьма предположительно она определяется как «менее 100 тысяч человек» (в 1944 г.)²¹. Центрами деятельности в годы антияпонской войны были Чунцин, Чэнду и Куньмин, а после войны руководящие органы переехали в Шанхай.

Китайский вариант концепции «третьего пути»

Изменение социального состава не могло не сказаться на мировоззрении такого сложного конгломерата политических сил, каким являлась Лига после реорганизации. Накануне реорганизационной конференции (10 октября 1944 г.) была разработана, а на самой конференции принята «Политическая платформа Демократической лиги Китая в отношении последнего периода войны сопротивления» — документ, в котором говорилось о необходимости упразднения режима монопольного правления гоминьдана, активизации военных действий против Японии, «улучшении условий жизни народа» и «укреплении дружественных отношений с союзными государствами». Основополага-

¹⁸ Чжунго синь миньчжу..., с. 29.

¹⁹ И Шэи. Чжунго миньчжу тунмэн (Демократическая лига Китая). — «Цзайшэн», январь 1946, № 5, с. 14. Негативным следствием реорганизации явилась возросшая враждебность гоминьдана в отношении Лиги.

²⁰ ЦИК, выбранный на Чрезвычайном съезде Лиги в октябре 1945 г., состоял примерно из 60 человек, половина из которых представляла «шестерку», а другая — людей различных профессий и политических убеждений. Разнородность членов ЦИК и отражала социальную неоднородность Лиги в целом. — См.: Чжунго синь миньчжу..., с. 30.

²¹ S. Gunther. The Challenge of Red China. New York — London, 1945, p. 463.

ющей и наиболее актуальной задачей объявлялось формирование в кратчайшие сроки коалиционного правительства, как необходимого подготовительного шага к введению в стране конституционного правления²². В целом можно сказать, что в политической области Лига вплоть до 1948 г. (когда она выступила за прямое сотрудничество с КПК) исповедовала идеалы буржуазной демократии в том виде, в каком они известны на Западе. Что касается ее экономической программы, то в этой области, как и в большинстве других, был достигнут (по крайней мере внешне) компромисс, который можно охарактеризовать как некоторую перелицовку идей социал-реформизма²³.

Дж. Шеридан считает, что лидеры «промежуточных» сил «считали себя специалистами, экспертами в своих областях, которые как граждане могут со стороны критиковать политику, проводимую другими, но не имеют опыта или реальных оснований вырабатывать свою собственную»²⁴. С этим утверждением нельзя полностью согласиться, поскольку «либералы» предлагали свою, хотя, надо сказать, иллюзорную альтернативу развития Китая.

Компромиссный характер платформы был необходимым условием существования «третьей силы» Китая в целом и ее представителя — Демократической лиги — в частности. Поэтому идеологическую многоукладность, различие политических взглядов отдельных партий, группировок и «независимых» деятелей надо было привести к какому-то общему знаменателю, которым и стала китайская версия «третьего пути», собственная «модель» развития в контексте «национальной специфики», основанная на идеалистическом, абстрактном понимании национального государства как «надклассового» института и расценивавшаяся как якобы единственно возможная логическая альтернатива и капитализму и социализму. «...Нам нужна демократия, — писал Чжан Дунсунь, — но без капитализма, нужен социализм, но без революции и пролетарской диктатуры»²⁵.

Лидеры «третьей силы» в целом отрицательно относились к капитализму, неспособному обеспечить социальное равенство в обществе. Но эта объективная оценка элиминировалась их неприятием социализма в силу его якобы «недемократического» характера. Последний тезис объяснялся идеалистической трактовкой демократии как неклассового понятия, ограниченного политико-юридической сферой и относящегося в первую очередь к духовной области жизни. Поэтому идеологи «третьего пути» развития Китая стремились к некоему синтезу преимущественных, с их точки зрения, сторон капиталистической и социалистической формаций, полагая, что «в результате соединения экономической демократии, практикуемой в СССР, с политической демократией англо-американского образца... будет выработана демократия китайского типа (выделено мною. — С. Б.), в чем так нуждается страна в настоящее время»²⁶. Генеалогия подобных социально-исторических иллюзий прослеживается еще во взглядах революционных демократов, в частности Сунь Ятсена (в его тезисе о возможности «синтеза» капитализма и социализма).

Однако национал-реформистская идея о возможности «миновать» развитие монополистического капитализма, с одной стороны, и «избежать» революционных преобразований общества — с другой, неизбежно, подчас вопреки субъективным стремлениям ее апологетов, направляет страну на заурядный капиталистический путь развития. Китайский вариант «третьего пути» не был в этом смысле исключением: негативное отношение к классовой борьбе, сопровождавшееся изъятием из арсенала партий буржуазного либерализма всех политических средств, выходящих за рамки буржуазной демократии, уже приводило к тому, что они фактически приносили в жертву реальным классовым интересам эксплуататорского меньшинства ими же самими спекулятивно провозглашенные «общечеловеческие ценности». Иными словами, несмотря на демократические декларации теоретиков «третьего пути», этот последний, по сути, сводился не к чему иному, как к установлению диктатуры национальной буржуазии. В одном случае (АНС) такая позиция объяснялась сохранением идеологических иллюзий, в другом (МКП и ГСП) — более или менее преднамеренной апологией капитализма.

Таким образом, центральной дилеммой для идеологов «третьей силы» было трудноразрешимое противоречие между социальной революцией и парламентской демократией, диктовавшее исторически ограниченный компромисс между Демократической лигой и силами правее ее, то есть гоминьданом. Необходимой предпосылкой такого «тактического альянса» был отказ от радикальных преобразований в социалистическом смысле.

Помимо всего прочего, теоретики буржуазного либерализма игнорировали объективные условия Китая, не дававшие никакой почвы для идеализирования по поводу «накапиталистического» или «несоциалистического» развития страны. Несбыточность «третьего пути» обуславливалась, с одной стороны, его непримиримым противоречием со стремлением империализма законсервировать зависимое положение Китая, а

²² ППЦЛ, т. 3, с. 19—21.

²³ См. Программу Лиги 1945 г. — В кн.: ППЦЛ, т. 4, с. 79—80.

²⁴ J. E. Sheridan. China in Disintegration. The Republican Era in Chinese History. New York — London, 1975, p. 282.

²⁵ Чжан Дунсунь. Нгэ чжунцзянь синды чжэнчжи лусянь (Средний политический курс). — В кн.: ППЦЛ, т. 4, с. 177.

²⁶ Там же, с. 75.

с другой — наличием в стране двух сильных антагонистических лагерей, возглавлявшихся гоминьданом и КПК, с которыми экономически и политически слабые «промежуточные» силы конкурировать никак не могли.

Тем не менее, если в стратегическом отношении «третий путь» был бесперспективен, то с точки зрения тактики, в период благоприятной конъюнктуры (в условиях ожесточенного соперничества двух ведущих партий с классово противоположными интересами) у «третьей силы» появлялась реальная возможность широкого политического маневрирования, чем она и воспользовалась. Кроме того, среди определенных слоев общества, в том числе не только средней, но и мелкой буржуазии, еще продолжала пользоваться значительной популярностью идея «национальной» буржуазно-демократической республики, не говоря уже о призывах к объединению страны, активизации национально-освободительной борьбы и «национальному возрождению». Все это послужило эмоциональным фоном для определенных политических лозунгов и позволяло «третьей силе» сохранять свое влияние на часть населения, которое даже несколько усилилось в первые послевоенные годы.

Многие представители либеральной части национальной буржуазии, ратовавшие за «средний» политический курс, сохраняли иллюзии в отношении чанкайшистского гоминьдана, надеясь, что он, как уверял лидер Третьей партии Чжан Боцзюнь, в конце концов «удовлетворит требования народа, возьмет в свои руки ключ к объединению страны и, придерживаясь великого пути демократии, начнет стрелство государства трех народных принципов»²⁷. Некоторые лидеры «промежуточных» сил (Чжан Цзюньмай, Ло Лунцзи и др.) рассчитывали на координацию политики США в Китае с деятельностью «третьей силы», что послужит гарантией скорейшего и «безболезненного» установления буржуазно-демократического строя в стране. (Когда в Китай приехал представитель США генерал Дж. Маршалл, Чжан Цзюньмай стал его «правой рукой» и «своим человеком» в руководстве Демократической лиги).

В целом, несмотря на общедемократическую декларативность политических установок Лиги, анализ их конкретного содержания свидетельствует о конъюнктурной подоплеке и узкоклассовой эгоистической направленности. Прежде всего, заинтересованность национальной буржуазии в ликвидации внутригосударственного конфликта и «объединении» страны мирным путем была продиктована ее стремлением к созданию максимально благоприятных условий для собственного политического маневрирования и упрочения своих экономических позиций. Во-вторых, ее требования реформы государственного строя в духе буржуазной демократии объясняются боязнью большинства деятелей «промежуточных» сил подлинно революционных преобразований общества. В основном те же причины обуславливали и требования общей либерализации, легализации деятельности всех партий (в первую очередь, естественно, «третьих») и ликвидации режима «политической опеки», подразумевавшей ограничение власти гоминьдана²⁸.

Обосновывая свои претензии на роль посредника между гоминьданом и КПК, «либералы» настаивали на том, что именно их позиция служит «выражением мнения большинства населения» и в ней «действительно звучит голос народа» (как говорил председатель Лиги Чжан Лань на Чрезвычайном съезде в октябре 1945 г.). Эти заявления представителей китайской средней буржуазии отразили характерные для этого класса в целом попытки представить себя «выразителем интересов всей нации» (не последнюю роль здесь несомненно сыграл буржуазный национализм)²⁹. На самом деле, отстаивавшаяся ими теоретически аморфная концепция призрачного «третьего пути» преобразования общества, сводившаяся в основном к осуществлению верхушечных реформ, в сущности сохраняла власть в руках одного класса — буржуазии, а крупной или средней, компрадорской или национальной — в данном случае не имело принципиального значения, так как формальное провозглашение принципов буржуазной демократии, считавшееся деятелями «третьего лагеря» необходимой предпосылкой демократизации страны, не затрагивало действительного содержания власти — экономической и политической диктатуры эксплуататорского меньшинства.

Раскол внутри «третьей силы»

Из сказанного напрашивается вывод, что с точки зрения теории Демократическая лига представляла собой персонификацию «коалиционного сознания», под которым подразумеваются взгляды и представления, определяющиеся принадлежностью известного социального слоя к той или иной межклассовой коалиции, образованной на основе относительно устойчивого совпадения интересов ее участников. Однако не-

²⁷ «Синьхуа жибао», 14.IX.1945.

²⁸ См.: Чжан Дунсунь. Чжуйшу вомэнь нули пияньли «лянхэ чжэнфу» джунь (Выясним смысл наших усилий по созданию «коалиционного правительства»). — В кн.: ППЦЛ, т. 4, с. 237—238.

²⁹ Националистический аспект теории «третьего пути» в Китае в данной работе не рассматривается — эта многогранная проблема должна стать темой самостоятельного исследования (подробнее об этом см.: «Народы Азии и Африки», 1981, № 1, с. 174—193).

смотря на то, что идеологи «третьей силы» в принципе одинаково трактовали важнейшие вопросы политической ситуации в Китае того времени, «мозаичность» их общей теоретической платформы сомнений не вызывает. В таком конгломерате партий и группировок, представители которых придерживались собственных идей и взглядов, в той или иной степени различающихся по своему социальному содержанию, у каждой из входивших в Лигу организаций в теоретической области должна была присутствовать и присутствовала определенная идеологическая доминанта. В соответствии с этим в Лиге существовало два крыла: левое, представленное прежде всего АНС, а также Третьей партией и большинством «независимых» деятелей, и правое, объединявшее МКП, ГСП и их сторонников из числа наиболее консервативных членов Лиги. «Плюралистичность» идеологии и теоретические шатания отражали политические разногласия внутри самой «третьей силы» Китая, и наоборот.

В начальный период существования коалиции группировок китайского буржуазного либерализма (лето 1939 — осень 1944 г.) МКП и ГСП доминировали в ней с точки зрения как идеологического, так и политического влияния. Достаточно сказать, что из 13 членов Постоянного комитета, выбранного на Учредительном съезде Лиги в октябре 1944 г., четверо представляли МКП, двое — ГСП, а еще двое — примыкавшие к ним группировки. Генеральным секретарем ЦИК был также один из правых — Цзо Шуньшэн³⁰. Однако после реорганизации Лиги, в результате которой в нее вступило большое число прогрессивных элементов, ключевые позиции правых оказались под угрозой. Возросло подспудное внутреннее соперничество между правыми и левыми силами, хотя и не столько по вопросам проводимой политики, сколько вокруг контроля над механизмом Лиги. (Постоянно возникали и острые личные конфликты между руководителями различных партий, в основном по вопросам лидерства.) Эти разногласия достигли своего апогея на Чрезвычайном съезде в октябре 1945 г. МКП, которая до этого по сути монополично осуществляла контроль над секретариатом, была от него отстранена (только номинально один ее представитель был оставлен во главе секретариата). Реальный контроль и моральный авторитет перешел в руки более прогрессивных групп и демократически ориентированных беспартийных деятелей, сочувствовавших коммунистам³¹.

Накануне переговоров по вопросу мирного урегулирования внутригосударственных конфликтов (в конце 1945 г.) гоминьдан пообещал МКП определенное число мест на предстоящей Политической консультативной конференции (ПКК), абсолютно непропорциональное действительному весу и влиянию этой партии, при условии, что она откажется от всякого сотрудничества с авангардом «третьей силы». Младозлатисты без колебаний приняли это предложение и, таким образом, окончательно вышли из коалиции «промежуточных» сил. ГСП, реорганизованная к тому времени в Демократическую социалистическую партию (Чжунго миньчжу шэхуэйдан)³², колебалась дольше, но и она в конце концов (уже после окончания работы ПКК) поставила себя вне Демократической лиги решив, что «нет разумной альтернативы» участию в сфабрикованном гоминьданом Национальном собрании, бойкотировавшемся прогрессивными силами. Впоследствии лидер партии Чжан Цзюньмай сделал заявление, которое можно расценить только как хрестоматийный пример политического лицемерия: он оправдывал разрыв ДСП с Демократической лигой тем, что последняя якобы превратилась в «послушное политическое орудие КПК»³³. На самом деле причины выхода и МКП и ГСП из Лиги были гораздо прозаичнее. Их откровенно и довольно цинично сформулировал лидер МКП Цзэн Ци, заявивший, что «наше поколение нельзя судить строго: среди нас есть самые разные люди, в том числе и такие, кто хочет стать чиновником и прокормиться — не более»³⁴.

Избавление от правых элементов положительно сказалось на атмосфере внутри Демократической лиги и обусловило ее превращение в более прогрессивную организацию, подтверждением чему служат уже Политическая декларация (от 11 октября 1945 г.) и текст программы, принятые на Чрезвычайном съезде³⁵.

С этого времени Демократическая лига становится все более бескомпромиссной в отношении гоминьдановцев, которые из «реформаторов-революционеров» 20-х годов безвозвратно переродились в «традиционных бюрократов»³⁶, а их лидеры, как писал бывший госсекретарь США Д. Ачесон, были «ослаблены, деморализованы и непопулярны», и все теснее сотрудничает с коммунистами, отношения с которыми были восстановлены летом 1945 г.

³⁰ In: China Handbook, 1950. New York, 1950, p. 254.

³¹ In: Ch'ien Tuan-sheng. Op. cit., p. 359.

³² В августе 1946 г. на встрече в Шанхае ГСП объединилась с Демократической конституционной партией (Миньчжу сяньчжэйдан), действовавшей в Северной Америке под руководством У Сяньцзы и Ли Даминна, и была переименована в ДСП. — См.: Шао Чжунъи. Указ. соч., с. 60.

³³ In: C. Chang. Op. cit., p. 184.

³⁴ «Жэньминь жибао», 2.IX.1983.

³⁵ См.: ППЦЛ, т. 4, с. 76—78, 81—82.

³⁶ Chan F. G. (ed.). China at the Crossroads: Nationalists and Communists, 1927—1949. Boulder (Col.), 1980, p. 2.

Переход Демократической лиги на позиции сотрудничества с КПК

Обострение общенационального кризиса после окончания антияпонской войны, тяжелое экономическое положение страны, усиление политических репрессий и вмешательство США во внутренние дела Китая привели к росту антиправительственных настроений в широких слоях китайского общества и активизации «промежуточных» сил. Дополнительным стимулом вовлечения этих сил в активную политическую борьбу в ноябре — декабре 1945 г. служило их стремление играть заметную роль на предстоящей ПКК.

Политическая борьба, развернувшаяся на конференции (10—31 января 1946 г.), где Демократическую лигу представляло 9 делегатов, была составной частью классовой борьбы в стране. (За кулисами ПКК активно действовал Дж. Маршалл.) Несмотря на широкий диапазон политических взглядов деятелей «промежуточных» сил, в целом их позиция на ПКК определялась отстаиваемой ими теорией «третьего пути». Чан Кайши надеялся на относительный нейтралитет Лиги, и небезосновательно, так как часть ее представителей в начальный период работы ПКК в большей или меньшей степени склонялась к соглашательству с гоминьданом. Однако уже в ходе самой конференции откровенная реакционность позиции гоминьдана заставила деятелей «третьей силы» выступить в поддержку предложений КПК. На конференции, таким образом, «произошел раскол на два лагеря: на одной стороне оказались гоминьдан, МКП и шесть или семь беспартийных делегатов, а на другой — коммунисты и представители Демократической лиги, поддержанные одним или двумя беспартийными. Первый объединял 18 или 19 делегатов, второй — 17 или 18. Только один или два деятеля оставались нейтральными, не примкнув к какому-либо лагерю»³⁷.

Когда началась работа сформированного гоминьданом Национального собрания (ноябрь — декабрь 1946 г.), Демократическая лига присоединилась к коммунистам в их бойкоте этого органа, а позднее отказалась признать принятую на нем псевдодемократическую конституцию. В дальнейшем ее участие в акциях неповиновения и сопротивления гоминьдановскому правительству, осуществлявшихся КПК, стало закономерным и общепризнанным явлением. Это не могло не вызвать острого недовольства реакции, и через полгода после того, как гоминьдановское руководство объявило коммунистов «антиправительственными элементами» («бандитами» или «мятежниками», по его терминологии), 27 октября 1947 г. была объявлена вне закона и Демократическая Лига как организация, поддерживающая «мятежников»³⁸. Несмотря на первоначальный отказ председателя Лиги Чжан Ланя выполнить требование о роспуске, деятели «третьей силы» не могли полностью игнорировать политический эффект правительственного приказа. Лига была им обезоружена и уже через несколько дней капитулировала. Однако многие ее лидеры бежали в Гонконг, где возобновили антигоминьдановскую деятельность (под руководством Шэнь Цзюньжу, фактически ставшего действующим председателем)³⁹. Они расценивали циркуляр о роспуске как документ, принятый под откровенным давлением, и отказались ему подчиниться. Аналогично действовали и некоторые филиалы Лиги, например в Сингапуре.

5 января 1948 г. в Гонконге открылся III Пленум ЦИК Демократической лиги, на котором было принято решение о продолжении деятельности, а в декларации содержалось безоговорочное осуждение политики гоминьдановского режима. Деятели «третьей силы» заявили о своей солидарности с программой КПК, о признании авангардной роли последней и готовности поддерживать ее вооруженную борьбу против гибнущей контрреволюции. С весны 1948 г. устанавливаются непосредственные контакты и прямое сотрудничество КПК с большинством партий «второго эшелона»⁴⁰. После образования КНР лидеры Демократической лиги вошли в состав Центрального народного правительства⁴¹.

Дальнейшая история Демократической лиги была, как известно, богата различными перипетиями, связанными с изменениями во внутривнутриполитическом курсе КНР. В последние годы ее положение несколько стабилизировалось: Лига, в которой насчитывается более 40 тысяч человек (в основном деятелей культуры и просвещения), вместе с КПК и наравне с 7 другими мелкими политическими партиями «патриотических элементов» входит в состав «единого фронта Китая, руководимого идеями Мао Цзэдуна»⁴².

³⁷ Sh'ien Tuan-sheng. Op. cit., p. 378.

³⁸ Ужесточение репрессий началось гораздо раньше: еще в июле 1946 г. в Куингмине были убиты известные деятели Лиги Ли Гуипу и Вэнь Идо, а вскоре были запрещены почти все периодические издания организации. — «Жэньминь жибао», 8.VIII.1983.

³⁹ In: China Handbook, 1950, p. 255.

⁴⁰ Новейшая история Китая, с. 234. Весной — летом этого года исполнительные органы Лиги переезжают из Гонконга в освобожденные районы. — «Хунци», 1983, № 23, с. 18.

⁴¹ Информацию о Лиге см.: Чжунго миньчжу тунмэнь яньлушэ цзи (Сборник статей о Демократической лиге Китая). Б. м., 1945.

⁴² См.: «Хунци», 1983, № 24, с. 14—23.

* * *

Генерал Дж. Маршалл, уехавший из Китая в начале 1947 г. и признавший свою «посредническую миссию» потерпевшей фиаско, писал, что с его точки зрения «спасение ситуации (т. е. недопущение коммунистов к власти. — С. Б.)... было бы в передаче руководства либералам из правительства и мелких партий — группе достойных людей...»⁴³. Однако это была мертворожденная и тщетная надежда: «третья сила» страны в силу необратимости исторического процесса не могла взять на себя решение кардинальных проблем китайского общества. Даже если чисто гипотетически и предположить такую возможность, то на пути ее практического осуществления возникает непреодолимое препятствие — слабость «третьих» партий, которая «была слабостью всего китайского либерализма»⁴⁴. Однако несомненно и то, что как гоминьдан, так и КПК в равной степени были чрезвычайно заинтересованы в привлечении на свою сторону деятелей «третьей силы», оказывавших далеко не последнее влияние на определенную часть населения и служивших фактически камертоном общественного мнения.

Несмотря на то что «третья сила» Китая в 40-е годы несомненно сыграла известную позитивную роль в деле демократизации страны, неправомерно, разумеется, было бы идеализировать ее деятельность. Прежде всего экономическая слабость национальной буржуазии не позволяла ей существенно влиять и на ход политических процессов. Панегирики «третьему пути» развития обуславливались двойственностью социально-экономического положения средних слоев китайского общества, интересы которых, с одной стороны, страдали от гнета иностранного и крупного отечественного капитала, а с другой — противоречили классовым интересам пролетариата и крестьянства. Именно поэтому в Китае появилась своя трактовка теории «третьего пути», концепция «национальной модели» развития с учетом «специфики» Китая, якобы позволяющая «избежать» одиозных черт капитализма и «крайностей» исторически единственно возможного реального социализма. Эти буржуазно-реформистские иллюзии, рекламировавшиеся некоторыми лидерами промежуточного лагеря в качестве «программы национального спасения Китая» и «немарксистской альтернативы капиталистическому развитию», представляли определенную опасность для скорейшего достижения победы социализма в стране, хотя с точки зрения стратегии «предлагавшаяся либералами альтернатива в сущности никакой реальной альтернативы из себя не представляла»⁴⁵.

Обострение классовой борьбы в Китае после окончания второй мировой войны и начавшаяся война гражданская, заставившие каждую партию, каждого деятеля «промежуточных» сил занять недвусмысленную позицию и открыто встать на чью-либо сторону, привели к расколу внутри Демократической лиги, правое крыло которой выбрало, с его точки зрения, «меньшее из зол» и связало свою судьбу с реакционным гоминьданом, а политические симпатии левого крыла и центра эволюционировали в сторону сближения с платформой КПК.

Такой итог деятельности «третьей силы» Китая был закономерен, поскольку предлагавшийся ею путь общественного развития был иллюзорен и бесперспективен и представлял собой скорее не идеологическую и мировоззренческую позицию, а прежде всего политическую доктрину, решавшую сиюминутные проблемы «трансформации» китайского общества в интересах его средних слоев.

⁴³ United States Relations with China. Washington, 1949, p. 688.

⁴⁴ J. E. Sheridan. Op. cit., p. 282.

⁴⁵ Ibid., p. 283.

О «дружелюбии» США по отношению к КНР

М. В. КОВАЛЬ,

кандидат исторических наук

Книга Нэнси Такер*, ассистент-профессора истории Колгейтского университета в Нью-Йорке, посвящена анализу политики США в отношении Китая в 1949—1950 гг. Автор пытается выявить основные причины и факторы, повлиявшие на политику правительства Трумэна в отношении Китая в течение «нескольких критических месяцев», определивших, как пишет Такер, последующее «31-летнее разобщение» между США и КНР.

В книге исследуется период с января 1949 г., когда к власти в США пришла «вторая администрация» Трумэна, а события в Китае уже определили исход гражданской войны и поражение гоминьдана, до июня 1950 г., когда началась война в Корее, которая, по словам автора, «положила конец разумному анализу» (с. VII).

Проследивая действия правительства США в плане поддержки националистического режима Чан Кайши, с одной стороны, и попыток «урегулирования отношений с китайскими коммунистами» — с другой, Такер использует большое количество архивных документов и материалов рассматриваемого периода, изданных недавно в США (в серии «Международные отношения»), а также гоминьдановских источников, материалов частных коллекций, в том числе полученных ею во время бесед с бывшим послом США в Китае Джоном Л. Стюартом, известным синологом, дипломатом, бывшим генеральным консулом США в Китае Оливером Э. Клаббом, генералом А. С. Ведемейером и другими политическими деятелями США того времени.

«Новый подход» к оценке политики США в отношении Китая в указанные годы, на который претендует работа Такер, и она сама и рецензенты ее книги связывают именно с использованием ею «недоступных ранее» источников. Опираясь на эти новые данные, автор хочет доказать, что деятели, стоявшие тогда у руля власти в США — президент-демократ Гарри Трумэн и государственный секретарь Дин Ачесон — отнюдь не были такими яркими антикоммунистами и прогоминьдановцами, как считалось ранее. Исходной позицией Такер при оценке политики Вашингтона того периода является ее утверждение о том, что Трумэн и Ачесон просто «запутались в дипломатии холодной войны и в урегулировании внутриполитических дел» и поэтому отказались «принять поспешные решения по поводу событий на Востоке» (с. VII).

Причем такая позиция отнюдь не была «пассивной», как полагали многие критики. Автор утверждает, что дипломатия Трумэна—Ачесона «маскировала их серьезные усилия» и намерения разобраться в новой ситуации в Китае, определить степень ее выгодности для США. Политика Белого дома представляется автору не в виде определенной четкой линии, а в виде своеобразных «узоров на песке», которые Такер берется расшифровать, установить истину, опираясь на новые материалы, а также на финансовую поддержку Института Г. Трумэна, фондов Форда и Меллона.

Вопреки сложившемуся в политических и научных кругах США взгляду о твердой антикоммунистической и прогоминьдановской позиции Трумэна накануне и после образования КНР, автор делает попытку доказать «лояльность» президента, его «осторожный» подход к ситуации в Китае, старается подчеркнуть «миролюбивый настрой» американской администрации к китайским коммунистам.

Для обоснования своих положений Такер исследует реакцию различных слоев американского общества на китайскую революцию: анализирует позицию крупного бизнеса, прессы, широких кругов общественности, политиков, миссионеров, ученых и влияние всех этих слоев на решения правительства США, на разработку им политики в отношении Китая.

Уже в январе 1949 г., когда гоминьдановский режим в Китае фактически рухнул, перед Америкой встал вопрос: продолжать ли оказывать поддержку Чан Кайши или признать новую власть в Пекине? Но Ачесон, указывает автор, считал, что не нужно

* N. B. Tucker. Patterns in the Dust. Chinese-American Relations and the Recognition Controversy, 1949—1950. New York, 1983, 396 p.

торопиться. Он сравнивал поражение режима Чан Кайши «с падающим в лесу деревом» и полагал, что США должны «подождать, пока уляжется пыль» (с. VII). Кроме того, Белый дом в это время, пишет автор, был занят «советским вызовом в Европе», и Трумэн с Ачесоном считали, что Китай «находится на периферии американских интересов» (с. 2). А главная трудность для Трумэна и Ачесона, по мнению Такера, заключалась в том, что они унаследовали «неудачную политику» Ф. Д. Рузвельта, который «неверно оценил» природу чанкайшистского режима и надеялся с его помощью создать «независимый, демократический и проамерикански настроенный Китай, который мог бы... контролировать Восток и держать Россию на расстоянии» (с. 7).

Автор осуждает Рузвельта за сотрудничество с националистическим Китаем, а заодно и за «уступки» Советскому Союзу, на которые якобы пошли США на конференции в Ялте в 1945 г. Одновременно Такер искажает истинную позицию Советского Союза в отношении Китая и на этом строит свою концепцию оправдания «нелогичной», по ее же мнению, политики США, направленной на продолжение опоры на прогнивший и ненадежный режим Чан Кайши, а не на КПК — дескать, Мао Цзэдун, «покинутый Москвой», будет вынужден пойти на компромисс с гоминьданом и создать коалиционное правительство в Китае под наблюдением американского генерала Дж. Маршалла (с. 8).

Вину за неудачу этого плана автор как бы поровну делит между Чан Кайши, правительством США, начавшим действия по переброске китайских войск из Сычуани в Центральный Китай (что вызвало естественную «враждебность китайских коммунистов»), и Советским Союзом, который опять же якобы «вопреки своим обещаниям» в Ялте «снабжал КПК оружием», что «мешало националистам» осуществлять операции по захвату Северо-Востока Китая.

При этом автор постоянно пытается оправдать действия администрации Трумэна, утверждая, что набиравшая в это время силу в США политика «холодной войны» относилась лишь к Европе, что ее целью было «блокирование советских акций в Европе», а распространения «холодной войны» за пределы Европы не хотели ни Трумэн, ни Ачесон. И вина их будто лишь в том, что они «не смогли сдержать пропаганду холодной войны» в США, где на волне «холодной войны» росла враждебность к Советскому Союзу и ко всем коммунистам в целом, чем и воспользовались Чан Кайши и прочанкайшистские группировки в США — китайское лобби, — «связавшие гражданскую войну в Китае с советско-американской конфронтацией» (с. 11). Такер пересказывает уже хорошо известные в настоящее время сведения об активных действиях республиканцев в США, которые «рвались к власти», хотели «отомстить демократам» за избрание Т. Дьюи президентом в ноябре 1948 г. и «связали китайскую политику США с холодной войной», раздули дело Алжера Хисса — советника Рузвельта в Ялте — и яростно нападали на демократов за то, что они-де «допустили коммунистов в правительство США», за то, что они «пестуют коммунистов», «подрывают престиж Чан Кайши» и т. д. и т. п. (с. 12, 17).

Такер упорно пытается убедить читателя, что Трумэн и Ачесон, несмотря ни на что, старались действовать осторожно и спокойно; Ачесон якобы был против применения каких-либо насильственных мер против Китая, даже когда в Мукдене в начале 1949 г. коммунисты арестовали американского консула. И именно в результате такой «стойкой позиции» Ачесона, подчеркивает автор, «правительство США и особенно президент» не дали «вовлечь США в войну» в Азии (с. 15—16).

Но все утверждения автора носят априорный, бездоказательный характер и не подтверждаются какими-либо серьезными фактами.

Показательно, что, рассматривая влияние международной ситуации на политику США в Китае, автор в худших традициях антикоммунизма сводит все дело исключительно к идее о «международном коммунистическом заговоре», о наличии «единого монолитного блока коммунистов во главе с Советским Союзом», который-де «хочет уничтожить» насильственным путем «свободный мир» во главе с США (с. 27). Эти идеи, сокрушается автор, сыграли роковую роль в разработке курса Трумэна — Ачесона в отношении Китая, привели США к непризнанию китайских коммунистов, хотя на самом деле, отмечает Такер, у Мао были «сильные националистические чувства», и он был против «советского господства». Такер повторяет многочисленные антисоветские домыслы о «давлении» СССР на Китай, об «угрозах» и «требованиях» со стороны СССР, ссылаясь на работы таких авторов, как Джон Гиттингс, Д. Горовиц, Э. Клабб и др. Такер полностью разделяет их мнение о том, что «националистический коммунизм в Азии, который можно было бы отвлечь от Москвы, стал бы ценным союзником в дальнейших планах сокращения советской экспансии» (с. 32).

Весьма подробно излагает автор отнюдь не новые данные о попытках США еще при Рузвельте наладить отношения с КПК, рассказывает о «миссии Дикси» в Яньане, о намерении Чжоу Эньлая пригласить в Яньань министра финансов США Г. Моргантау, о его откровенных предложениях Д. Маршаллу сотрудничать с КПК. «Конечно, — говорит Чжоу Эньлай, — мы будем склоняться на одну сторону, но как далеко, это зависит от вас», то есть от США (с. 45). Такер сообщает также о беседах Д. Сервиса с Мао Цзэдуном, о проамериканских высказываниях Мао, о попытках китайских руководителей встретиться с Ф. Д. Рузвельтом и т. д.

Автор подтверждает выводы, сделанные ранее в ряде работ американских ученых, о большом желании КПК сотрудничать с США, о том, что если реакция США на

китайскую проблему будет положительной и представители американского правительства одобряют позицию КПК, то китайские коммунисты «отдадут себя в руки США» (с. 46, 228). Повторение всех этих фактов нужно Такер для того, чтобы провести в работе мысль о том, что и в 1949 г. политика китайских коммунистов в отношении США была якобы такой же «благоприятной», как и в 1944—1945 гг. Так, она пишет о контактах деятелей КПК с американскими дипломатами, например о неофициальной и «вполне дружеской» встрече помощника Чжоу Эньлая Хуан Хуа с послом США Д. Л. Стюартом (бывший преподаватель Хуан Хуа в Яньцзинском университете) в Нанкине в мае 1949 г., говорит о специальном послании Чжоу Эньлая в конце мая того же года военному атташе США Д. Баррету по вопросу о расширении экономических и торговых связей КПК с США, о контактах на эту же тему министра промышленности и торговли КНР с Э. Клаббом (с. 42, 48).

Показательно, что и эти сведения подаются Такер под «антисоветским соусом». Так, она пишет, что контакты КПК с американскими официальными лицами в Шанхае в январе 1950 г. подтвердили сильное впечатление многих американских наблюдателей о том, будто «умеренная фракция в КПК боялась русского контроля», что «националисты в КПК могут выступить против сталинистов» (с. 54).

В предвзятом тоне изображает Такер и последний период деятельности гоминьдановского режима. Она пишет, что давление гоминьдановских националистов на США особенно усилилось после образования КНР 1 октября 1949 г., и США «не могли избежать» некоторых форм «сотрудничества с националистическим режимом против коммунистов», в частности в деле установления блокады морского побережья Китая, «выборочной бомбардировки коммунистических целей — например, Шанхая» (с. 73—74).

Показав таким образом откровенно антинародную политику США и антикитайские действия президента Трумэна, Такер вдруг заявляет, что США по вопросу о блокаде «занимали уклончивую позицию», а потом сама же признает, что «американские самолеты сбрасывали американские бомбы» в водах Шанхая (с. 74). Таким образом, собственная позиция автора в оценке политики США крайне уклончивая и нечеткая.

Анализируя деятельность китайского лобби в США, объявивших «крестовый поход» народному Китаю, Такер упоминает и ряд американских ученых — синологов, примыкавших по своим взглядам к лоббистам, — Д. Н. Роува, У. Макговерна, К. Витфогеля, К. Колгроува, Дж. Тэйлора (с. 257—258); к лоббистам автор причисляет также бывшего главу дальневосточного отдела госдепартамента США С. Хорнбека и Г. Стассена (с. 93).

Что касается миссионеров, то большинство из тех, кто в 1949 г. после образования КНР находился в Китае, отмечает Такер, выступало за прекращение помощи Чан Кайши и признание народного правительства, хотя, разумеется, было много и противников коммунистического режима. Тем не менее, пишет автор, с января 1948 г. по июль 1950 г. китайские коммунисты и американские миссионеры в Китае «сосуществовали и сотрудничали» (с. 111).

Представляют интерес и оценки позиций деловых кругов США, данные автором. Такер подчеркивает, что финансовый центр китайского лобби вносил «большой вклад» в то давление, которое оказывалось на администрацию Трумэна в антикоммунистическом плане. Но, отмечает автор, широкие деловые круги США старались изучить «выгодность политических и коммерческих связей с коммунистическим Китаем» и выступали в целом за его признание, рассчитывая опять-таки на проамериканскую позицию руководства КПК, которое, как они надеялись, «будет добиваться получения американской помощи» для восстановления разрушенной экономики Китая (с. 112—113). Главной причиной такой позиции бизнесменов США, по мнению автора, было то, что американские фирмы в Китае не хотели покидать Китай и «отдавать китайскую торговлю в руки России и своих английских соперников». Одновременно автор вскрывает и политический аспект этой проблемы, указывая на стремление магнатов бизнеса использовать деловые связи с Китаем для того, чтобы «противостоять Москве», «оторвать китайский народ от коммунизма» (с. 130—131).

Рассматривая роль и влияние прессы, американской общественности на решение китайской проблемы Соединенными Штатами, Такер цитирует тех журналистов, которые пропагандировали «ярый национализм» Мао Цзэдуна и сообщали, что «Мао как лидер появился не благодаря, а вопреки Москве» (с. 149).

Явно тенденциозно излагает Такер картину борьбы в самом конгрессе США. Она считает, что сенаторы и конгрессмены проявляли «индифферентность к китайским делам», и только блок китайского лобби совместно с влиятельными экономическими кругами «шел на obstruction программ администрации». Такер фактически признает, что администрация Трумэна не смогла убедить законодательную власть в «своей правоте» в вопросе о политике в отношении Китая, ибо Белый дом и государственный департамент всегда считали европейские дела важнее интересов США в Азии.

Решающую негативную роль в плане признания КНР, пишет автор, сыграл в начале 50-х годов маккартизм, что усилило позиции прогоминьдановского блока в правительстве США, использовавшего Маккарти для травли и преследований неугодных ему ученых и дипломатов (с. 167).

Ачесон, отмечает Такер, широко привлекал ученых-синологов к разработке политики в отношении Китая. Так, «Белую книгу» по китайской проблеме редактировали Ф. Джессап и Н. Пеффер из Колумбийского университета.

В октябре 1949 г. государственный департамент организовал конференцию по обсуждению китайской политики США, в которой участвовали Д. Фэрбэнк, О. Латтимор, Е. О. Рэйшауэр, Н. Пеффер, Г. Вайнз, А. Холкомб, Х. Квигли, Д. Тэйлор и др., причем подавляющее большинство специалистов высказались за признание коммунистического Китая и за торговлю с ним, считая, что «только путем присутствия в Китае США могут надеяться уменьшить там советское влияние» (с. 169). Такер особенно выделяет роль О. Латтимора как ведущего в тот период эксперта по Китаю, имевшего широкие контакты с официальными лицами, который настаивал на том, что нельзя «игнорировать факт победы» китайских коммунистов.

Автор подробно излагает и взгляды Фэрбэнка, также активно выступавшего за признание КНР и контакты с китайским народом. «Непризнание нами Китая, — заявлял Фэрбэнк в декабре 1949 г., — поставит «железный занавес» между США и Китаем» (с. 170).

Но администрация США не прислушалась к мнению ведущих синологов. Госдепартамент и Белый дом, объясняет Такер, были «сторонниками атлантической ориентации», у Трумэна и Ачесона «не было знаний, чтобы понимать Китай», вопрос о Китае был для них «лишним грузом», а их главная забота заключалась в том, чтобы «защитить нацию против происков коммунизма» (с. 174). И далее Такер коротко излагает все действия президента Трумэна, начиная с весны 1945 г., из чего даже неподвзятому читателю становится ясно, что политика Трумэна носила ярко выраженный антикоммунистический характер, и он был твердым сторонником поддержки гоминьдана (с. 175). Но Такер и здесь делает попытку как-то оправдать, обелить Трумэна. Автор пишет, что президент к концу 1949 г. якобы занял антигоминьдановскую позицию, ибо, одобрив предложение Совета национальной безопасности по оказанию националистам экономической и политической помощи, он будто бы «исключил военную помощь» Чан Кайши. На деле, как стало ясно из последующих высказываний самого Трумэна (январь 1950 г.), он сохранял фонд военной помощи гоминьдану и лишь заявил о временном его «неиспользовании» (с. 186).

Такер пытается выгородить и Ачесона. Она превозносит его риторические утверждения о «политике невмешательства» США в дела Китая, оправдывает его решение «не торопиться», чтобы «не дать спровоцировать правительство демократов».

На самом деле так называемая «политика невмешательства» в дела Китая объяснялась тем, что политические деятели США «ожидали начала советско-китайского конфликта», а точнее, старались спровоцировать, подтолкнуть Китай на этот конфликт. Главной задачей для Ачесона было «оторвать КПК от Москвы» (с. 193).

В заключение Такер пишет, что события корейской войны в июне 1950 г. «похоронили все надежды на нормализацию американо-китайских отношений в обозримом будущем», но она умалчивает о том, по чьей вине это произошло, и намеренно извращает факты развязывания с помощью США войны в Корее, возлагает вину на КНДР, КНР, а главное — на Советский Союз, полностью оправдывает применение Соединенными Штатами военной силы, отправку 7-го флота в Тайваньский пролив и т. д. То есть ее концепция находится в полном соответствии с официальной доктриной американского правительства. Вновь пытаясь защитить Трумэна и Ачесона, Такер явно лицемерит, «играет» в объективность, как это часто делают другие американские ученые буржуазно-либерального направления, представителем которого и является Н. Б. Такер.

И, хотя Такер действительно проработала большой и (частично новый) материал, с точки зрения общей концепции работы и принципиальных позиций автора в ней ничего нового нет. По сути проблемы — о причине «потери Китая» Америкой — до Такера уже было написано много книг в США в конце 60-х, в 70—80-е годы, она фактически «перепевает» сказанное другими авторами. А попытки Такер «обелить» Трумэна, доказать свою версию о «миролюбии», «мягкости» политики администрации Трумэна — Ачесона в отношении Китая несостоятельны и не выдерживают критики.

Книга Такер — еще одна попытка убедить китайцев в традиционном «дружельбии» американского империализма по отношению к Китаю, попытка доказать, что США никогда не были врагом Китая.

Будущее американо-китайских отношений: взгляд из США

Ю. М. РЯКИН

Состояние и перспективы развития американо-китайских отношений по понятным причинам постоянно находятся в поле зрения политических и академических кругов США, изыскивающих такую внешнеполитическую линию для Вашингтона, которая в наибольшей степени отвечает его интересам. Именно этой целью задался Атлантический совет Соединенных Штатов — влиятельная «независимая» и «неправительственная» организация, существующая на необлагаемые налогами взносы отдельных корпораций, а также разного рода фондов и объединяющая ученых-международников, дипломатов и политических деятелей. Атлантический совет готовит для Белого дома и конгресса США практические рекомендации по внешнеполитическим проблемам. Конечно, эти рекомендации не носят официального характера, тем не менее они достаточно точно и полно отражают политические настроения влиятельных кругов США.

Для разработки «китайского проекта» — авторитетного исследования американо-китайских отношений — под эгидой Атлантического совета был создан специальный рабочий орган — Комитет по определению политики в отношении Китая, подготовивший рецензируемое исследование¹. Согласно заявлению председателя Атлантического совета Кеннета Раша, цель «проекта» состояла в том, чтобы «определить для Соединенных Штатов политическую линию, которую американская обществу, исполнительная власть и конгресс смогут принять и которую наши друзья и союзники поддержат как вносящую вклад в стабильность в мире и в их собственную безопасность» (с. X).

Столь значительной цели соответствовала фундаментальная подготовка, не знавшая ограничений ни во времени, ни в усилиях, ни в средствах. Так, работа над реализацией проекта началась еще 9 декабря 1980 г., когда директора Совета приняли решение о его осуществлении. К работе Комитета были привлечены политики и дипломаты высокого ранга, авторитетные китаеведы и политологи, военные эксперты, а также эксперты из Западной Европы, Японии, Южной Кореи. Представители Комитета получили возможность совершить в 1982 и 1983 гг. две поездки в Китай, посетить многие страны Азии, Западную Европу, провести консультации в научно-политических кругах, близких к НАТО.

Работа Комитета, как сообщил его председатель — известный американский дипломат Ю. Алексис Джонсон (он был послом США в Таиланде, Японии, Чехословакии, занимал посты заместителя госсекретаря США и главы американской делегации на переговорах об ограничении стратегических вооружений), — строилась следующим образом. На рассмотрение Комитета его экспертами было представлено 25 отдельных исследований-документов, касающихся различных сторон внутренней и внешней политики Китая, состояния его экономики и обороны, развития американо-китайских отношений и т. д. Эти исследования были использованы Дж. Р. Паккардом, деканом Школы международных исследований Университета Джона Гопкинса, в качестве своеобразной основы для выработки так называемого «Политического документа». Последний содержит анализ современного состояния отношений между США и КНР и рекомендации американской администрации относительно осуществления политического курса в отношении Китая в десятилетие, охватывающее 1983—1993 гг.

Проект «Политического документа» был передан 30 июня 1983 г. членам Комитета для обсуждения и последующего согласования его текста. Джонсон, Паккард и научный сотрудник Атлантического совета А. Вилхелм изучили все замечания и предложения и учли их при составлении окончательного варианта текста «Политического документа», который представляет собой согласованную точку зрения всех

¹ In: China Policy for the next Decade: Report of the Atlantic Council's Committee on China Policy. U. Alexis Gohnson Chairman; George R. Packard, Rappouter; Alfreid D. Wilhelm, jr., Project Director; with Foreword by Kenneth Rush. Boston, 1984, 445 p.

членов Комитета. По утверждению последних, сделанные ими рекомендации «наилучшим образом отвечают интересам Соединенных Штатов в их отношениях с Китайской Народной Республикой на текущее десятилетие» (с. XVIII). Анализ «Политического документа» как основного раздела книги и является предметом данного обзора.

Авторы «Политического документа» прежде всего попытались дать оценку первому, истекшему десятилетию американско-китайских отношений (в их интерпретации оно охватывает период с момента подписания в 1972 г. Шанхайского коммюнике до принятия американско-китайского коммюнике в августе 1982 г.). Они признают, что «в первое десятилетие развития отношений между США и КНР обе стороны сделали значительный упор на изменение стратегического соотношения сил, на более тесном объединении против Советского Союза, который рассматривался ими как представляющий общую угрозу» (с. 5). Действительно, в 70-е годы Вашингтон не скрывал намерения использовать «китайскую карту» (надо сказать, что авторы данного исследования старательно избегают употреблять это ставшее уже одиозным, но тем не менее довольно точно характеризующее суть политики администрации США в отношении Китая выражение) с тем, чтобы оказать всестороннее силовое давление на СССР, построив американско-китайские отношения таким образом, чтобы поставить Советский Союз в сложное в военно-политическом отношении положение на международной арене.

Эта политика, вынужденные признать авторы исследования, в целом не принесла Вашингтону в полной мере ощутимых результатов. Более того, они косвенно признают, что она создала для него ряд серьезных проблем во взаимоотношениях с Советским Союзом и даже «друзьями и союзниками». Последние далеко не полностью разделяли подобный подход Вашингтона к развитию отношений с Пекином, поскольку опасались, что он может привести к установлению между США и КНР «военных связей», которые СССР будет вынужден рассматривать как «чрезвычайно враждебные или угрожающие». Многие союзники США в этой связи, приходят к выводу авторы, опасались, что эта «тенденция, если она сохранится, может иметь деструктивное воздействие на процесс разрядки в отношениях с Советским Союзом, который происходил в 70-е годы» (с. 6). В целом такую оценку курса США в отношении КНР в предыдущее десятилетие можно признать достаточно точной.

Вследствие недостаточной эффективности этого курса Атлантический совет предложил принять в отношении Китая новую, альтернативную линию, призванную обеспечить Соединенным Штатам в текущем десятилетии решающие преимущества.

Резервы усовершенствования линии Вашингтона в отношении Китая Атлантический совет усматривает в известном смещении акцента в китайской политике Соединенных Штатов, в определенном переносе центра тяжести в их курсе на соответствующим образом построенные экономические связи с Пекином. Побуждением к подобному пересмотру тактики послужили не только уроки истекшего десятилетия американско-китайских отношений. Дополнительным стимулом явились экономические реформы, осуществляемые в последнее время в КНР, а также выраженная китайским руководством заинтересованность в развитии связей с Западом в целях модернизации экономики страны.

С этим обстоятельством некоторые влиятельные круги на Западе связывают расчеты на благоприятный для них сдвиг в расстановке сил в мире. Например, авторы «Политического документа» призвали официальный Вашингтон добиваться всеми имеющимися в его распоряжении средствами «экономического развития Китая внутри международных экономических институтов и законных рамок. Для Соединенных Штатов, действующих в тесном согласии с Пекином и с нашими союзниками и друзьями, пришло время использовать эту благоприятную возможность в наших интересах и интересах китайцев» (с. 6). Интересы же США в интерпретации авторов «Политического документа» состоят в следующем: «Экономический процветающий, уверенный в себе и модернизированный Китай может быть важным торговым партнером (Соединенных Штатов. — Ю. Р.), стабильным противовесом Советскому Союзу, может внести ценный вклад в дело мира и стабильности в Азии и во всем мире» (с. 6). Таким образом, за «экономическое процветание», а вернее, за развитие экономических связей с Западом, по мнению американских экспертов, с Китаем можно и должно спросить весьма высокую цену: КНР должна утвердиться в рамках силовой политики США (она, конечно, остается в активе Вашингтона) в качестве «противовеса» Советскому Союзу и внести свой вклад в дело «стабильности и мира», понимаемых по-американски. Естественно, эти расчеты весьма далеки от подлинных «интересов китайцев».

Исходя из указанных выше политических замыслов, американские эксперты считают необходимым для США «помочь» Китаю в «более эффективном и реалистическом планировании и управлении» и оказать ему содействие в развитии экономических связей с Западом, всячески втягивая его в экономический механизм «свободного мира».

Другими словами, ставится задача экономически привязать Китай к капиталистической системе и воздействовать на его экономическое развитие в сторону эрозии социалистического строя. Некоторые эксперты не считают нужным прибегать при этом даже к словесному камуфляжу. Так, консультант «Херитидж фаундейшн»

Дж. Гэйнер безапелляционно заявил: «... Соединенные Штаты должны осуществлять большие экономические вложения в Китае и предоставлять ему более либеральные условия торговли только в том случае, если мы будем гораздо больше, чем в настоящее время, убеждены, что его экономическая система в значительной степени освободится от советского наследия. Гораздо большее движение в сторону децентрализации и использования стимулов должно быть поощрено. Будет бесполезно и даже в высшей степени непродуктивно помогать системе, которая остается структурно не обоснованной» (с. 45—46). В целом же позиция Дж. Гэйнера отличается от общей позиции авторов «Политического документа» лишь большей бесцеремонностью, с которой диктуются условия экономического «сотрудничества» США с Китаем.

Эксперты Атлантического совета выдвигают три наиболее вероятных, по их мнению, варианта развития политической обстановки в Китае в 1983—1993 гг.

Первый вариант связывается с пребыванием у власти нынешнего руководства или его «мыслящих в том же направлении преемников», которые будут «прилагать максимум усилий» к тому, чтобы модернизировать страну путем осуществления «прагматической политики, ведущей к умеренному экономическому прогрессу, несмотря на огромные трудности». При этом выражается полная уверенность в том, что «Китай останется сравнительно открытым для международного влияния (имеется в виду влияние Запада. — Ю. Р.) как условия модернизации и будет очень ограниченно двигаться в направлении Советского Союза, сохраняя в то же время весьма тесные связи с Соединенными Штатами» (с. 16).

Во втором варианте рассматриваются разного рода трудности, проблемы, экономические неудачи, которые, вместе взятые, «будут сталкивать партийных руководителей с одним кризисом за другим, что приведет к ослаблению центральной власти и возникновению разной степени региональной разобщенности» (с. 16).

Наконец, третий вариант внутривнутриполитического развития Китая связывается с предположением, что, «столкнувшись с препятствиями в своих усилиях по модернизации и во внешней политике, партия обратится к репрессиям, жесткой дисциплине» и будет искать выход в «бюрократии и усилении централизации в политике и экономике. Идеология нанесет поражение технократии». А при таком повороте событий «отношения с Соединенными Штатами, вероятно, будут свернуты, так как Китай станет ближе к Советскому Союзу. Безопасности и стабильности в Азии создастся угроза» (с. 17). Американские эксперты полагают, что возможно и сочетание второго и третьего вариантов.

В целом при анализе этих прогнозов прежде всего обращает на себя внимание смещение изощренных прагматических расчетов и чисто пропагандистских установок. Так, создав крайне непривлекательный облик слабого, раздираемого внутренними противоречиями, «бюрократического», «нестабильного» в своей внутренней и внешней политике Китая, американские аналитики утверждают, что именно «этот» Китай будет ближе к Советскому Союзу. «Другой» Китай, стабильный, развивающийся, «модернизирующийся», ближе к США. Вывод, преподносимый творцам внешней политики Соединенных Штатов, предельно очевиден: «стабильное политическое руководство, занятое модернизацией путем рациональной прагматической политики» с точки зрения интересов Вашингтона наиболее желательно, с ним необходимо устанавливать прочный контакт, поддерживая его позиции в стране целой серией продуманных акций в экономической, политической, научно-технической и прочих областях.

Развитие экономического и научно-технического сотрудничества Вашингтона с Пекином оговаривается целым рядом весьма жестких условий, касающихся основных направлений курса внутренней и внешней политики китайского руководства, «симпатии» к которому проявляются, как показано выше, строго дифференцированно. Главное же условие, определяемое социально-классовыми позициями Вашингтона, — эволюция китайского общества в сторону размытия основ социализма в стране. Но и при таком повороте событий торговый обмен, научно-техническое сотрудничество с Китаем, предоставление ему современной технологии и т. д. должны, постоянно подчеркивают американские эксперты, осуществляться дозированно, под контролем американской администрации, исключая малейшую угрозу политическим или экономическим интересам США. Другими словами, готовность США к сотрудничеству с Китаем в экономической области определяется соображениями отнюдь не альтруистского характера. Вашингтон готов содействовать «модернизации» Китая строго в пределах своей антисоциалистической, антисоветской, гегемонистской политики.

Более того, поддерживая с Китаем экономические связи, Вашингтон полагает, что имеет вследствие этого право требовать от Пекина выполнения ясно установленных требований. Так, по мнению экспертов Атлантического совета, Китай должен понять, что «наскоки на Соединенные Штаты или возбуждающие публичные заявления по отдельным проблемам могут только раздражать американских официальных деятелей и общественность. Тенденция к одинаковому подходу к Соединенным Штатам и СССР в рамках критики гегемонистской политики или угрозы миру и резкие атаки на американскую политику в третьем мире (даже тогда, когда она объектив-

но служит китайским интересам, подрывая советское влияние) должны находиться под строгим контролем» (с. 25).

Но и эта позиция не в полной мере устраивает некоторых участников «проекта». Так, упоминавшийся выше Дж. Гэйнер, явно выражая существующие в Соединенных Штатах настроения, заявил, что в ответ на готовность США к сотрудничеству Китай должен в большей степени, чем ныне, уважать их «жизненные интересы, например, в Центральной Америке. Более того, он не должен оказывать помощь революционным движениям, которые поддерживаются главным образом Советским Союзом» (с. 46).

Таким образом, с точки зрения Вашингтона, американо-китайское «взаимопонимание» как залог сотрудничества двух стран подразумевает постоянное проявление Китаем «лояльности» в отношении своего партнера, исключаящей даже минимальную критику действий США. Если говорить прямо, это означает требование безоговорочно следовать в фарватере политики Вашингтона, во всяком случае в тех районах, где, по мнению последнего, интересы Китая непосредственно не затрагиваются.

Уделяя большое внимание экономическому и политическому аспектам американо-китайского сотрудничества в 1983—1993 гг., эксперты Атлантического совета постоянно возвращаются к его силовому компоненту. Отдавая должное его «стратегической ценности», они ставят задачу выявить основные параметры военно-политического сотрудничества, его пределы и направления, в которых оно наиболее эффективно с точки зрения интересов США.

Значение «стратегических отношений» с Китаем американские эксперты неизменно сводят к извлечению глобальных преимуществ перед Советским Союзом. Указывая, что «китайско-советский раскол изменил соотношение сил в мире в благоприятную сторону», они считают необходимым для США не допустить «неблагоприятных» для них сдвигов в китайско-советских отношениях. Высказав свою убежденность в том, что для США «китайско-советское соперничество было полезно по целому ряду причин» военно-политического характера, Комитет призывает правительство США «избегать подталкивать Китай вновь к тесным отношениям с Советским Союзом или к отношениям соперничества с нами (Соединенными Штатами. — Ю. Р.) или с нашими союзниками» (с. 27). Как бы там ни было, при любом повороте событий, утверждая эксперты Комитета, для США важно сохранить свое военное присутствие в Восточной Азии и Тихом океане.

Одновременно перед США и КНР ставится задача так сбалансировать их общую заинтересованность в «геополитическом сотрудничестве», чтобы она не воспринималась Китаем как «зависимость» (с. 19).

Пределы военно-политического сотрудничества США и КНР очерчены следующим образом: «...Наши двусторонние отношения в области обороны должны характеризоваться умеренным объемом оборонного сотрудничества в том случае, если оно будет испрошено Пекином, а не большими и значительными вкладами в укрепление китайской военной машины. Стратегический уровень китайских вооруженных сил (то есть уровень, на котором они смогут противостоять советской военной мощи) вряд ли значительно изменится в обозримом будущем, что бы мы ни предприняли, а риск, связанный с вхождением в более тесные отношения (с Китаем — Ю. Р.) или вступлением в прямой союз, перевешивает любой потенциальный выигрыш» (с. 28—29).

На практике военно-политическое сотрудничество, по мысли американских экспертов, должно включать следующие акции: взаимные политические и дипломатические сигналы, например проводимые время от времени официальные военные консультации, обмен разведывательными данными на ограниченной основе, уведомление о военных маневрах с приглашением наблюдателей, сотрудничество в сфере военного обучения, обмен визитами кораблей ВМС, некоторую степень информации о событиях в третьих странах. В целом подобное сотрудничество на практике уже осуществляется, причем в довольно значительных масштабах.

Кроме того, авторы «Политического документа» указывают на районы, в которых резервы военно-политического сотрудничества Соединенных Штатов и Китая далеко еще не исчерпаны: это Индокитай и Афганистан, где «координация политики желательна» (с. 27).

«Политический документ» констатирует, что десятилетие, охватывающее период с февраля 1972 г. по август 1982 г., отражает «радикальное» улучшение американо-китайских отношений, которое, правда, не решило тайваньскую проблему. Действительно, в вопросе о Тайване дипломатия США попала как бы в заколдованный круг. С одной стороны, в Вашингтоне отдают себе отчет в том, что до тех пор, пока не будут осуществлены национальные чаяния китайского народа и не будет восстановлен суверенитет Китая над Тайванем, развитие американо-китайских связей будет тормозиться. С другой — США не могут пойти на разрешение тайваньской проблемы с учетом интересов КНР по целому ряду причин социально-классового, военно-политического и экономического характера. «Политический документ» в полной мере отразил эту позицию официального Вашингтона. Академические гладкие рассуждения его авторов построены таким образом, чтобы как-то ободрить китайских партнеров США и в то же время ни в коем случае «не обидеть» Тайбэй. На

деле авторы «Политического документа» явно склоняются в пользу сохранения вполне устраивающей США ситуации «двух Китаев».

Наметив основные контуры курса Соединенных Штатов в отношении КНР, авторы «Политического документа» дают Белому дому практические рекомендации по его осуществлению.

Формально «политические рекомендации» делятся на «общие» и касающиеся двусторонних американо-китайских отношений, то есть имеющие более конкретный характер.

В рамках «общих рекомендаций» авторы «Политического документа» призывают правительство Соединенных Штатов разработать в отношении Китая «основательную, долговременную позицию», нацеленную на укрепление сотрудничества с КНР с учетом того, что она «разделяет многие, но не все» глобальные и региональные цели Вашингтона, «особенно в Азии и в районе Тихого океана» (с. 42). Они настойчиво проводят мысль о необходимости для США в свете развития их отношений с КНР и прочими странами региона сохранять «сильное военное присутствие в Восточной Азии и Тихом океане». Оно широко используется, как известно, в целях создания постоянной угрозы Советскому Союзу, другим социалистическим странам Азии, а также для нажима на «друзей и союзников» Вашингтона. Велико значение американского военного присутствия в Восточной Азии и Тихом океане как элемента силы и в американо-китайских отношениях.

Предлагая Вашингтону извлечь урок из его китайской политики периода 1972—1982 гг., авторы «Политического документа» рекомендуют ему в большей степени консультироваться по всем вопросам, касающимся американо-китайских отношений, с союзниками США, в большей мере учитывать вопросы безопасности и экономические интересы Японии, Южной Кореи, АСЕАН, АНЗЮС и «населения Тайваня» (характерный эвфемизм!). Авторы «Политического документа» настоятельно рекомендуют правительству США постоянно консультироваться с союзниками по НАТО по вопросам сотрудничества с Китаем.

Так, в области двусторонних отношений авторы «Политического документа» рекомендуют Белому дому всегда иметь в виду, что «Соединенные Штаты и Китай имеют некоторые общие геополитические цели (такие, как противодействие советскому экспансионизму), что делает возможным сотрудничество в различных формах» (с. 42). Они указывают в этой связи, что цели США и КНР в Афганистане и Индокитае «схожи», а на Корейском полуострове «параллельны». Более того, американские эксперты предлагают Белому дому изыскивать резервы сотрудничества с Китаем и в других районах мира, например, на Ближнем Востоке и Юге Африки, где Вашингтону и Пекину необходимо «выявить общие интересы» (с. 43). В текущем десятилетии они рекомендуют американской администрации расширить базу этого сотрудничества путем укрепления экономических, научно-технических и культурных связей между двумя странами, предпринимая «общие усилия» по укреплению «стабильности в Азии» (понимаемой, конечно, по-американски) и т. д.

Американские эксперты предлагают обеим сторонам — и Соединенным Штатам, и Китаю — быть особенно внимательными к проблеме «взаимопонимания», учитывать особенности «политических систем» друг друга. В интерпретации авторов «Политического документа» (они почти дословно повторяют положение его общей части) реализация этого тезиса означает следующее: «Официальные круги США должны дать ясно понять, что китайские риторические выпады (против политики США. — Ю. Р.) служат лишь подрыву в Соединенных Штатах поддержки укрепления американо-китайских отношений и осложняют позиции дипломатии США по международным проблемам» (с. 43—44). Пекин же, в порядке «взаимопонимания», должен ясно осознать, что ждать того же от США как «демократической» страны он не может и что антикитайские выпады (например, по тайваньской проблеме) за океаном будут продолжаться.

В 1983—1993 гг. правительству Соединенных Штатов рекомендуется шире осуществлять сотрудничество с КНР по экономическим каналам: путем развития торговли, предоставления экспортных кредитов, осуществления прямых капиталовложений в китайскую экономику. При этом США, подчеркивается в «Политическом документе», должны «поощрять Китай на создание благоприятного климата для американских предприятий». Американские эксперты полагают, что США могут передавать КНР передовую технологию, но лишь в том случае, если Китай даст им твердые гарантии, вступит в международные экономические организации, действующие под эгидой Вашингтона, и т. д. Авторы «Политического документа» считают даже необходимым для Соединенных Штатов помочь Китаю в индустриализации экономики страны. Однако эта «индустриализация» должна осуществляться под контролем Соединенных Штатов, что исключит ее использование в целях, расходящихся с «национальными интересами» США.

В свете общего подхода Вашингтона к развитию отношений с Китаем американские эксперты рекомендуют Белому дому поставлять КНР оружие, но «не поощрять» китайцев на осуществление программы, нацеленной на модернизацию и усиление их вооруженных сил в степени, которая значительно увеличит способность Китая использовать силу за пределами его нынешних границ» (с. 45). Речь идет о возможности и даже желательности поддержания такого уровня сотрудничества США с Китаем в

военной области, который будет способствовать его утверждению как крупной военной силы.

Влиятельные круги в США, развивая отношения с КНР, предлагают всегда иметь в виду состояние американо-советских отношений. Вот и авторы рецензируемого исследования считают необходимым, чтобы на переговорах с Советским Союзом подход американских экспертов к развитию американо-китайских отношений это положение выглядит чисто пропагандистской акцией, призванной замаскировать истинные мотивы авторов «Политического документа».

Соединенные Штаты время от времени по пропагандистским соображениям заявляют, что они «приветствовали» бы нормализацию советско-китайских отношений. Этой же линии следуют авторы «Политического документа». Они рекомендуют Вашингтону не расценивать возможное улучшение китайско-советских отношений как противоречащее национальным интересам Соединенных Штатов. В контексте общего подхода американских экспертов к развитию американо-китайских отношений это положение выглядит чисто пропагандистской акцией, призванной замаскировать истинные мотивы авторов «Политического документа».

Пожалуй, труднее всего экспертам было дать Белому дому рекомендацию по тайваньской проблеме. Они фактически высказались за консервацию ситуации «двух Китаев», ограничившись общим пожеланием, чтобы эта проблема была решена мирно «китайцами по обе стороны пролива», и посоветовав правительству США избегать поощрения той или иной стороны на принятие «сепаративного решения» и настаивать на «неприменении силы». Но и эта позиция подверглась критике со стороны наиболее консервативных участников «проекта». Последние потребовали более явного выражения симпатий по отношению к Тайбэю и высказались за оказание ему поддержки, в том числе путем поставок оружия. Так, уже не раз упоминавшийся Дж. Гэйнер заявил в этой связи, что «только обеспечивший себе безопасность и уверенность Тайбэй сможет действовать эффективно и на равной основе с Пекином» (с. 46).

Подводя итог, скажем, что позиция авторов рецензируемого исследования и стоящих за ними влиятельных сил по сути своей сводится к стремлению разработать такую внешнеполитическую линию США, которая была бы нацелена на обеспечение последними гегемонии в международных отношениях и направлена на подрыв позиций Советского Союза, других социалистических стран, мирового социализма в целом. Для реализации этих замыслов они предлагают использовать построенные вполне определенным образом американо-китайские отношения.

Таким образом, стратегическая цель Вашингтона остается неизменной. Тактическая же эволюция его китайской политики, предлагаемая Атлантическим советом, сводится к ее дальнейшему усовершенствованию. Это означает определенный отказ от прямолинейности в подходе Соединенных Штатов к Китаю, признание необходимости сочетания военно-политического «сотрудничества» США с Китаем с использованием экономических рычагов воздействия на КНР, попытки оказать влияние на развитие внутривосточной ситуации в Китае, более широкое подключение союзников США к их курсу в отношении КНР. Практически все эти предложения экспертов Атлантического совета уже реализуются Белым домом.

Расчеты Вашингтона по вовлечению Китая в свои манипуляции идут вразрез с коренными интересами китайского народа. Дело не только в том, что США продолжают занимать антикитайскую позицию по многим важным для КНР проблемам, например в вопросе о Тайване. Антикитайским является сам подход Вашингтона к КНР как к партнеру, обязанному действовать в рамках предписанной ему Белым домом стратегии. Полностью враждебны интересам китайского народа, подлинным интересам мира и безопасности в Азии провокационные попытки вмешаться в китайско-советские отношения. Наконец, в остром противоречии с интересами китайского народа находится проявляемое Вашингтоном стремление размывать основы социализма в Китае.

Сунь Ятсен — великий китайский революционер-демократ, друг советского народа

В Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» вышло в свет второе, дополненное и исправленное издание избранных произведений великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. В нашей стране высоко чтят Сунь Ятсена как выдающегося деятеля национально-освободительного движения, верного друга Советской страны.

Многие годы упорной революционной деятельности Сунь Ятсена, направленной на освобождение Китая от империалистической зависимости и собственных феодальных пут, убедили его, что расчеты на бескорыстную помощь капиталистических стран в деле национального и социального освобождения страны обречены на провал. Лишь под влиянием освободительных идей Великого Октября и подъема антиимпериалистической и антифеодальной борьбы в самом Китае Сунь Ятсен смог выработать единственно правильную стратегию и тактику борьбы за освобождение Китая в новых исторических условиях. «Его историческая заслуга, — отмечает академик С. Л. Тихвинский в предисловии ко второму изданию избранных произведений Сунь Ятсена, — состоит в том, что он открыто поднимал знамя борьбы против империализма и феодальной реакции, стал первым буржуазным политическим деятелем Азии, который принял предложение коммунистической партии своей страны о мобилизации всех национальных сил для борьбы с этими врагами. Сунь Ятсен глубоко осознавал необходимость установления тесного союза с Советским государством, выступал горячим поборником советско-китайской дружбы, неутомимым пропагандистом сплочения всех угнетенных империализмом народов вокруг Страны Советов — знаменосца национально-освободительной борьбы народов мира»*.

Предлагаем вниманию наших читателей несколько коротких выступлений и корреспонденций Сунь Ятсена последних лет его жизни.

16 сентября 1923 г. — Телеграмма Сунь Ятсена Л. М. Карахану¹

Я глубоко тронут Вашей великодушной оценкой моей постоянной дружбы в Новой России, и я утверждаю, что никакая критика идеологии, которую Вы защищаете, не может помешать и не помешает мне вместе с Вами считать, что истинные интересы наших стран требуют выработки общей политики, которая даст нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободит нас от политического и экономического рабства, навязанного международной системой.

* Сунь Ятсен. Избр. произв. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1985, с. 5.

¹ Телеграмма Сунь Ятсена явилась ответом на телеграмму Л. М. Карахана от 8 сентября 1923 года (см.: Документы внешней политики СССР, т. VI. М., 1962, с. 435).

опирающейся на силу и действующей методами экономического империализма.

Вы правы в том, что вновь чувствуете уверенность перед лицом проявлений симпатий и гостеприимства, которые Вам оказали по прибытии в Китай. Мои сограждане, я убежден, искренне желают успеха Вашей миссии, особенно в вопросе о формальном признании Советского правительства. Но Ваше самое значительное затруднение состоит в ведении переговоров с политической группой, которая, кроме того, что она абсолютно не представляет китайский народ, перестала иметь даже видимость национального правительства, и ее дипломатия в действительности руководствуется скорее желаниями и указаниями определенных иностранных держав, чем жизненными интересами Китая как независимого и суверенного государства.

Вы уже имели яркий пример этого китайского прислужничества чужеземным интересам на приеме, который был дан в Вашу честь пекинским делегатом, назначенным для ведения переговоров с Вами. Он предложил Вам сформировать советскую политику по образцу американской, и Вы должным образом ответили ему, что «Россия никогда не будет следовать примеру Америки и не поставит своей подписи под таким документом, как Линьчэнская нота. Россия никогда не будет требовать прав экстерриториальности и капитуляций, а также не будет учреждать судов или административных органов на китайской территории. Россия отказывается от всех концессий и привилегий, нарушающих суверенитет или интересы китайского народа. Россия устанавливает в своих отношениях с Китаем принцип полного и абсолютного равенства».

От имени китайского народа я должен приветствовать и благодарить Вас за этот памятный урок политического реализма, преподанный этому покорному слуге теперешних хозяев Пекина.

Сунь Ятсен

Публикуется по кн.: Документы внешней политики СССР, т. VI, с. 435—436.

17 сентября 1923 г. — Письмо Сунь Ятсена Л. М. Карахану²

Дорогой товарищ Карахан,

Я должен подтвердить получение Вашего нанценнейшего сообщения, которое было переслано мне во время моего пребывания на фронте с целью проведения совещания с моими военными руководителями. Этим объясняется небольшая задержка в отправке моей ответной телеграммы, которую я послал вчера. При сем прилагаю в виде подтверждения копию телеграммы.

Едва ли мне необходимо говорить, что Вы можете рассчитывать на меня в смысле помощи, которую я могу оказать, чтобы двинуть вперед дело Вашей настоящей миссии в Китае. Вы, однако, найдете чрезвычайно трудными переговоры с пекинской группой, которая в своих отношениях с Россией фактически выполняет *not d'ordre*³ Посольского квартала. Пожелание Ч. Т. Вана, чтобы Вы последовали примеру Америки, является ясным указателем источника влияния, который будет руководить им в его переговорах с Вами.

Я не сомневаюсь в том, что Пекин будет стараться связать с формальным признанием Советского правительства условия, которые Америка и другие капиталистические державы определяют как своего рода *qui pro quo*⁴ за признание этими державами любой новой администрации, возглавляемой Цао Кунем.

² Письмо Сунь Ятсена явилось ответом на телеграмму Л. М. Карахана от 8 сентября 1923 года (см.: Документы внешней политики СССР, т. VI, с. 435).

³ Лозунг (франц.), здесь в смысле «приказ».

⁴ Букв. «одно вместо другого» (лат.).

В случае, если Вы найдете безнадежными переговоры с Пекином на условиях, которые, не ущемляя суверенных прав китайского народа, поставили бы Новую Россию в положение международного равенства с другими иностранными державами, Вам, может быть, придется рассмотреть целесообразность приезда в Кантон и переговоров с моим новым правительством, в настоящее время формирующимся, вместо того чтобы возвращаться в Москву с пустыми руками. Капиталистические державы будут пытаться нанести через Пекин и посредством Пекина новое дипломатическое поражение Советской России. Но всегда имейте в виду, что я готов и имею теперь возможность раздавить всякую попытку унижить Вас и ваше правительство.

Совершенно искренне Ваш *Сунь Ятсен*

Публикуется по кн.: Документы внешней политики СССР, т. VI, с. 436.

Телеграмма представителю Советской России в Пекине (24 января 1924 г.)

Господин советский всероссийский представитель в Пекине Карахан, благодарю Вас за сердечную телеграмму с поздравлениями Национальному съезду гоминьдана.

Цель съезда — продолжить и завершить начатую в 1911 году революцию и добиться таким образом возрождения Китая, освободив его от угнетения милитаризмом и империализмом. Мы осознали, что слабый разделенный, но обладающий бесконечными ресурсами Китай — это Балканы Азии, могущие вызвать мировой пожар в ближайшее десятилетие, а объединенный и освобожденный Китай является лучшей, если не единственной, гарантией мира в Азии и во всем мире.

Съезд твердо рассчитывает на сочувствие всех свободных народов и благодарен русскому народу, который первый выразил эти чувства. Оба народа, китайский и русский, вместе пойдут вперед по пути свободы и справедливости.

От имени Национального съезда гоминьдана я шлю братские приветствия нашему великому соседу — Советской России.

Сунь Исянь

Публикуется по кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1985, с. 37.

По случаю смерти Ленина⁵ (25 января 1924 г.)

Только что получено сообщение представителя России о том, что позавчера скончался глава русского правительства — Ленин. Это известие наполняет нас чувством глубочайшей скорби. От имени съезда мы направим телеграмму с выражением соболезнования, но, прежде, чем ставить этот вопрос на голосование, мне хотелось бы сказать вам несколько слов.

Известно, что русская революция произошла после китайской, однако победу она одержала раньше. Ее громадные успехи и достижения, невиданные в истории мирового революционного движения, были достигнуты благодаря самоотверженной борьбе, которую вел вождь русской революции Ленин, благодаря его мастерству в постановке и организации дела. Ленин — это великий организатор революционных побед, гений революции, замечательный образец революционера. И вот Ленина не стало. Какие же мысли рождает у нас его образ и какой урок мы долж-

⁵ Речь на I съезде гоминьдана.

ны извлечь для себя, думая о нем? Мне кажется, что Революционная партия Китая может извлечь немалый урок. В чем же его смысл? В том, что мы должны укрепить фундамент нашей партии и сделать ее такой же хорошо организованной и сильной, как революционная партия и сделать ее такой же хорошо организованной и сильной, как революционная партия России. Такова и цель настоящего съезда. Отразится как-нибудь смерть вождя России Ленина на положении в стране и международной жизни? Я думаю, что нет, так как сила идей Ленина, его боевой дух и вся его деятельность воплощены в самой партии. Ленин умер, но дух его живет. Вот что является самым поучительным для нас!

Я — автор учения о трех народных принципах и инициатор создания революционной партии в Китае. Хотя наша революция в ряде случаев добивалась успехов, все они были достигнуты с помощью вооруженной силы. Дело же революции пока не завершено именно потому, что партия сама не была достаточно крепкой, члены ее не соблюдали партийной дисциплины, каждый действовал, как считал нужным. У них не было слепой приверженности к старой привычной морали, но их не воодушевляли и новые идеи свободы. Еще в то время, когда я после второго поражения нашел убежище в Японии, я хотел реорганизовать нашу партию, но мне не удалось этого сделать. Не удалось потому, что наши товарищи тогда совершенно пали духом. Они считали, что если, даже, завоевав власть, мы потерпели поражение, то в дальнейшем о революции в Китае не может быть и речи. Я потратил немало времени и усилий, чтобы разубедить их, но результат был один и тот же: они по-прежнему полагали, что говорить о революции в Китае можно будет не раньше, чем через двадцать лет.

Тогда я вынужден был возложить всю тяжесть подготовки революции на свои плечи и заново организовал Китайскую революционную партию. Лица, вступившие в нее, должны были безоговорочно подчиняться мне. Это было необходимо, учитывая прежние неудачи, а также тот факт, что новые идеи еще не получили распространения в стране, что без моего личного руководства было нелегко что-либо сделать. С тех пор прошло десять лет, и теперь для вас это стало уже привычным. Некоторые считают, что нынешний переход от системы единоличного руководства к системе коллегиальной не совсем целесообразен. Однако следует знать, что времена изменились. Когда наши товарищи совсем пали духом, у меня не было другого выхода, как одному взять на себя ответственность за дело революции. Ныне же у нас выросло много молодежи, вооруженной новыми идеями, повысился уровень сознания народа, никто больше не считает, что революция в Китае возможна только через двадцать лет, напротив, народ находит, что мы слишком медленно двигаем дело революции. Поэтому цель нынешней реорганизации заключается в сплочении партии, чтобы умножить ее силы и ускорить достижение победы, как того требуют чаяния народа.

Будучи в Японии, я намерен был реорганизовать партию, но ничего не мог сделать именно потому, что не знал, как подойти к этому. Теперь образцом для нас служит русский метод. Хотя мы не можем полностью копировать его, тем не менее должны следовать его духу и только тогда научимся побеждать. Суть нынешней реорганизации в том, чтобы распределить огромные революционные обязанности, которые мне приходилось нести одному среди всех. Я надеюсь, что все вы включитесь в борьбу и судьба нашей партии не будет зависеть от меня одного, так же как будущее русской революционной партии — от Ленина. В этом мое самое заветное желание.

Я предлагаю послать от имени съезда телеграмму в Москву с выражением нашего соболезнования по случаю кончины Ленина и ставить этот вопрос на голосование. Правительство уже дало указание в течение трех дней держать флаги на административных учреждениях приспу-

щенными. На три дня приостанавливается и работа нашего съезда. В течение этого времени ежедневно после полудня я буду читать здесь лекции о принципе «национализма». На эту тему я уже прочитал одну лекцию для студентов педагогического института и предполагаю еще за две-три лекции в общих чертах закончить их. Для подробного изложения материала необходимо значительно больше времени. Пока же я, пользуясь случаем, остановлюсь на важнейших положениях темы и за три дня закончу ее. Это послужит вам после съезда материалом для пропаганды. Что касается принципов «народовластия» и «народного благосостояния», то разъяснить их сейчас не удастся из-за отсутствия времени. В дальнейшем, когда я прочитаю свои лекции полностью, они будут изданы в виде брошюр и разосланы вам по почте.

Сейчас мы попросим русского представителя господина Бородину рассказать нам о жизни и деятельности Ленина, переводить нам будет господин У Чаошу. После этого приступим к голосованию.

Публикуется по кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 416—418.

Телеграмма по случаю смерти Ленина (25 января 1924 г.)

В связи с кончиной великого Ленина, ушедшего из кипучей жизни Советской России, прошу Вас передать Вашему правительству мое глубокое соболезнование. Имя Ленина и память о нем будут жить в веках. Люди и впредь будут чтить героические черты его натуры, благодаря которым он стал величайшим политическим деятелем и вождем с огромной творческой силой. Никогда не умрут и его труды, ибо они основаны на таких общественных идеях, которые, безусловно, овладеют и будут управлять мыслями и чаяниями грядущего человечества.

Сунь Исянь

Публикуется по кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 419.

16 февраля 1924 г. — Письмо Сунь Ятсена Г. В. Чичерину. Китайская Республика. Штаб-квартира правительства. Кантон. 16 февраля 1924 года

Дорогой товарищ Чичерин,

Я должен поблагодарить Вас за Ваше очень интересное письмо от 4 декабря прошлого года. Вы совершенно правы в определении основной цели моей партии — создании мощного движения китайского народа, одновременно революционного и созидательного, для осуществления чего необходима организация и пропаганда. Мы в настоящее время интенсивно работаем в этом направлении; мы надеемся продумать в Китае то, что Ваша партия была в состоянии совершить в России, в смысле создания новой концепции государства и новых методов управления.

По этой причине мы хотели бы обратиться к Вам и к другим товарищам за советом и помощью. В связи с этим я выражаю мою глубокую признательность за те услуги, которые товарищ Бородин оказывал нам в реорганизации гоминьдана. Он был неоценим, и его визит является, по-видимому, знаменательным событием.

Я горячо поздравляю Вас со знаменательной победой, которую Ваша дипломатия одержала в связи с признанием де-юре Вашего правительства Даунинг-стритом. Несомненно, еще многое должно быть сделано, чтобы собрать плоды этой победы. Ваш триумф над керзонизмом поведет к другим дипломатическим триумфам.

Смерть товарища Ленина явилась для меня великой печалью. К счастью, однако, работа Вашей партии основана на обширном фундаменте, ввиду чего смерть нашего Великого товарища не повлияет на мощное сооружение, которое было создано Вашими крепкими руками.

Я приветствую Ваше предложение продолжать контакты друг с другом. Мы должны это делать не только в целях обмена идеями, но для возможного согласования наших взаимных усилий в мировой борьбе.

С наилучшими пожеланиями дальнейших успехов Вашему правительству, братски Ваш *Сунь Ятсен*.

Публикуется по кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 569—570.

24 февраля 1924 г. — Заявление Сунь Ятсена по поводу смерти В. И. Ленина

На 13-м году Китайской Республики, в феврале месяце я пришел со своими друзьями почтить память умершего вождя России Ленина. За многие века мировой истории появлялись тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин, — исключение. Ты не только говорил и учил, но претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы. Ты встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти твоим путем, и хотя мои враги и против этого, но мой народ будет меня приветствовать за это. Ты умер, небо не продлило твоей жизни, но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек.

Публикуется по кн.: Советское-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959, с. 79.

12 сентября 1924 г. — Письмо Сунь Ятсена Л. М. Карахану. Китайская Республика. Штаб-квартира правительства. Кантон. 12 сентября 1924 года

Мой дорогой товарищ Карахан,

Я уезжаю в Шаогуань завтра утром, однако прежде я хотел бы написать Вам короткую записку и передать, что я полностью согласен со всеми положениями Вашей в высшей степени мастерской оценки нынешней обстановки в Китае, содержащейся в Вашем письме от 11 июля.

Вы увидите из моего Манифеста, обнародованного 1-го с. м., и из интервью, опубликованного 8-го с. м. в приложении о Боксерском протоколе к «Кантонской газете» (копии этих документов я прилагаю для Вас), что ныне пришло время для открытой борьбы с мировым империализмом в Китае. В этой борьбе я обращаюсь к Вашей великой стране за дружбой и помощью, которые помогут освободить Китай от мощной хватки империализма и восстановить нашу политическую и экономическую независимость.

Я напишу Вам значительно подробнее в ближайшем будущем. А пока примите, пожалуйста, братские приветствия и мои лучшие пожелания Вам доброго здоровья.

Искренне Ваш (подп.)

Сунь Ятсен

Публикуется по кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 571.

Послание Советскому Союзу [11 марта 1925 г.]

Дорогие товарищи, члены Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик!

Меня одолел неизлечимый недуг. Мысли мои обращены сейчас к вам, обращены к моей партии и к будущему моей страны.

Вы возглавляете Союз свободных республик. Этот Союз свободных республик есть то подлинное наследие, которое бессмертный Ленин оставил миру угнетенных народов. Опираясь на это наследие, народы, изнывавшие под гнетом империализма, отстают свою свободу и добьются освобождения от существующего в мире строя, издревле основанного на рабстве, войнах и своекорыстии.

Я оставляю после себя партию и надеюсь, что гоминьдан, завершая свою историческую работу по освобождению Китая и других павших жертвой агрессии государств от империалистического строя, объединит свои усилия с вами.

Волей судьбы я вынужден оставить дело своей жизни незавершенным и передать его тем, кто свято соблюдает принципы нашей партии, наставляет и организует моих истинных единомышленников. Поэтому я завещаю гоминьдану продолжать работу в области национально-революционного движения, чтобы Китай смог сбросить с себя ярмо, навязав которое империалисты низвели его до положения полуколоннальной страны. Ради этой цели я повелел партии и впредь укреплять сотрудничество с вами. Я глубоко убежден, что и ваше правительство будет, как прежде, помогать моему государству.

Дорогие товарищи! Прощаясь с вами, я хочу выразить мою пламенную надежду — надежду на то, что скоро наступит рассвет. Настанет время, когда Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы.

С братскими пожеланиями вам всего наилучшего

Сунь Исянь

Публикуется по кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 556—557.

Завещание [11 марта 1925 г.]

Сорок лет жизни отдал я национальной революции, имеющей целью принести Китаю свободу и равенство. Накопив сорокалетний опыт, я глубоко осознал, что для достижения этой цели необходимо пробудить массы и вести борьбу в союзе с народами мира, строящими отношения с нами на основе равенства.

Революция и теперь еще не завершена. Чтобы довести ее до конца, мои единомышленники должны и впредь энергично действовать, руководствуясь написанными мной «Планом строительства государства», «Общей программой строительства государства», «Тремя народными принципами», а также «Манифестом I Всекитайского съезда»⁶. Особенно же необходимо в минимально кратчайший срок добиться осуществления выдвинутых мной совсем недавно требований о созыве Национального собрания и аннулировании неправомерных договоров.

Такова моя последняя воля.

Сунь Вэнь

Публикуется по кн.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 555.

⁶ Имеется в виду I Всекитайский съезд гоминьдана.

О революционных традициях китайского рабочего движения

(В связи с 60-летием образования Всекитайской федерации профсоюзов)

Т. Н. АКАТОВА,
доктор исторических наук
О. Б. АЛЕКСЕЕВА

60 лет назад на II Всекитайском съезде профсоюзов, открывшемся в знаменательный день Международной пролетарской солидарности — 1 Мая 1925 г., была создана Всекитайская федерация профсоюзов (ВКФП). Первое в истории Китая объединение рабочих, возглавляемое КПК, было создано при непосредственном содействии организаций международной пролетарской солидарности. Съезд принял решение о вступлении ВКФП в Красный Интернационал профсоюзов. Этому огромной исторической важности событию предшествовала упорная, целенаправленная деятельность молодой Коммунистической партии Китая, стремившейся объединить и возглавить под своим руководством пролетарские массы, всемерно активизировать их борьбу за национальное и социальное освобождение, приобщить их к общему мировому потоку антимпериалистической борьбы и международной пролетарской солидарности. Созданная на позициях пролетарского интернационализма ВКФП сыграла большую роль в развитии рабочего и коммунистического движения, всего революционного процесса в Китае.

Создание ВКФП, происшедшее как раз в канун мощного размаха революции 1925—1927 гг. — «движения 30 мая», в высшей степени отразило «дух времени». В этом событии, точно в фокусе, сконцентрировались те принципиальные изменения в общественно-политическом развитии Китая, которые проявились после первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Синьхайская революция, а затем первая мировая война внесли серьезные изменения в жизнь Китая. Ослабление в период войны экономической экспансии европейских держав в Китае создало благоприятные условия для развития национальной промышленности. Одновременно эту благоприятную обстановку использовал и японский капитал, усилившее внедрение которого в промышленное производство Китая стало характерным для военных и последующих лет. Интенсификация промышленного развития привела к значительному росту численности китайского пролетариата, усилению его концентрации в экономических центрах страны. Выросла и усилилась также национальная буржуазия, обостренно воспринимавшая засилье иностранного капитала, поспешившего сразу после окончания войны укрепить свои позиции в Китае.

Эти серьезные социально-экономические сдвиги, резко обнажившие трудности исторического прогресса в условиях иностранного гнета и засилья феодальных пережитков во всех сферах общественной жизни, предопределили глубину и силу многостороннего влияния на Китай победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Перед китайским обществом со всей остротой стоял вопрос о путях национального освобождения и объединения страны, коренного преобразования основ экономического и политического развития. Все пред-

шествующие поиски этих путей передовыми представителями китайского общества, и прежде всего Сунь Ятсеном, который еще в 1912 г. был охарактеризован В. И. Лениным как «революционный демократ, полный благородства и героизма»¹ были тщетны. Под влиянием победы Октября Сунь Ятсен отрешается от иллюзорных надежд на то, что после войны империалистические державы откажутся от политики порабощения Китая, помогут в разработке его природных богатств и достижении им экономического и политического обновления². «Идти по пути русских» — таково было решение Сунь Ятсена и возглавляемой им революционной демократии.

Под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции среди революционно-демократической интеллигенции Китая начал возрастать интерес к положению рабочего класса своей страны, к его роли в борьбе за преобразование общества. Против традиционного, веками культивировавшегося пренебрежения к физическому труду и трудящемуся народу лучшие представители прогрессивной китайской интеллигенции выдвигали новые идеи о важной исторической миссии пролетариата. Так, в статье «Новая эра», написанной 1 января 1919 г., Ли Дачжао связывал наступление новой эры с грядущей победой рабочего класса в Китае и во всем мире³. В новой, послеоктябрьской обстановке начинали закладываться основы распространения в Китае марксизма и будущего соединения научного социализма с рабочим движением. Они были связаны с ростом и возмужанием пролетариата.

Первым выходом молодого рабочего класса Китая на арену политической борьбы стало его массовое участие в мощном патриотическом «движении 4 мая» 1919 г. Это всколыхнувшее всю страну антимпериалистическое движение явилось вспышкой протеста против усиления в Китае японского экспансионизма, против произвола империалистических держав, продиктовавших Пекинскому правительству унижительные для Китая условия Версальского мирного договора. Оно послужило отправным моментом быстрой активизации рабочего класса в общенациональной антимпериалистической борьбе, усиления его социально-политической роли, формирования его боевых революционных традиций.

Существенную роль в становлении рабочего и коммунистического движения сыграло основание в марте 1919 г. Коминтерна и в июле 1921 г. Профинтерна. Уже с весны 1920 г. Коминтерн стал оказывать непосредственную практическую помощь революционным патриотам Китая. Коминтерн приложил громадные усилия для осуществления в Китае основных установок ленинской стратегии национальной революции: развитие самостоятельного рабочего движения и превращение китайского пролетариата в организованную политическую силу, в авангард национальной революции, создание подлинно пролетарской коммунистической партии в Китае, которая возглавит рабоче-крестьянские массы, установление прочного союза с международным рабочим и коммунистическим движением. Первые коммунистические кружки еще до слияния в единую партию начали проводить революционную пропаганду среди рабочих, создавать первые общеобразовательные рабочие школы, организовывать периодические издания для рабочих, такие, как «Лаодун цзе» («Мир труда») в Шанхае, «Лаодун инь» («Голос труда») в Пекине. Эта деятельность протекала в тяжелейших условиях полного произвола милитаристских властей, противодействия иностранных пред-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.

² Подробнее см.: Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 22—26.

³ Ли Дачжао. Избр. статьи и речи. М., 1965, с. 82—86.

принимателей. Исключением был только Кантон, где у власти находилось правительство Сунь Ятсена. Весной 1920 г. удалось организовать празднование 1 Мая в Пекине, Шанхае и Кантоне. Заметим, что начиная с 1920 г. празднование дня пролетарской солидарности из года в год все шире распространялось по всей стране. К празднику 1 Мая прибавились многочисленные годовщины важных событий китайского рабочего движения: «7 февраля» (расстрел железнодорожников Пекин-Ханькоуской железной дороги), «4 мая» (в память «движения 4 мая» 1919 г.), «30 мая» (в честь «движения 30 мая» 1925 г.), «11 декабря» (в годовщину Кантонского восстания 1927 г.) и др.

Наряду с этим рабочий класс Китая и революционное крестьянство начали отмечать и крупные события международного рабочего движения — 18 марта (в память Парижской коммуны), 7 ноября (в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции в России, впервые отмеченное манифестацией под красными знаменами в Гуанчжоу в 1925 г.) и др.

Вовлечение китайских рабочих в классовые профсоюзы было делом нелегким. Рабочий класс Китая был молод, в его составе преобладали категории, связанные с низшими, зачаточными формами капиталистического производства, либо с ремеслом и торговлей. Промышленный пролетариат составлял менее одного процента населения. Среди промышленного пролетариата было много женщин и детей. Текучесть состава, прочные связи с деревней, цеховые и земляческие предрассудки, низкий культурный уровень, почти полная безграмотность были свойственны и промышленному пролетариату. Все это определяло трудности развития классового самосознания и классовой организации китайских рабочих. Вместе с тем рабочий класс Китая особенно остро ощущал иностранный гнет, его чувство национального возмущения являлось мощным фактором (так называемый национальный фактор), объединявшим все слои рабочих. Из всех классов и прослоек китайского общества прежде всего для промышленного пролетариата иностранный империализм был носителем и национального и социального гнета. Взаимопроникновение социального и национального моментов в борьбе рабочего класса делало его самой решительной силой в антиимпериалистической борьбе.

Как показал весь опыт развития рабочего движения в Китае, географическая и производственная концентрация китайского промышленного пролетариата в определенной мере компенсировала его абсолютную и относительную малочисленность. В 20-е годы китайский пролетариат самым ходом истории выдвигался на авансцену антиимпериалистической борьбы. Его организация и борьба сразу встали в центр внимания организаций международной пролетарской солидарности — Коминтерна и Профинтерна. В развитии китайского рабочего движения огромную роль сыграло образование летом 1921 г. Коммунистической партии Китая, поставившей своей главной задачей организацию пролетариата и руководство его борьбой за национальное и социальное освобождение. Созданный коммунистами Всекитайский секретариат профсоюзов приложил огромные усилия для подготовки кадров профсоюзных руководителей, для организации рабочих крупнейших промышленных центров. Примечательно, что на просвещение и организацию рабочих только что созданная и насчитывавшая всего 50—60 членов КПК направила не менее половины своих кадров.

Большой трудностью в деле создания классовых рабочих профсоюзов было наличие в Китае издавна существовавших неклассовых корпоративных объединений — цехов, гильдий, землячеств. Цехи и гильдии, действовавшие в ремесле и торговле, охраняли интересы отрасли или профессии в условиях острой конкурентной борьбы. Землячества были очень широкими и влиятельными объединениями выходцев из од-

ной провинции или уезда. Рабочие в этих корпорациях занимали подчиненное положение. Руководящую роль играли наиболее имущие представители — предприниматели, подрядчики, мастера, приказчики.

Шаг за шагом коммунисты — организаторы рабочего движения преодолевали сопротивление главарей старых корпораций, стремившихся сохранить свое влияние в рабочих массах, разрушали мифы о «благодетиях» хозяев и подрядчиков, на наглядных примерах показывая рабочим всю меру эксплуатации их разбогатевшими земляками, доказывали необходимость чисто рабочих, классовых объединений. Создание новых профсоюзов облегчалось подъемом забастовочной борьбы, в ходе которой рабочие самой практикой борьбы подводились к осознанию необходимости своей самостоятельной организации. Крупнейшей забастовкой этого периода была известная антимпериалистическая стачка моряков Гонконга в январе — марте 1922 г. Впервые в истории Китая выступление рабочего класса стало крупным событием не только рабочих, но и общенациональной антимпериалистической борьбы.

В борьбе КПК за вовлечение рабочих в классовые профсоюзы важную роль сыграли рекомендации I съезда народов Дальнего Востока, открывшегося в Москве 21 января 1922 г. Съезд характеризовал китайскую революцию на том этапе как буржуазно-демократическую, антимпериалистическую и рекомендовал КПК установить сотрудничество с национально-революционной партией гоминьдан, добиваясь в то же время самостоятельности и единства рабочего движения, организуя классовые профсоюзы. В соответствии с этими рекомендациями КПК организовала весной 1922 г. I Всекитайский съезд профсоюзов. По договоренности с правительством Сунь Ятсена съезд был проведен легально в Кантоне. Силы классовых профсоюзов были еще не велики, многие из делегатов представляли профсоюзы старого типа, но коммунистам удалось провести на съезде важные резолюции: об оказании помощи бастующим и о производственно-отраслевом принципе построения профсоюзов. Специфической особенностью профсоюзов старого типа в Китае был профессиональный принцип организации. В результате на одном предприятии действовало несколько самостоятельных низовых групп, созданных по узким конкретным профессиям (механики, ткачи, красильщики и т. п.). Это разъединяло рабочих, препятствовало их забастовочной борьбе. Утверждение съездом рекомендованного Профинтерном производственно-отраслевого принципа в профстроительстве было чрезвычайно важно. Создание на каждом предприятии одного единого профсоюза соответствующей отрасли производства должно было укрепить традиции классовой солидарности. Было решено начать подготовку к созданию Всекитайской федерации профсоюзов. Съезд поручил Всекитайскому секретариату профсоюзов установить с этой целью организационные связи с Профинтерном⁴. Со своей стороны Исполбюро Профинтерна 2 мая 1922 г. в обращении «К рабочим Китая» призвало их присоединиться к борьбе международного пролетариата⁵. Таким образом, I Всекитайский съезд профсоюзов продемонстрировал стремление молодой КПК добиваться единства китайского пролетариата и его союза с международным рабочим движением. Решено было созвать следующий съезд ровно через год. Однако лишь через три года стал возможен созыв II Всекитайского съезда профсоюзов. За эти три года произошли события большой исторической важности, коренным образом изменившие расстановку политических сил и ускорившие нарастание революционной ситуации.

⁴ См.: Документы Всекитайских съездов профсоюзов. Пекин, 1957, с. 5—6 (на кит. яз.).

⁵ См.: «Красный Интернационал профсоюзов», 1922, № 4, с. 387—388.

Первый подъем рабочего движения в январе 1922 — феврале 1923 гг. проходил на фоне общенационального предреволюционного подъема в стране. При этом выяснилось, что успех рабочих забастовок зависит от поддержки их прогрессивной общественностью, включая и материальную помощь национальной буржуазии. Столь же отчетливо обнаружилось стремление внутренней китайской реакции и сил международного империализма в Китае жестоко подавить революционную активность китайского пролетариата. Так, провинциальные власти Хунани в начале 1922 г. казнили руководителей стачки текстильщиков в Чанша. Осенью 1922 г. была жестоко подавлена стачка горняков Кайлуаньских угольных копей, фактически принадлежавших английскому капиталу, здесь английские солдаты убили и ранили многих китайских рабочих. Но самым тяжелым ударом по рабочему движению и КПК явился разгром забастовки на Пекин-Ханькоуской железной дороге в феврале 1923 г. Власти У Пэйфу при откровенном поощрении со стороны иностранных консулов потопили в крови эту забастовку. Более 40 рабочих были убиты, сотни — ранены, более тысячи — уволены. Коммунисты-руководители забастовки были публично казнены. Мужество и героизм забастовщиков были высоко оценены Коминтерном. В специальном воззвании к ним ИККИ говорилась: «Вашей борьбой и жертвами в последней забастовке вы присоединились к классу мирового пролетариата, борющегося против эксплуататоров во всех странах мира». ИККИ подчеркнул важность борьбы за свободу профсоюзов и выразил уверенность, что китайские рабочие не выпустят из своих рук «красных рабочих знамен»⁶.

Разгром Пекин-Ханькоуской забастовки свидетельствовал, что объединенные силы реакции и империализма намного превосходят силы все еще слабо организованного рабочего класса и его пока немногочисленного коммунистического авангарда (КПК насчитывала менее 200 членов). В обстановке наступления реакции Всекитайский секретариат профсоюзов вынужден был уйти в подполье, деятельность по организации классовых профсоюзов чрезвычайно затруднилась. Некоторые члены КПК впали в пессимизм, не веря в силы китайского пролетариата как социальной опоры партии.

В этих условиях по инициативе и при всемерной помощи Коминтерна в Китае был создан первый в мире единый национальный антиимпериалистический фронт. Поворот КПК к тактике единого фронта с гоминьданом означал, что партия ориентировала китайский пролетариат на всемерное участие в общенациональной антиимпериалистической борьбе, на решение общедемократических задач революции. Следуя ленинскому учению, Коминтерн подчеркивал, что собственно классовые интересы пролетариата угнетенных стран не противостоят общенациональным задачам антиимпериалистической борьбы. Руководимая КПК революционная борьба в Китае подтвердила правильность этого положения. Путь к социальному освобождению китайского пролетариата лежал через национальное освобождение, объединение, демократизацию страны.

Ленинская стратегия единого фронта, проводившаяся в Китае, была направлена не просто на объединение всех способных на борьбу против империализма сил угнетенной нации, но и на укрепление политической роли рабочего класса и его коммунистического авангарда. Единый фронт имел смысл только при соблюдении двух неслучайных условий: установление тесной связи с международным пролетариатом и создания условий для развития и укрепления рабочего и коммунистического движения в самом Китае.

⁶ «Правда», 5.III.1923.

Единый национальный антиимпериалистический фронт был организационно оформлен на I съезде гоминьдана в январе 1924 г. Его создание дало мощный стимул нарастанию революционной ситуации в стране. Гоминьдан принял решение выработать трудовое законодательство, способствовать организации рабочего класса. На территории провинции Гуандун, подвластной Кантонскому правительству, начало бурно развиваться легализованное рабочее движение. Победа поддержанной правительством Сунь Ятсена антиимпериалистической забастовки в Шамяни (район иностранных концессий близ Кантона) летом 1924 г., забастовки на английских текстильных фабриках в Циндао и Шанхае в начале 1925 г. свидетельствовали о возрождении рабочего движения в стране. Состоявшийся в январе 1925 г. IV съезд КПК уделял огромное внимание задачам организации пролетариата и превращения его под руководством КПК в авангард и руководящую силу национальной революции. Съезд принял решение о подготовке II Всекитайского съезда профсоюзов, которому КПК придавала чрезвычайное значение.

II Всекитайский съезд профсоюзов открылся в Кантоне 1 мая 1925 г. Делегаты его представляли более 500 тысяч организованных рабочих. Примечательно, что одновременно с ним был созван I съезд крестьянских представителей провинции Гуандун. Делегаты обоих съездов, трудящиеся, солдаты революционной армии провели в Кантоне 100-тысячную первомайскую демонстрацию. Самым главным достижением съезда было создание Всекитайской федерации профсоюзов, вступившей в Профинтерн. В принятом съездом манифесте подчеркивалась важность для китайского пролетариата установления руководства с широкими массами крестьянства страны и боевого союза в общей борьбе с мировым пролетариатом⁷. Исполнительное Бюро Профинтерна ответило приветствием китайским профсоюзам в связи с их вступлением «в международную семью трудящихся»⁸.

Съезд утвердил состав Исполкома ВКФП. Руководящие посты заняли: Линь Вэйминь — председатель, Лю Шаоци и Лю Вэньсун — заместители председателя, Дэн Чжунся — генеральный секретарь и заведующий отделом пропаганды, Ли Цихань — заведующий орготделом. Таким образом, у руководства ВКФП встали видные деятели КПК.

Только что созданная ВКФП сразу же оказалась в центре революционных событий. Вспыхнувшее в Шанхае знаменитое «движение 30 мая» 1925 г. стало началом потрясшей весь Китай революции 1925—1927 г. Ведущая, авангардная роль китайского пролетариата в этой революции общепризнана. Яркие страницы революционной борьбы китайских рабочих в 1925—1927 гг. вошли в историю международного рабочего движения. Именно в этот период сформировались и с огромной силой проявились лучшие революционные традиции китайского рабочего класса: его беспримерный героизм, самопожертвование и презрение к превосходству сил врагов революции, богатая творческая инициатива, стойкость и революционный энтузиазм в борьбе за общенациональные интересы народа. Глубокая ненависть к иностранным поработителям родины и высокие чувства патриотизма сочетались у китайских рабочих со стремлением к международной пролетарской солидарности. Стоявшая на позициях интернационализма КПК стремилась учесть опыт мирового пролетариата, всемерно выявить революционные потенции китайского рабочего класса, усилить его социально-политическую роль.

⁷ См.: Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг. Сборник документов профсоюзного движения и др. материалов. М., 1966, с. 50.

⁸ «Красный Интернационал профсоюзов», 1925, № 5, с. 123.

Руководимые коммунистами выступления рабочего класса явились центральными событиями общенациональной революционной борьбы. В ходе ее выросли и окрепли рабочие профсоюзы, возросли их международные связи. Международный пролетариат и прежде всего трудящиеся Советского Союза оказывали и КПК и руководимой ею ВКФП всемерную помощь и поддержку.

Помощь Советского Союза революционному Китаю была искренней, советские люди с надеждой и восхищением следили за самоотверженной борьбой китайских рабочих, стремились облегчить ее, оказывая материальную поддержку и делясь опытом своей собственной нелегкой, но победоносной борьбы. Не случайно ВКФП в начале революции, летом 1925 г., в письме на имя ВЦСПС уже отмечено огромное значение материальной помощи и моральной поддержки советских трудящихся китайским рабочим.

В полной мере проявились высокие боевые качества и прекрасные революционные традиции китайского пролетариата в Шанхайских вооруженных восстаниях, явившихся кульминацией революции 1925—1927 гг. В Обращении Профинтерна к международному пролетариату с призывом выступить на защиту китайской революции был очень высоко оценен подвиг рабочих Шанхая⁹.

Таким образом, в период революции 1925—1927 гг. ярко проявились революционные потенции китайского пролетариата, сформировались лучшие традиции его самоотверженной, героической борьбы. Рабочий класс привнес в общенациональную борьбу свои методы борьбы и организации, придавал ей подлинный демократизм, размах, боевой характер.

В годы революции очень активно действовала ВКФП. Ею были проведены два Всекитайских съезда профсоюзов (III — в 1926 г. и IV — в 1927).

Контрреволюционный переворот гоминьдана в 1927 г. и проводимый им в последующие годы антикоммунистический террор нанесли тяжелый удар по революционному активу рабочего класса и кадрам КПК в промышленных центрах страны. Коренным образом изменились условия развития рабочего и коммунистического движения. Попытка КПК немедленно организовать в городах вооруженные восстания рабочих против гоминьдана потерпели жестокое поражение. В этой обстановке КПК по рекомендации Коминтерна приступила к созданию собственных вооруженных сил и опорных территориальных баз. Однако эти опорные базы смогли укрепиться лишь в глухих периферийных районах, вдали от больших городов, от промышленного пролетариата.

Гоминьдан всемерно пытался подчинить себе рабочие массы, ликвидировать влияние КПК, стремление к международной пролетарской солидарности. Его политика в отношении рабочего класса была изощренной и маневренной. Не только террор и широко поставленная демагогия, но и некоторые уступки рабочему классу в жизненно важных экономических вопросах должны были, по расчетам гоминьдана, сделать рабочий класс послушным орудием и обеспечить «классовый мир», «гармонию» в отношениях труда и капитала. К великой чести китайского рабочего класса гоминьдан, несмотря на все свои старания, так и не смог добиться этих целей за долгие годы своего господства.

Гоминьдану все время приходилось прилагать серьезные усилия и затрачивать значительные материальные средства, чтобы «регулировать» рабочее движение. Несмотря на все запреты, не прекращалась экономическая борьба рабочих, «классовый мир» оказался недостижимой утопией, созданные гоминьданом профсоюзы все время выходили из повиновения.

⁹ «Международное рабочее движение», 1927, № 16, с. 4.

Вплоть до середины 30-х гг. в условиях подполья действовала ВКФП, объединявшая руководимые коммунистами подпольные красные профсоюзы. Высочайший героизм и самопожертвование были проявлены революционными профсоюзными кадрами в борьбе против гоминьдановского режима, в активизации патриотических выступлений пролетариата. В этой труднейшей обстановке ВКФП неизменно имела поддержку организаций международной пролетарской солидарности. Судьбы китайской революции, судьбы китайского рабочего класса неизменно находились в центре внимания Коминтерна и Профинтерна. Созванный по инициативе Коминтерна VI съезд КПК (лето 1928 г.) уделил большое внимание проблемам развития рабочего движения. В результате осуществления принятой съездом «линии борьбы за массы» укрепились позиции КПК в руководстве пролетариатом. Это сделало возможным созыв подпольного V Всекитайского съезда профсоюзов. Он открылся в день годовщины Великой Октябрьской революции 7 ноября 1929 г. Силы ВКФП были невелики, но она была полна решимости укрепить влияние КПК в рабочих массах, чтобы объединить борьбу рабочего класса с борьбой руководимой КПК Красной армии, установить революционный союз рабочего класса и крестьянства. На съезде царил дух международной пролетарской солидарности. ВКФП констатировала, что оказавшийся в чрезвычайно трудных условиях гоминьдановского режима рабочий класс Китая не одинок, что в ответ на ее воззвание о помощи от 12 июня 1928 г. Профинтерн организовал широкую кампанию поддержки борьбы рабочего класса Китая¹⁰. В Специальную комиссию по организации помощи Китаю вошли представители Коминтерна, Профинтерна, Межрабпома, МОПРа, Общества «Руки прочь от Китая» и многих других общественных организаций.

Созыв следующего, VI Всекитайского съезда профсоюзов и восстановление ВКФП стали возможны только через 19 лет. VI Всекитайский съезд профсоюзов был созван в августе 1948 г. в крупном промышленном центре Маньчжурской революционной базы — Харбине. ЦК КПК в своем приветствии съезду призывал рабочий класс к единству в борьбе, чтобы свергнуть «преступное господство американского империализма и гоминьдановской реакционной группировки, построить независимую, свободную, процветающую и единую Китайскую народную демократическую республику»¹¹. Свое приветствие VI Всекитайскому съезду ЦК КПК завершил выражением уверенности в том, что съезд успешно выполнит свою главную задачу и подчеркнул при этом историческое значение славных традиций борьбы рабочего класса¹².

Победа народной революции в 1949 г. существенно изменила социально-политическое положение рабочего класса Китая. Громадная работа по восстановлению дезорганизованного народного хозяйства, осуществление коренных преобразований в обществе требовали активного участия рабочего класса. КПК понимала это и всемерно стремилась вовлечь рабочий класс в активную политическую и социально-экономическую деятельность. «Опора на рабочий класс, — отмечалось в решениях мартовского (1949) пленума ЦК КПК, — является основной линией работы партии в городах»¹³.

Усилия партии и профсоюзов были направлены прежде всего на укрепление рабочих организаций, усиление их влияния на деятельность

¹⁰ Документы Всекитайских съездов профсоюзов. Пекин, 1957, с. 114, 260—261 (на кит. яз.).

¹¹ Рабочее движение в Китае, 1945—1949 гг. Документы и материалы. М., 1969, с. 122.

¹² Там же, с. 122.

¹³ «Дружба», 21.II.1957.

органов власти и управления, на подавление мелкобуржуазных, реформистских влияний и течений.

Всекитайское совещание работников профсоюзов, проходившее в июле — августе 1949 г., выработало основные принципы и направления работы профсоюзов. Было установлено, что профсоюзы будут строиться по производственно-отраслевому принципу. Одной из важных задач считалось заключение коллективных договоров между трудящимися и предприятиями и контроль за их выполнением. Совещание признало необходимым широко развивать демократию в профсоюзах, привлекать трудящихся к управлению производством, усилить рабочий контроль и защищать интересы трудящихся. Совещание призвало изучать опыт профсоюзного строительства в СССР.

Первые успехи профсоюзного строительства были закреплены в Законе о профессиональных союзах КНР, принятом в июне 1950 г. Законом была утверждена практика участия рабочих в управлении государственных и кооперативными предприятиями через комитеты рабочего контроля, которые получили право заслушивать на рабочем собрании отчеты администрации. Закон требовал, чтобы на частно-капиталистических предприятиях условия труда рабочих были такими же, как и на государственных предприятиях. Закон существенно ограничивал возможности эксплуатации рабочих владельцами предприятий.

Несмотря на огромные трудности, при поддержке КПК китайские рабочие внесли определенный вклад в дело подготовки и выдвижения кадров организаторов. В 1953 г. в отчетном докладе Исполкома ВКФП VII Всекитайскому съезду профсоюзов отмечалось, что за несколько предшествующих лет только школами профкадров было подготовлено 111 тыс. кадровых работников, 107 тыс. активистов из рядов рабочего класса были выдвинуты на работу в аппарат КПК и государственные органы. 124 тыс. рабочих заняли посты административных и инженерно-технических работников в системе народного хозяйства, 7,8 тыс. из них стали директорами или заместителями директоров промышленных предприятий.

В начальный период существования КНР рабочему классу под руководством КПК пришлось решать новые, особые задачи классовой борьбы — подавление сопротивления, вредительства и саботажа свергнутых эксплуататорских классов, остатков гоминьдановских банд, а также руководство полупролетарскими и мелкобуржуазными элементами города и деревни и создание более высокого типа общественной организации труда.

К 1952 г. благодаря героическому труду китайского народа, прежде всего рабочего класса, благодаря братской помощи СССР и других социалистических стран была восстановлена экономика Китая, разрушенная многолетней гражданской войной и иностранной интервенцией. КНР приступила к выполнению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1953—1957 гг.). Китайский народ и прежде всего рабочий класс с огромным энтузиазмом развернули борьбу за выполнение первого пятилетнего плана. Массовое вступление рабочих в соревнование свидетельствовало о высоком духе патриотизма рабочего класса. Китайские профсоюзы активно боролись за социалистическую индустриализацию. VII съезд профсоюзов (май 1953 г.) призвал рабочих и служащих к развертыванию массового трудового соревнования, к настойчивому, систематическому изучению опыта Советского Союза. В этих условиях рабочий класс и его профсоюзы, развертывая трудовое патристическое соревнование, смогли пробудить трудовую активность, энтузиазм и творческую инициативу широких рабочих масс. За первые четыре года пятилетки число передовиков производства в стране достигло 2,6 млн. человек. В движении передовиков широко использовались такие

формы, как освоение советского производственного опыта, взаимопомощь.

В ходе развития советско-китайских профсоюзных связей осуществлялось изучение и распространение в Китае советского опыта организации трудового соревнования. Советские профсоюзы передавали ВКФП свой опыт организации социалистического соревнования, стахановского движения.

Большой творческий вклад в развитие производства внесло развернувшееся в эти же годы движение рационализаторов и новаторов. В 1954 г. годовой эффект от внедрения 103 тыс. рационализаторских предложений, технических усовершенствований и изобретений в денежном выражении составил 174,3 млн. юаней, а в 1956 г. внедрение 200,6 тыс. предложений позволило предприятиям получить дополнительно 241,9 млн. юаней¹⁴. Лучшие традиции китайского рабочего класса — интернационализм, стремление укреплять единство международного профсоюзного движения, сотрудничество с ВЦСПС — были сохранены и продолжены во внешнеполитической деятельности ВКФП в период 1949—1957 гг.

Росту авторитета ВКФП в этот период способствовала борьба китайских профсоюзов за укрепление мира во всем мире, сотрудничество со Всемирной федерацией профсоюзов и профсоюзами социалистических стран.

Прогрессивное международное рабочее и профсоюзное движение единодушно приветствовало китайскую революцию и образование КНР. II Всемирный конгресс профсоюзов (июнь — июль 1949 г.) направил приветствие «героническим профсоюзам и рабочему классу Китая»¹⁵. Представители профсоюзов КНР были избраны в руководящие органы Всемирной федерации профсоюзов (ВФП) и Международных объединений профсоюзов (МОП). Яркой демонстрацией солидарности прогрессивного международного профсоюзного движения с китайской революцией и образованием КНР явилась конференция профсоюзов стран Азии и Океании, проведенная в Пекине в ноябре — декабре 1949 г.

Прогрессивное международное профсоюзное движение неизменно выступало против агрессивной политики империализма в отношении КНР. Поддержка китайской революции, солидарность с рабочим классом и профсоюзами КНР Всемирной федерацией профсоюзов, профсоюзами СССР и других социалистических стран имели историческое значение для молодой Китайской Народной Республики. Со своей стороны профсоюзы КНР активно поддерживали Всемирную федерацию профсоюзов. Эта поддержка проявлялась в акциях солидарности с усилиями ВФП по сохранению мира во всем мире и защите прав трудящихся и их профсоюзных организаций, с борьбой за единство и укрепление ВФП против раскольнической и подрывной деятельности реформистских профсоюзных лидеров. VI Всекитайский съезд профсоюзов (август 1948 г.) направил ВФП телеграмму, в которой говорилось: «Съезд единодушно принял решение твердо поддерживать Всемирную федерацию профсоюзов, неизменно осуществлять ее принципы борьбы за демократию и мир, за единство рабочего движения»¹⁶.

Ярким проявлением сотрудничества и взаимопомощи китайских профсоюзов и Всемирной федерации профсоюзов явилась деятельность в Пекине в 1950—1956 гг. Бюро связи ВФП для стран Азии.

ВКФП приняла также активное участие в движении сторонников мира в Азии. В 1950 г. китайские профсоюзы и другие общественные орга-

¹⁴ Цит. по: Рабочий класс Китая (1949—1974 гг.). М., 1978, с. 39.

¹⁵ Резолюция Второго Всемирного конгресса профсоюзов. М., 1949, с. 30.

¹⁶ Рабочее движение в Китае. 1945—1949. Документы и материалы. М., 1969, с. 148.

низации Китая создали комитет содействия борьбе против американской агрессии на Тайване и в Корее. Представители ВФКП приняли активное участие по подготовке и проведению в октябре 1952 г. в Пекине конференции сторонников мира стран Азии и Тихого океана.

Огромное значение для политического и социального развития рабочего класса имела развернувшаяся с начала 50-х годов кампания по ликвидации неграмотности. К концу 1956 г. в стране насчитывалось в общей сложности свыше 10 тыс. вечерних общеобразовательных школ для рабочих и служащих, в которых обучалось более 5 млн. человек. За годы первой пятилетки 2,2 млн. рабочих и служащих ликвидировали неграмотность, около 900 тыс. получили начальное образование, примерно 170 тыс. закончили курс средней школы¹⁷.

Повышению классового самосознания в 1950—1957 гг., несомненно, способствовали морально-политический подъем в обществе, вызванный курсом партии на социалистическое строительство, укреплением братской солидарности и отношений дружбы с народами СССР и других социалистических стран, а также широкие масштабы строительства крупной промышленности, мероприятия по повышению политического и культурно-технического уровня трудящихся.

С началом «культурной революции» была прекращена деятельность Всекитайской федерации профсоюзов и других массовых общественных организаций. «Культурная революция», ознаменовавшаяся наступлением на жизненные интересы трудящихся, не была принята большинством рабочего класса. Уже весной — летом 1966 г. произошли массовые выступления рабочих против «культурной революции», против действий хунвэйбинов.

На первом после «культурной революции» — IX Всекитайском съезде профсоюзов (октябрь 1978 г.) — была воссоздана Всекитайская федерация профсоюзов. На конец 1982 г., по данным X Всекитайского съезда профсоюзов (октябрь 1983 г.), из 112,92 млн. рабочих и служащих в профсоюзах состоит более 73,3 млн. человек¹⁸. В настоящее время наблюдаются известные изменения в деятельности профсоюзов. Они занимаются вопросами организации производства, культурно-массовой работы, охраны труда и т. д.

На съезде было признано, что в сознании рабочих и служащих еще не ликвидировано тлетворное влияние «культурной революции», что их сознание подвергается разлагающему воздействию буржуазной идеологии. В связи с этим в Уставе ВКФП, принятом X съездом китайских профсоюзов, перед профсоюзами поставлена задача «воспитывать рабочих и служащих в духе патриотизма, коллективизма, социалистической и коммунистической сознательности»¹⁹.

В Уставе отмечается, что в работе китайских профсоюзов «центральное место... занимает осуществление программы четырех модернизаций»²⁰. Профсоюзная печать в настоящее время подчеркивает, что профсоюзы должны уделять внимание вопросам повышения качества продукции, эффективности производства и улучшения работы предприятий.

Руководство ВКФП в этих условиях призывает профсоюзы следовать славной традиции организации социалистического соревнования и движения за рационализацию производства.

Много внимания уделяется организации трудового соревнования. В декабре 1978 г. ВКФП приняла постановление «О развертывании трудового соревнования», в марте 1980 г. Исполком ВКФП разработал и принял почетные звания «Рабочий-отличник», «Передовик производст-

¹⁷ VIII Всекитайский съезд профсоюзов. Материалы и документы. М., 1958, с. 266.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 27.X.1983.

¹⁹ Там же, 24.X.1983.

²⁰ Там же.

ва», «Коллектив ударного труда». В ряде отраслей (текстильной, строительной и др.) в начале 80-х гг. было развернуто соревнование во все-китайском масштабе: В 1984 г. было развернуто трудовое соревнование среди рабочих и служащих нефтяной промышленности, в котором приняло участие около 1 млн. человек.

Как признает китайская печать, перед китайским рабочим движением стоят еще немалые задачи в деле защиты интересов рабочего класса, отстаивания его революционных традиций в борьбе против буржуазной идеологии.

Советский рабочий класс во все времена питал чувства дружбы к трудящимся Китая. Советские профсоюзы, как и весь советский народ, поддерживают линию КПСС на улучшение отношений с Китайской Народной Республикой. «Советские профсоюзы считают, — говорится в приветствии ВЦСПС в адрес ВКФП по случаю ее 60-летия, — что положительное развитие отношений между СССР и КНР отвечало бы интересам наших двух стран, делу социализма, укреплению мира и международной безопасности»²¹.

²¹ «Труд», 30.IV.1985.

Первая делегация Профинтерна и ВЦСПС в Китае

О. Б. ГОРДОВИКОВА

Майские события в Шанхае 1925 г., вызвавшие подъем массового антиимпериалистического движения в Китае, получили широкий отклик во всем прогрессивном мире. Большую помощь китайской революции 1925—1927 гг. оказали Коминтерн, Профинтерн, МОПР и Межрабпом, развернувшие мощную кампанию солидарности и помощи китайскому народу. Деятельность Коминтерна и Профинтерна, активно содействовавших организации профессионального движения Китая, достаточно полно освещена в работах последнего времени. В них показывается, что с момента своего создания в 1921 г. Профинтерн через своих представителей в Китае оказывал помощь в становлении рабочего движения в стране. Особое внимание уделялось китайским профсоюзам с мая 1925 г., когда они вступили в Профинтерн.

Вопросы китайского рабочего движения периодически рассматривались на заседаниях Исполбюро Профинтерна и в его отделах. Профинтерн и его самая большая секция — ВЦСПС — неоднократно обращались с воззваниями к международному пролетариату с призывом оказать максимальную поддержку китайской революции. Кроме того, для непосредственного ознакомления с состоянием рабочего движения и установления с ним дружественных связей Профинтерн направил в Китай ряд делегаций. В июле — сентябре 1925 г. в Китае побывала делегация Профинтерна и ВЦСПС; в 1927 г. по инициативе Профинтерна в стране находилась международная рабочая делегация, которая в течение пяти месяцев знакомилась с положением китайских рабочих и крестьян, с состоянием профессионального движения. В работе IV съезда китайских профсоюзов (июнь 1927 г.) принимала участие делегация ВЦСПС, оказавшая помощь в формулировании общей экономической платформы китайских профсоюзов и тактики забастовочной борьбы.

В данном сообщении рассматривается посещение Китая первой делегацией Профинтерна и ВЦСПС в июле — сентябре 1925 г. Хотя отчет делегации был опубликован¹ и использован в работах ряда исследователей², однако ее деятельность в ответственный момент шанхайских событий заслуживает, видимо, большего внимания. Это была первая иностранная рабочая делегация, которая установила непосредственный контакт международного рабочего движения с китайскими профсоюзами. Несомненный интерес вызывают конкретная помощь, которую делегация оказала руководству китайских профсоюзов, и анализ делегацией состояния рабочего движения в Китае в тот период.

¹ См.: О положении рабочего класса и состоянии рабочего движения в Китае и Японии. Предварительный отчет делегации ВЦСПС. М., 1926; Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китай. М., 1927.

² См., например; М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968; А. Ф. Осетров. Советский народ — революционному Китаю. (1924—1927). М., 1967 и др.

В начале июня 1925 г. китайские профсоюзы обратились к Генсовету английских тред-юнионов с призывом потребовать от своего правительства вывода войск, принимавших участие в расстреле 30 мая в Шанхае, и невмешательства Англии во внутренние дела Китая. Одновременно Всекитайская федерация профсоюзов (далее — ВФП) пригласила делегацию английских рабочих в Китай.

Аналогичное приглашение было послано и советским профсоюзам, которые выступили с протестом против расстрела 30 мая демонстрации в Шанхае. ВЦСПС приглашение принял, рассматривая эту поездку как важный шаг в деле сближения между советским и китайским профдвижением³. Перед делегацией ставилась задача установления связей советского рабочего класса с китайским, а также вовлечения китайского рабочего движения в единый фронт пролетариата разных стран, чтобы сблизить молодое движение Китая с международным рабочим движением. Поэтому Исполбюро Профинтерна на своем заседании в конце июня решило считать делегацию ВЦСПС также и делегацией Профинтерна. В состав делегации вошли известные деятели профессионального движения: член Исполбюро Профинтерна и член Президиума ВЦСПС, председатель ЦК Всероссийского союза металлистов Н. И. Лепсе, председатель Совета профсоюзов Дальневосточной области М. А. Брискин и представитель Дальневосточного бюро Профинтерна Ю. Д. Смургис.

Делегация выехала из Москвы 11 июля и находилась в Китае до 17 сентября 1925 г.⁴ Ко времени прибытия делегации (конец июля) в Китае наблюдался некоторый спад антиимпериалистического движения, выразившийся, в частности, в том, что в Шанхае оно пошло на убыль. Гонконг-Кантонская стачка, начавшаяся 19 июня, оказала большое влияние на развитие революции в Китае, но ее содействие Шанхаю практически выразилось только в моральной поддержке. Рабочие Шанхая продолжали борьбу почти без союзников — к этому времени их поддерживало только студенчество.

Делегация посетила Пекин, Шанхай и Кантон. В Пекине ей удалось установить контакт лишь с отдельными руководителями профсоюзов, работавшими в чрезвычайно тяжелой обстановке. О посещении низовых организаций в Пекине не могло быть и речи.

Наиболее действенную помощь китайским профсоюзам делегация оказала в Шанхае. Члены делегации были очевидцами энергичной работы Шанхайского совета профсоюзов, который не только организационно, но и политически руководил борьбой рабочих. Делегация посетила ряд профсоюзов, участвовала в митингах и собраниях, наблюдала работу бюро по выдаче стачечных пособий.

К концу второго месяца всеобщей забастовки начался ее спад. 25 июня закончилась забастовка торговцев. Над рабочим классом Шанхая нависла угроза изоляции. Патриотически настроенные элементы национальной буржуазии, вначале финансировавшие забастовку, вскоре отказались оказывать материальную помощь бастующим. Из 1,8 млн. мексиканских долл., собранных Объединенным комитетом за семь недель забастовки, на долю буржуазии приходилось, по данным делегации, не более 10 %, то есть приблизительно по одному доллару на стачечника⁵.

Сложившаяся к началу августа обстановка заставила Шанхайский совет профсоюзов понемногу отступать. 10 августа на собрании делегатов, представлявших профсоюзы, входившие в Совет, были разработаны условия (главным образом экономические требования, известные в ли-

³ См.: «Труд», 12.VII.1925.

⁴ См. там же, 17.IX.1925. По приглашению Совета профсоюзов Хюнгкая делегация затем посетила Японию.

⁵ См.: Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китай, с. 31.

тературе как «девять минимальных условий»), на которых шанхайские профсоюзы соглашались возобновить работу. По-видимому, на это решение повлияла и рекомендация делегации, которая считала, что в данной обстановке главная задача заключается в том, чтобы не дать разгромить движение и сохранить силы.

Рабочие Шанхая с глубоким удовлетворением приветствовали делегацию Профинтерна и ВЦСПС. Приезд первой иностранной рабочей делегации явился наглядным проявлением международной пролетарской солидарности. Китайские рабочие на деле ощутили силу пролетарского интернационализма рабочих всего мира, и в первую очередь СССР. Лю Шаоци, заведующий общим отделом Шанхайского совета профсоюзов, приветствуя делегацию в Шанхае, выразил общее настроение китайских рабочих, сказав, что «...поддержка, оказываемая нам рабочим движением Советской страны, вливает в нас новые силы и придает нам стойкость в тяжелой борьбе»⁶.

Делегация Профинтерна и ВЦСПС информировала китайских рабочих о мерах, предпринятых Коминтерном, Профинтерном, КИМ и Межрабпом для поддержки национально-освободительной борьбы китайских рабочих. В начале июня ИККИ, Исполбюро Профинтерна и руководство КИМ призвали мировой Профинтерн поддержать борьбу китайских рабочих, начав международную кампанию солидарности с китайскими рабочими⁷. 17 июня ИККИ и Исполбюро Профинтерна предложили Исполкому II Интернационала и Центральному бюро Амстердамского интернационала профсоюзов «...организовать совместную моральную и материальную помощь китайским рабочим»⁸, провести совместные митинги и денежные сборы, созвать международное совещание для обсуждения других форм помощи китайскому народу. Помимо этого, от имени ЦК Межраброма руководству амстердамских профсоюзов было направлено письмо с официальным предложением включиться в кампанию помощи Китаю и создать общий комитет помощи⁹.

Однако эта инициатива революционных международных организаций наткнулась на непонимание и откровенный бойкот со стороны реформистов. В ответ на обращение Всекитайской федерации профсоюзов к Амстердамскому интернационалу профсоюзов о помощи руководству последнего отказало в помощи, ссылаясь на «неосведомленность о положении в Китае, отсутствие достаточной собственной информации, а также недостаточно прочное собственное финансовое положение»¹⁰. Амстердамский интернационал также отказался послать свою делегацию в Китай на том основании, что «профдвижение интересуется созидательным движением, могущим развиваться только в таких странах, где царит политическое спокойствие. Пока такого спокойствия в Китае нет, Амстердамский интернационал не собирается посылать в Китай делегацию»¹¹. Таким образом, китайские рабочие убедились в том, что не только «своя» буржуазия, но и лидеры реформистских профсоюзов отказались от поддержки национально-освободительного движения в Китае.

Китайские рабочие выразили благодарность советским профсоюзам, передавшим в фонд помощи бастующим большие денежные суммы, которые составили пятую часть всех денег, израсходованных Объединенным комитетом¹².

⁶ Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китай, с. 30.

⁷ См.: Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927). М., 1959, с. 68.

⁸ «Международное рабочее движение», 25.VI.1925, № 14, с. 23.

⁹ См.: «Правда», 21.VI.1925.

¹⁰ «Труд», 11.VII.1925.

¹¹ Цит. по: Г. М. Аднбеков. Красный Интернационал профсоюзов (Очерки истории Профинтерна). М., 1971, с. 83.

¹² См.: Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китай, с. 141.

Из Шанхая делегация выехала в Кантон, где с 19 июля продолжалась забастовка солидарности с борющимся пролетариатом Шанхая. В Кантоне делегации представилась возможность посетить железнодорожные мастерские, общежития и столовые стачечников, побывать на строительстве дороги из Кантона в проектируемый новый порт Хуанпу (там работало около 3 тыс. стачечников); делегация присутствовала на собраниях более 20 рабочих организаций различного направления. С особым интересом члены делегации познакомились с деятельностью стачечного комитета.

Отношение к делегации Профинтерна и ВЦСПС было самое теплое и братское. Китайские рабочие проявили большой интерес к СССР, к международному рабочему движению. Стаечный комитет провел смотр рабочей гвардии, созвал специальное заседание, посвященное приезду делегации. На этом заседании выступил председатель делегации И. И. Лепсе, который рассказал о помощи трудящихся различных стран китайской революции, об уроках и опыте профдвижения России. Выступивший на этом заседании председатель объединенного стачкома Гонконга и Шамяня Су Чжаочжэн¹³ горячо приветствовал членов делегации от имени рабочих Кантона и подчеркнул, что сам факт приезда представителей рабочих СССР в Китай в тяжелый момент антиимпериалистической борьбы «свидетельствует о том, что международная солидарность рабочих существует не только в книжках и воззваниях, но и на деле»¹⁴. Су Чжаочжэн просил передать братский привет стачечников ВЦСПС и Профинтерну: «Наши сердца радуются, что Красный Профинтерн с нами. Рабочие других стран знают, за что мы боремся. Благодаря их поддержке окружающие нас опасности в значительной степени теряют для нас остроту. Мы глубоко верим в объединение международного пролетариата с угнетенными странами, и эта вера толкает нас вперед»¹⁵.

После пребывания в Кантоне делегация вернулась в Пекин. Перед отъездом из Китая делегация Профинтерна и ВЦСПС обратилась к Всекитайской федерации профсоюзов с письмом, в котором выражалась глубокая признательность за братский прием и оказанное содействие. «Делегация убедилась собственными глазами, — говорилось в письме, — в огромных успехах молодого рабочего движения в Китае. Китайский пролетариат борется не только за свои классовые интересы, но и за национальное освобождение китайского народа»¹⁶.

16 октября 1925 г. Исполбюро Профинтерна заслушало отчет делегации¹⁷. Члены делегации информировали Исполбюро об экономическом и правовом положении китайских рабочих, о развитии забастовочного движения в Шанхае и других городах Китая, о работе китайских профсоюзов. В отчете делегация привела факты, характеризующие значительный рост и политическую зрелость китайского профессионального движения.

Борьба китайского пролетариата с начала майских событий показала рост его классового самосознания и большие организационные возможности рабочего класса. Об этом свидетельствовало, например, увеличение численности профсоюзов в Шанхае: в начале 1925 г. они насчитывали 70—80 тыс. рабочих¹⁸, в начале всеобщей забастовки в июне —

¹³ Делегация называет председателем Лю Шаоци, но это не подтверждается другими источниками.

¹⁴ «Труд», 30.X.1925.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, 22.IX.1925.

¹⁷ См.: «Международное рабочее движение», 5.XI.1925, № 33, с. 14—15.

¹⁸ См.: Дэнь Чжунся. Краткая история профсоюзного движения в Китае М., 1952, с. 127.

280 тыс., профсоюзы Шанхая даже после закрытия Генсовета профсоюзов во второй половине сентября объединяли около 200 тыс. человек¹⁹.

Отметив эти положительные стороны молодого китайского профессионального движения, делегация дала несколько иную оценку роли китайского пролетариата в «движении 30 мая», чем та, которую дало тогдашнее руководство КПК, рассматривавшее китайский рабочий класс как «гегемон» и «центр» национально-освободительного движения.

Делегация признавала, что «рабочий класс стал политической единицей»²⁰ и ближайшие перспективы «предвещают пролетариату руководящую роль»²¹ в антиимпериалистическом движении, но тем не менее считала, что китайский пролетариат только «...становится авангардом»²². Делегация высказала мнение, что в силу ряда обстоятельств — молодости рабочего движения, некоторых субъективных причин — профессиональное движение Китая в то время находилось еще «в периоде „становления“»²³. Профессиональные организации охватывали сравнительно небольшую часть наиболее сознательных рабочих; и рабочее движение Китая «в организационном отношении еще не оформилось в виде правильно построенных и систематически работающих профсоюзов»²⁴.

Существовали целые отрасли промышленности (например, горнодобывающая), в которых рабочие практически не были объединены в профессиональные организации. В общекайском масштабе отсутствовали федерации профсоюзов по производственному принципу. Эти обстоятельства в значительной мере объясняли тот факт, что рабочие массы, как отмечала делегация, еще далеко не все принимали участие в национально-освободительном движении. Неудовлетворительным, по мнению делегации, было и то, что главные силы бастовавших составляли текстильщики, грузчики и другие категории малоквалифицированных рабочих. Другим существенным недостатком революционного профдвижения в Китае, отмечала делегация, было существование большого числа союзов, не примкнувших к ВФП. В одном только Кантоне насчитывалось 93 таких союза²⁵.

Явно недостаточно велась работа по привлечению рабочих в КПК. В феврале 1925 г. в Шанхае было всего около 100 членов партии, в конце мая — свыше 200 членов, к концу июня (когда бастовало, как говорилось ранее, около 280 тыс. рабочих) — 800 членов партии. К началу забастовки в Гонконге в профсоюзах работало не более 10 членов КПК, а в конце августа — 50 членов партии. В отчете делегации отмечалось, что у КПК были реальные возможности для более успешной работы в рабочем движении, но «...настолько партия замкнулась внутри себя, что получилось вроде секты...»²⁶.

Заслушав отчет делегации, Исполбюро Профинтерна одобрило ее деятельность, отметив, что она способствовала установлению непосредственного контакта с китайским профдвижением и вовлечению китайского пролетариата в международное рабочее движение²⁷.

Отдавая должное роли рабочего класса в национально-освободительном движении китайского народа, его выдержке и стойкости, Исполбю-

¹⁹ См.: Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китай, с. 83.

²⁰ «Международное рабочее движение», 5.XI.1925, № 33, с. 14—15.

²¹ Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китай, с. 151.

²² «Международное рабочее движение», 5.XI.1925, № 33, с. 15.

²³ Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой профсоюзной делегации СССР в Китай, с. 87.

²⁴ Там же, с. 87, 149.

²⁵ См. там же, с. 80.

²⁶ «Труд», 17.X.1925.

²⁷ См.: Резолюция Исполбюро Профинтерна о задачах профессиональных союзов Китая и Японии. — «Международное рабочее движение», 12.XI.1925, № 34, с. 21—23.

ро Профинтерна в Обращении и в резолюции о задачах профессиональных союзов в Китае подчеркивало необходимость более тщательной разработки специфических вопросов рабочего и профессионального движения. Профсоюзы, отмечало Исполбюро, должны отстаивать повседневные экономические и правовые интересы китайского рабочего класса. Хотя «движение 30 мая» подняло широчайшие массы китайских рабочих, отмечалось в резолюции, профсоюзы «...в общем и целом не добились удовлетворения своих насущных экономических требований»²⁸. Исполбюро считало, что в силу тяжелого материального положения рабочих ближайший период будет временем многочисленных выступлений китайского пролетариата, и поэтому рекомендовало ВФП возглавить эти выступления, помогая рабочим формулировать свои требования.

Исходя из того, что успех борьбы будет зависеть от степени сознательности и организованности рабочего класса Китая, Исполбюро отмечало важность усиления политической профессиональной организации, необходимость единства китайского профдвижения. Исполбюро считало одной из наиболее существенных задач федерации осторожный подход к мелким организациям, основанным по признаку цеха, гильдии и землячества, то есть отсталым как по своей форме, так и в идейном отношении объединениям рабочих. Это было особенно важно, по мнению Исполбюро, для того чтобы предупредить создание параллельного центра профдвижения в стране, который, несомненно, превратился бы в орудие китайской буржуазии²⁹.

Исполбюро Профинтерна также рекомендовало ВФП провести работу по дальнейшему расширению рядов профсоюзов. Подчеркивая, что профдвижению одинаково важно иметь в своих рядах как квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих, Исполбюро советовало ВФП тщательно разрабатывать лозунги и требования, приемлемые для отдельных групп и категорий рабочих.

В обращении от 23 октября 1925 г. Исполбюро Профинтерна передавало братский привет китайским рабочим и призвало все примыкающие к Профинтерну организации вступить в непосредственную связь с ВФП и «подготавливать пролетариат всех стран к активной поддержке молодого китайского профдвижения»³⁰.

Профессиональные организации Китая высоко оценивали помощь Профинтерна и ВЦСПС. В ряде писем и телеграмм Исполком ВФП выразил признательность китайским союзам за помощь и поддержку, оказанные делегацией³¹. Позднее ВФП еще раз подчеркнула значение моральной и материальной помощи, оказанной рабочим классом СССР: «Прибывшая в Китай делегация ВЦСПС во главе с т. Лепсе, несомненно, дала сильный толчок развитию рабочего движения в Китае. В то же время делегация ВЦСПС, возглавляемая т. Лепсе, содействовала укреплению связи международного профдвижения с профдвижением Китая»³².

²⁸ Там же, с. 22.

²⁹ См. там же.

³⁰ Обращение Исполбюро Профинтерна ко всем примыкающим организациям. — «Международное рабочее движение», 5.XI.1925, № 33, с. 17.

³¹ См., например: Письмо Исполкома ВФП Исполбюро Профинтерна от 20 августа 1925 г. — «Международное рабочее движение», 22.X.1925, № 31, с. 19—21; Письмо Исполкома ВФП ВЦСПС от 30 августа 1925 г. См.: Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927). М., 1959, с. 125—127; Письмо ВФП Профинтерну. — «Труд», 19.IX.1925

³² «Красный Интернационал профсоюзов», 1929, № 10, с. 773.

Межрабпом и китайская революция в 20-е годы

Б. М. ЗАБАРКО,
кандидат исторических наук

В 1921 г. по инициативе В. И. Ленина и Коминтерна для мобилизации мирового пролетариата на помощь Стране Советов в ее борьбе с голодом и разрухой, в восстановлении и развитии народного хозяйства первой страны социализма была создана массовая организация пролетарской солидарности — Международная рабочая помощь (МРП)¹. После успешного выполнения этой благородной интернациональной задачи МРП под руководством коммунистов превратилась в постоянно действующую боевую организацию «подлинной международной пролетарской солидарности, оказавшей братскую помощь миллионам рабочих во время забастовок или другой народной нужды»².

Наряду с поддержкой СССР, защитой его от посягательств империализма, популяризацией его успехов и достижений, поддержкой забастовочной борьбы, антифашистского и антивоенного движения в странах капитала исключительную важность в комплексе интернациональных задач МРП имела поддержка национально-освободительного движения угнетенных империализмом народов, воспитание их в духе пролетарского интернационализма. В Директивах, принятых 1 декабря 1924 г. на заседании Оргбюро Исполкома Коминтерна (ИККИ), перед Межрабпомом ставились задачи параллельно с оказанием материальной помощи народам Востока «вести пропагандистские кампании для укрепления солидарности» рабочего класса развитых капиталистических стран с экономически отсталыми, подвергавшимся национальному гнету народами колоний³. Для того чтобы преодолеть недоверие, которое питали угнетенные народы к представителям господствующих наций, практически доказать народам колониальных и зависимых стран, что единственным путем к подлинному национальному и социальному освобождению является антиимпериалистическая борьба, проводимая рука об руку с международным рабочим классом, Межрабпом должен был показать народам Востока, что «между угнетающими их империалистами Европы и Америки, с одной стороны, и европейскими и американскими рабочими — с другой, не существует никакой солидарности. И наоборот, изнывающие под национальным гнетом народы колоний и ведущий классовую борьбу пролетариат капиталистических стран являются естественными союзниками»⁴.

¹ Подп. см.: W. Münzenberg. Solidarität. Zehn Jahre Internationale Arbeiterhilfe, 1921—1931, Berlin, 1931; Д. Мичев. Межрабпом — организация пролетарской солидарности 1921—1935. М., 1971; Под знаменем пролетарской солидарности. К 50-летию организации «Международная рабочая помощь». Киев, 1971; Б. М. Забарко. Классовая борьба и Международная рабочая помощь. Из истории международной пролетарской солидарности. 1924—1929. Киев, 1974.

² Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы, резолюции и постановления. М., 1924, с. 173.

³ Б. М. Забарко. Указ. соч., с. 117.

⁴ Там же.

Последовавшие вскоре за этим события в Китае дали возможность МРП на практике осуществлять эти установки Коминтерна.

Национально-освободительная борьба китайского народа, значительно обострившаяся в начале 1925 г., весной того же года переросла в революционную бурю, охватившую всю страну, а всеобщая стачка в Шанхае, вспыхнувшая после расстрела антимпериалистической демонстрации 30 мая, положила начало национальной революции в Китае. Расстрел рабочих Шанхая, Циндао и других городов, концентрация интервенционистских сил империалистических держав в портах Китая, крупные забастовочные выступления приковали к себе внимание, сочувствие и поддержку самых широких слоев мировой общественности, и в первую очередь революционных сил планеты. Передовой отряд мирового пролетариата — рабочий класс Советского Союза — в письме к китайским рабочим указывал, что в «этой (антимпериалистической. — Б. З.) борьбе вы не будете одинокими — сочувствие и симпатии рабочих всех стран и всех угнетенных и эксплуатируемых империализмом будут с вами»⁵.

Сразу же после «событий 30 мая» организации, стоящие во главе революционного рабочего движения (Коминтерн, Профинтерн, КИМ), обратились к трудящимся всего мира с призывом выразить свою солидарность китайскому народу в его борьбе с империализмом и потребовать от империалистических держав вывода войск из Китая. «Против... единого фронта наступающего империализма, — говорилось в обращении, — нужно выстроить... несокрушимый фронт европейских и американских рабочих и крестьян с угнетенными тружениками Востока»⁶.

17 июня 1925 г. Президиум ИККИ, детально обсудив китайский вопрос, направил компартиям телеграмму, в которой содержалась развернутая программа поддержки международным рабочим движением революционной, освободительной борьбы китайского народа. Коминтерн предлагал своим секциям принимать все необходимые меры для привлечения внимания широких рабочих масс к борьбе китайского народа за свою независимость, организовывать митинги протеста против интервенции империалистов (главным образом английских и японских) и сборы средств.

Выступления Коминтерна, его национальных секций несмотря на отказ лидеров социал-демократии от совместных действий способствовали началу развертывания широкого международного движения солидарности мирового пролетариата.

В авангарде этого движения шли трудящиеся СССР. Советский народ, верный своему интернациональному долгу, первым поддержал национально-освободительное движение в Китае, оказал народу этой страны наибольшую морально-политическую, материальную, военную и др. помощь. Ее значение тем более велико, что она была своевременной и бескорыстной и оказывалась, несмотря на то, что правители империалистических держав подвергали еще слабое в экономическом и военном отношении Советское государство провокационной травле за солидарность с борющимся китайским народом.

Разносторонняя помощь советских людей вызывала к ним уважение не только трудящихся Китая, но и миллионов людей других стран, которые имели возможность оценить силу пролетарской солидарности не по декларациям, а по делам. Она способствовала расширению и активизации движения солидарности в других странах мира.

Весомый вклад в организацию интернациональной кампании помощи и солидарности мирового пролетариата и прогрессивной интеллигенции

⁵ «Правда», 6.VI.1925.

⁶ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, с. 121.

с борьбой китайского народа внес Межрабпом. В связи с «событиями 30 мая» ЦК МРП обратился с воззванием «Бастующим массам Шанхая! Трудящемуся народу Китая!». Межрабпом решительно протестовал против убийства мирных китайских рабочих и студентов, подчеркивал необходимость объединения национально-освободительного движения народов Азии с борьбой пролетариата капиталистических стран и создания антиимпериалистического фронта и заверил трудящихся Китая в «солидарности и братской помощи», которая будет оказана «не только на словах, но и на деле». Под этим документом стояли подписи виднейших деятелей международного коммунистического и рабочего движения, известных представителей мировой культуры и науки — К. Цеткин, С. Каятамы, В. Мюнциенберга, Э. Фиммена, А. Барбюса, Б. Шоу, Э. Синклера, А. Фореля и др.

В обращении Исполкома МРП «Помогите голодающим и бастующим рабочим Китая!», которое было адресовано рабочим, трудящимся всего мира, содержался правдивый рассказ о тяжелой жизни китайского народа под бременем империалистического гнета, опровергавший измышления буржуазной и социал-реформистской прессы. Подчеркнув единство судеб, целей и задач борьбы рабочего класса капиталистических стран и освободительной борьбы трудящихся Китая, Межрабпом отметил, что начавшееся движение солидарности (английские профсоюзы выразили симпатии китайским рабочим и потребовали от правительства вывода британских войск, советские рабочие направили китайским братьям большие суммы денег; Межрабпом отправил в Шанхай делегацию помощи с продовольствием, чтобы там организовать кухни и пункты раздачи питания, выделив на эти цели 20 тыс. марок в качестве первого взноса, и т. д.) должно охватить весь международный пролетариат, всех друзей борющегося китайского народа. Межрабпом призвал свои секции проводить сборы денег, продовольствия, одежды, чтобы «спасти голодных и помочь борющимся»⁷.

Межрабпом мобилизовал все свои силы для оказания помощи многотысячным забастовщикам в Шанхае, Гонконге, Кантоне. Для организации масс в ходе движения солидарности МРП и ее секции использовали традиционные пролетарские массовые формы борьбы. Уже с первых чисел июня в СССР, Германии, Англии, Франции, Чехословакии, Австрии, Голландии, Норвегии и других странах Европы и Америки Межрабпом вместе с компартиями и революционными профсоюзами провел многочисленные массовые митинги и демонстрации солидарности, в которых приняли участие рабочие, крестьяне, представители интеллигенции от всех партий. К середине августа 1925 г. свыше 5 млн. человек участвовали в более чем 1000 митингах⁸.

Всюду члены и активисты Межрабпома проводили сборы средств в помощь китайским забастовщикам и их семьям, а также семьям расстрелянных войсками и полицией. За первую неделю кампании — отмечал генеральный секретарь ЦК Межрабпома Вилли Мюнциенберг в бюллетене Коминтерна — было собрано свыше 30 тыс. германских марок, около 10 тыс. французских франков, 10 тыс. чехословацких крон. Советские профсоюзы — коллективный член Межрабпома — внесли 100 тыс. руб.⁹

В процессе развертывания кампании стало ясно, что для оказания помощи китайскому рабочему классу необходимо объединить силы всего мирового пролетариата, всех его отрядов и организаций, создать единый пролетарский фронт помощи китайской революции под коминтер-

⁷ «Für China», 1925, N 1, S. 3.

⁸ In: W. Mü n z e n b e r g. Op. cit., S. 287.

⁹ In: «Internationale Presse-Korrespondenz» (далее — «Inprekorr»), 1925, N 105, S. 1435.

новским лозунгом «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!». Нужно было не на словах, как это делали лидеры Социалистического и Амстердамского интернационалов, а на деле ответить на многочисленные призывы о помощи Всекитайской федерации профсоюзов и других рабочих организаций, адресованные международному пролетариату и его центрам. Обстановка требовала скорых и объединенных действий, и Межрабпом по телеграфу (18 июня, 1 и 4 июля, 16 августа и позднее) обращался к Амстердамскому интернационалу профсоюзов (а национальные секции МРП — к профсоюзам своих стран) с призывом включиться в акцию помощи трудящимся Китая и провести совместную кампанию солидарности. Однако все попытки МРП, а также рабочих и профсоюзных организаций Китая, ряда европейских стран привлечь Амстердамский интернационал к «китайской кампании», создать единый фронт помощи не увенчались успехом¹⁰.

Диаметрально противоположной линии официальных вождей реформистских интернационалов была последовательная интернационалистская позиция центров революционного крыла международного рабочего движения. Коминтерн, Профинтерн, ВЦСПС и другие организации, оказывая китайскому революционному народу помощь и поддержку по своим каналам, немедленно откликнулись на предложение МРП (8 июля 1925 г.) «примкнуть... к совместной кампании помощи», которую развернул Межрабпом и «призвать к участию в ней все свои секции». Уже 11 июля 1925 г. Секретариат ИККИ телеграфировал ЦК МРП, что Коминтерн с большой гордостью приветствует работу по оказанию моральной и материальной помощи, которую проводит Межрабпом, и полностью присоединяется к его акциям. «Мы готовы сотрудничать с каждой организацией, которая будет честно оказывать моральную и материальную помощь китайскому рабочему классу, борющемуся за свое существование и национальное единство»¹¹. Коминтерн призвал «всех рабочих и крестьян мира всеми силами помочь начатой Межрабпом кампанию помощи китайскому пролетариату». МРП проводила международную кампанию солидарности, опираясь на коммунистов, которые были ее ядром и боевым авангардом, а также левых социал-демократов, беспартийных, рабочих и интеллигенцию разных профобъединений, осуществляя тактику единого фронта «снизу».

В ходе кампании МРП, кроме материальной, оказывала китайским прогрессивным силам и помощь организационную и политическую. Она выражалась также в установлении непосредственного контакта между рабочими Запада и Китая, в передаче опыта проведения кампаний солидарности рабочим и крестьянам Востока.

Еще в октябре 1924 г. на III Международном конгрессе МРП в Берлине китайская делегация, участвовавшая в его работе, после ознакомления с деятельностью, задачами, целями МРП, внесла предложение учредить в Китае отделение Межрабпома¹². Исполком МРП позитивно отнесся к этому предложению и принял решение уделить особое внимание этой стране. Для ознакомления с положением и освободительной борьбой китайского народа и установления непосредственных связей с ним в Пекин по приглашению рабочих организаций Китая 27 мая 1925 г. отправилась делегация МРП в составе члена ее Исполкома К. Мюллера и заведующего агитотделом Ф. Лингардта.

¹⁰ Подр. см.: «Für China», 1925, N 1, S. 4; N 3, S. 3; N 5, S. 1, 3; N 6, S. 2, 3; N 7, S. 3; W. Münzenberg. Op. cit., S. 273—281; Красный Интернационал профсоюзов, 1925, № 9, с. 51; Б. М. Забарко. Классовая борьба и Международная рабочая помощь..., с. 126—129; Б. М. Забарко, Ю. А. Львович. Из истории помощи Межрабпома борьбе трудящихся Китая (1925 г.). — «Народы Азии и Африки», 1969, № 5, с. 148—155.

¹¹ «Für China», 1925, N 7, S. 1.

¹² Б. М. Забарко, Ю. А. Львович. Указ. соч., с. 149.

Одним из первых шагов делегации было ознакомление широких масс трудящихся с воззванием ЦК МРП «Бастующим массам Шанхая! Трудящемуся народу Китая!». Воззвание, в котором говорилось: «Пусть китайские братья... знают, что за горами и океанами есть миллионы пролетарских сердец людей другой расы, которые хотят помочь вам и выражают свои симпатии, готовы бороться вместе с вами», — было опубликовано во всех газетах страны (некоторые органы печати опубликовали его дважды). В Пекине и Шанхае воззвание МРП, отпечатанное на китайском и английском языках, расклеивалось на стенах домов. Его зачитывали на многочисленных митингах и собраниях трудящихся Китая.

В ответ на это воззвание они выразили Межрабпому искреннюю благодарность за солидарность с китайским народом, за дружескую поддержку со стороны «работников умственного и физического труда Европы, Америки и Австралии» (из телеграммы ученых Пекина от 12 июня 1925 г.)¹³, которая, как подчеркивалось в послании Центрального Совета Союза китайских железнодорожников, «усиливает нашу энергию к борьбе. Китайский пролетариат понимает, что конечная победа национально-революционной борьбы всецело зависит от поддержки и сотрудничества международного пролетариата»¹⁴.

Делегация провела подготовительную работу по созданию национальной секции МРП в Китае. Учитывая слабость коммунистической организации в Пекине, руководитель делегации отправился в Шанхай, где состоялось совместное обсуждение этого вопроса с представителями ЦК КПК, Коминтерна и Профинтерна. Было вынесено решение о создании секции МРП в Китае и выработана широкая программа ее деятельности. На базе этой программы в Пекине был учрежден Комитет китайской секции МРП, опорой которого первое время была местная интеллигенция. 14 августа 1925 г. ЦК МРП утвердил китайскую секцию в качестве члена этой международной организации¹⁵. Делегация провела переговоры с руководителями ряда рабочих и профсоюзных организаций Китая по вопросам развертывания агитационно-пропагандистской работы среди китайских трудящихся и иностранцев, проживающих в Китае, ознакомилась с революционным движением в стране, деятельностью рабочих, крестьянских, студенческих организаций, выступила на многочисленных митингах и собраниях.

Делегация Межрабнома, выразив китайским рабочим чувства интернациональной пролетарской солидарности, способствовала установлению непосредственной связи между рабочим движением Запада и Китая. Прогрессивная общественность страны, забастовочные комитеты приветствовали помощь МРП и деятельность ее делегации, создание национального комитета Межрабнома¹⁶.

Для привлечения внимания мировой общественности к событиям в Китае, разоблачения политики империалистических держав, расширения и активизации кампании помощи борьбе китайских трудящихся ЦК МРП выступил с инициативой созыва международного конгресса, открытого для всех организаций и лиц с целью, говоря словами пригластельного письма, «объединить всех мужчин и женщин, симпатии которых на стороне голодающих, эксплуатируемых китайских рабочих, находящихся под двойным гнетом»¹⁷. Межрабпом, как видно из этих слов, не прекращал борьбы за создание единого фронта всех, кто стоял на антиимпериалистической платформе, независимо от политических взглядов, партийной, национальной, расовой принадлежности.

¹³ «Известия», 14.VI.1925.

¹⁴ «Правда», 20.VI.1925; «Für China», 1925, N 3, S. 3.

¹⁵ См.: ЦГАОП, ф. 5451, оп. 13 а, ед. хр. 668, л. 59.

¹⁶ In: «Für China», 1925, N 2, S. 1.

¹⁷ Б. М. Забарко. Указ. соч., с. 139.

Актуальность поставленных на конгрессе вопросов и необходимость быстрых и согласованных действий привлекли к нему внимание широкой прогрессивной общественности.

Социально-политический состав конгресса, который проходил в Берлине в воскресенье 16 августа 1926 г. под боевым лозунгом «Руки прочь от Китая!», свидетельствовал о расширении базы, на которую опиралось движение солидарности с борьбой китайского народа. На конгресс прибыли более 800 делегатов и гостей¹⁸ из стран Европы, Азии, Америки, которые представляли международные и национальные организации (Профинтерн, Крестьянский Интернационал, Международную организацию помощи борцам революции, Международную лигу прав человека, Международный союз инвалидов войны и др.), политические партии, профсоюзы. Наряду с коммунистами в нем приняли участие представители социал-демократических партий, беспартийные, рабочие, крестьяне, известные деятели науки и культуры.

Собравшиеся с большим интересом заслушали доклад Чжан Пэнхуна «Современная фаза китайского освободительного движения». Рассказав о борьбе китайского народа против внутренней реакции и внешних врагов, китайский делегат отметил: «Нынешняя борьба против разрушающего военные способы действий империалистических держав является справедливой борьбой, освобождающей Китай и утверждающей культуру, а потому она заслуживает полнейшей поддержки со стороны западного рабочего класса и всех кругов, уважающих истинную культуру».

В докладе члена ЦК КПГ Э. Мейсера отмечалось значение борьбы в Китае для мировой экономики и политики и подчеркивалось, что освобождение страны от иностранных поработителей сыграет важную роль в подъеме национально-освободительной борьбы в Азии.

О ходе кампании солидарности международного пролетариата с борьбой китайского народа говорил Генеральный секретарь ЦК МРП коммунист В. Мюнценберг. Политике саботажа и раскола лидеров Социалистического и Амстердамского интернационалов докладчик противопоставил последовательную интернационалистскую политику Коминтерна и действовавших под его руководством организаций, выступивших за сплочение всех сил в защиту китайской революции.

Большинство выступавших на конгрессе требовало создания единого фронта борьбы против империализма, расширения кампании помощи китайскому народу в его справедливой борьбе. Французский адвокат А. Фурнье осудил не только политику и действия империалистов Англии, Японии и США в Китае, но и Франции — в Сирии и Марокко. Представитель Рабочего союза Ирландии Дж. Карней заявил, что «ирландский народ не допустит, чтобы от берегов его страны отошел хотя бы один корабль с грузом оружия против Китая».

«Нам не удалось еще заставить правительство не посылать суда с оружием в Китай, — сказал представитель американских профсоюзов Вилтчек. — Но и в Америке лозунг «Руки прочь от Китая!» услышан». Кампания под этим лозунгом проходила в США по инициативе и под руководством Рабочей (коммунистической) партии.

О солидарности с борьбой китайского народа заявили секретарь чехословацкой секции МРП Л. Беран, представитель Балканской федерации Межрабпома Л. Мареш, известный германский социал-демократ Г. Ледебур.

Приветствуя конгресс и революционный народ Китая от имени КПГ и МОПРа, видный деятель немецкого и международного коммунистического движения В. Пик подчеркнул, что революционный пролетариат

¹⁸ In: W. Münzenberg. Op. cit., S. 174; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4. Berlin, 1966, S. 79.

должен поставить солидарность рабочих на службу национально-освободительной борьбе.

Китайская федерация рабочих-железнодорожников, Союз студентов Пекинского университета, национальный комитет Межрабпома обратились к конгрессу со словами благодарности за оказанную международным пролетариатом бескорыстную помощь китайскому народу. Последний в телеграмме, адресованной конгрессу, писал: «Все обостряющаяся борьба укрепляет нашу уверенность в том, что успех китайской освободительной борьбы зависит от активной солидарности рабочего класса Запада»¹⁹.

Конгресс «Руки прочь от Китая!» принял резолюцию о продолжении и расширении моральной и материальной помощи трудящимся Китая. Оценивая значение конгресса, итальянский историк-марксист Франко Пьерони Бортолотти подчеркивала, что «это явилось первой открытой антиимпериалистической акцией широкого масштаба, осуществленной в рамках деятельности Коммунистического Интернационала и поддерживавших его групп. Всю значимость этого события мы в состоянии оценить, пожалуй, лишь в наше время, в свете того развития, которого достигла ныне борьба с империализмом во всем мире»²⁰.

Провозглашенный еще в 1924 г. трудящимися Советской страны боевой лозунг «Руки прочь от Китая!», поддержанный международным форумом в Берлине, звучал на межрабпомовских съездах и конференциях в Амстердаме (4 октября 1925 г.), Брюсселе, Вене (11 октября 1925 г.), Лондоне, Манчестере, Глазго (18 октября 1925 г.), Париже (24 октября 1925 г.), на национальных конгрессах МРП в Чехословакии (24 октября 1925 г.), Германии (1 ноября 1925 г.), Бельгии (середина ноября 1925 г.) и в других странах²¹.

Сбылись слова Сунь Ятсена, который, подчеркивая огромное значение моральной помощи СССР для судеб освободительного движения китайского народа и других угнетенных народов Востока, писал: «...Для лозунгов (речь шла о лозунге «Руки прочь от Китая!»). — Б. З.), раздающихся из Москвы, расстояния не существует. Молниеносно они облетают всю землю и находят отклик в сердце каждого труженника...»²².

Используя разнообразные формы и методы, МРП рассказала миру о событиях в Китае, разоблачила хищническую политику империалистических держав в Китае, показала истинную позицию реформистских интернационалов и Коммунистического Интернационала; вместе с последним она подготавливала общественное мнение к преодолению рамок национальной ограниченности, к пониманию единства и общности интересов всех народов Востока в борьбе против международного империализма, к осознанию связи между освободительным движением угнетенных народов Востока и борьбой прогрессивных сил капиталистических стран Запада и т. д.

Кампания солидарности Межрабпома с трудящимися Китая вылилась в мощную демонстрацию пролетарского интернационализма. Она вошла в историю международной солидарности как одна из ее наиболее ярких и незабываемых страниц, показав на деле, что «международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов народов Востока»²³.

¹⁹ Подробнее о работе конгресса см.: W. Münzenberg. Op. cit., S. 173—183; Б. М. Забарко. Указ. соч., с. 139—143.

²⁰ Ф. П. Бортолотти. Франческо Мизнано: жизнь интернационалиста. М., 1981, с. 207.

²¹ См.: Б. М. Забарко. Указ. соч., с. 144.

²² Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 146.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 330.

Видный партийный и государственный деятель МНР

[К 90-летию со дня рождения Х. Чойбалсана]

8 февраля 1985 г. исполнилось 90 лет со дня рождения одного из основателей МНРП и народного государства, близкого соратника Д. Сухэ-Батора, пламенного патриота, последовательного интернационалиста, видного партийного и государственного деятеля МНР Хорлогийна Чойбалсана.

Выходец из среды бедного аратства, Х. Чойбалсан с раннего детства испытал на себе всю тяжесть гнета феодалов и иноземных порабитителей.

Вдохновленный освободительными идеями Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей в истории человечества эру перехода от капитализма к социализму, монгольский народ, встав на борьбу за свободу и независимость своей страны, выдвинул из своей среды передовых борцов. Одним из них был Х. Чойбалсан. В ходе этой борьбы формировались его политические взгляды и лучшие качества революционера.

На рубеже 1918—1919 г. при активном участии Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана в городе Нийслэл-Хурэ были созданы два нелегальных революционных кружка, которые ставили своей целью освобождение родины от иноземных захватчиков и завоевание национальной независимости.

Объединение нелегальных кружков в единую революционную организацию — Монгольскую народную партию, которая выдвигала платформу революционно-демократического содержания, предусматривающую не только задачи завоевания национальной независимости, но и отражающую стремление последовательно защищать интересы беднейших слоев аратства и ликвидировать национальный и феодальный гнет, явилось важным шагом в деле создания действительно революционной партии, способной возглавить революционную борьбу народа.

Решающее значение для победы Монгольской революции и ее дальнейшего развития имело то, что Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан, восприняв первыми среди революционеров освободительные идеи Октябрьской революции, последовательно проводили в деятельности революционной организации интернационалистскую линию соединения борьбы монгольского народа за национальное и социальное освобождение с революционной борьбой рабочих и крестьян Советской России.

В состав делегации, посланной революционной организацией в Советскую Россию в 1920 г. в целях установления связей с Коминтерном и РКП(б), получения помощи со стороны победившего российского пролетариата в революционной борьбе монгольского народа, вместе с Д. Сухэ-Батором входил и Х. Чойбалсан.

Личное ознакомление Х. Чойбалсана во время 4-месячного пребывания в Иркутске с опытом деятельности местных партийных организаций РКП(б), с глубокими революционными преобразованиями, происходящими, в Сибири, близкое общение с советскими коммунистами, ответственными работниками Дальневосточной организации Коминтерна оказали важное влияние на его идейно-политический рост. В Иркутске Х. Чойбалсан учился на курсах красных командиров.

Находясь в Советской России, Х. Чойбалсан вместе с Д. Сухэ-Батором принимал участие в деле обеспечения идейно-организационной подготовки для создания подлинно революционной партии.

В 20-х числах декабря 1920 г. Х. Чойбалсан по заданию Д. Сухэ-Батора, тайно вернувшись в Монголию, развернул большую работу по разъяснению целей и задач Народной революции среди аратов ряда хошунов Тушэтханского аймака и Нийслэл-Хурэ, призывая их вступить в партизанские отряды, встречался с революционерами, изучал военно-политическое положение в столице.

Х. Чойбалсан, став членом Временного народного правительства, сформированного в марте 1921 г., работал в качестве партийного пропагандиста в партизанских войсках, уделял большое внимание разъяснению среди цириков и аратов идей В. И. Ленина по вопросам революционной борьбы народов Востока и ее перспектив в тесной связи с конкретными условиями монгольской революции. Х. Чойбалсан лично участвовал в боях за освобождение города Кяхта от китайских милитаристов. В мае 1921 г. Х. Чойбалсан был назначен заместителем Главнокомандующего парти-

занскими войсками. Во главе специальной части войск он провел вместе с легендарным сибирским партизаном П. Е. Щетинкиным ряд операций по разгрому крупных сил белогвардейцев на западе страны и успешно руководил военными действиями по освобождению центральных районов Монголии.

После победы Народной революции Х. Чойбалсан, являясь одним из ближайших соратников Д. Сухэ-Батора, умело руководил трудящимися массами, принимал активное участие в борьбе за проведение политического, социально-экономического курса партии, преобразование на демократических основах жизни страны в целом.

На историческом III съезде МНРП, состоявшемся в 1924 г., Х. Чойбалсан выступал в защиту политической линии партии от нападок данзановщины, выражавшей интересы нарождавшихся национальных капиталистических элементов и выступавшей против генеральной линии МНРП на некапиталистическое развитие страны от феодализма к социализму.

С III по XI съезд МНРП Х. Чойбалсан избирался членом Президиума и Политбюро Центрального Комитета партии. Находясь на ответственных партийных постах, он отдавал все силы и знания борьбе партии и народа за осуществление задач демократического этапа революции и создание предпосылок для перехода к социализму, решительно боролся против контрреволюционеров, против правых и «левых» оппортунистов в рядах партии, последовательно защищал генеральную линию МНРП.

Х. Чойбалсан принимал активное участие в осуществлении революционных мер партии и правительства, направленных на ликвидацию политического и экономического господства класса феодалов, руководил работой Центральной Комиссии по конфискации собственности феодалов.

С 1921 по 1939 г. Х. Чойбалсан занимал посты члена Военного Совета, заместителя Главнокомандующего, Главнокомандующего Народно-революционной армией, председателя ЦК МРСМ, председателя Малого хурала, министра животноводства и земледелия, министра иностранных дел, военного министра, министра внутренних дел, заместителя и первого заместителя Председателя Совета Министров МНР, а с 1939 г. до конца своей жизни находился на посту Премьер-министра МНР.

В период, когда были решены задачи демократического этапа революции и перед партией и народом встала задача создания основ социализма, Х. Чойбалсан многое сделал для повышения роли народного государства, усиления его хозяйственно-организаторской, культурно-воспитательной функции. Х. Чойбалсан принимал личное участие в разработке третьей Программы МНРП, принятой на X съезде партии, возглавлял комиссию по разработке новой Конституции МНР.

После второй мировой войны, когда образовалась мировая социалистическая система и сложились благоприятные условия для дальнейшего углубления и развертывания социалистического строительства в МНР, Х. Чойбалсан направил деятельность центральных и местных органов народной власти на осуществление намеченных партией задач по планомерному развитию народного хозяйства, укреплению социалистического сектора, социалистическому преобразованию единоличных аратских хозяйств и углублению культурной революции.

Х. Чойбалсан был постоянно связан с трудящимися массами, прислушивался к их мнению, был внимателен к их интересам.

Х. Чойбалсан был талантливым военачальником. Он сыграл важную роль в деле формирования первых партизанских отрядов, создания и укрепления современной, закаленной в боях монгольской Народной армии. В 20—30-х годах, когда китайские милитаристы и японские агрессоры создавали угрозу независимости и свободе Монголии, Х. Чойбалсан проявлял большую заботу об укреплении оборонной мощи страны, повышении боевой и политической подготовки личного состава Народной армии, упрочении боевого содружества Монгольской и Советской армий. Высоко оценивая боевые заслуги и полководческий талант Х. Чойбалсана, партия и правительство присвоили ему в 1936 г. звание Маршала МНР.

Х. Чойбалсан был Главнокомандующим Народно-революционной армии и когда в 1939 г. в районе реки Халхин-Гол плечом к плечу сражались монгольские и советские воины, защищая революционные завоевания народа, неприкосновенность территории МНР, и когда в 1945 г. они вместе вели освободительную войну против японских милитаристов. Партия и правительство, высоко оценив вклад Х. Чойбалсана в борьбу за свободу и независимость монгольского народа, присвоили ему звание дважды Героя МНР.

Х. Чойбалсан тесно связывал независимость и прогрессивное развитие своей революционной Родины с неуклонным укреплением вечной дружбы с великим советским народом. Критикуя на VII съезде МНРП ошибочную линию правых уклонистов на отход от Советского Союза и Коминтерна, он особо подчеркивал важность всестороннего укрепления монголо-советской дружбы. Твердо стоя на интернационалистических позициях, он уделял особое внимание воспитанию членов партии, всех трудящихся в духе нерушимой братской дружбы монгольского и советского народов.

Х. Чойбалсан принимал непосредственное участие в разработке и заключении в 1946 г. Договора о дружбе и взаимопомощи и Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между МНР и СССР.

В годы Великой Отечественной войны советского народа по поручению ЦК МНРП Х. Чойбалсан вместе с другими партийными и государственными деятелями руководил

работой по организации всенародного движения по оказанию помощи Красной Армии. Он возглавлял делегацию МНР, которая в начале 1943 г. доставила третий эшелон подарков монгольского народа бойцам Западного, Северо-Западного, Калининско-го, Волховского фронтов и передала советской Красной Армии танковую колонну «Революционная Монголия».

Х. Чойбалсан всегда высоко оценивал роль помощи советского народа в деле защиты свободы и независимости монгольского народа и его дальнейшего развития по пути социального прогресса. Он говорил, что монголо-советская дружба исключительно крепка и прочна, что она является залогом дальнейшего независимого развития и роста могущества МНР.

За вклад в укрепление братской дружбы монгольского и советского народов, в борьбу против общего врага Советское правительство наградило Х. Чойбалсана двумя орденами Ленина, другими советскими орденами и медалями.

Основанная Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном МНРП, обеспечив переход страны от феодализма к социализму, ныне идет в авангарде борьбы монгольского народа за полную победу социализма в МНР, ведет его к новым победам. Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР товарищ Ж. Батмунх говорил: «Основанные Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном небольшие организации аратских революционеров превратились за шестьдесят с лишним лет в зрелую марксистско-ленинскую партию, объединяющую в своих рядах более 83 тысяч лучших представителей рабочего класса, кооперированного аратства и трудовой интеллигенции». Идеи и лучшие традиции, завещанные Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном, находят свое воплощение в созидательной борьбе партии и народа, во всех успехах и достижениях социалистического строительства в МНР.

«Унэн», 8 II. 1985

Труды и дни Николая Спафария

*В. С. МЯСНИКОВ,
доктор исторических наук*

В. Н. ТАРАСОВ

В 1985 г. исполняется 360 лет со дня рождения выдающегося дипломата-востоковеда Николая Гавриловича Спафария. Русское посольство в Китай (1675—1678), во главе которого стоял Н. Г. Спафарий, занимает одно из видных мест в истории дипломатии XVII в. Это было самое представительное официальное посольство, направленное из Москвы в Пекин в XVII в. Оно одновременно явилось первой русской научной экспедицией, исследовавшей Сибирь, Забайкалье, Китай и ряд соседних с ним стран. Россия и Западная Европа получили достоверное описание путей из Сибири в Китай, наиболее полные сведения о Цинской империи¹.

Н. Г. Спафарий родился в боярской семье молдавского округа Васлуй в 1625 г.² Отец его, Гавриил, был греком, выходцем из южной Морен (Лаконии). В Молдавии Спафарий чаще всего назывался по наименованию поместья отца (Милести) Николаем Милеску³. Образование он получил в Константинополе и Падуе. Во время учебы в Константинополе Н. Г. Спафарий овладел греческим (как классическим, так и новым), турецким и арабским языками, прослушал курсы богословия, философии, литературы и истории, в Италии изучил классическую латынь и итальянский язык, усвоил начала естественных наук и математики. Современники называли его «всеим языкам наученным», а покровительствовавший ему иерусалимский патриарх Досифей говорил, что он «есть яко гранограф, в котором содержатся всякие дела вселенныя». После отъезда из Молдавии он перестает пользоваться фамилией Милеску и навсегда берет прозвание Спафарий (от итал. *spara*, то есть меч, шпага) — в соответствии со своей службой, по существу телохранителя в господарской свите⁴. Около трех лет, вероятно, с 1665 по 1669 г., Спафарий жил в Стокгольме, где в это же время находился известный подьячий московского Посольского приказа Григорий Котошихин⁵. Поручения дипломатического характера Н. Г. Спафарию приходилось выполнять и в Париже.

¹ Н. Г. Спафарию и его посольству в Китай посвящена обширная литература. Последними по времени трудами, свидетельствующими о том, что интерес к Н. Г. Спафарию — дипломату и ученому — не ослабевает, являются: книга Д. Т. Урсула «Николай Гаврилович Милеску Спафарий» (М., 1980); статья японского исследователя Есида Кинъити «Миссия русского посла Спафария в Китай» («Сигаку-дзасси», 1980, т. LXXXIX, N 11, с. 39—73); диссертация, защищенная в Гамбурге в 1978 г.: В. Hill-Paulus, Nikolaj Gavrilovic Spatharij (1636—1708) und seine Gesandtschaft nach China; публикация дорожного журнала Спафария на румынском яз.: Spătaru-Milescu, Nicolae, Jurnal de Călătorie în China. Trad., cuvînt înainte, ind. bibliogr. de Corneliu Bărbulescu. Bucureşti, 1974, XI, 334 с.; статья О. А. Белобровой. Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария. — В кн.: Н. Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978, с. 3—22.

² Эта дата указана в молдавской летописи И. Некульче. В некоторых работах на основании ответа Спафария цинским дипломатам о его возрасте («возрастом есть лет с сорок») датой его рождения называется 1636 г. Более достоверной представляется первая дата, так как имеются проверенные данные о том, что главный наставник Спафария в период обучения в греческой патриаршей школе в Константинополе Гавриил Власий преподавал в ней в 1618—1632 гг. и несколько позже (П. Сырку. Николай Спафарий до приезда в Россию. — В кн.: Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. III, вып. 3. СПб., 1889, с. 186). Кроме того, известно, что к 1653 г. Спафарий завершил свое образование и уже занимал крупные государственные должности при молдавском господаре. По-видимому, он не пожелал по каким-то причинам назвать цинским чиновникам свой истинный возраст.

³ См.: Ю. В. Арсеньев. Николай Спафарий и его время. I Молдавский период. — «Русский архив», 1895, № 7, с. 349.

⁴ П. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. Киев, 1895, с. 2, 3.

⁵ См.: Ю. В. Арсеньев. Молдавский господарь Стефан-Георгий и его сношения с Москвою. — «Русский архив», 1896, № 2, с. 161.

В мае 1671 г. Н. Г. Спафарий — «дипломат, хорошо знавший приемы тонкой дипломатии, учившийся этому искусству при нескольких европейских дворах, ученый, прекрасно владевший несколькими восточными и европейскими языками»⁶, — по рекомендации патриарха Досифея прибыл в Москву. Здесь он обрел второе отечество, а его посольство в Цинскую империю, явившееся для него высшим испытанием дипломатического искусства, принесло ему заслуженное признание современников и сохранило его имя для потомков. Уже через полгода после приезда в Москву Н. Г. Спафарий подал царю Алексею Михайловичу челобитную о принятии его на русскую службу. 14 декабря 1671 г. последовал царский указ, в соответствии с которым Н. Г. Спафарий был принят на «вечную» службу в Посольский приказ в качестве переводчика «эллинского, греческого, латинского и волошского (молдавского. — Авт.) языков» и, как прочие иноземцы и переводчики, был приведен к присяге. В Разрядном приказе, ведавшем назначением на должности, он был зачислен по «московскому списку во дворнян», что явилось важным служебным отличием, так как обычно переводчики записывались по «иноземскому списку» и только иногда, после продолжительной службы получали такое отличие. Н. Г. Спафарий сразу занял среди переводчиков Посольского приказа первое место. Оклад его постепенно повышался и достиг 132 руб. в год, не считая «кормовых по полтине в день сверх оклада». В продвижении Спафария по служебной лестнице решающую роль сыграли его широкая образованность и способность к «сложению» книг, которое в то время стало одной из функций Посольского приказа (главным его распорядителем был влиятельный боярин А. С. Матвеев)⁷. Спафарий еще до приезда в Москву получил известность благодаря своим литературным занятиям — переводу Библии на молдавский язык, составлению для французского посланника в Швецию Арно де Помпонна «Энхиридиона» («Руководства»).

В Москве труды Спафария по «сложению» и переводу книг произвели благоприятное впечатление⁸. «Государственная книга» так понравилась Алексею Михайловичу, что он заказал еще два экземпляра для себя и царевича Федора Алексеевича. Одновременно Спафарий работал над составлением греко-славяно-латинского лексикона⁹. Неустанный автор получил и своеобразную литературную премию: за деятельное участие в «сложении» книг в конце 1674 г. был пожалован царем соболями на 50 руб.¹⁰ Но почетное положение переводчика Посольского приказа таило в себе и определенные неудобства. Для переводчиков не было возможности продвигаться по службе, получить в Разрядном приказе иной чин и звание. С годами это вызвало у Н. Г. Спафария (и не у него одного) все возрастающую неудовлетворенность своим положением,

⁶ К. В. Базилевич. В гостях у богдыхана. Л., 1927, с. 12.

⁷ И. Н. Михайловский. Указ. соч., с. 5.

⁸ Эти труды, главным образом исторического и историко-религиозного содержания, дошли до нас, за малым исключением, в рукописных списках. Среди них наиболее известные: «Мусы, или О седми свободных учениях»; «Сивиллы»; «Арифмология» (в 2-х редакциях); «Василиологион, или История о мужественнейших в воинских сплочениях Ассирийских, Перских, Еврейских... великих князей и великих государей царей Российских» (есть еще одно название: «Книга Василиологион, се есть сочинение или описание всех царей... от начала мира даже доныне»); «Описание церкви св. Софии в Константинополе» (опубликовано во 2-й книге «Летописей» Тихонравова); «Книга нероглифейская» (не окончена); «Государственная книга»; «Родословная царей российских»; «Избрание и венчание на царство Михаила Федоровича»; «Предисловие к пречестнейшему князю П. М. Черкасскому, в чину ученичества возлежащему» (опубликовано И. Н. Михайловским в «Сборнике историко-филологического общества при институте кн. Безбородко в Нежине», т. III. Киев, 1900); «Хрисмологион» (опубликовано лишь предисловие к этой работе в журнале «Русский вестник», 1841, т. II, с. 383—400 под названием «Посвящение царю Алексею Михайловичу книги Хрисмологион»); «Книга глаголемая естествословная», включающая свыше 420 описаний различных животных, растений и минералов с указанием их практического применения; трактат «Enchiridion sive stella orientalis» и др.

⁹ Кроме того, он перевел с греческого на старославянский язык сочинение архиепископа Симеона «Двоесловная беседа на ереси», а также изданный в 1700 г. Корбом «Дневник пребывания Цесарского посольства в России. Переводчик с речи, какову... говорил посланник посольский Самойло Венцеланский». Все эти рукописи (главным образом списки) хранились в дореволюционное время в библиотеках Антониева Сийского монастыря и Флорищевой пустыни, в частном собрании графа Ф. А. Толстого, в библиотеке Главного Московского Архива Министерства иностранных дел и др. В настоящее время хранятся: «Хрисмологион» — в ЦГАДА (ф. 181, оп. 1, ч. 1, д. № 648/1159), Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (отдел рукописей, Р. 465 и М. 2615); «Книга нероглифейская» — в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (отдел рукописей, фонд Оленинская система, сб. QXVII, № 223); «Книга глаголемая естествословная» — в ГБЛ (отдел рукописей, М. 6743); «Книга избранная вкратце о девяти мусах и о седмих свободных художествах» — в Государственном историческом музее (отдел рукописей, Собрание синодальное, 527); «Василиологион» — в ГБЛ (отдел рукописей, Р. 413); «Арифмология» — в ГИМ (отдел рукописей, Собрание Уварова, 175).

¹⁰ См.: И. Н. Михайловский. Указ. соч., с. 8.

тем более что он и его сотоварищи по Посольскому приказу видели, как те, кто служил, например, в Иноземском приказе, из меньших чинов дослуживались до полковников, а некоторые «разрядные кормовые дворяне» даже при временной службе получали чины стольников и отпускались на воеводство, где наживали «себе и женам и детям всякое довольство». Поэтому спустя 15 лет после зачисления в Посольский приказ Спафарий вместе с переводчиками Лаврентием Гросом и Семеном Лаврешким подал на царское имя челобитную, в которой, описывая условия своей жизни, отмечал, что на приказной работе продвигаются по службе все, кроме переводчиков, «а они, переводчики, перемены чина не сподобляются, а как и учинится кому умереть, женам и детям их корму не дают». Царским указом было велено в Вологодском и Ярославском уездах «им троим дать по двадцати дворов человеку без вычету, чтоб женам и детям по миру не скитаться, и было бы с чем детям великого государя службу служить», однако, судя по помете дьяка Посольского приказа Е. И. Украинцева на этом документе, их просьбу удовлетворили с оговоркой, что других переводчиков эта милость не касается¹¹.

4 февраля 1673 г. царское правительство решило направить в Цинский Китай полномочное посольство во главе с переводчиком Посольского приказа Николаем Гавриловичем Спафарием. Подготовка шла в течение двух лет. Спафарий изучил материалы Посольского и Сибирского приказов, связанные с предыдущими посольствами и поездками русских служилых людей и купцов в Китай, — выписки из stateйных списков, памятей, наказов, отписок, а также материалы по исследованию и освоению Сибири и Приамурья — отписки землепроходцев, чертежи, описание сибирских рек, описание путей в Поднебесную империю. Посольство было обеспечено книгами о Китае, китайским лексиконом, книгой с «персонами», то есть с портретами русских царей и иностранных королей и императоров. Из Пушкарского приказа были выданы астрономические инструменты: астролябия, компас и т. п. В 1675 г. правительство утвердило состав посольства, который в дальнейшем был несколько изменен. Спафарий получил из Посольского приказа «наказную память» (инструкцию) от 28 февраля того же года, в соответствии с которой он должен был разрешить вопросы дипломатического, торгового, экономического и научного характера, а именно: попытаться наладить регулярные дипломатические контакты с Китаем, условиться с цинскими дипломатами о применении в грамотах титулов царя и богдыхана и о языке грамот (чтобы Цины «присылали свои грамоты на латинском и турецком языках», так как в России не было в то время переводчиков китайского и маньчжурского, присланные ранее из Китая грамоты оставались непрочтенными), добиться отправки цинского посланника в Москву, «домогаться» перевода иезуитами в Пекине четырех полученных в разное время из Китая «листов», а царскую грамоту и «поминки» (подарки) вручить только лично императору, добиться от цинского правительства соглашения на то, чтобы «торговым людям на обе стороны ездить свободно», всячески склонять китайских купцов к торговле с Россией, добиться возможности привозить из Пекина в Москву серебра от трех тысяч пудов и более, пригласить в Москву искусных мастеров-мостостроителей, выкупить в Китае русских пленных служилых людей, изобразить на чертеже и описать «все земли, города и путь» от Тобольска до порубежных китайских городов, выяснить, с какими государствами граничит Поднебесная империя и с кем из них ведет торговлю, установить, какой веры китайцы и китайский богдыхан, разведать о водном пути из Китая в Россию, «особливо если бы морем и реками Обью... Селенгою и Иртышем», привезти китайскую грамматику, купить лекарства и корни, которых нет в Москве, приобрести «семена огородные или звери небольшие и птицы, от которых в Российском государстве чают быти плоду». Последние вопросы показывают, что посольство Спафария должно было стать и первой научной экспедицией в Китай, по тому времени хорошо оснащенной научным снаряжением и включавшей подготовленных к научной работе людей. 28 февраля 1675 г. правительство Алексея Михайловича составило грамоту цинскому императору Сюань Е в двух вариантах, отличавшихся тем, что в одном варианте Спафарий именовался послом, в другом — посланником. Спафарию предоставлялось самому решать, исходя из конкретной ситуации, какой вариант грамоты вручить в Пекине: если его допустят к богдыхану, то он должен подать грамоту, именовавшую его послом, а если грамоту придется вручать богдыхановым «ближним людям», то надо отдать грамоту, в которой он именован посланником.

Первым пунктом царской грамоты, посылаемой в Пекин, являлось объяснение причин отправления посольства тем, что «которые до нашего царского величества ваши богдыхана грамоты и доходят, и нам, великому государю... за неведомостью китайского языка, о чем вы, богдыхан, от нашего царского величества имете требование, не известно». Направляя посла «для выразумления, о чем ваше ханово требование», московские дипломаты предлагали начать отношения как бы заново, уверяя цинский двор в стремлении с «велеможнейшим ханом, яко с наипоблизнейшим соседом, быти в приятной дружбе и любви и в безурывных ссылках». 25 февраля участники посольства «у руки были» в передней царя, а 3 марта 1675 г. посольство выехало из Москвы в следующем составе: глава посольства Николай Спафарий, дворяне иноземского списка Федор Павлов и Константин Гречанин, подьячие Посольского приказа

¹¹ ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1696, д. № 16, л. 10—11.

Никифор Венюков и Иван Фаворов («для письма»), греки Спиридон Евстафьев («для знания камня») и Иван Юрьев («для лекарства») ¹².

После утомительного месячного пути 30 марта 1675 г. посольство Спафария, оставив позади Ярославль, Великий Устюг, Сольвычегодск, Кай-городок, Соликамск, Верхотурье, Туринский острог, Тюмень, благополучно прибыло в Тобольск. Здесь, в Тобольске, по распоряжению воеводы П. М. Салтыкова к посольству были присоединены дети боярские — 6 человек, «кречатыи помощники» — 6 человек, 40 человек провожатых казаков, «калмыцкой и татарской толмач» Спиридон Безрядов. Сибирский митрополит в ответ на челобитную Спафария выбрал для посольства священника П. Матурина. В Тобольске Спафарий познакомился и близко сошелся с Юрием Крижанничем. По словам последнего, Спафарий «пять недель есть zde постоял, а ни единого обеда, ни вечери без мене не ел». Беседы двух образованных людей своего времени часто затягивались за полночь. Говорили и спорили не только о Сибири, России, но и о предстоящем посольстве в Поднебесную империю. Ю. Крижаннич поделался с послом теми сведениями о Китае, которыми располагал, недаром впоследствии Ю. Крижаннич писал, что «поработа на пользу» посольству П. Спафария ¹³. А когда 2 мая 1675 г. Иртыш освободился ото льда, и русское посольство на трех дошаниках отплыло из Тобольска, Ю. Крижаннич сделал такую запись: «Молю бога и надеюсь, что он (Спафарий. — Авт.) вернется назад с добрым и всему народу корыстным делом». Трудно теперь судить о том, как много оказал Крижаннич услуг делу посольства. Достоверно выяснено лишь то, что ссыльный мыслитель помог Спафарию в переводе книги о голландском посольстве в Китай Петра ван Горна ¹⁴. Этим переводом, вероятно, и пользовался Спафарий уже будучи в Пекине. После тщательных расспросов «бывалых людей» в Тобольске был избран хотя и не очень короткий, но зато наиболее безопасный путь в Китай, пролежавший через Нерчинский острог, по реке Аргунь и далее степью и горами до реки Наун (Ноннициян). Этот путь впервые был открыт Игнатием Миловановым в 1670 г. По Иртышу до Самарова Яма двигаться было сравнительно легко, оттуда поплыли вверх по Оби до устья Кети, по которой шли больше месяца из-за плохой погоды и льдов, и добрались до Маковского острога, от которого начинался волок на Енисей. Волок посольство преодолело за два дня и прибыло в Енисейск. Здесь Спафарий встретил торговых и служилых людей (Г. Р. Никитина «с товарищи»), недавно вернувшихся из Китая и направлявшихся в Москву, и подробно расспросил их о путешествии. В Енисейске же Спафарий видел трех монгольских послов, которые ехали с подарками к царю Алексею Михайловичу. От них он взял письма к хутухте (главе ламаистской церкви в Монголии) и к монгольскому хану на случай, если ему придется по каким-либо причинам изменить маршрут и направиться в Китай через монгольские степи. Из Енисейска Спафарий выслал вперед, к науским воеводам, казачьего десятника Игнатия Милованова с вестью о своем посольстве. Само посольство выехало из Енисейска лишь 18 июля 1675 г. Через два дня караван достиг реки Тунгуски (Ангара) и, переправившись через опасные пороги, 5 сентября прибыл в Иркутск, а через неделю участники посольства увидели «Святое море» — Байкал. Озеро преодолели около западного берега «на гребях» и высадились в устье Селенги, откуда добрались до Селенгинского острога. Здесь Спафарий закупил верблюдов, и на них через степи посольство добралось до Нерчинска. В Нерчинском остроге были сделаны последние приготовления для путешествия по безлюдной степи, пересеченной безлесными горными хребтами. В Нерчинске Спафарий познакомился с откочевавшим в 1667 г. из Маньчжурии в русские пределы и перешедшим на русскую службу эвенкийским князем Гантимуром, о встрече с которым написал в своей отписке: «И тот Гайтимур ныне в Нерчинском, человек старей. И в Нерчинском был у меня, холопа твоего, и сказал мне, что ведает он, что писал бугдыхан к тебе, великому государю, об нем, и в Китаех будучи, ведает он, что об нем будут говорить накрепко; однако ж де хотя ты, великий государь, изволишь ево отдать, а он жив в Китай не пойдет и сам себя убьет для того, что он и прародители ево родились на Нерче... где ты, великий государь, издавна обладаешь, и для того доведетца ему, Гайтимуру, быть в холопстве у тебя, великого государя», а не у богдыхана. Из Нерчинска посольство выступило 19 декабря во время жестоких морозов. Караван с трудом преодолевал 30—35 верст в день. 30 декабря посольство вышло к реке Аргунь и по льду перешло на другой берег. От И. Милованова, посланного еще из Енисейска, не было никаких вестей, поэтому Спафарий решил отрядить на Наун тобольского сына боярского Ивана Неприласова с тремя служилыми людьми, переводчиком и проводником-эвенком. Перейдя реку Хайлар, посольство двинулось вдоль берега реки Дзадун, приток Хайлара. От реки Дзадун по тележной дороге, проходившей в горах, посольство стало медленно продвигаться к китайским рубежам. Почти через одиннадцать месяцев изнурительного пути посольство Н. Г. Спафария достигло границ Поднебесной империи. 23 января 1676 г. у Науских сел состоялась первая встреча русского посла с местными китайскими властями.

¹² Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т. 1. 1608—1683. М., 1969, с. 335—346, 382 (далее — РКО).

¹³ А. Титов. Сибирь в XVII в. М., 1890, с. 212, 213.

¹⁴ С. Белокуров. Юрий Крижаннич в России (по новым документам). М., 1901, с. 145, 143.

Все участники посольства (более 150 человек) были расквартированы в Букее — одном из эвенкийских поселений на реке Наун. Сообщение о приближении посольства Спафария, привезенное Игнатием Миловановым, произвело на маньчжур большое впечатление, которое, впрочем, не помешало им держать посольского гонца в течение недели на Науне, затем принудительно отправить в Пекин, где он просидел «за крепким караулом» почти четыре недели и вернулся в Букей лишь 18 февраля 1676 г.¹⁵ Президент Лифаньюаня Амухулан представил императору Сюань Е секретный доклад¹⁶, в котором изложил полученные от Милованова сведения¹⁷ о посольстве Спафария, и предложил цинскому правительству занять выжидательную позицию по отношению к посольству вплоть до обстоятельного ознакомления с царской грамотой: «Сперва должно узнать намерения и причины посольства, смотря по содержанию листа... и полезно ли оно будет или нет, потом во всем предпринимать прямые и основательные меры». Поэтому цинское правительство, избрав несколько чиновников, решило послать их на предварительные переговоры с русским посланником, «чтобы ни одно слово без внимания пропущено не было»¹⁸.

26 февраля 1676 г. в Букее было получено известие о приближении цинских чиновников: асканьи-амбаня Мала и «с ним товарищ ево, дзаргучей, да Посольского приказу два человека подьячих»¹⁹. Спафарий, отдавая долг вежливости, но строго соблюдая «честь государеву», отправил навстречу ближним людям богдыхана двух детей боярских. Маньчжуры остановились на подворье вблизи от русского посольства, и в тот же день наунские воеводы с цинскими чиновниками от имени асканьи-амбаня посетили Н. Спафария. С точки зрения цинской дипломатии русские выбрали удачный момент, их посольство могло занять сильные позиции в Пекине. Помимо вспыхнувшего антицинского восстания «трех князей-вассалов» (1673—1681) во время движения посольства Спафария близ монгольских и цинских рубежей восстал один из феодалов — чахарских монголов. В конце 1675 и начале 1676 г. Мала как раз был занят усмирением этого мятежа в Южной Монголии²⁰. Не успел он возвратиться в Пекин, как был направлен на переговоры со Спафарием. Одновременно, чтобы поднять уровень цинского представительства в Букее, Мала назначался на пост младшего юй шилана (vice-президента) Либу (министерства церемоний), которое ведало приемом иностранцев в Цинской империи. Назначение состоялось 17 февраля 1676 г., а 26 февраля асканьи-амбань Мала уже был на реке Нонни в резиденции букейского фудутуна (помощника главнокомандующего). Как ни поспешны были сборы, Мала захватил с собой имевшуюся в Лифаньюане документацию о сношениях с Русским государством, и в первую очередь все, что относилось к предыдущему посольству Ф. И. Байкова²¹.

Переговоры в Букее длились более полутора месяцев. Следуя утвержденной императором инструкции, в качестве которой был принят доклад Амухулана трону, Мала должен был «посредством вопросов» внимательно исследовать содержание царской грамоты и «слова прибывшего посла» и, если он прибыл в связи с грамотой Сюань Е царю, отосланной через И. Милованова, то его разрешалось доставить в Пекин. В противном случае Мала был обязан представить доклад в Лифаньюань и ожидать дальнейших указаний²². Мала проявил большую настойчивость и достаточное искусство. Он и помогавшие ему цинские чиновники многократно задавали русскому послу одни и те же вопросы, записывали его ответы и затем сличали их, ища противоречия. Главное, что волновало маньчжурских дипломатов, — это общая позиция царского

¹⁵ РКО, с. 498, 494, 491.

¹⁶ Лифаньюань — центральное учреждение Цинской империи, ведавшее управлением Южной Монголии и сношениями с Россией, на русский язык переводилось по-разному: Монгольский трибунал, Посольский приказ, Палата внешних провинций, Судилище иностранных дел. Доклад Амухулана был утвержден Сюань Е 26 января 1676 г. (см.: Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николья Гавриловича Спафария. — «Сибирский вестник», СПб., 1823, ч. 3, кн. 14, с. 31).

¹⁷ Дело в том, что у И. Милованова в Пекине «наказную память», которую ему дал в Нерчинске восвода Павел Шульгин, «отнесли силою и перевели изменники... а переводили перед самим ханом. А расспрашивал ево про посла и про ево великого государя грамоту...» (РКО, с. 490).

¹⁸ Журнал, веденный в Пекине..., с. 31, 32.

¹⁹ Асканьи-амбань — второй чин после председателя какого-либо центрального учреждения. Дзаргучей — маньчжурский чиновник, совмещавший судебные и административные функции.

²⁰ M. Mancall. *Russia and China. Their Diplomatic Relations to 1728*. Cambridge (Mass), 1971, p. 84.

²¹ См.: РКО, с. 510.

²² «Китайская реляция о посольстве Н. Спафария в Китай» в переводе А. О. Иваницкого. — В кн.: Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. 2, СПб., 1888, с. 203 (далее — Китайская реляция...); то же см.: Китайские документы и материалы о посольстве Н. Г. Спафария в Китай в 1676 году (рукопись). Библиотека Восточного факультета ЛГУ, ксилограф. F-78, л. 116—136 (далее — Китайские документы...).

правительства по отношению к Цинской империи: не собирается ли посол объявить войну, не идет ли за ним войско.

Прежде чем начать переговоры, стороны долго спорили о месте их проведения. Мала настаивал, чтобы посол пришел к нему, Спафарий упорно требовал вести беседу в его шатре. Наконец остановились на одном из вариантов, предложенных Мала: Спафарий поставил отдельную юрту, в которую он пришел первым, а затем туда же прибыл и Мала. Он сразу же потребовал у русского посла царскую грамоту, пригрозив ему, что если тот не пожелает отдать на прочтение грамоту, то будет изгнан. В ответ Спафарий спокойно затребовал у Мала письменные полномочия на ведение переговоров. У Мала не было верительных грамот на ведение переговоров в качестве личного представителя императора, как на то был уполномочен царем Спафарий. Требованию московского дипломата Мала не мог противопоставить ничего, кроме уверений, что он является чиновником внешнеполитического ведомства империи, что это общезвестно и что его знали в лицо русские, ранее бывавшие в Пекине (Н. Милованов и др.), а действует-де он в соответствии с устными наставлениями богдыхана.

Перехватив дипломатическую инициативу, Спафарий изложил в общих чертах основные принципы взаимоотношений Русского государства с соседними странами, подчеркнув, что московский царь стремится к тому, чтобы с богдыханом как с «порубежным соседом жить в мире, в дружбе и любви». Затем русский посол остановился на хорошо знакомых Мала эпизодах из истории связей Русского государства с Цинской империей в предшествовавшие годы. В частности, он отметил, что первый русский посол Ф. Н. Байков, направленный для установления дружественных отношений между двумя государствами, «возвратился назад, ничего не исправив», лишь потому, что «богдыханово величество оказалось к тому послу нелюбовью». Русский царь «от того времени перестал искать дружбу богдыханово величества». Нынешнее же посольство направлено в связи с получением грамоты от цинского императора, переправленной через нерчинского воеводу при поездке в Пекин Н. Милованова. Н. хотя в Москве «для неведомости вашего языка» содержание грамоты Сюань Е «выразумети не могли», однако решили, что «такой славный государь невозможно что иное писать, кроме дружбы и любви». Поэтому и было направлено посольство в ответ «известить всякую дружбу и любовь»²³. Действуя в соответствии с обычаями дипломатии того времени и на основании данного ему наказа, Спафарий категорически отказался показать или распечатать царскую грамоту, указав, что направлен «посольство править перед богдыхановым величеством», а не перед Мала в Наунских селлах. Если же грамоту у него попытаются забрать насильно (как это было сделано с Н. Миловановым), то посол и служилые будут «до смерти оборонять государские грамоты».

Мала продолжал настаивать на том, чтобы посол ознакомил его с царской грамотой, сообщив, что и по приезде в столицу Спафарий не сможет передать грамоту лично богдыхану, а в соответствии с установленным церемониалом должен будет передать ее в Лифаньюань для перевода текста, который и доложат императору. В общем, Мала понимал мотивы, которыми руководствовался русский посол, он отдавал себе отчет и в том, что слишком жесткая позиция с его стороны могла действительно перерасти в конфликт и привести к срыву посольства. Это не было в интересах Цинской империи, находившейся в трудном положении и не имевшей в этот момент реальных возможностей, чтобы силой доказать свое превосходство над Русским государством. Поэтому он отказался от той бескомпромиссной линии, которая в свое время привела к изгнанию посольства Ф. Н. Байкова из Пекина, и решил дружественным обращением расположить к себе посла, «размягчить» его и добиться от него желаемых результатов. Он просил показать хотя бы печать на царской грамоте, а когда Спафарий отказал и в этом, предложил устно изложить ему основную идею грамоты. Русский посол, выяснив, что императорский указ предписывает пропустить его в столицу Китая, сообщил, что и в грамоте и в устном наказе ему «никого не приказано, опричь дружбу и любовь соседственную постановить». А затем, подчеркнув, что он действует в нарушение законов своего государства, посол изложил цинским дипломатам содержание грамоты царя²⁴. Но когда Мала предложил Спафарию изложить все это по-русски в специальном письме, которое маньчжурские переводчики направят богдыхану, русский дипломат отказался сделать это, мотивируя тем, что в Пекине к переводу могут быть привлечены русские перебежчики, «и они, по природе изменников и воров, переведут не по правде для того, что меж обоих государей желают они ссоры и недружбы».

Доводы Спафария не показались Мала достаточно убедительными. Хотя ему действительно приходилось в Лифаньюане прибегать к услугам перебежчиков для перевода русских документов, однако в данном случае он предлагал сделать перевод здесь на месте. Правда, во время переговоров ни у Мала, ни у Спафария не было переводчиков, которые свободно владели бы русским или маньчжурским языком. Оба дипломата более понимали друг друга, основываясь на сути порученного им дела, чем полагаясь на искусство толмачей, потому для верности повторяли каждую свою мысль как минимум трижды²⁵. Мала вновь попросил показать ему грамоту или письменно изложить ее содержание. Он снова вернулся к тому, что послу в любом случае придется отдать грамоту в столице, прежде чем она будет представлена императору.

²³ РКО, с. 503, 504, 509.

²⁴ Китайская реляция..., с. 204; Китайские документы..., 136—19а.

Тогда русский посол задал Мала следующий вопрос: что, по мнению цинской дипломатии, «честнее» — грамота или посол? Мала ответил, что, конечно же, грамота, ибо без нее послу вообще не верят. Но Спафарий тут же спросил: почему же императору представляют посла, а грамоту, которая «честнее», отдают в Лифаньюань? Действительно, это противоречило логике, но не той логике, которой руководствовался маньчжурский двор, переняв традиционный китайский церемониал представления иностранных послов. Мала в ответ смог сослаться лишь на древность этого обычая, но не стал подробно объяснять послу ту процедуру, которая ожидала его в Пекине, опасаясь, что тогда русский дипломат вообще может не поехать в столицу империи. И его опасения оказались не напрасны, так как Спафарий предложил закончить словопроения и либо двинуться к столице, либо разъехаться, и пусть ему разрешат вернуться в пределы Русского государства, где он будет ожидать дальнейших указаний из Москвы и решений Пекина. В самом деле, было уже 7 марта, а посол, ехавший «с великим поспешением», как ему предписывал царский указ, и рискнувший даже на зимний путь, когда гораздо труднее было найти корм для лошадей и верблюдов, все еще не продвинулся далее цинского рубежа. Посол обвинил Мала в «непостоянстве», указав, что тот неоднократно обещал направить к императору доверенное лицо с известием о желательности приема посольства в столице, но не сделал этого²⁵. Не намного больше Мала удалось выяснить и из обмена мнениями по другим вопросам, интересовавшим цинскую дипломатию. Относительно запроса о князе Гантимуре Спафарий вообще заявил, что поскольку «лист» Сюань Е, полученный через нерчинского воеводу Д. Аршинского, не был прочтен в Москве, то в связи с этим требованием Цинов никакого решения царским правительством принято не было. Мала ответил, что не только в тексте грамоты было отражено требование о передаче Цинам эвенкийского князя, но и И. Милованову со спутниками об этом говорили на императорской аудиенции, а затем в Лифаньюане. Кроме того, Монготу в Нерчинске вместе с Д. Аршинским переводил и сверял грамоту Сюань Е. Спафарий разъяснил, что Аршинский находится в опале, так как принял лист богдыхана и начал с ним дипломатические сношения без царского указа. Поэтому, чтобы не усугубить свою вину, он и казаки, исполнявшие его волю, скрыли от московских властей запрос о Гантимуре²⁷. Надо сказать, что Спафарий, встретившийся с Гантимуром в Нерчинске и обещавший не выдавать его и его сородичей цинским властям, применил интересный прием — он дезавуировал действия уже находившегося в отставке нерчинского воеводы. Русский посол подчеркнул мало-значительность «проблемы Гантимура» в деле взаимоотношений двух великих государств. Спафарий заявил, что если бы царь действительно знал о требовании выдать Гантимура, то он, так же, как и богдыхан в своей грамоте, написал бы об этом непременно, ибо эвенкийский князь «прямой ево, великого государя, подданный, и правда ево». В Сибири таких, как Гантимур, заметил Спафарий, несчетное множество, они платят ясак воеводам, «а великий государь таких имена и не ведает»²⁸. Мала пришлось согласиться, что Цины, обращаясь к царскому правительству, не столько стремились получить Гантимура («про такого мужика только таких великих государей ссылались непристойно»), сколько будто бы выясняли статус нерчинских и албазинских казаков, ибо не могли увязать их с теми русскими, которые прибывали в Пекин из Тобольска. При такой ситуации ставить «проблему Гантимура» в центре переговоров цинская дипломатия уже не могла, тем более что русский посол сделал, как бы мимоходом, встречный запрос насчет 20 ясачных якутов, бывших подданных русского царя, в тот момент обитавших в Наунских селах. Мала поначалу даже обещал выдать их русским властям, но без распоряжения из Пекина сделать это не решился, что также было поставлено ему в вину Спафарием как проявление «непостоянства», как несоответствие слова и дела.

Мала также упомянул о походе албазинских казаков на реку Ган, пытаясь обвинить русскую сторону в том, что этот поход был предпринят тогда, когда посольство уже направлялось в Цинскую империю. Мала хотел поставить Спафария в тупик, как некогда поставили Ф. Н. Байкова²⁹. Но Спафарий был готов к такому вопросу, он объяснил, что казаки «гонялись» за откочевавшими русскими подданными, и если цинское правительство на деле заинтересовано, чтобы в порубежных районах были мир и спокойствие, то после успешного завершения посольства и установления нормальных отношений между двумя государствами русская сторона может послать на Амур воеводу, который «никаких обид впредь нашим людям чинить не будет», в свою очередь и богдыхан мог бы направить на рубеж такого же начальника, который своих людей будет «унимать от ссоры». Таким образом, по мысли посла, центральные власти при желании могли бы без труда поддерживать в пограничной зоне совершенно нормальную обстановку. Никаких спорных проблем, связанных с притязаниями на территорию

²⁵ РКО, с. 507, 511.

²⁶ Там же, с. 510—511.

²⁷ См.: Китайская реляция..., с. 206; Китайские документы..., л. 136—19а.

²⁸ РКО, с. 505.

²⁹ В марте 1656 г. цинские чиновники в Пекине спросили у посла Ф. Н. Байкова о действиях казаков на Амуре, якобы не вяжущихся с мирными целями его посольства. Посол не был готов к ответу, и его задержали в Пекине до сентября, а потом выслали ни с чем (См.: РКО, с. 11—15).

или на какие-либо группы населения, между государствами, по сути дела, не существовало. Между их реальными рубежами еще пролегалла «ничейная» зона, не принадлежавшая ни одной из сторон.

И наконец, Мала не удалось связать русского посла обязательством выполнять по приезду в Пекин посольский церемониал в соответствии с цинскими требованиями. Его многократные упоминания о Байкове Спафарий парировал вполне резонным замечанием, что «то дело старое и поминать и спориться о том не надобно». Намек Мала на перспективы русской торговли в Цинской империи в случае «правильного» ведения посольства не произвел на посла ожидаемого впечатления. Он ответил, что посольство носит более политический характер, «а торговые смотрят торг и прибыль свою, а в государские дела и мешаться не смеют».

Таким образом, в результате этих предварительных переговоров цинская дипломатия с точностью установила только то, что Русское государство стремится не к войне с Цинской империей, а обращается с предложением развить нормальные дипломатические связи, которые снимут известную напряженность в зонах, прилегающих к границам маньчжурского государства. Это отвечало интересам Цинов в данный момент, но не совпадало с их планами, нацеленными на будущий захват Приамурья. Однако примечательно то, что искушенный в дипломатии, подкрепляемой силой оружия (как это было в отношениях с монгольскими ханствами или при его первых наездах к русским рубежам), Мала явно не смог противостоять послу, который твердо и последовательно добивался мира, основываясь на доводах разума, четко аргументируя правоту своих требований и демонстрируя глубокую веру в благотворность своей миссии для обоих государств. В дипломатическом поединке Мала проигрывал Спафарию тур за туром, он чувствовал это, восточная невозмутимость и «великая гордость», с которыми он приступил к своей миссии, под конец покинули его, уступив место истерическим вспышкам. Будучи не в силах объяснить причины задержки посла на Науе, Мала заявил, что он виноват перед Н. Г. Спафарием и предложил тому даже... ударить его или «бесчестить», как посол захочет, «и то говорил не по одних»³⁰. Это было результатом своеобразного «кризиса веры» в превосходство и непогрешимость цинской дипломатии по сравнению с любой другой.

Наконец 9 марта Мала направил императору подробную запись своих переговоров с русским послом. В заключение доклада он высказал подозрение о том, что являются дипломатической уловкой и изложенная послом версия о самовольных действиях Д. Аршинского, и объяснение им отсутствия в русской правительственной грамоте ответа о Гантимуре незнанием текста «листа» Сюань Е. Поэтому, говорилось в этом документе, «хотя по словам прибывшего посла в докладе белого царя и выражается желание быть в хороших отношениях, [но этому] нельзя верить. Так как, таким образом, возможность подозрения весьма ясна, то [мы] пока задержали Николая и его товарищей у солонов и отправили [доклад], прося указа»³¹. Оба дипломата с нетерпением ожидали ответа из Пекина. Между ними установились, казалось бы, вполне дружественные отношения. Н. Г. Спафарий в своих донесениях царю подчеркивал, что Мала с ним «живет в дружбе», что он «человек искусной и разумной, и по-своему учен, и многих восточных языков умеет», «искусный во всех делах и рассудительный».

Цинский дипломат подтвердил эту характеристику довольно смелым и решительным поступком. Он помог Спафарию раскрыть двойную игру, которую повел находившийся в свите русского посла толмач-китаец, переводивший с маньчжурского и китайского языков. Этот толмач перешел на русскую службу еще во время походов Е. П. Хабарова по Амуру. Накануне посольства Спафария он с караваном Г. Р. Никитина побывал в Пекине, где узнал о восстании «трех князей-вассалов» и широком антиманьчжурском движении в стране. Цинская дипломатия в свою очередь была встревожена тем, что у русских имеется столь осведомленный перебежчик. На пути из Пекина в Букей Мала спрашивал у И. Милованова, включен ли этот толмач в состав посольства. Это насторожило русского посла, который даже хотел отправить толмача обратно в Нерчинск, но оставил его, чтобы не вызывать лишних подозрений у маньчжурской стороны. Развязку ускорил сам толмач. Очевидно, считая невыгодным для антицинских сил установления мирных отношений между Русским государством и маньчжурской империей, он решил вообще сорвать посольство, спровоцировав столкновение сторон. Для этого в один и тот же день он под большим секретом сообщил и Мала, и Спафарию о том, что каждая из сторон якобы ведет переговоры лишь для прикрытия готовящейся крупной военной акции: за русским послом будто бы следует сотысячное войско, а Мала будто бы отдал приказ монгольским войскам уничтожить русское посольство³². Надо отметить, учитывая подозрительность маньчжур, что удар был рассчитан довольно точно. Однако оба дипломата проявили выдержку и не поверили полностью этому ложному доносу. Чтобы продемонстрировать отсутствие опасений у русского посольства, Спафарий устроил пышное празднование пасхи. Мала, наблюдая это, попросил у посла конфиденциального свидания, на котором и сообщил ему об интригах толмача. Разоблаченный тут же на очной ставке толмач был от-

³⁰ Там же, с. 508—510.

³¹ Китайская реляция..., с. 207; Китайские документы..., 19а. Солонь — народность эвенкийской этнической группы, живущая в Северо-Восточном Китае.

правлен под конвоем группы казаков во главе с И. Миловановым в русские остроги и понес суровую кару.

После получения известий от Мала чиновники Лифаньюаня представили императору предложение принять русского посла в столице. Поскольку из Москвы его «отправили разузнать о деле (изложенном в грамоте Сюань Е. — Авт.), доставить местные произведения и спросить о высочайшем здоровье, — писал глава Лифаньюаня Амухулан, — то пусть им покажут высокие намерения нашего государя, ласкающего отдаленные царства, и пусть Мала и прочие доставят по станциям в Пекин русского посла. Когда же он прибудет, то мы, рассмотревши доклад русского царя и расспросивши прибывшего посла, снова переговорим и представим доклад»³².

Наконец 17 апреля 1676 г. русское посольство в сопровождении цинских официальных лиц двинулось от границ империи к Пекину...

Окончание в следующем номере

³² РКО, с. 511—513.

³³ Китайская реляция..., с. 207; Китайские документы..., л. 20а.

КУЛЬТУРА

Искусство Востока

Театр Сингэки

(Из истории прогрессивной драматургии Японии)

И. В. ЖУКОВА,

кандидат филологических наук

Возникновение сингэки («новой драмы») в Японии как самостоятельного явления было вызвано длительным застоем театрального искусства, драматургии, их отставанием от требований современности, от историко-культурных процессов, находивших отражение в литературе, от развивающейся литературы, от жизни. До конца XIX в. Япония была феодальной страной, где существовало три основных вида театрального искусства: Кабуки, Но, Дзёрури.

Театр сингэки, функционируя до начала 30-х годов именно как новая драма в том смысле, как ее понимают европейцы, прошел несколько этапов — до второй мировой войны и после нее. Поэтому японским прогрессивным деятелям культуры, литературы, самим драматургам приходилось решать многообразные проблемы, связанные с созданием и развитием национальной драматургии нового типа, прежде чем сингэки в сознании самих японцев, да и на практике утвердился как «театр современной драмы», то есть в том виде, как его теперь переводят и трактуют. Какова же его драматургия ныне? Чем он дышит? Что питает его организм? Что же такое «сингэки»?

Театр сингэки возник под влиянием западноевропейской и русской драмы благодаря усилиям крупного литературного критика Цубоути Сё (1859—1935) и известного режиссера Осанаи Каору (1881—1929). С целью обновления и реформы национального театра они на первых порах перенимали европейскую технику исполнения ролей и европейских пьес и сами пьесы. Поэтому естественно спросить: было ли влияние Запада на формирование национальной драматургии сингэки, а если было, то сколь оно велико? Ведь так много параллелей с западноевропейской драмой в японском сингэки, взять хотя бы само название «сингэки», которое возникло под непосредственным воздействием западной театральной и драматической культуры.

До конца XIX в. Япония была феодальной страной, где не только науки, просвещение, литература, но и театр были пронизаны духом средневековья.

Жадно следя за развитием европейской культуры, японцы не могли не почувствовать, что конец XIX — начало XX в. в жизни прогрессивной европейской интеллигенции — это время формирования нового человека, его психологии, новых устремлений. Как вспоминает известный японский режиссер Корэя Сэнда, «когда Япония распахнула в мир веками наглухо закрытые двери, русская демократическая культура сразу пленила наши сердца, завоевала внимание японского интеллигента. Идея Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, словно лучи света, ворвались в темноту, высветили японскую действительность, всколыхнули умы. Удивительно созвучным нашим душам оказался лейтмотив чеховских пьес — предчувствие назревающих перемен и своеобразное заклинание будущего.

Наше ухо чутко уловило оптимистическую ноту, адресованную грядущему и его людям»¹.

Но у читателя возникает вопрос: почему именно русская литература привлекла японцев и оказала такое большое влияние? Что было в ней больше — неизвестного (иное мироощущение, новые проблемы, особое описание природы и принципиально новое отношение к ней) или нечто узнаваемого, родственного? Скорее всего, помимо новизны идей, важно было соответствие эстетической тональности русской литературы представлениям японцев о прекрасном, и в частности эстетизация обычного в жизни и суггестивная трагичность кратковременной жизни человека, а также эмоциональная окрашенность повествования о человеке как части природы, его близость к ней².

И не случайно разединение человека с человеком, с окружающим его миром, самой природой рассматривается современными писателями Японии и самими японцами как потеря равновесия, духовности, дисгармония личности и психики человека³.

Так и в традиционной игре японский актер стремится в своем исполнении всегда сохранить «дух и аромат» давно прошедшей эпохи, стремится приблизиться к канону.

И тем не менее уже в последней четверти XIX в. были сделаны попытки реформировать театр Кабуки, приблизив его к европейскому. Так возник театр симпа (дословно — театр новой школы)⁴, создатели которого — участники «движения за свободу и народные права» — инсценировали политические романы того времени и тем самым привлекали зрителей актуальностью постановок. Театр симпа дожил до наших дней.

И хотя по-прежнему в Японии существовали традиционные виды театрального искусства, был нужен новый театр: с новыми пьесами, новыми правилами актерской игры. Все это и появилось с рождением сингэки, репертуар которого формировался большей частью под влиянием русской литературы и драматургии.

Первая попытка организовать театр по примеру европейского была предпринята Цубоути Сеё в 1906 г. и называлась созданием «Литературно-театрального общества» («Бунгэй кёкан»). Первым спектаклем был «Гамлет» Шекспира, поставленный в 1911 г. на сцене недавно открывшегося театра «Тэйкоку гэкидзё». Сподвижником Цубоути по деятельности в обществе «Бунгэй кёкан» был литературный критик и философ, а в будущем известный театральный деятель Симамура Хогэцу (1871—1918), человек образованный, окончивший национальный университет Васэда, учившийся в Оксфордском и Берлинском университетах, где изучал психологию и эстетику. Именно по его настоянию в перспективной программе театра были пьесы Ибсена, Зудермана, Чехова, наиболее, по его мнению, понятных авторов для японской интеллигенции, составлявшей большую часть зрителей сингэки. И действительно подтвердила правоту Симамура: в том же 1911 г. Цубоути поставил пьесу «Венецианский купец» Шекспира, а Симамура — «Кукольный дом» Ибсена (в собственном переводе), который привлек своей драматургией и свежестью идей общественность Японии.

¹ Цит. по кн.: Б. Иванов. Сингэки. Что это такое? М., 1976, с. 5.

² Эта проблема эстетического соответствия творчества русских писателей представлению японцев о красоте частично решается при анализе творчества Н. С. Тургенева в статье Л. Л. Громковской «Ранние переводы русской классики в Японии». — «Народы Азии и Африки», 1979, № 3.

³ См.: Кайко Такэси. Горькое похмелье. М., 1980; Абэ Кобо. Опоздавшая молодежь. М., 1979, и др.

⁴ Симпа — новый театральный жанр, сложившийся в Японии в конце XIX в., вариант мещанской драмы и классического японского театра Кабуки. Примерно с 1903 г. отошел от приемов Кабуки, функционирует и по сей день. См.: Одзак Кюдзи. Новый японский театр. М., 1960, с. 22; Фудзита Хироси. Драматургия в театре «Бунгакудза», РЖ, «Литературоведение», «Общественные науки за рубежом», ИШОИ АН СССР, 1976, серия 7, № 2, с. 64—66.

Но как понять этих «рыжеволосых», как тогда еще иногда называли японцы европейцев, как выразить идеи, волнующие современников, как по-новому изобразить на сцене конфликтные жизненные ситуации? К тому же исполнение европейских ролей для японцев превратилось в проблему, поскольку стиль национальной актерской игры предусматривал канонизацию и условность. В этой связи на средства Цубоути Ссё была организована собственная студия, где началась подготовка новых кадров. В программу двухлетнего обучения входили разнообразные предметы как по японскому традиционному искусству, так и по западноевропейскому.

Главное значение в решении названных выше вопросов сыграло знакомство с русской артистической школой, а позже с методами и работами К. Станиславского. В связи с этим стоит вспомнить опыт постановки чеховской «Чайки» в 1899 г. Ведь пьесы Чехова были в репертуаре самых первых японских трупп сингэки.

Постановкой драмы Ибсена («Пун Габриель Боркман» (1909), которой был уже одним из любимых японцами авторов, начала свою деятельность другая труппа сингэки «Дзю гэкидзё» («Свободный театр»), руководимая театральным деятелем Осанаи Каору и известным актером театра Кабуки Итикава Садандзи II, которые ставили перед собой те же цели, что и руководители «Бунгэй кёкан».

Вероятно, в выборе названия Осанаи Каору пошел за Андре Антуаном, организатором французского Свободного театра.

Причины обращения Осанаи Каору к работе Антуана были двоякими: во-первых, Антуан вслед за Золя говорил о необходимости обновления сцены на основе реалистической драматургии, а эстетика Золя оказала достаточно большое влияние на творчество японских писателей (об этом чуть позже). Во-вторых, Антуан произвел переворот в актерском искусстве, в театральных декорациях, искал обновления режиссерского почерка в соответствии с требованиями «новой драмы», а ведь это было важным и для Японии. Вот почему в выборе пьес труппы «Дзю гэкидзё» подражала репертуару Свободного театра Антуана, имевшему продолжительную театральную жизнь. Это и вызвало появление пьес именно этих драматургов на сцене первых театров сингэки: «сказалась сознательная и исторически оправданная ориентация передовой театральной мысли Японии»⁵, которая уже не могла довольствоваться только условным театром Кабуки. Но, театром кукол Дзёрури.

В творчестве Ибсена, например, тема освобождения личности, обличения фальши, буржуазных семейных отношений, социальных основ общества, буржуазной среды была не только близка и понятна японскому зрителю, но в скором времени эхом зазвучала в собственной японской драматургии, в творчестве Киносита Мокитаро, Мусякодзи Санзацу, Кавагути Итиро.

Той же критикой ханжеской морали, социального неравенства, что и Ибсен, привлекли японскую общественность пьесы Зудермана.

Стриндберг же стал интересен японской интеллигенции и театральной аудитории, потому что его эстетические трактаты (конец 80-х годов) близки идеям Золя и Антуана, а проблема пола, столь популярная в его время, рассматривалась им в контексте господствующих общественных отношений. Именно Стриндберг оказывает в 20-е годы значительное влияние на европейский и на японский театр, поскольку в его произведениях «подвергаются переоценке, казалось бы, незыблемые и непреложные нравственные ценности буржуазного общества, когда людьми овладевает горький саркастический дух сомнения, когда трагедия индивидуализма обнаруживает свою безысходность и приобретает особенно мрачные, безжалостные и обнаженные формы»⁶.

⁵ Л. Д. Гришелева. Театр современной Японии. М., 1977, с. 184.

⁶ Б. И. Зингерман. Очерки истории драмы 20 века. М., 1979, с. 149--150.

Свою японскую интерпретацию Стриндберг находит в творчестве Мусякодзи Санэацу и Ямамото Юдзо. Чехов же, воплотивший в своих драмах идеи свободы личности, раскрепощения мысли и чувства, гармонического развития человека, рассказавший об этом в близкой японцам тональности недосказанности, ассоциативности и лиризма, что подразумевается одним из эстетических принципов «едзё», быть может, особенно ярко «отразился» в творчестве Киносита Мокутаро.

Бернард Шоу тоже находит поклонников среди японских драматургов — в творчестве Кикүти Кан, Ямамото Юдзо, Кавагути Итиро; Горький и О'Нил — в творчестве Кавагути Итиро и некоторых других.

Этот список можно было бы продолжить, однако мы органичились именами лишь тех драматургов, чье творчество можно связать с развитием «новой драмы» в том смысле, как его используют в советской и зарубежной критике.

Так трагизм повседневной жизни, заключенный в постоянно действующем и глубоко осознанном конфликте между развитым индивидуальным началом и объективной необходимостью поступков и перемен, после «Кукольного дома» и «Привидений» Ибсена, поставленных на японской сцене, стал в разных вариантах развиваться в японской литературе и драматургии.

Возникал новый способ художественного мышления, который не мог сочетаться с безразличной условностью и случайными постановочными средствами и тем более с каноническими застывшими традициями японского классического театра. Японцы готовы были понять и принять новую драматургию, в которой герои сталкиваются не столько друг с другом, сколько с враждебной им действительностью. Театр сингэки родился в общем движении европейских театров за обновление (Свободный театр во Франции и Германии. Независимый театр в Англии. Художественный общедоступный — в России), поскольку были очевидны разрыв между традиционной театральной системой и нарождающимися буржуазными формами жизни, потребность в новых героях новой жизни.

Называя возникающий в Японии театр «театром новой драмы» (сингэки), японская критика, с одной стороны, отдавала дань театральному явлению, существовавшему в Европе и проникающему в Японию, а с другой — определяла понимание нового направления драматического и театрального искусства, всей драматургии Японии. Многие трудились над созданием новой национальной драматургии, в том числе Нагата Хидэо, Мацуи Сёё, Акита Удзюку, Икэда Данго, Миёси Дзюро, Като Митико, Индзава Тадасу, Утикура Наоя, Хисанта Эндзиро, Кавагути Итиро, Танака Тикао, Кояма Юси и многие другие. Все они стояли у истоков театра сингэки.

Кроме вышеназванных театральных трупп, существовали и другие, которые из-за разногласий по вопросам репертуара, принципов актерской игры и т. п. быстро распались. И хотя все многочисленные труппы только подготовили почву для «нового театра», каковым стал «Цукидзи сёгэкидзё» («Малый театр Цукидзи»), созданный прогрессивным театральным деятелем Японии Хидзиката Ёси (1898—1959), не стоит забывать о значительном вкладе труппы «Дзюю гёкидзё», просуществовавшей до 1919 г. Этот театр под руководством Осанаи Каору, который в 1912—1913 гг. находился в Европе и знакомился с постановками К. Станиславского и М. Рейнгардта, первым пытался осуществить на японской сцене «опыты» Московского Художественного театра. Именно он познакомил Японию с пьесой М. Горького «На дне».

Создание «Цукидзи сёгэкидзё» произошло в 1924 г., и, хотя этот театр позже тоже не избежал ряда перестроек и объединений в разные труппы, в 1932 г. он продолжал действовать под своим первоначальным названием. Именно этот театр и способствовал окончательной трансформации национальной японской драматургии в духе нового времени.

На японской почве стали появляться навеянные творчеством Шекспира такие пьесы, как «Загубленная весна» (1914) Акита Удзюку (1889—1962), в творчестве которого часто звучат буддийские мотивы (например, пьеса «В то мгновенье»). Эта пьеса несет явную печать сюжета «Ромео и Джульетты» Шекспира, хотя в ней нет лютой ненависти двух родов. В ней развивается и буддийский мотив-символ: дружные люди — две неразлучные звезды, а также упоминается мотив, свойственный китайскому и японскому фольклору, — колдовство лисы-оборотня, смеющейся над людьми.

Но как и в литературе Японии, так и в нарождающейся драматургии ощущалось и нежелание мириться с новыми темами, стремление воскресить мелодраматические события из жизни средневековой Японии, приблизить драматургию к настроениям, отражаемым в «повестях о чувствах». Поэтому появляются пьесы, созданные на основе исторического материала, хотя решали они чисто психологические проблемы, как, например, пьеса «Оноэ и Идахати» (1913) Окамото Кидо (1872—1939). Мысль о необходимости оставаться человеком в любой ситуации — главная в пьесе. Показывая деградацию Харада Идахати (в прошлом самурая) как личности, драматург порицает его жестокость и бесчеловечность. Если учесть, что эта пьеса появилась накануне первой мировой войны, то гуманистическое звучание ее оказывается вполне современным, несмотря на то что действие пьесы происходит в середине XVIII в.

Японская драматургия, как и полагается, была неразрывно связана с национальной литературой. Стремительность ее развития в русле именно сингэки, то есть «новой драмы», поразительна.

Разнообразные литературные традиции нового времени в японской литературе подготовили и драматургию сингэки последующего времени. Стоит вспомнить, как складывалась литературная жизнь 1900—1920-х годов, чтобы яснее представить оформление новой драматургии Японии. Так, в русле психологической повести создал свои произведения Одзакэ Коэ (1867—1903) и Хигути Итиё (1872—1896), впервые в истории японской литературы показавшая жизнь японки в капиталистическом обществе. Проблема жизни японской женщины, взаимоотношения человека с природой, горячее сочувствие крестьянину в сочетании со смелым протестом против разложения и коррупции правящей верхушки находят отражение в статьях и прозе Токутоми Рока (1868—1907). Песнь природе, искренний гуманизм и внимание к простому люду, острая социальная тематика в последние годы творчества характеризуют произведения Куникида Doppo (1871—1908). Жизнь демократической интеллигенции, моральное разложение верхов общества, несправедливость сословных привилегий, зарождение левого движения находят воплощение в романах Симадзакэ Тосона (1872—1943), признанного мастера критического реализма. Глубоко реалистически, с сарказмом обрисовал в своих произведениях порочность просвещения сверху — принудительного, внешнего усвоения западноевропейской культуры, сочетавшегося с бюрократизмом и косностью буржуазной интеллигенции, — Нацумэ Сосэки (1867—1916).

В творчестве Таяма Катаи (1871—1930), поэта-романтика, прозаика, явно преобладают натуралистические тенденции. Таяма Катаи, Нагаи Кафу (1879—1969) находились под прямым влиянием Золя и объявляли себя его последователями (в их произведениях как бы были «заданы» дурная наследственность, врожденное уродство, развращенная среда, а художественные достоинства самих творений были средними). Лишь после русско-японской войны оформилось целое натуралистическое направление, свойственное только японской литературе, ставшей изображать человека и жизнь его чувств оторгнутыми от социального окружения, что получило название «ватакусн сёсэцу» (дословно — повесть о себе, эго-роман) ⁷.

Это веяние коснулось и японской драматургии. Такова пьеса Таяма Катаи «У большой реки», главная мысль которой: равнодушие к духовному миру молодых людей может привести к трагической развязке. Резюме «истинности и обнаженности происходящего», как бы сосредоточено в словах брата одной из умерших девушек: «На все судьба... Можно ли слабым человеческим разумом понять ее величие и мощь?!»

Несмотря на то что явление натурализма прочно вошло в японскую литературу, направление критического реализма не менее уверенно заявляло о своем критическом отношении к действительности, внимании к «униженным и оскорбленным».

К такому сосуществованию двух противоположных направлений в литературе и драматургии привели, с одной стороны, влияние иностранной литературы, а с другой — стремительное, ускоренное развитие японского империализма, ощущение необходимости догнать развитые европейские капиталистические страны, русско-японская война и подготовка к первой мировой войне, обострение внутрисполитических и социальных противоречий.

Но к началу 20-х годов XX в. японский натурализм «сидзэнсюги» (дословно — принцип описания природы, как она есть) явно идет к упадку, поскольку пессимистическое психологизирование и бытописание, отсутствие связей с народом, рабочим классом Японии приводят писателей этого направления к пониманию своей творческой несостоятельности. Это чувствовали и молодые литераторы, стремившиеся пойти иным путем.

Например, Киносита Мокутаро (1885—1945) — поэт, драматург, прозаик, медик по образованию; он учился в Университете Тодаи одновременно с будущим писателем Ямадзакки Харуо и драматургом Нагата Хидэо и на протяжении всей своей жизни не оставлял ни врачебной, ни писательской деятельности, даже после профессиональной стажировки во Франции (1911—1915). Он сблизился с писателем Мори Оган (1862—1922), что, несомненно, сыграло большую роль в определении его писательской платформы как эстета.

Киносита Мокутаро, увлекшись английской поэзией, вернее, литературной революцией в ней, поначалу ничего не печатает, кроме стихов. Считается, что он заложил основу импрессионистской школы в современной японской поэзии гэнданси, отойдя от поэзии японского символизма Камбара Арнакэ (1870—1952) и Сусукида Кюкин (1877—1945). Из его последних опубликованных работ можно назвать фарс кёгэн на современном японском языке — «Смешливая трава» («Варан гуса»), а также труды по медицине и стихотворные сборники.

Поэт, окончив немецкую школу в Токио, отдает предпочтение австрийскому символисту-драматургу Гофману. Однако его одноактная пьеса «Красильня Идзумия» (1911) была навеяна политическим событием — «делом Котоку»⁷, что свидетельствует о его гражданской позиции, а также о зарождении в Японии социалистического движения.

«Красильня Идзумия» удивительно многослойна: в ней мы находим и характеристику быта Японии начала XX в., ее нравов и семейного уклада крупной промышленной буржуазии, торговой сумятицы накануне войны в Южной Маньчжурии, грядущего экономического кризиса и финансовой девальвации, описание интересов мелких помещиков и левого

⁷ Термин «патакуси сёсэцу» японские литературоведы и театроведы закрепили и за японской драматургией, подчиняющейся законам этого жанра. — См.: Сэнго энгэки-но гэндэн — о кэнтё суру (Изучение исходных путей развития послевоенного театра. — «Тэаторо» (Токио), 1975, № 8.

⁸ «Дело Котоку» — судебный процесс в Токио в 1910—1911 гг. После суда над группой социалистов и анархистов, целью которого было устрашение участников социалистического движения, лидер Котоку Суюси и еще 12 человек были казнены по ложному обвинению в покушении на императора.

социалистического и профсоюзного движения, узнаем о волнениях на шахтах и литературных взглядах молодежи, о возникновении пролетарской литературы, видим точные психологические портреты духовенства, ремесленников, торговых и деловых людей.

Пьесу можно по праву назвать драмой идей, эпической драмой, поскольку она охватывает значительный период времени в истории страны; в ней герои размышляют и о правилах приличия «на новый лад», о необходимости трудиться и испытывать от этого радость, а не гнет, о том, каким должны быть новый человек, молодежь новой Японии (в чем явно чеховское влияние предчувствия перемен, но незнание путей их реализации). В пьесе спорят о переосмыслении долга с точки зрения нового времени, а не с позиций буддийского догмата, о принципах литературной критики, реализме в искусстве и литературе. В центре — судьба Кавасаки, молодого человека, связавшего свою жизнь с подпольным движением, отказавшегося от благополучия сына капиталиста, но преданного семье матери, своей литературной стезе.

Пьеса «Младшая сестра» (1915) Мусякодзи Санэацу посвящена сестре драматурга. Ее автор — поэт, прозаик, «неогуманист» — испытал огромное влияние Л. Толстого, приблизился к социалистам. По его собственному признанию, он не знал иного пути, чем «жизнь для искусства и литературы».

«Младшая сестра» — это не только психологическая драма, но пьеса-обличение равнодушия и социальной слепоты общества. «Моя слепота для вас ничего не значит. А для всей Японии и подавно, — говорит Хиродзи, обращаясь к господствующей аудитории. — А вообще моя жизнь разве что-нибудь значит для вас?! Погибни я на войне, вас бы это ничуть не тронуло... Погибни я или останься в живых, ослепши или нет — все это вам совершенно безразлично».

Герой пьесы Хиродзи слеп: он вернулся таким с войны и теперь пишет картины по памяти. Его сестра Сидзуко помогает ему во всем, отказывается от замужества ради брата, которого горячо любит и понимает. А Хиродзи любит Аяко, ныне замужнюю женщину. Он волевой и сильный человек, способный не только сдерживать свои чувства, но работать несмотря на слепоту, чтобы ни он, ни его сестра не были пахлебниками у родственников.

Помимо антивоенной темы, в пьесе по-новому зазвучала и тема конфликта японской женщины и общества: Сидзуко вынуждена вступить в нежеланный брак с грязным типом ради того, чтобы прокормить себя и брата. Недаром литературный критик Нисидзима подчеркивает: «Мы живем в мире денег, а поэтому положение Сидзуко самое тяжелое». Но Сидзуко не выглядит потерпевшей моральное поражение, и не только потому, что до последнего вздоха противостоит нужде, но и из-за открытости суждений и обвинений обществу, подобных тем, что высказывала Нора из «Кукольного дома» Ибсена.

Создавая пьесы в свой первый период как антитезу толстовству, подчиняясь индивидуальному сознанию героев, Мусякодзи Санэацу пишет произведения в стиле аллегорического реализма Акутагава Рюноскэ, который сказал о драматурге, что он «открыл небесные окна литературы». Но творческие запросы Мусякодзи искали теоретического обоснования, что дало жизнь трактату «Ради себя и т. п.», ставшему позже манифестом общества «неогуманистов» — «Сиракаба» («Белая береза»). Важно, что в конце своего первого творческого периода Мусякодзи встает на путь гуманизма, а не индивидуализма.

Но творчество Мусякодзи Санэацу как драматурга несет на себе печать и Стриндберга, о чем свидетельствует довольно известная пьеса «Страсть» (1911) — четырехактная драма о жизни талантливого художника, убившего свою жену, когда он узнал о ее связи со старшим братом (талантливым актером). Эта пьеса решена в духе Стриндберга, в

ней показан новый для японского общества тип отношений между мужчиной и женщиной. Отношения основных героев построены на взаимной привязанности и взаимной мучительной, ожесточенной, психологически изломанной верности этой привязанности, то есть так, как в пьесах Стриндберга.

Отход драматурга от изображения индивидуалистического образа действий своих героев исторически обусловлен, закономерен и характерен для «новой драмы» Японии так же, как и для одноименного явления европейской драматургии рубежа XIX—XX вв., поскольку «герои сталкиваются со средой — пошлой, черствой обыденщиной и потому что они сами не уверены больше в своем праве. Чем дальше, тем меньше в их действиях определенных целей и страстей»⁹.

Именно в драматургии Мусякодзи Санэацу и некоторых других «неогуманистов» «новая драма» рождалась в том виде, как ее представляют себе европейцы (мы уже выше отмечали влияние на нее творчества Л. Толстого, Ибсена, Стриндберга), так как театральным индивидуализмом, вернее, так называемая индивидуалистическая драма изживала себя (как у Ибсена, Чехова, Шоу).

В противоположность литературе натурализма вслед за «неогуманистами» родилось направление «неореалистов», или «Школы нового мастерства» («Сингикоха»), принцип которого — внимание к человеческой душе.

Представителем этого направления был, в частности, прозаик и драматург Кикүти Кан (1888—1948)¹⁰. Его одноактные пьесы «Возвращение отца» (1917) и «Любовь Тодзюро» (1919) в числе других его пьес долгое время не сходили с японской сцены. Окончив Токийский педагогический институт, он поступил в Университет Кедан на факультативный курс английской драматургии. Особенно его интересовали литература Ирландии и национальный театр этой страны, поэтому Кикүти Кан изучал структуру английских и ирландских пьес, пытаясь познать поэтику «новой драмы». Не без пристрастия он относился к творчеству Б. Шоу. Не случайно его пьесы — драмы идей, одноактные интеллектуальные драмы.

Не только Кикүти Кан, но и другие драматурги-неореалисты выдвигают на первый план драматическое столкновение разных взглядов на жизнь, соглашаясь с Б. Шоу в том, что «жизнь состоит в выполнении желаний, которые постоянно нарастают и сегодня не могут быть удовлетворены в условиях, удовлетворявших их вчера... право личности по своему расценивать человеческое поведение, даже если при этом придется действовать против всех институтов...»¹¹.

Пожалуй, именно в творчестве «неореалистов» введенная Шоу в драму дискуссия вторглась в ее действие и ассимилировалась с ним так, что часто идеи персонажей конфликтуют в непоследовательной канве сюжета.

Пьеса Кикүти Кан «Отец вернулся», несмотря на малую форму, многоплановая. В центре проблема: принять в свою душу или нет отца, двадцать лет назад бросившего жену и маленьких детей, оставив их без материальной поддержки, отцовской ласки, внимания и опоры, самого близкого из всех сильных и смелых, па кого хочешь походить, с кем жаждешь считаться и кому не можешь простить равнодушия к трудовой доле матери и своим детским ожиданиям возвращения отца. И хотя было трудно, дети выросли, стали людьми: старшему, Кэнватиро, пришлось отказаться от учебы и пойти работать ради матери, брата и сест-

⁹ Б. Н. Зипперман. Очерки истории драмы 20 века, с. 25.

¹⁰ Наиболее известен остро сюжетный роман «Госпожа жемчужина» (1920), переведенный на русский язык. В дальнейшем Кикүти Кан специализировался на развлекательной литературе для городского мещанства, а появление пролетарской литературы встретил в штыки.

¹¹ Б. Шоу. О драме и театре. М., 1963, с. 55.

ры. Бедность словно объединила всех еще больше и породила неизбывную нежность к матери. Та далекая, саднящая обида и боль терзают Кэнватиро за рано состарившуюся мать и свое рано ушедшее детство. Он не может простить отца и вопреки уговорам остальных прогоняет того, кто, обнищав и материально и духовно, вернулся, к теплему огню родных. Но Кэнватиро — человек широкой души: из жалости к матери, к самому отцу, дав ему почувствовать себя на их месте в те несколько минут, которые тот пробыл за порогом их дома, он посылает младшего брата вернуть отца.

«Отец вернулся» решает по-новому для японцев проблему отцов и детей и показывает, что из чувства долга, как учит конфуцианство, вряд ли нужно уважать того, кто не достоин уважения.

Сподвижником «неореалистов» был и Ямамото Юдзо (род. в 1887 г.) — драматург, прозаик, работал в том же неореалистическом направлении. Окончив в возрасте 29 лет филологический факультет Университета Тодан, он начал изучение современной европейской драмы и перевел на японский язык пьесу Стриндберга («Пляска смерти»). Подчеркнем, что именно Стриндберг оказывает влияние как на Мусякодзи Санацу, так и на Ямамото Юдзо. Видимо, в условиях ужесточенного и стремительного развития капитализма в Японии было необходимо новое прочтение прежде всего человеческих отношений между людьми. Так и появились в 1918 г. пьеса «Убийство младенца», а затем «Украшение судьбы», поставленная в 1920 г. в театре «Мэйдзидза» (по замечанию японской критики, она сыграла значительную роль в развитии именно «новой драмы» — сингэки).

В 20—30-е годы в японской драматургии одним из самых популярных жанров становится историческая драма. В этот период активизируются революционные силы и как ответ на это бушуют силы реакции и милитаризма. Поэтому многие драматурги обращаются к истории мятежей и народных восстаний, к бунту отдельной личности. Такова пьеса Ямамото Юдзо «Окити-чужеземка» (1928), в которой показана гордая и своенравная, храбрая и сильная женщина-патриотка, пусть по принуждению, сумевшая выдержать и отказ от любимого, и злые насмешки соотечественников, называющих ее чужеземкой, так как она вынуждена была жить с американцем. Пьеса воспроизводит события 1857 г. — начала 80-х годов XIX в., когда американские корабли причалили к японским островам и тем самым как бы «открыли» Японию.

В пьесах «Ода Нобунага» Окамото Кидо (1872—1939), «Распятый Модзаэмон» Фудзимори Сэйкити (род. в 1892 г.), «Бунт Будзаэмона» Наканиси Иносукэ (род. в 1887 г.) и других показаны герои, защищающие интересы простого люда, пресекающие проявление бесчеловечности и жестокости буддийских монахов, эксплуатацию и несправедливость в отношении крестьян. Проблема народного героя, единения нации, идея борьбы с внутрисполитическим угнетением — все это черты довоенной реалистической прогрессивной драматургии Японии, оказавшей непосредственное влияние впоследствии и на развитие жанра исторической драмы в послевоенное время.

В 30-е годы многие писатели ведут борьбу с безыдейностью произведений, с демагогией о демократии, за правильное толкование и воплощение реализма, как критического, так и социалистического, за создание новой японской комедии, восходящей не к французской комедии нравов, а к национальной фарсовой драме кёгэн.

И вот на пороге 20—30-х годов в период, предшествующий появлению пролетарской литературы, словно для того, чтобы обозначить плавный переход от старой драмы к новой, как в свое время сделал Ибсен, в японскую драматургию вошел Кавагути Итиро (род. в 1900 г.), чтобы обозначить перелом в понимании сингэки. В этом плане интересна его пьеса «Дом № 26» (1932).

В 1923 г., будучи служащим страховой компании, Кавагути Итиро отправился в Америку. Пробыл больше всего в Колумбии, поэтому его интерес к американской сцене не случаен. Вернувшись в 1926 г. на родину, он сближается с Кисида Кунио (1890—1954), возглавлявшим в то время журнал «Гэкисаку» («Драматургия»). Под влиянием известного литератора, ставшего его первым учителем в области написания пьес, Кавагути Итиро пробует писать, а в 1932 г. становится членом редколлегии журнала «Гэкисаку», вокруг которого группировались молодые драматурги: Танака Тикао, Кояма Юси, Моримото Каору и др.

Пьеса «Дом № 26» посвящена оборотной стороне европеизации японцев, одновременно иллюстрируя пример из жизни многоэтажной Америки, не решившей своих расовых и социальных проблем и сегодня. По-горьковски понята и поднята проблема отчуждения бедного или неугодного человека обществу, слышится в первых же словах героини Тосико: «...Неуютно. Я не про туфли. Это чепуха. Жить в Нью-Йорке неуютно. ...Боюсь я его, этого Нью-Йорка».

Как зловещее предзнаменование гибели этого капиталистического мира, как надежда на лучшее будущее в случае возвращения на родину звучит известие о том, что дом № 26 в скором времени снесут. А это значит, что его обитателям не придется выбирать — оставаться в Америке или возвращаться в Японию.

Тема превращения буржуазной цивилизации в тормоз человеческого развития — общая тема прогрессивного американского искусства 20-х годов — стала подтекстовой темой и пьесы Кавагути Итиро «Дом № 26».

Подводя итоги в отношении толкования сингэки начала XX в. (включая 20-е годы), мы можем говорить о нем (то есть о японской драматургии этого периода) как о «новой драме» в том смысле, как это принято в европейском театроведении и литературоведении. Ведь в японской драме этого времени отображен современный человек в современных условиях и не просто и не только в бытовых ситуациях: в ней присутствуют «пусть недолговечные, но сиюминутные актуальные социальные и политические темы».

Сущность поворота в японской драматургии к новому, столь схожего с обновлением европейской драмы, состояла также в способности национальных пьес задевать живые струны человеческой души, побуждать действовать. И наконец, в японских пьесах первой четверти XX в. люди действуют вопреки догматическим, рожденным феодализмом представлениям о морали и даже вопреки определенным формам общественной и частной жизни.

Начиная с 30-х и до середины 50-х¹² годов в сингэки происходят такие процессы, которые заставляют трактовать термин «сингэки» как «театр современной драмы», то есть так, как его используют и ныне японские критики и советские востоковеды.

Мы не ставили перед собой задачи подробно рассказать о литературной и театральной борьбе, повлиявшей на развитие сингэки в довоенной Японии. Для нас было важно познакомить читателя с лучшими произведениями «новой драмы» в рамках довоенной драматургии, тем самым объяснив суть сингэки в его истоках¹³.

¹² Уместно добавить, что конец 30-х — начало 40-х годов отмечены «черным мраком» реакции и арестов, строжайшего контроля за всем тем, что было дозволено к постановке, и к тому, что не способствовало военным успехам.

¹³ О направлениях развития, пьесах и именах в послевоенном сингэки см.: «Азия и Африка сегодня», 1978, № 4; 1980, № 6; 1982, № 5.

Выставки в Государственном музее искусства народов Востока

Л. И. КУЗЬМЕНКО

«Искусство Кореи»

В залах Государственного музея искусства народов Востока прошла выставка «Искусство Кореи», посвященная 35-й годовщине провозглашения КНДР. Она включала около 90 экспонатов и была целиком сформирована на основе коллекции Национальной картинной галереи в Пхеньяне. Наряду со старыми классическими образцами живописи в экспозиции можно было видеть картины современных мастеров и произведения декоративно-прикладного искусства: великолепные образцы керамики, художественные лаки, красочные вышивки, малую скульптуру из камня.

Впервые советские зрители могли ознакомиться с живописными копиями знаменитых образцов стенописи IV—VII вв. Это время существования на северо-западе Корейского полуострова государства Когурё, когда складываются основы национальной корейской культуры, намечается тенденция к единству стиля, стремление к большим масштабам и монументальным формам, синтезу архитектурных, скульптурных и живописных элементов. Недалеко от Пхеньяна в Анаке открыты когурёские погребения IV в., состоящие из нескольких залов, стены и потолки которых были покрыты росписями. В их сюжетах — и религиозных, и чисто светских — уже чувствуется интерес к личности человека, к его повседневной жизни. Большое впечатление оставляют представленные в экспозиции сюжеты: «Сцены охоты», «Хозяйка гробницы», а также почти шестиметровая композиция «Торжественная процессия». Наиболее значительными являются три гробницы из уезда Кансо, получившие всемирную известность. Изображения мифических животных на росписи внутри этих гробниц по гармоничному решению композиции и предельно изысканной цветовой гамме можно поставить в ряд шедевров не только корейского, но и мирового искусства. Сюжеты росписей связаны с древними космогоническими представлениями. На выставке были представлены две копии стенописи: с изображением «хранителя Севера» — животного Хёнму (змеечерепахи) и алой птицы Юга (Запад символизировал белый тигр, Восток — голубой дракон).

Следующий значительный раздел экспозиции был посвящен классической корейской живописи, расцвет которой приходится на XVI—XVIII вв. Складываются жанры пейзажа, портрета, «цветов-птиц». Живопись исполнялась на шелке или бумаге тушью, растительными и минеральными красками. Применялись такие технические приемы, как «хва» — простой рисунок тушью, «мопхирхва» — рисунок специальной удлиненной кистью, «мунхва» — техника тушевого размытия.

В портретах периода Ли (XVI в.) отчетливо прослеживается стремление к идеализации образов, раскрытию высоких духовных качеств портретируемого. Широко известен портрет Ли Хан Бока, крупного политического деятеля и министра, созданный художником Ли Син Хыпом (на выставке экспонировалась копия XVIII в.).

Живопись XVIII—XIX вв., более широко представленная в экспозиции, развивалась уже в иных условиях. В этот период возрастает национальное самосознание корейцев, что связано с победой в Имчжинской войне, происходит усиление городов, зарождаются капиталистические отношения, которые способствуют выдвижению на первый план представителей третьего сословия — владельцев ремесленных мастерских, торговцев, рядовых чиновников. В XVIII в. передовые представители корейского общества призывали к реформам в области экономики и культуры, отказу от средневековой схоластики и догматизма. Прогрессивные идеи представителей течения «сирхак» («за реальные науки») вызвали к жизни демократизацию сюжетов произведений искусства. Лучшие художники стремились к реалистическому отражению действительности.

Выдающимся художником XVIII в. был Чон Сон, разделявший идеи «сирхак», которого по праву считают основоположником национального реалистического пейзажа. Его творческие приемы весьма разнообразны, он то создает плавной неторопливой кистью грандиозные ландшафты, то работает в остро экспрессивной манере. Неожиданным его маленькие лирические пейзажи, характерные для последних лет творчества, среди которых — «Возвращение в дождь», национальная гордость корейского народа. Картина проникнута элегическим настроением, глубоким философским смыслом. Композиция дополняется изящной скорописью: «Время течет, а поэт углубляется в сыток со стихами. В шуме дождя — предчувствие цветения абрикосов. Весна 1752 года». Несколькими лаконичными движениями кисти художник передает и фигуру ученого, едущего на ослике, и мальчика-слугу, бредущего следом, дерево с голыми свисающими ветвями. Размыты туши создают ощущение весеннего тумана.

Организаторы выставки привезли также небольшую картину знаменитого художника XVIII в. Ким Ду Ряна «Пастух и бык», с предельно условной манерой исполнения. Художник опирался на традиции средневековой корейской живописи, отсюда и лаконичные скупые штрихи, нарочито упрощенный рисунок, фрагментарность в решении композиции. Учеником Чон Сона был прославленный живописец Ли Ин Мун, работавший в жанре пейзажа. Экспонировалась его реалистическая работа «В лодке». Пён Сан Бёк, чья работа «Собака» также была представлена, получил широкую известность как мастер анималистического жанра. Ким Хон До был также последователем идей и творчества Чон Сона. Это мастер реалистического направления, выступавший против сухого академизма, за отказ от условных сюжетов. Его кисти принадлежат портреты простых людей, сцены из народной жизни. Его манера, несколько гротескная, отличается использованием лаконичных, экспрессивных линий и мазков. Такова стилистика его работы-символа «Корейский лев», написанной словно на едином дыхании непрерывной сочной линией.

Современные художники КНДР на основе лучших прогрессивных достижений прошлого стремятся найти новые пути для своего творчества. В 1949 г. был создан Союз деятелей изобразительного искусства, что способствовало широкому развитию художественной жизни страны, росту идейного и художественного уровня авторов, перед которыми стояли новые задачи воспитания самых широких слоев народных масс. Отсюда простой, доходчивый язык их работ, обращение к популярным сюжетам. Главной темой художников КНДР является оптимистическое отражение новой жизни, стремление к осуществлению вековых чаяний народа, обращение к истории своей страны.

В КНДР развиваются как масляная живопись, так и национальная живопись «чосонхва», представленная на выставке. Эти работы создаются акварельными красками на бумаге или на шелке. В картине ху-

дожника Син Бон Хва «Романтики новой жизни» — яркая мажорная гамма, которая подчеркивает оптимистический настрой героев произведения, воспекает радость труда. Несколько произведений посвящено восстанию южнокорейского народа в городе Кванчжу против марionетного режима. Их отличает яркая публицистичность и высокий профессиональный уровень исполнения. Популярным остается и жанр пейзажа, к которому обращаются многие ведущие художники. Ким Ин Хван создал картину «Водопад в горах Мехянсан» в яркой красочной манере.

Декоративно-прикладное искусство Кореи имеет многовековые традиции. Подлинную славу Кореи принесли изделия гончаров. Современные художники-керамисты используют характерные технологические и стилистические приемы. Наиболее излюбленной является техника «сангам» — тончайшая миниатюрная инкрустация цветными глинами по керамическому тесту, создающая эффект прихотливой орнаментальной мозаики. Применяется ажурная резьба по керамике с дальнейшим покрытием изделия стекловидной серовато-зеленой глазурью. Сложной является техника подглазурной росписи кобальтом, подобные изделия должны подвергнуться высокотемпературному обжигу. Часто синий кобальт сочетают также с подглазурной медной краской. В такой манере была выполнена ваза художника Сан Хен Су с изображением винограда, где извивающиеся стебли и листья изображены синим кобальтом, а гроздья — коричневатой краской. Очень свободная, уверенная роспись органично сочетается с простой и изящной формой сосуда. Современные керамисты возродили много уникальных глазурей самых разнообразных оттенков, среди которых славится пурпурная «бычья кровь». В экспозиции были выставлены изделия из корейского лака с инкрустацией переливчатым перламутром по черному фону. Особо привлекала внимание большая напольная ваза с изображением журавлей и сосен заслуженного художника КНДР Ким Сон Чжона. Своеобразны изделия из дерева, инкрустированные разноцветными пластинами древесины различных пород, где использованы эффекты цвета и фактуры. Представлены были образцы малой пластики из полудрагоценных камней. Высокими художественными достоинствами, тонким подбором цветовых оттенков отличаются и произведения корейских вышивальщиц, создающих в основном сложные станковые композиции. Известно, что для одного такого панно подбирают до 400 оттенков шелка.

Выставка «Искусство Кореи» явилась крупным культурным событием, которое расширило представления советских зрителей о национальном корейском искусстве, с наглядностью продемонстрировало преемственность культурных традиций, выдающиеся достижения мастеров Новой Кореи.

«Современная национальная живопись КНР»

Проходившая в залах Государственного музея искусства народов Востока в Москве, а затем в Минске выставка «Современная национальная живопись КНР» была приурочена к 35-й годовщине провозглашения народной республики. Она охватывала несколько десятилетий развития «гохуа», творчество художников трех поколений и включала 70 произведений, присланных из Пекина.

Основоположниками современного направления в китайской живописи, начинавшими свой творческий путь в конце XIX — начале XX в., были Хуан Биньхун (1864—1955), Ци Байши (1860—1957), Пань Тяньшоу (1897—1971), Юй Фэйань (1889—1959) и др. Их творчество зародилось в условиях подъема борьбы антимпериалистических и антифеодалных сил на рубеже столетий, что не могло не отразиться и на развитии искусства. Для творчества передовых художников этого периода характерны разрыв с догматизмом, обращение к непосредственному на-

блюдению явлений природы, демократизация тем и образов, большая свобода художественных средств. В то же время художники использовали по-прежнему бумагу, тени, тушь и водяные краски. В начале XX в. произошли изменения и в системе художественного образования, появляются студии европейского искусства, где китайские студенты знакомились с современными приемами и методами, некоторые из них начали работать в новой манере, объединяющей принципы традиционной китайской и европейской живописи. В 1911 г. состоялась первая художественная выставка, где были представлены работы этого нового направления, а в 1914 г. в Шанхае, при Академии изящных искусств был открыт факультет «гохуа», где преподавали Хуан Биньхун и Пань Тяньшоу. На юге Китая (в Гуанчжоу) в это же время была основана школа, возглавляемая Гао Цзяньфу (1879—1951) и Чэнь Шучжэнем (1883—1948), соединившими в своем творчестве принципы национального и европейского искусства. В 1927 г. факультет национальной живописи был открыт при Нанкинском университете, там работали прославленные Чэнь Чжифо (1896—1962) и Фу Баоши (1904—1965). В 1929 г. в Шанхае состоялась первая Всекитайская выставка живописи, на которой были представлены художники различных школ «гохуа».

После провозглашения КНР национальной живописи было уделено особое внимание. В 1956 г. в Пекине и Шанхае создаются специальные институты «гохуа», стал издаваться журнал «Китайская живопись». Работы последних лет, представленные на выставке в Москве и Минске, также говорят об успехах в этом виде искусства. Мастера «гохуа» работают в традиционно сложившихся жанрах: пейзаж, портрет, жанровая живопись и «цветы-птицы».

Один из основоположников современного направления Хуан Биньхун в своем творчестве обращался к эпическому пейзажу, у мастеров периода Тан (VII—X вв.) он взял идею отображения грандиозного пейзажа, его философскую основу, силу и мощь. Хуан Биньхун максимально заполняет пространство, случайно оставшиеся свободные места он дополняет мелкими деталями — фигурками людей, зданиями.

О Ци Байши и Хуан Биньхуне говорили: «На севере Ци, а на юге Хуан — два великих художника».

Хэ Тяньцзянь (1891—1977), также принадлежавший к шанхайской школе, представлен был интересной работой «[Экспедиция] в горах Сяньшань» (1954), где обращается к современной тематике — работе геологической экспедиции в горах. Он использует стилистику так называемых «синие-зеленых пейзажей» («цинъюй шаньшуй»), колорит которых строится на сочетании различных оттенков туши с плотной голубовато-зеленой краской, получаемой из малахитовой пудры. Краска наносится или в виде плотных кроющих пятен, или в виде мелких точек и крапинок. Именно такой прием используется и в работе представителя пекинской школы Бай Сюэши (род. в 1915 г.) «Мелкий дождь на реке Линцзян». Отображая изумительный по красоте пейзаж Южного Китая близ Гуйлиня, он передает тонким размытом влажностью воздуха, плотную туманную дымку, лишь изредка вкрапляя в тушевые потеки скупые пятнышки драгоценной минеральной краски.

Особое место в развитии пейзажа занимает творчество выдающегося художника Фу Баоши. В 20-е годы он учился в Японии, и уже с тридцатых годов стал профессором Нанкинского университета. Он был и художником, и искусствоведом, и крупным общественным деятелем. Фу Баоши создал многие исторические композиции, иллюстрировал оды Цюй Юаня, но наибольшую известность получил как мастер лирического пейзажа. Фу Баоши предельно использовал пространство, но не как Хуан Биньхун — мощными бросками кисти, — а легчайшими мазками, очень бережно вкрапляя подцветку прозрачными водяными красками голубых, розоватых и зеленоватых оттенков, распределяя их на поверх-

пости особой радужной пленкой, что придавало работам изысканное мерцание. Его пейзаж 1961 г., представленный на выставке, выполнен в монохромной манере тушью и коричневатой краской, где тушь, тончайшими линиями положенная на коричневый фон, образует сложный графический узор.

Еще одно направление в пейзаже ныне возглавляет Ли Кэжань (род. в 1907 г.), ученик Ци Байши и Хуан Биньхуна, в молодости изучавший приемы европейской живописи. Он профессор Центральной Академии художеств, директор НИИ китайской традиционной живописи, заместитель председателя Союза китайских художников. Ли Кэжань — мастер разностороннего дарования, он увлекался народным лубком, создавал картины в лубочной манере, работал и в классической стилистике. Глубоко традиционны его многочисленные композиции, изображающие мальчиков на буйволе. Они созданы в предельно лаконичной манере, буквально несколькими скупыми мазками, языком намека, зашифрованной символики. Оригинальный живописный метод можно было наблюдать и в экспонируемой работе «Краски осени», композиция которой строится по вертикали и в коричневато-красном колорите. Ровную окрашенность он сочетает с единым плотным контуром, придавая работе монументальность и эпическое обобщение. Как пишет Е. В. Завадская, «искусство Ли Кэжана впитало в себя две тенденции, в которых есть некоторое сходство, но они во многом и очень различны: лаконизм, стремление через малое, через деталь, случайное передать целое и вечное идут от искусства Ци Байши; нагромождение линий и пятен, стихийное движение и первозданный хаос как принципы композиции, адекватные самой природе, были восприняты Ли Кэжанем у Хуан Биньхуна»¹.

Художник Лю Хайсу (род. в 1896 г.) принимал участие в создании Шанхайской художественной студии живописи, был директором Нанкинской Академии художеств, с 1981 г. является почетным членом Академии художеств. Он пробовал свои силы и в живописи маслом, но при этом оставался верным принципам «гохуа». Для стилистики его пейзажа «Ода горе Хуаншань» (1983) характерна экспрессивная выразительная линия контура в сочетании с условным колоритом, построенном на сочетании голубой и розовой красок. Соединения светлых, но контрастных цветов придают картине особую изысканную гармонию.

Небольшой пейзаж Цзинь Чжюаня (1930—1984) «Старые деревья у реки» создан на варьировании прихотливых каллиграфических линий.

К художникам, которые соединяли принципы дальневосточной и европейской школ, относится и Линь Фэнмянь (род. в 1900 г.). В 1919 г. он вместе с Сюй Бэйхуном учился в Париже, затем в Германии. В эти годы он работал маслом, создал работы в духе фовизма, но постепенно выработал свой стиль, где объединил разные приемы и методы. С 1927 г. Линь Фэнмянь участвовал в организации художественного института Сиху (Ханчжоу), а после 1949 г. стал преподавателем в Шанхайской студии живописи. Его небольшая работа «Летающие утки осенью» выполнена в манере, близкой европейской акварели, с прозрачными наплывами одной краски на другую, с попытками развернуть пространство вглубь. Колорит работы сдержанный, сочетающий холодные серовато-зеленоватые тона с активными мазками туши.

Художник Ши Лу (1919—1982) в работе «Ветер в соснах гор Хуаншань» прибег к монохромной манере, моделируя изображение условными короткими тушевыми пятнышками, где штрихи, то более сухие, то обильные, подобно мозаике строят прихотливые очертания гор, поросших лесом.

¹ Е. В. Завадская. Ци Байши. М., 1982, с. 88.

Интересны грандиозные пейзажи-панорамы художников Вэй Цзыси (род. в 1915 г.) и Го Чжуаньчжана (род. в 1912 г.). В работе последнего автора отражены все достижения классического китайского пейзажа, который зародился в период раннего средневековья. Художник традиционными приемами создает у зрителя полный эффект непосредственного присутствия в изображаемом мире, вызывая даже ощущение влажной прохлады клубящихся к вершинам гор облаков и тумана, который скрадывает очертания и придает окружающему оттенок фантастичности. Художник использует в грандиозной панораме сразу несколько точек зрения, заставляя зрителя поднять глаза к острым вершинам, уходящим в небо, затем заглянуть в бескрайнюю бездну обрыва и, наконец, вводит элементы линейной перспективы в сочетании с воздушной, изображая бесконечную даль с теряющимися в ней горами и облаками. Работая в монохромной манере, художник использует все приемы работы тушью — тушевой размыв, «сухую кисть», «обильную кисть», каллиграфическую линию.

На выставке можно было ознакомиться с развитием портретного жанра, который берет начало еще в X—XII вв., но получает особое распространение в творчестве художников минской эпохи Тан Иня (XV в.) и Чоу Ина (XVI в.). Средневековые портреты были тесно связаны с конфуцианской традицией и подчинены строгому изобразительному канону, физиогномической символике. Преобладал в основном репрезентативный, официальный портрет, где личные качества человека отодвигались на второй план, а все внимание уделялось его социальной значимости, месту человека в сословной иерархии, потому там много места отводилось символике жестов, тщательной выписанности элементов костюма, имевших также символическое значение.

В XX в. этот жанр претерпевает большие изменения, обогащается новыми приемами. Некоторые мастера начали работать в манере европейского реалистического портрета масляными красками, как прославленный академик живописи У Цзожэнь. Много сил отдал портрету Сюй Бэйхун, создавший портреты Рабиндраната Тагора, Лу Синя и Цюй Цюбо. К портрету обращается и известный у нас в стране прогрессивный художник Цзян Чжаохэ, ученик Сюй Бэйхуна. Он родился в 1904 г. в бедной сычуаньской крестьянской семье. Пятнадцати лет он отправился на заработки в Шанхай, где начал самостоятельно осваивать технику масляной живописи. После успеха на Всекитайской выставке живописи в Шанхае он приглашен преподавателем в Нанкин. Большая творческая дружба связывала Цзян Чжаохэ с Сюй Бэйхуном, который оказывал большую помощь молодому художнику. В 1936 г. Цзян Чжаохэ открывает в Пекине собственную художественную студию. Его творчество 30—40-х годов отмечено суровым драматизмом. Предельно лаконичными средствами он создает трагические образы нищих, бездомных детей, беженцев. Известен он и как художник-иллюстратор произведений Лу Синя. На выставке был представлен прекрасный по своей выразительности портрет великого поэта танского периода Ду Фу (712—770), выполненный Цзян Чжаохэ. Поэт, вероятно, изображен в последние годы жизни, когда он много путешествовал по стране, а нередко и спасался бегством от преследования властителей. Не случайно обращение художника именно к этому образу. Творчество поэта-гуманиста, обличителя социальной несправедливости, сочувствующего угнетенному народу, было близким и понятным самому Цзян Чжаохэ, который с болью и гневом обличал виновников народных бедствий. Поэт изображен в своеобразной манере — объем моделируется лаконичной выразительной линией, но несмотря на условность, передана психологическая характеристика образа, творческий порыв, глубина интеллекта, одухотворенность поэта. Композиция дополнена тонкими побегами бамбука, что связано с традицией символично-ассоциативного намека, по-

скольку бамбук олицетворяет благородство и негибасмую волю. Этим художник усиливает эмоционально-образное воплощение работы.

Своеобразен по своим художественным приемам «Портрет Лу Сня» художника Ли Ци (род. в 1928 г.), заместителя декана факультета китайской традиционной живописи Центральной Академии художеств. Этой работе присущ предельный лаконизм, художник еле намечает контуры фигуры экспрессивной тушевой линией, более тщательная моделировка используется при изображении лица. Тем самым достоверно воплощаются как внешний облик, так и духовная характеристика этого великого человека.

В работе Гу Шэнъюэ (род. в 1927 г.) «Старый уйгур» использована совершенно иная стилистика, основанная на плоскостных пятнах, наложенных плотными пастозными мазками, и колорите, сочетающем охристые, черные и белые тона.

Портрет художника Пань Тяньшоу, созданный У Юнляном (род. в 1937 г.), привлекает внимание зрителей к еще одной разновидности жанра, соединяющей черты пейзажа с портретом. Образ художника, переданный несколько условно, соединен с окружающей природой, где изображения растений и цветов напоминают композиции самого Пань Тяньшоу.

Тесно связан с портретом жанр «люди», в рамках которого художники современного направления предельно расширили круг тем и образов, обращаясь как к историческим и литературным сюжетам, так и к современным событиям. Именно в этом жанре сказались демократические тенденции, новые веяния времени. Жанр «люди» оказался восприимчивым к введению самых различных приемов в традиционную стилистическую канву. Чаще всего художники при изображении каких-либо сцен прибегают к методу «гунби» («тщательная кисть»), где при построении композиции большое значение придается локальным цветовым пятнам и четкой, плотной линией.

Се Чжэнъюу (род. в 1945 г.) в своем горизонтальном свитке «Западный рынок в Чанъани» (1983) обращается к историческому сюжету из эпохи Тан. Он изображает столицу империи город Чанъань, славившийся своей архитектурой, парками, широкими прямыми улицами. Это был центр торговли на пересечении важных транспортных путей. Свиток имеет в длину около пяти метров, что позволяет вместить множество разнообразных сцен. Горизонтальные свитки были известны уже в период раннего средневековья, их никогда не помещали в интерьер, они показывались только знатокам и рассматривались постепенно, фрагмент за фрагментом, справа налево. Се Чжэнъюу изобразил шумную многочисленную пеструю толпу. Мы видим различные процессии, выступления танцоров и акробатов, иноземцев, привезших свои товары, лавочки, где торгуют шелком и фарфором. Художник весьма достоверно передает облик и костюмы людей отдаленной эпохи, предметы быта, используя метод и колорит танских жанровых свитков.

К более близким нам историческим событиям обращается Ван Юшэн (род. в 1941 г.) в композиции «Доктор Бетюн ночью переходит границу» (1981), где очень подробно, в повторяющихся сценах, заключенных в пейзажные обрамления, рассказывается история перехода через границу мужественного врача-добровольца из Голландии, пробиравшегося на территорию освобожденных районов для оказания помощи раненым. Не противоречит теме особая декоративная манера художника, основанная на применении серебристо-серой туши с легкой подцветкой нежной охристо-розовой краски и точечными вкраплениями минеральной белой краски, этим подчеркивается романтически-взволнованный отклик повествования.

Многие художники XX в. совмещают в рамках жанра «люди» принципы традиционной манеры «гунби» с приемами европейской живописи.

В работе Ван Бинъяна (род. в 1951 г.) «Самые близкие», где изображены бабушка и внучка (1982), сюжет весьма прост и доходчив, манера плоскостного изображения при условном, предельно упрощенном колорите сочетается с объемной лепкой, передачей светотени.

На примерах работ «Весенняя прогулка» (1982) Сун Чжунъюаня (род. в 1932 г.) или «Игра в жмурки» (1982) Чжао Фу (род. в 1936 г.) видно, что художники в своем творчестве обращаются и к использованию элементов народного лубка с его яркой красочной палитрой, нарочитым упрощением, смещением пропорций в изображении фигур и лиц. Они заимствуют у лубка его язык благожелательного подтекста, традиционную символику образов, общий оптимистический настрой.

Представлено было и творчество одного из старейших художников Е Цяньюя (род. в 1907 г.). Начиная свою деятельность в Ханчжоу, беря уроки у европейского художника и рисуя плакаты для торговых фирм, затем обучался в Гонконге у пейзажиста Чжан Дацяня. В ранний период своего творчества много занимался карикатурой и живописью «гохуа», после 1949 г. начал преподавать в Центральной Академии художеств, стал широко известен как мастер новой тематики в «гохуа». Его линия, то прихотливо-изысканная, то четкая, в сочетании с яркими локальными пятнами является основной чертой его работы «Танец» (1964).

Работа художника Хуан Цзюня (род. в 1904 г.) «Вэнь Цзе слушает игру на лютне» выполнена в традициях академической живописи XVIII—XIX вв., но художник пытается обновить старые приемы попытками передачи психологической характеристики героев. В композиции линия четко обрисовывает контуры фигур и изображаемых предметов. Колорит несколько затемненный, построенный на сочетании темной, почти коричневой киновари, темно-зеленой с холодным оттенком минеральной краски и «обильной» туши. Слегка оживляет палитру введение нежно-розовой и белой акварелей. Художник заимствует традиционный сюжет, повествующий о знаменитой красавице древности, которая обладала незаурядными художественными способностями и редчайшим музыкальным дарованием. На свитке Вэнь Цзе изображена в тот момент, когда она на слух определила струну, оборванную отцом.

Еще один историко-литературный сюжет использует Чэн Шифа (род. в 1921 г.) в работе «Сановник Фан Ли с красавицей Си Ши на озере Тайху» (1981). Лица персонажей слегка тонированы светло-розовой акварельной краской, а в целом работа выполнена в монохромной манере. Сухая прихотливо-каллиграфическая линия композиции зыбкими струящимися нитями передает очертания деревьев и их отражение в покрытой рябью воде озера. В этот живописный узор органично вписывает вертикальные надписи.

В современной жанровой китайской живописи очень часто используется прием, когда персонажи, написанные в реалистической манере с передачей их характера, мыслей и чувств, помещаются на фоне условного пейзажа — растений, трактованных как некий орнаментальный мотив и т. п. Эту особенность можно наблюдать в картине Ван Ючжэна (род. в 1941 г.) «По секрету бабушке» (1979). Старик, плетущий корзины, и девочка размещены на фоне декоративного узора из черных веток.

Творчество выдающегося художника XX в. Ци Байши было представлено одной работой «Осенние хризантемы» (1953), но она сконцентрировала в себе едва ли не все основные художественные принципы великого мастера. Художник следовал методу «сен» («выражение идеи»), используя свободный живописный мазок, несколькими скупыми линиями воплощая сложные понятия. Мазки и линии он накладывает так непринужденно, что его работы кажутся свободной импровизацией. Ци Байши использовал язык обобщений, намека, все богатство историко-литературных и эмоциональных ассоциаций. Сюжет его экспонируе-

мой работы с изображением хризантем около запечатанного керамического сосуда с вином заставляет обратить нашу память к жизни и творчеству знаменитого поэта раннего средневековья Тао Юаньмина, воспевавшего красоту «царицы осени», «отшельницы, источающей тонкий аромат», как он называл хризантему, и тем самым воспевавшего жизнь поэта и художника, свободного от карьеры придворного чиновника.

Ци Байши работал и в жанре пейзажа, и в жанре «люди», и в жанре портрета, но последние годы жизни он посвятил целиком жанру «цветы-птицы», который и сегодня остается популярным в Китае. От художников требовалось высокое композиционное мастерство, виртуозное владение линией, так как основным принципом этого жанра являлся предельный лаконизм, соответствующий отражению великих идей в малом, незначительном на первый взгляд. Многие сложные понятия, все многообразие мира художник должен передать здесь небольшой сценкой, одним или двумя предметами. В основе живописи «цветов и птиц» лежат глубокие наблюдения за природой. Выхватывая из ее многообразия лишь то, что мгновенно поразило его, художник с особой любовью рисует нежную трепетную веточку мэйхуа, поникший над прудом лотос, хризантему у скалы, орла на сосне, орхидею и бамбук, пышные пионы, гусей в тростнике.

Старейший художник Пань Тяньшоу (1897—1971), являвшийся почетным членом Академии художеств СССР, также создавал свои композиции в манере «сен». В картине «Вспоминая цветы в горах Яньданшань» (1962) цветы и ветви располагаются вокруг огромного прямоугольника, условно изображающего скалу или камень, при этом колорит также весьма условен — цветы выполнены коричневатой краской, а листья и ветви — зеленовато-голубой. Художник использует не только свободную экспрессивную линию, но и элементы гротеска, когда краску наносит не прикосновением кисти к бумаге, а стряхиванием с нее туши прямо на бумагу в виде расплывающихся кляксообразных пятен. Художник часто использует в своих работах элемент «неожиданности», это могут быть и неожиданные, небрежные абстрактные пятна, то вдруг среди нежных, изысканных цветов появляются забавные лягушки. Это может проявляться и в оригинальном композиционном построении.

Цуй Цзыфань (род. в 1915 г.) в работе «Две птицы багэ на ветке магнолии» (1980) прибегает к манере «помо» («обильная тушь»), где черные пятна и мазки являются основным средством формообразования. Мазок обильной туши расплывается, образуя постепенно высветляющийся ореол, тушь постепенно от своего «эпцентра» проходит через различные градации от черного к белому, а неровные волнообразные края, образованные потеками туши, придают композиции своеобразный оттенок непринужденности. Особое мастерство художника заметно при нанесении туши не однородной, а характерной линией, когда кистью, наполненной обильной тушью, он может провести несколько сухих волнообразных линий, незаметным движением руки как бы «расщепляя» кончик кисти. Насыщенные до предела тушевые пятна оттеняются светлосерыми линиями в изображении соцветий магнолии, при этом тушь приобретает теплый оттенок от дополнительного нанесения ярко-желтой и горяще-красной красок.

Только одной тушью создает композицию «Тибетские яки» прославленный художник, академик живописи, президент Центральной Академии художеств У Цзожэнь (род. в 1908 г.). Во Франции и Бельгии он овладел техникой европейского рисунка, много работал маслом, создавал произведения в духе европейского реализма. Его также увлекала задача соединить европейские и дальневосточные принципы. В 50-е годы он создал серию портретов людей труда. Известна его работа «Портрет героя труда — знатного машиниста Ли Юна». Портрет Ци Байши он пишет в традициях национальной живописи, при этом основное внима-

ние уделяет раскрытию одухотворенности образа. На выставке была представлена уже упомянутая его картина «Тибетские яки», где показаны бегущие животные в свособразном, условно обозначенном пейзаже с использованием элементов линейной перспективы. Одновременно художник оставляет пустое пространство в композиции, которое зритель должен мысленно заполнить. Этот прием восходит к традициям художников направления «вэньжэньхуа» («живопись интеллектуалов»), где присутствуют асимметрия и намек, недосказанность, а также мгновенный рисунок, создающий впечатление наброска. Художник использует все то новое богатство, все возможности туши — от тончайшей каллиграфической линии до густого расплывающегося мазка со свободными потеками по поверхности картины. Органично введена в живопись стилизованная каллиграфия в архаическом стиле и красное пятно авторской печати.

Зрители могли еще раз встретиться с творчеством хорошо известного у нас в стране Сюй Бэйхуна, чья юбилейная выставка проходила в Государственном музее искусства народов Востока в октябре — ноябре прошлого года². Экспонировалась его работа «Гуси в тростнике», выполненная в 1935 г. и отразившая все характерные особенности живописи Сюй Бэйхуна. Фигурки птиц выполнены плотной, слегка мерцающей белой краской, бледной тушью слегка намечены объемные контуры, тростник на втором плане, написанный в серовато-зеленых тонах, как бы замыкает композицию, яркими киноварными пятнами вспыхивают лапки птиц на серовато-песочном фоне.

Хуан Хуанью (род. в 1906 г.) создал изысканную по колориту картину, где изобразил взлетающую над стволом дерева цаплю. Композиция традиционно асимметрична, ствол дерева изгибается несколько раз углами, обозначая этим динамичное движение, которое уравнивает вытянутая фигура птицы. Художник пишет нежными водяными полупрозрачными красками и легкой тушью, создавая гармонию коричнево-охристых, кремоватых, серебристых тонов. Декоративный эффект усиливается введением белой перламутровой краски, придающей живописной поверхности загадочное мерцание и некоторую таинственность.

Работе Чжан Синьцзя (род. в 1909 г.) «Цветущая вишня и ласточки», написанной в 70-х годах, присущ особый колорит, построенный на сочетании нежно-розовой акварели, белой минеральной и золотисто-коричневой краски. Неожиданный цветовой акцент — фигурки двух птиц, выполненные в ярких контрастных черно-красных тонах.

Наряду с «сен» художниками Китая использовалась и традиционная манера «гуинби» («прилежная кисть»), когда при изображении цветов, растений или птиц прописывался каждый листок, каждая жилка или тычинка. Декоративные работы с применением «гуинби» отличаются мажорным звучанием, ярким праздничным колоритом. На протяжении всей своей творческой жизни этому направлению был верен известнейший мастер Юй Фэйань (1889—1958). В экспонируемой работе «Пионы» (эти цветы символизируют пышность и процветание) он использует яркие локальные пятна краски, которые заключает в прихотливый абрис контурной линии. Художники «гохуа» часто обращаются к традиционному языку благожелательной символики, нередко используя образные элементы для составления особым образом зашифрованного ребуса, сложного смысла произведения. Это можно проследить на примере картины Юй Цзингао (род. в 1932 г.) «Фазаны и магнолии», созданной в традициях полихромных свитков XVI—XVII вв. Живописец в рамках «гохуа» старается максимально достоверно передать цвет, тщательно рисует оперение фазанов, цветы пиона и магнолии, сохраняя при этом некоторую плоскостную аппликативность. Изображение пиона тра-

² См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 3.

диционно связывалось с пожеланием богатства, фазан символизировал почет, пожелание высоких чинов, мелкая орхидея, пританцовывая у скалы, была олицетворением истинно благородного человека, а магнолия ассоциативно связывалась с понятием прекрасного. Таким образом художник выражал основные идеи через композиционное сочетание суммы изобразительных мотивов. Многие художники по-новому осмысливают древнюю символику, применяя ее к современным событиям. Сокол на сосне еще во времена средневековья являлся аллегорией героизма, негибимого мужества. Эту символику использовал художник Тянь Шигуань (род. в 1916 г.), посвятив произведение тридцатилетию провозглашения Китайской Народной Республики. Академик живописи Чэнь Чжифо (1896—1962), возглавлявший Нанкинскую живописную школу, создал работу «Журавли над сосной», посвятив ее десятилетию провозглашения КНР (1959), где десять журавлей — птиц долголетия и счастья — символизируют пожелание долголетия и счастья стране. Эта работа отличается повышенным декоративизмом, сложным цветовым и линейным ритмом.

Стоит упомянуть и такую картину, как «Фазаны и глициния» Ван Сюэтао (1903—1975), где очень органично соединены элементы живописи «сеи» с полихромно-декоративным стилем, а также картину старейшего живописца Ван Гэи (род. в 1896 г.) «Цветущее дерево утун», отличающуюся свободной экспрессивной композицией. Своеобразно введение в живописную канву произведения Ли Кучаня (1898—1983) «Разгар лета» каллиграфии, которая следует округлым очертаниям листьев и стеблей, а сами стебли лотосов в свою очередь напоминают замысловатые иероглифы. В работе сочетаются различные приемы. Листья выполнены в технике тушевого размыва, а цветы в условно-декоративной манере, с некоторым влиянием лубочного примитивизма (лепестки окрашены розовой краской и тщательно дополнены ровными темными полосками). Хочется назвать и своеобразную картину Сюй Си (род. в 1940 г.) «Долгожданный снег» как пример городского пейзажа. На первом плане виден уголок старого квартала с маленькими домиками и дворами, занесенными первым пушистым снегом. Линия горизонта, чуть приподнятая (что восходит к старой традиции), закрыта высотными домами и стрелами башенных кранов — приметами новой жизни. Сочетание белых и тушевых пятен образует фон картины, на котором выделяются более и менее яркие киноварные мазки.

Выставка имела большой успех у советских зрителей, она познакомила их с поразительным разнообразием творческих приемов и методов национальной живописи «гохуа», со всеми ее исторически сложившимися жанрами живописи, которая, опираясь на древние традиции, продолжает свою жизнь.

Япония и Сингапур: некоторые тенденции развития отношений

Г. Г. МОРОЗОВ

В стремлении добиться увеличения политического веса своей страны на мировой арене и привести его в соответствие с возросшим экономическим потенциалом Токио уделяет серьезное внимание развитию отношений с теми развивающимися странами, которые заинтересованы в получении «помощи» от Японии, а потому склонны поддерживать ее далеко идущие планы. Основная ставка при этом делается на страны, входящие в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Неоднородность их в экономическом и социально-политическом отношении предопределяет разную степень поддержки, оказываемой их правящими кругами азиатской политике Токио. Рассмотрение особенностей японского подхода к отдельным странам — членам Ассоциации позволяет глубже разобраться в приемах и методике, которые Токио использует для достижения своих глобальных целей.

Достаточно показательным примером может служить комплекс устойчивых и разветвленных связей, установившихся между Японией и Сингапуром. В ежегоднике МИД Японии констатируется, что «их развитие привело к установлению тесного сотрудничества в чрезвычайно широких областях, в частности не только в области экономики, включая торговлю и инвестиции, но также в социальной и культурной областях». С удовлетворением констатируется, что «Сингапур проявляет желание перенять японский опыт, относящийся к широкому кругу вопросов». Япония же, «идя ему навстречу, развивает с ним активное сотрудничество»¹.

Специфика отношений между двумя странами определяется, в частности, тем, что в 80-е годы Сингапур выдвинулся в ряд стран, превратившихся, по определению академика Е. М. Примакова, в своего рода региональные «мини-центры». Как справедливо указывает известный советский востоковед, «отдельные государства (как правило, из относительно более развитых) оказались в особом положении в группе развивающихся стран благодаря своему исключительному экономическому или военно-политическому значению, а подчас и по обоим причинам сразу. С одной стороны, они сами реализуют или пытаются реализовать это особое положение в отношениях с прочими развивающимися странами, а с другой — такое их положение используют империалистические государства», которые стремятся превратить эти страны в свои «опорные пункты»².

Стратегически исключительно выгодное положение на стыке двух океанов — Тихого и Индийского — позволяет Сингапуру контролировать жизненно важные для Японии коммуникации, связывающие ее со странами Ближнего Востока и Европы. Через Малаккский и Сингапурский проливы проходит до 40 % всего японского импорта (в том числе до 80 % потребляемой в Японии нефти) и более трети всего японского экспорта. Это важное обстоятельство не может не учитываться Токио в его долгосрочном внешнеполитическом планировании в отношении островной республики.

На развитие отношений между Японией и Сингапуром повлияло и то, что в результате действий руководства города-государства, практически с момента провозглашения независимости страны в 1965 г. делавшего упор на политику «открытых дверей» для иностранного капитала, Сингапур превратился в «рай» для монополий ведущих империалистических держав.

Будучи мини-государством в Азии по размерам занимаемой площади, Сингапур отнюдь не является государством с мини-экономикой. Привлекательность островной республики для Японии связана в первую очередь со значительными экономическими интересами японских монополий в этой стране, вышедшей на второе место в Азии после Японии по уровню валового национального продукта (ВНП) на душу населения. По данным на 1982 г., этот показатель, характеризующий степень экономического разрыва между развитыми капиталистическими и развивающимися странами, составил для Сингапура 5910 ам. долл. Тем самым Сингапур превзошел

¹ «Вага гайко-но кинкё» («Обзор японской внешней политики»), Токио, 1984, № 28, с. 103.

² Е. М. Примаков, Восток после краха колониальной системы, М., 1982, с. 47.

уровень ВВП на душу населения, например, такой страны, как Испания (5430 ам. долл.), и значительно сократил разрыв с Италией (6840 ам. долл.), хотя по-прежнему сильно отставал от Японии (10 080 ам. долл.)³.

Вместе с тем за цифрами, характеризующими относительное экономическое благополучие островного государства, скрывается зависимость его экономики от иностранного монополистического капитала, заинтересованного в извлечении максимальной прибыли при минимальных издержках.

В результате широкой экономической экспансии Японии сумма товарооборота между двумя странами достигла в 1983 г. почти 6 млрд. ам. долл., увеличившись по сравнению с 1965 г. в 27 раз. Япония занимала в 1983 г. первое место среди стран-экспортеров в Сингапур, причем на нее приходилось 18 % всего импорта островной республики. О том, что последняя является емким рынком для японских товаров, указывало то, что в том же году Сингапур, обогнав Австралию, Канаду и Индонезию, занял девятое место среди стран мира, импортирующих японскую продукцию.

О значении японского рынка для Сингапура говорит тот факт, что его доля в совокупном экспорте страны составила в 1983 г. 9,2 % (третье место после Малайзии и США). Сингапур, в частности, обеспечил в 1983 г. поставку в Японию 19,4 % всех ввезенных ею нефтепродуктов на общую сумму свыше 1 млрд. ам. долл., заняв тем самым первое место среди экспортеров этой продукции в Японию⁴.

Для торгового баланса между двумя странами характерно постоянное положительное сальдо Японии. В 1983 г. дефицит взаимной торговли достиг 2,98 млрд. ам. долл. В то же время проблема торгового дисбаланса не достигла остроты, характерной для отношений Токио с большинством других стран мира, включая соседей Сингапура в Юго-Восточной Азии. Японию удовлетворяет готовность сингапурского правительства не придавать этой проблеме политического характера.

Оно же исходит из того, что на данном этапе дефицит практически неизбежен, поскольку из Японии ввозится, в основном, продукция, созданная на базе новейшей технологии и необходимая для ускоренного экономического развития страны. Кроме того, дефицит в торговле с Японией компенсируется валютными поступлениями из других источников (туризм, фрахт, порт, аэропорт, банковское и страховое дело и т. д.), что позволяет поддерживать в целом устойчивый курс сингапурского доллара⁵.

Торгово-экономические отношения двух стран включают и предоставление финансовой помощи Сингапуру со стороны Токио. В силу достаточно устойчивого экономического положения города-государства такая помощь не играет для него столь важной роли, которую играет предоставление японских займов и кредитов для некоторых других государств Юго-Восточной Азии. Так, для Филиппин, Таиланда и некоторых других стран региона финансовая поддержка со стороны Токио является одним из важнейших факторов стабильности правящих там режимов.

Тем не менее в 1982 г. Япония заняла первое место среди стран, входящих в Комитет помощи развитию ОЭСР и оказывающих по правительственной линии «официальную помощь развитию» (ОПР) Сингапуру на льготных условиях. Объем японской ОПР составил 7,6 млн. ам. долл.⁶ В 1983 г. он возрос до 7,98 млн. ам. долл.⁷

На современном этапе центр тяжести экономической экспансии Японии в Сингапуре все более переносится на экспорт капитала. Японским вкладчикам капитала импонирует политическая платформа стабильного сингапурского руководства и его политика, направленная на создание максимально благоприятных условий для иностранных инвестиций.

Немаловажное значение придается в Токио и тому, что товары, изготовленные на японских предприятиях в Сингапуре, обладают высокой конкурентоспособностью, а также пользуются таможенными льготами в рамках генеральной системы преференций на рынках США и ЕЭС (товары аналогичной номенклатуры, произведенные в Японии, такими льготами не пользуются).

Сингапур заинтересован в притоке японских инвестиций, считая, что они представляют собой необходимое условие ускоренного развития собственной промышленности. По мнению сингапурского руководства, они способствуют росту занятости населения и подготовке квалифицированных производственных и управленческих кадров, получению отчислений с прибыли совместных предприятий в виде налогов, внедрению новейшей технологии на предприятиях страны. С 1965 по 1982 г. японские инвестиции возросли с 8,8⁸ до 1383 млн. ам. долл.⁹, то есть более чем в 157 раз.

Осуществляя перестройку экономики на основе первоочередного развития новейших наукоемких отраслей, потребляющих сравнительно немного энергии и сырья, японскому капиталу становится все выгоднее передислоцировать ряд морально уста-

³ См.: «Вага гайко-но кинкё», 1984, № 28, с. 568, 570.

⁴ Цусё хакусё (какурон) (Белая книга по внешней торговле (обзор рынков). Токио, 1984, с. 302, 782, 204.

⁵ «Asiaweek», 7.IX.1984, p. 33.

⁶ Кэйдзай кёрёку-но гэндзё-то мондайтэн, 1983 (Состояние и проблемы экономического сотрудничества). Токио, 1984, с. 425.

⁷ «Вага гайко-но кинкё», 1984, № 28, с. 610—611.

⁸ In: «Asia Research Bulletin», 1973, vol. 2, N 9, p. 1473.

⁹ См.: Кэйдзай кёрёку-но гэндзё-то мондайтэн, 1983, 1984, с. 422.

ревающих, громоздких отраслей промышленности в развивающиеся страны. Примером этого служит равнодолевое соглашение с сингапурской стороной о сооружении консорциумом японских компаний во главе с «Сумитомо кагаку» крупнейшего нефтехимического комплекса на острове Мербау (Сингапур) общей стоимостью 1 млрд. ам. долл.¹⁰

Участие Японии в данном проекте было продиктовано рядом факторов, которые оказывают все большее влияние на развитие японской промышленности в целом. К ним относятся усиление контроля за охраной окружающей среды, рост цен на землю, увеличение зарплаты японского рабочего класса. Вывод производства за пределы страны способствует повышению конкурентоспособности японских товаров на мировых рынках и вместе с тем дает возможность правящим кругам Японии преподнести его в качестве «шага навстречу чаяниям развивающихся стран», «экспорта технологий».

Довольно резкая критика, которой сингапурские лидеры подчас подвергают японских партнеров, ни в коем случае не означает намерения ущемлять интересы японских монополий. В этой связи характерно следующее высказывание сингапурского официоза — газеты «Стрейтс таймс»: «Главным результатом японских инвестиций в нашей республике является вклад в ее экономику. В то время как японцы присваивают себе львиную долю прибылей, определенные блага перепадают и нам. Поэтому, несмотря на то что в определенных кругах придираются к бесчувственности японцев, в целом Сингапур глубоко осознает, что их присутствие ему выгодно»¹¹.

Пуск в 1984 г. указанного комбината послужил, как сообщало агентство Киодо Цусин, поводом для выражения японской стороне недовольства со стороны американских деловых кругов, обвинивших Японию в том, что предоставление ею помощи Сингапуру и ряду других развивающихся стран в строительстве крупных промышленных предприятий вызовет появление излишних производственных мощностей в мире и соответственно нанесет ущерб американскому рынку.

При всей значительности масштабов экспансии японских монополий на быстрорастущий сингапурский рынок не следует недооценивать того факта, что господствующее положение среди иностранных вкладчиков капитала занимает американский капитал. Около 700 американских корпораций вложили в экономику Сингапура свыше 4 млрд. долл. В 1983 г. США стали крупнейшим торговым партнером островной республики, причем товарооборот составил около 6,7 млрд. долл.¹² Противодействие американского капитала является серьезным препятствием на пути дальнейшего внедрения японских монополий в экономику острова.

Немалое значение в Японии придается тому обстоятельству, что Сингапур оказался одной из стран, наиболее восприимчивых к изощренной идеологической обработке со стороны Японии, проводимой ею явно в неокOLONиалистских целях.

Японским правящим кругам чрезвычайно импонировали призывы сингапурских лидеров «учиться у Японии», глубже изучать нюансы отношений труда и капитала в современной Японии и ее социального устройства. Руководство Сингапура сделало Страну восходящего солнца фактически образцом для дальнейшего развития республики, учитывая сходство природных и географических условий обеих стран.

Так, например, в 1977 г. тогдашний президент республики Б. Шьерс говорил: «Мы должны изучать опыт японцев — каким образом они превратили свою страну менее чем за 100 лет, прошедших со времени реставрации Мэйдзи в 1868 г. в современное промышленное государство, не отказавшись при этом от своих культурных традиций. Их опыт более уместен для нас, чем опыт стран Западной Европы»¹³.

Одним из важных направлений оказания Сингапуру помощи в этой области Токио видит в обучении необходимым навыкам «людских ресурсов» страны¹⁴. Эта деятельность проводится как путем обучения сингапурских специалистов в Японии, так и создавая с помощью японского капитала соответствующие исследовательские центры и учебные заведения в Сингапуре.

В 1983 г. в Японии получили необходимую подготовку 453 сингапурских специалиста, что из расчета отношения этого числа к населению своей страны (2,444 млн. человек) во много раз превышает соответствующие показатели для других стран Юго-Восточной Азии. Только по правительственной линии в Сингапуре находилось для проведения инструктажа 135 японских экспертов¹⁵. О том, что японские усилия достигают своей цели, свидетельствует высказывание премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю, сделанное им во время переговоров с японским коллегой Я. Накасонэ в мае 1983 г.: «Готовность Японии поделиться своим опытом явилась важным вкладом в усилия Сингапура, направленные на приспособление его экономики к меняющимся индустриальным требованиям»¹⁶.

¹⁰ Подсчитано по: Кэйдзай кёрёку-но гэндзё-то мондайтэн, 1983, с. 423.

¹¹ «Straits Times», 18.III.1978.

¹² In: «U. S. News and World Report», 20.VIII.1984, p. 49—50.

¹³ «Straits Times», 9.II.1977.

¹⁴ См.: «Бага гайко-но кинкё», 1983, № 27, с. 86.

¹⁵ См.: «Бага гайко-но кинкё», 1984, № 28, с. 108, 103.

¹⁶ «Asiaweek», 20.V.1983, p. 29.

Интерес Японии в отношении «города Льва» не исчерпывается лишь соображениями, связанными с получением экономической прибыли. Сингапур, внешняя политика которого имеет проимпериалистическую ориентацию, способен, как, по-видимому, считают в японских правительственных кругах, играть не последнюю роль в деле усиления политического влияния Японии в ЮВА.

К моменту, когда Сингапур, выйдя из состава Федерации Малайзия, обрел 9 августа 1965 г. независимость, Токио накопил богатый опыт по урегулированию послевоенных претензий со стороны стран Юго-Восточной Азии, ставших в годы второй мировой войны объектами японской агрессии и понесших вследствие этого колоссальный материальный ущерб.

Поставив перед собой цель включения молодого государства в сферу японской экономической экспансии, набиравшей силу в Юго-Восточной Азии, Токио с самого начала проводил по отношению к Сингапуру активную дипломатию. Япония заявила об официальном признании новой страны 10 августа 1965 г.

Тот факт, что в отношениях между двумя странами отсутствовала необходимость формального заключения мирного договора, поскольку он был подписан бывшей метрополией Сингапура — Великобританией в 1951 г. на Сан-Францисской мирной конференции, способствовал их безостановочному развитию. Однако период 1942—1945 гг., когда в переименованном японцами в Сёнан Сингапуре от рук японской военщины пало более 50 тыс. человек¹⁷, не мог не оставить остро неприязненного отношения к Японии со стороны населения острова.

Таким образом, проблема преодоления антияпонских настроений, связанная с необходимостью возмещения Японией нанесенного ею ущерба, занимавшая сразу после окончания войны центральное место в двусторонних отношениях Токио с другими странами региона, нашла отражение и в японо-сингапурских связях. Вместе с тем требования Сингапура были несопоставимы, например, с первоначальными репарационными требованиями Филиппин, оценивавших понесенные в результате японской агрессии убытки на сумму 8 млрд. ам. долл. Сингапурскую позицию отличала значительно большая уступчивость, связанная с нежеланием правительства этой страны вступать в открытую конфронтацию с Японией по этому вопросу. Правительство Сингапура опасалось, что затяжка решения данной проблемы на длительный срок отрицательно повлияла бы на перспективы развития взаимных отношений в экономической области.

Наряду с этим кабинет во главе с премьер-министром Ли Куан Ю не мог игнорировать наличие сильных антияпонских настроений среди влиятельной китайской общины острова¹⁸. Ее представители настаивали на том, что непременным условием установления дружественных отношений с Японией должна стать выплата со стороны Токио его «кровавого долга» в размере 100 млн. малайских долл.¹⁹

Первые японо-сингапурские переговоры на высоком уровне, проведенные в ходе визита тогдашнего министра иностранных дел Японии Э. Сиина в октябре 1966 г., свидетельствовали об обоюдном стремлении сторон уладить проблему «кровавого долга» в возможно сжатые сроки. Позднее Токио удалось добиться снижения суммы, подлежащей выплате, ровно наполовину в ответ на обещание увеличить приток в Сингапур японских инвестиций.

21 сентября 1967 г. между двумя странами было подписано соглашение об урегулировании вопроса о репарациях. В соответствии с ним Япония обязалась в течение 5 лет в счет безвозмездной помощи оснастить в Сингапуре судовой базой, станцию спутниковой связи, поставить некоторые виды оборудования для морского порта и одного правительственного учреждения — всего на общую сумму 2,94 млрд. иен. 9 сентября 1970 г. в рамках выплаты «кровавого долга» Сингапуру Япония предоставила ему два иенowych кредита на аналогичную сумму²⁰.

К 31 марта 1972 г. Токио полностью выполнил взятые на себя обязательства. Осуществление репарационных поставок способствовало ослаблению антияпонских настроений на острове, хотя и не решило этой проблемы окончательно. Вместе с тем эти поставки и предоставленные кредиты стали важной вехой на пути начавшегося проникновения японского монополистического капитала в Сингапур.

Важнейшим элементом провозглашенного Сингапуром внешнеполитического курса объявлялся принцип «равноудаленности» в отношениях с великими державами. В качестве инструмента проведения этого курса в жизнь сингапурское руководство избрало политику поддержания «баланса сил» в Юго-Восточной Азии. Отражением усилий Сингапура «сбалансировать» положение своей страны в регионе и обеспечить ее беспрепятственное развитие в будущем стал ряд важных внешнеполитических акций молодого государства, и прежде всего вступление Сингапура 8 августа 1967 г. в АСЕАН, поставившую задачу «ускорять экономический рост, социальный прогресс и

¹⁷ См.: Ю. Лю. Современный Сингапур. Справ. изд. М., 1976, с. 34.

¹⁸ Этнические китайцы составляют свыше 75 % населения страны.

¹⁹ До 12 июня 1967 г. денежной единицей Сингапура служил малайский доллар, замененный затем на сингапурский. Их курс был одинаков и составлял в 1966 г. 3,08 за 1 ам. долл. — «Singapore International Chamber of Commerce. Economic Bulletin», 30.VI.1973, p. 23.

²⁰ См.: «Кэйдай кёрёку-но гэндзё-то мондайтэн, 1983», с. 421.

культурное развитие в регионе», а также «способствовать миру и стабильности, активному сотрудничеству и взаимопомощи по вопросам, представляющим взаимный интерес в экономической, социальной, культурной, технической, научной и административной областях»²¹.

Вышеуказанным целям отвечало, по мнению сингапурского правительства, и установление дипломатических отношений с Советским Союзом (июнь 1968 г.). Вместе с тем Сингапур не стал устанавливать подобные отношения с КНР, заявив, что пойдет на такой шаг только после Индонезии. В условиях, когда внимание США было сосредоточено на агрессивной войне во Вьетнаме, упор на дальнейшее развитие разносторонних связей с Японией, по мнению руководства Сингапура, отвечал целям его курса на международной арене. Регулярность, с которой в последующем обменивались визитами руководители обеих стран, отражала взаимную заинтересованность в развитии отношений между ними.

В ходе двусторонних переговоров на высшем уровне, проведенных в 1967 и 1968 гг. соответственно в Сингапуре и Токио, Япония потерпела неудачу в попытке склонить Сингапур к участию в созданном в 1966 г. под эгидой Японии Азиатско-тихоокеанском совете (АЗПАК). Однако переговоры, проведенные на фоне агрессивной войны США во Вьетнаме, показали, что взгляды обеих сторон по основным международным проблемам совпадали или были близки. Так, в течение всех лет «грязной войны» США во Вьетнаме как японское, так и сингапурское правительство, заявляя на словах о своем «стремлении» к скорейшему мирному разрешению конфликта, на деле активно поддерживали американскую политику. Война в Индокитае явилась важным источником валютных средств не только для Японии, заработавшей в 1965—1972 гг. более 5 млрд. ам. долл. на военных заказах США²², но и для Сингапура, также выполнявшего, хотя и в меньшем объеме, аналогичные заказы и предоставлявшего свою территорию для американских вооруженных сил.

Важным событием, оставившим след в японо-сингапурских отношениях, стал вывод английских войск «к востоку от Суэца» в 1971—1972 гг. Соответствующий план был обнародован 16 января 1968 г. тогдашним премьер-министром Великобритании Г. Вильсоном. Политика Японии была направлена на то, чтобы, используя беспокойство правящих режимов Сингапура и Малайзии в отношении гарантий обеспечения своей безопасности, усилить свое присутствие в регионе, имеющем жизненно важное значение для Японии. Отвечая на запрос в парламенте о позиции Японии в связи с эвакуацией английских войск «к востоку от Суэца», тогдашний японский министр иностранных дел К. Анти подчеркнул, что «для Японии проблема эффективного контроля положения в этом районе мира имеет потенциально важное значение»²³.

Токио стремился, воспользовавшись уходом Англии из Сингапура, создать здесь мощную ремонтно-восстановительную базу для своего танкерного флота, действовавшего на линии страны Персидского залива — Япония. Японское правительство не могло также не учитывать того, что в случае обострения обстановки в Юго-Восточной Азии созданную базу можно будет использовать как опорный пункт для организации патрулирования транспортных путей, ведущих к Японии.

В свою очередь Сингапур исходил из необходимости заполнения некоего «вакуума», который, как считало руководство страны, должен был неминуемо образоваться после вывода английских войск. Исходя из своей концепции «баланса сил» в ЮВА, правительство республики во главе с Ли Куан Ю считало необходимым наряду с поддержанием традиционных связей с Англией после вывода ее войск из этого района развивать всестороннее сотрудничество с США, а также с Японией, верно прогнозируя ее превращение впоследствии в одну из важнейших стран мира.

Стремясь всеми способами обеспечить свою «безопасность» в изменившихся условиях, Сингапур стал членом образованной в апреле 1971 г. новой военно-политической группировки в рамках «пятисторонней оборонительной договоренности», в состав которой вошли также Англия, Австралия, Новая Зеландия и Малайзия. Члены этого соглашения взяли на себя обязательства по совместной защите Сингапура и Малайзии от «внешней угрозы».

Линия правящих кругов Японии и Сингапура на все большую степень координации действий в регионе отчетливо выявилась во время переговоров, проведенных в ходе визита Ли Куан Ю в Токио в мае 1973 г.

Так, Ли Куан Ю заявил, что вкладом Японии в безопасность и нейтралитет региона²⁴ мог бы явиться ее отказ от ядерного вооружения «сил самообороны». Одновременно он утверждал, что Япония призвана играть более активную роль в поддержании «баланса сил» в ЮВА. Ли Куан Ю выдвинул идею создания совместного военно-морского отряда в составе США, Австралии, Новой Зеландии, стран Западной Европы, а также Японии для оказания «противовеса» Советскому Союзу в Тихом и Ин-

²¹ Б. Т. Колосков. Малайзия вчера и сегодня (Опыт проблемного исследования истории развивающихся стран). М., 1984, с. 251.

²² См.: Д. В. Петров. Япония в мировой политике. М., 1973, с. 186.

²³ «Емири симбун», 21.XII.1968.

²⁴ В ноябре 1971 г. Сингапур наряду с остальными странами — членами АСЕАН — подписал декларацию о превращении ЮВА в зону мира, свободы и нейтралитета.

дийском океанах. При этом сингапурский премьер не отрицал возможности использования Сингапура в качестве базы для такого отряда²⁵.

Поскольку в то время японским правящим кругам еще не удалось в достаточной, по их мнению, мере подготовить общественное мнение своей страны к участию «сил самообороны» в тех или иных акциях за пределами Японии²⁶, Токио был вынужден отклонить преждевременное предложение Сингапура, ограничившись заявлением о том, что Япония будет выполнять свои обязательства в рамках договора безопасности с США, одновременно осуществляя четвертый план модернизации «сил самообороны» (1972—1976). Итоги визита свидетельствовали о том, что сингапурские лидеры всерьез рассматривали Японию в качестве одного из своих основных союзников, способного наряду с США и Англией обеспечивать безопасность Сингапура.

К середине 70-х годов в результате исторических побед народов Индокитае, в частности образования СРВ, обстановка в Азиатско-тихоокеанском регионе претерпела коренные изменения. Поражение американского империализма выявило ограниченность возможностей США влиять военными средствами на политическое развитие в мире. В этих условиях Вашингтон продолжал поиск такого политического курса в Азиатско-тихоокеанском регионе, который обеспечивал бы стратегические интересы американского империализма без чрезмерного напряжения экономических ресурсов страны и не угрожал бы репутации США как «миролюбивой» державы.

Именно эти моменты были главными при согласовании политики США и Японии в Азии во время переговоров японского премьер-министра Т. Фукуды с президентом Дж. Картером в марте 1977 г. в Вашингтоне. Мнения сторон сошлись в том, что США и Япония должны принять меры к удержанию стран АСЕАН в сфере влияния «свободного мира». Япония, со своей стороны, обязалась содействовать «укреплению стабильности и развитию этого региона в различных областях, в том числе и в экономике».

Переговоры на высшем уровне, осуществленные в ходе визита Ли Куан Ю в Японию в мае 1977 г. и во время посещения Сингапура японским премьером Т. Фукудой в августе 1977 г. в ходе его поездки по странам АСЕАН, стали важным этапом на пути осуществления тесной координации внешнеполитических курсов двух стран в рамках новой азиатской политики Японии. Ее суть была сформулирована в провозглашенной в Маниле «доктрине Фукуды» и целиком отвечала вышеуказанной японо-американской договоренности.

В 1978 г. Токио старался добиться одобрения странами АСЕАН заключения японо-китайского договора о мире и дружбе. В ряде стран Ассоциации, несмотря на отсутствие явной оппозиции японо-китайскому сближению, все же была выражена определенная озабоченность по поводу возможных отрицательных последствий заключения договора. Однако правительство Сингапура высказалось в его поддержку.

Контакты руководителей обеих стран в октябре 1979 г. (визит Ли Куан Ю в Японию) и в январе 1981 г., когда Сингапур посетил тогдашний премьер-министр Японии Дз. Судзуки, еще раз подтвердили, что для подхода обеих стран к подавляющему большинству проблем международной политики как в Азии, так и во всем мире характерна «идентичность взглядов». Двусторонние отношения были охарактеризованы главами обеих правительств как «весьма здоровые отношения сотрудничества»²⁷.

«Здоровый» характер японо-сингапурских отношений выражается в последнее время и в том, что, официально не отказываясь от своего курса на «равноудаленность» в отношениях с великими державами—США, КНР и СССР, — сингапурское руководство все более сползает в своей внешней политике на откровенно антикоммунистические, антисоветские позиции. Это находит полное понимание и поддержку японского правительства, вносящего в свою очередь немалую лепту в дело усиления напряженности в мире в соответствии с ведущей военно-политической ролью, отведенной Японии в Азиатско-тихоокеанском регионе в рамках глобальной стратегии Вашингтона.

Правительства Японии и Сингапура активно участвовали в нагнетании напряженности вокруг событий в Индокитае, в блокировании инициатив социалистических государств региона, направленных на улучшение отношений со странами АСЕАН. Занимая наряду с Таиландом наиболее жесткую в АСЕАН позицию по Кампучии, Сингапур был одним из наиболее активных инициаторов сколачивания так называемого «коалиционного правительства Демократической Кампучии», официальные отношения с которым поддерживает и Токио. В то же время вопреки решению АСЕАН полностью прервать экономические связи с Вьетнамом Сингапур продолжает осуществлять с ним торговые контакты, в частности поставляя нефтепродукты. В 1983 г. объем взаимной торговли составил 170 млн. синг. долл.²⁸

Япония и Сингапур придерживаются откровенно проамериканских позиций и по так называемому «афганскому вопросу». Япония активно участвовала в принятии

²⁵ In: «Straits Times», 12.V.1973.

²⁶ Впервые за пределами страны японские «силы самообороны» приняли участие в многосторонних военно-морских маневрах «Римпак» в 1980 г.

²⁷ Japan-Singapore Joint Communique Issued on the Occasion of the Official Visit to Japan of H. E. Prime Minister Lee Kuan Yew. Tokyo, October 23, 1979.

²⁸ См.: «Майнити симбун», 18.III.1984.

антисоветских санкций, Сингапур также принял участие в развертывании антисоветской кампании.

Попытки японской дипломатии в начале 80-х годов склонить страны АСЕАН к участию в «тихоокеанском сообществе» были расценены этими государствами в целом как акция, направленная на «растворение» Ассоциации в «сообществе» и сведение на нет тех тенденций в ее деятельности, которые объективно направлены против неокOLONиалистской политики империалистических государств, включая Японию, в Юго-Восточной Азии. Сингапур был единственным членом тогдашней «пятерки», с самого начала открыто заявившим о своей поддержке данной идеи.

Идентично оценивая роль США в мире, и в частности в Азии, Япония и Сингапур рассматривают американское военное присутствие в качестве важной гарантии безопасности своих стран. Хотя Сингапур в отличие от Японии, играющей все возрастающую роль «непотопляемого авианосца» Соединенных Штатов, формально не имеет американских войск на своей территории, его аэродром широко используется американцами при транзите их ударных авиационных подразделений, а порт — для регулярного захода судов ВМФ США с целью пополнения запасов, ремонта и отдыха экипажей.

Полное совпадение точек зрения по вопросу о пресловутой «советской угрозе», таким образом, является еще одним важным фактором политического сближения Японии и Сингапура на антисоветской основе. Сингапурские руководители, вторя своим японским коллегам, активно навязывают развивающимся странам тезис о «мировой «виновности» СССР за усиление нестабильности обстановки в мире, в том числе в Юго-Восточной Азии. Эта деструктивная линия отчетливо проявилась в ходе проведенной в 1983 г. в Дели VII конференции движения неприсоединения, номинальным членом которого является и Сингапур. В своем выступлении на конференции второй заместитель премьер-министра Сингапура по иностранным делам С. Раджаратнам буквально обрушился на нападки на миролюбивую внешнюю политику Советского Союза и предпринял попытку подвергнуть сомнению искренность поддержки движения со стороны СССР²⁹.

Несмотря на то что угроза возрождения японского милитаризма не может не беспокоить Сингапур, уже ставший однажды его жертвой, именно сейчас, когда с приходом к власти в Токио кабинета Я. Накасонэ тенденция к перевооружению Японии набирает силу, критика Сингапуром этих опасных для дела мира шагов практически сведена на нет. Более того, по словам Ли Куан Ю, «Япония должна обладать большей способностью обеспечивать свою оборону и патрулирование в прилегающих водах, тем самым высвобождая американские военно-морские и военно-воздушные силы для выполнения задач в других районах»³⁰.

Благодаря подобной позиции сингапурского руководства премьер-министру Японии Я. Накасонэ удалось добиться в ходе официального визита в Сингапур в мае 1983 г. поддержки выдвинутого им ранее плана патрулирования «силами самообороны» морских коммуникаций в радиусе 1000 миль от берегов Японии, вызвавшего серьезное беспокойство в остальных странах — членах АСЕАН.

Следует отметить, что подобная позиция, занятая сингапурской правящей верхушкой, не учитывала истинных настроений общественности страны, полагавшей, судя по материалам местной прессы, что «в послевоенное время милитаризм в Японии не был выкорчеван», а его сторонники «играют довольно значительную роль в политической и экономической жизни страны»³¹.

Используя миф о «советской угрозе», об «ускоренном росте советского военного присутствия» в Юго-Восточной Азии, Вашингтон стремится привязать страны АСЕАН к своему курсу, враждебному делу мира. Важным направлением этой политики является навязываемая Соединенными Штатами модернизация вооруженных сил государств Ассоциации, что приносит немалые прибыли военно-промышленному комплексу США. Характерно, что в ЮВА в первых рядах покупателей дорогостоящей американской техники идет Сингапур, правительство которого в последние годы усиленно проводит в жизнь программу всемерного наращивания военных сил.

За планами форсированной милитаризации Сингапура просматривается стремление правящей группировки использовать стратегическое положение своей страны в целях закрепления за ней роли самостоятельного центра силы в Юго-Восточной Азии.

Подобные устремления сингапурского руководства вызывают настороженность его соседей — членов АСЕАН. Так, индонезийская газета «Мердека» в редакционной статье указывала на то, что планируемые поставки новейшей американской военной техники в Сингапур не связаны с реальными оборонительными нуждами этой страны и противоречат идее установления в ЮВА зоны мира, свободы и нейтралитета³².

Характерно, что подобные планы Сингапура не вызвали негативной реакции в Токио. Считая, по-видимому, нереальным осуществление в ближайшей перспективе чисто военной роли в районе Малаккского и Сингапурского проливов, японские правя-

²⁹ In: «Straits Times», 11.III.1983.

³⁰ «Straits Times», 2.I.1983.

³¹ «Наньян шанбао», 28.VIII.1982.

³² In: «Merdeka», 1.III.1984.

щие круги исходят из того, что на данном этапе их интересам вполне отвечают вышеуказанные действия Сингапура, проимпериалистическая направленность которых, судя по официальным заявлениям сингапурского руководства, не оставляет никаких сомнений.

* * *

СССР противопоставляет антисоветским измышлениям официальных кругов Токио и Сингапура принципиальную и активную политику, направленную на установление мира и всеобщей безопасности, урегулирование спорных вопросов путем переговоров, налаживание взаимовыгодного сотрудничества, в том числе со странами АСЕАН. Советский Союз высказывается в пользу идеи превращения ЮВА в зону мира и стабильности.

У Японии и Сингапура имеется взаимная заинтересованность в дальнейшем развитии отношений, хотя на этом пути стоит немало трудностей. Сингапурская сторона, хотя и не так настойчиво как другие развивающиеся страны, все же выражает недовольство условиями передачи Сингапуру японской технологии, значительным дефицитом взаимной торговли и ограничениями в отношении доступа сингапурской промышленной продукции на японский рынок.

Вместе с тем, несмотря на неравноправный характер экономических отношений между двумя странами, Япония заинтересована не только в дальнейшей эксплуатации своего более слабого партнера, но и в том, чтобы «японская модель» оказалась жизнеспособной в условиях Сингапура. Ее успех способствовал бы, по мнению правящих кругов Японии, росту авторитета Страны восходящего солнца на мировой арене, пропаганде «японского образа жизни» и служил бы дополнительным стимулом для развивающихся стран следовать примеру Сингапура при выборе пути социально-экономического развития.

На современном этапе на передний план все заметнее выходит политический аспект взаимоотношений, что диктуется идеологической общностью и единством классовых интересов правящих кругов обеих стран. Поддержка Сингапуром стремления Токио вплотную приблизиться к обретению статуса «великой державы» в рамках роли, отведенной ему Вашингтоном в своей глобальной стратегии, высоко оценивается японскими правящими кругами, которые стремятся использовать Сингапур в качестве своеобразного «троянского коня» среди развивающихся стран, и в частности в движении неприсоединения. Однако при этом каждая из сторон преследует собственные цели, определяемые различием экономического и военно-стратегического положения обеих стран. Это обстоятельство не может не привести в будущем к возникновению между ними новых противоречий.

Бруней — новое независимое государство на политической карте мира

С. Н. ДЕНИСОВ,
Б. Т. КОСТЯЕВ

В январе 1985 г. исполнилась первая годовщина со дня провозглашения независимости самого молодого государства в Азии — султаната Бруней, долгое время являвшегося английским протекторатом. К провозглашению независимости Бруней, небольшое государство в Юго-Восточной Азии, шел долгим и сложным путем.

* * *

История Брунея, расположенного на севере острова Калимантан, в самом центре Юго-Восточной Азии, уходит далеко в глубь веков. В XV в. Бруней, в который к тому времени проник ислам, утвердился как сильное самостоятельное государство. Соседние султанаты оказались не в состоянии с ним соперничать, господство Брунея распространилось на все северное побережье Калимантана и Южные Филиппины. Своего наивысшего расцвета Бруней достиг в годы правления султана Болкиаха I (конец XV — начало XVI вв.), основателя царствующей и поныне династии. Посетивший Бруней в 1521 г. Антонио Пигафетта, один из участников кругосветной экспедиции Ф. Магеллана, был поражен его богатством и могуществом. Такое положение сохранялось на протяжении XVI в. и даже частично в XVII в. Бруней довольно долго успешно противостоял попыткам португальцев и испанцев закрепиться в районах побережья.

Однако затем Бруней не устоял под нажимом европейских колонизаторов, буквально ринувшихся в Юго-Восточную Азию. Особенно «преуспела» в этом Англия. Колонизация Брунея Англией началась в середине XIX в., что было тесно связано с ее захватнической политикой в Азии. В 1842 г., в результате первой «опиумной» войны, Англия подписала с Китаем неравноправный договор, в соответствии с которым для внешней торговли открывались пять китайских портов. Для обеспечения безопасного следования английских судов, направлявшихся в «Срединную империю», требовалось создать опорный пункт на пути к ней из Сингапура. Возникла и необходимость в углезаправочной станции между Сингапуром и Гонконгом. В этих условиях Бруней все больше привлекал внимание Лондона.

Первоначально англичане закрепились в Сараваке, который в то время был одним из владений султаната Бруней. Это связано с именем английского авантюриста Джеймса Брука, к которому главный министр Брунея раджа Хассим обратился за помощью в подавлении восстания даякских племен. В благодарность за эту услугу Брук в 1841 г. получил в управление небольшую часть Саравака на условиях выплаты дани и был наделен титулом раджи. Впоследствии Брук захватил весь Саравак без всякой компенсации султану Брунея. В 1863 г. Англия признала Саравак независимым государством и назначила своего консула в его столицу г. Кучинг. В тот же период Англия распространила свое господство на ту часть Брунея, которая составляет ныне малайзийский штат Сабах. В итоге от Брунея были отторгнуты земли, площадь которых более чем в 34 раза превышает его территорию в настоящее время.

26 мая 1847 г. Англия навязала Брунею договор, обеспечивавший ее торгово-политические интересы. Договор предоставлял английским купцам режим наибольшего благоприятствования, устанавливал низкие таможенные пошлины на ввозимые ими товары. Султан брал на себя обязательство не уступать другим державам без согласия Лондона какие-либо части своих владений и одновременно подтверждал права Англии на остров Лабуан, захваченный ею ранее¹.

В последней четверти XIX в., когда его интересам в Юго-Восточной Азии стали угрожать другие западноевропейские страны, Лондон, опираясь на положения договора 1847 г., предпринял новые шаги по закреплению своего господства в регионе. В 1888 г. он навязал султанату английский протекторат. Бруней, сохраняя формальную возможность самостоятельно решать внутривнутренние вопросы, в области внешних сношений теперь всецело зависел от Англии. В соглашении об установлении

¹ In: R. Singh. Brunei, 1839—1983. KL, 1984, p. 226—229.

протектората отмечалось, что отношения между султанатом и другими государствами должны регулироваться английским правительством, и подтверждалось сохранение за британскими подданными привилегий в области судоходства и торговли, полученных ими по договору 1847 г.² Они приобретали также право экстерриториальности.

Однако Лондон не довольствовался этим. Стремясь всецело укрепиться в Брунее не только как в стратегически важном пункте ЮВА, но и районе, богатом естественными ресурсами (в марте 1903 г. было объявлено о том, что в Брунее обнаружены крупные месторождения нефти), английское правительство продолжало усиливать контроль над султанатом. В январе 1906 г. оно добилося заключения с Брунеем нового неравноправного соглашения, по которому в султанате была введена система английских резидентов, подчинявшихся британским колониальным властям в Малайе и сосредоточивших в своих руках все полномочия не только во внешней, но и во внутренней политике страны. Фактически единственной областью прерогатив султана оставалась мусульманская религия. К моменту установления английского протектората территория Брунея сократилась до 5,8 тыс. км², а его население составляло не более 15 тыс. человек.

Колониальное правление вызвало вспышки недовольства местного населения. Наиболее крупное восстание, охватившее территорию Северного Калимантана, вспыхнуло в последнем десятилетии XIX в. Восстание было жестоко подавлено англичанами, но партизанская война в джунглях продолжалась, хотя и с переменным успехом, на протяжении первых десятилетий XX в.

Добиваясь дальнейшего укрепления своих позиций в Брунее, Лондон придавал большое значение проникновению в страну английского монополистического капитала. В результате под его контролем оказалась вся финансовая система султаната, а английские фирмы заняли господствующие позиции в экономике страны, сосредоточив главное внимание на эксплуатации ее нефтяных месторождений.

Одной из первых добычей нефти занялась английская фирма «Борнео петролеум», в 1911 г. получившая в аренду месторождение этого ценного сырья в районе Белаит³. Позднее монопольного права на брунейскую нефть добились англо-голландская компания «Ройял Датч-Шелл» в лице ее местного филиала «Бруней Шелл петролеум К^о». В 1929 г. было открыто нефтяное месторождение в Сериа — одно из крупнейших в колониальных владениях Англии. Уровень добычи нефти в Брунее резко возрос, и уже в 1933 г. доля поступлений от нефтяных промыслов составила $\frac{2}{3}$ ⁴, а в 1935 г. — 47% общих доходов султаната⁵.

В годы второй мировой войны Бруней был оккупирован Японией. Как и другие английские колонии, он стал легкой добычей японского милитаризма, в отношении которого Лондон долгое время придерживался политики «умиротворения». Даже после нападения в 1937 г. Японии на Китай Англия продолжала снабжать ее брунейской нефтью. За время японской оккупации экономическое положение Брунея было подорвано. Прекратилась добыча нефти, были разрушены шоссейные дороги, пришла в упадок торговля.

* * *

По окончании второй мировой войны политическое развитие Брунея было связано с национально-освободительным движением, развернувшимся в Юго-Восточной Азии еще в период японской оккупации. Однако Англии удалось восстановить свои господствующие позиции на территориях Северного Калимантана, в том числе и в Брунее. До 6 июля 1946 г. управление султанатом осуществляла британская военная администрация. За Брунеем был сохранен статус протектората.

Тем не менее Англия не могла не считаться с новой обстановкой, сложившейся в результате глубокого кризиса мировой системы колониализма после второй мировой войны, сопровождавшегося крушением оплотов британской колониальной империи в Юго-Восточной Азии. В 1957 г. добились провозглашения независимости Малайская Федерация; в 1958 г. Лондон вынужден был пойти на предоставление статуса «самоуправляющегося государства» Сингапуру, а также допустить некоторые элементы самоуправления в Сабахе и Сараваке. Все это выдвигало в повестку дня и вопрос о Брунее.

Подъем национально-освободительного движения в странах Юго-Восточной Азии способствовал оживлению политической жизни и в самом Брунее. В середине 50-х годов здесь появляются первые политические партии. Из них наибольшее влияние завоевала Народная партия Брунея, которую возглавил шейх А. М. Азахари, участник борьбы индонезийских повстанцев против голландских интервентов в конце 40-х годов. НРПБ решительно выступала за освобождение страны от английского колониального господства, а также добивалась установления конституционной монархии и демократизации институтов государственной власти. Партия выдвигала идею образования Федерации независимого Северного Калимантана с участием Брунея, Сабаха и Саравака.

² Ibid., p. 233—235.

³ In: «Sarawak Gazette», 16.X.1912, p. 235.

⁴ In: Report of the State of Brunei for the Year 1933 — Unfederated Malay States, Annual Reports. S. 1, 1933, p. 13.

⁵ In: Brunei. Social and Economic Reports. 1935—1938. S. 1, s. a., p. 10.

Вступивший на престол в 1951 г. новый султан Брунея Омар Али Сайфуддин также проявил большую, чем его предшественники, настойчивость в стремлении к независимости своей страны.

В этих условиях в Лондоне сочли целесообразным пойти на некоторые меры, которые бы создавали видимость предоставления Брунею более широкого самоуправления, что должно было ослабить антиколониальные и антианглийские настроения в общественных кругах султаната. В 1959 г. между Брунеем и Англией был подписан новый договор, который заменил все предшествующие англо-брунейские соглашения. По этому договору Англия признавала султана верховным правителем, при котором вместо резидента назначался верховный комиссар, то есть посол. Однако фактически никаких существенных изменений в статус Брунея как протектората внесено не было. Верховный комиссар наделялся теми же prerogativami, что и резидент⁶.

Одновременно с заключением нового договора по согласованию с Лондоном была разработана и принята первая в истории султаната конституция⁷. Как и договор, она была призвана затушевывать колониальный характер статуса Брунея путем введения некоторого подобия представительной системы управления с использованием атрибутов показной демократии.

В соответствии с конституцией Бруней провозглашался «малайским исламским монархическим государством». Верховная власть в нем формально закреплялась за султаном, которому английский верховный комиссар «давал советы» по делам обороны и внешним сношениям, а также по другим вопросам, за исключением тех, которые относились к исламу и малайским обычаям. По конституции учреждался также законодательный совет (парламент), однако его полномочия были весьма ограничены, поскольку вся полнота власти в нем принадлежала султану. Это не только не ослабило господствующие позиции в султанате английских колонизаторов и связанной с ними местной феодальной верхушки, но и способствовало укреплению их позиций в новой специфической форме.

Народная партия Брунея расценила происшедшие в стране преобразования как направленные на создание «колониальной администрации», как отвечающие интересам Англии, а не населения Брунея. Тем не менее она стала добиваться победы на выборах в законодательный и муниципальные советы, рассчитывая воспользоваться этим для реализации своих программных установок.

В августе 1962 г. НПБ завоевала все выборные места в законодательном совете и 54 из 55 мест в муниципальных советах и потребовала от колониальных властей предоставить ей возможность непосредственного участия в управлении протекторатом. Лондон ответил отказом и репрессиями в отношении тех членов партии, которые были признаны «неблагонадежными». Эти акции были осуществлены под предлогом противодействия «коммунистической угрозе» Северному Калимантану.

В декабре 1962 г. НПБ предложила принять в законодательном совете резолюции, содержащие требования предоставления в 1963 г. независимость Брунею, Сабаху и Сараваку и не допустить их включения в состав Федерации Малайзии. Верховный комиссар Англии наложил запрет на эти резолюции, считая, что совет некомпетентен заниматься столь важными вопросами. Возглавляемые Азахари лидеры НПБ, решив, что необходимо переходить к другим методам борьбы, отдали приказ о восстании, которое началось 8 декабря 1962 г. Оно было подготовлено Национальной армией Северного Калимантана — нелегальной организацией, руководство которой осуществляла НПБ. Участниками восстания были в основном молодые брунейцы из среды местных малайцев. Как утверждалось в некоторых сообщениях прессы, в восстании участвовало около 80 % молодежи малайского происхождения, проживавшей в Брунее⁸. Повстанцы арестовали английского верховного комиссара и других крупных чиновников колониальной администрации, освободили находившихся в тюрьме заключенных, попытались захватить дворец и вынудить султана подписать декларацию о независимости трех территорий Северного Калимантана.

В день начала восстания Азахари опубликовал в Маниле, где он тогда находился, манифест, в котором целью восстания провозглашалось создание независимого государства Северного Калимантана с признанием султана Брунея в качестве главы этого государства. В манифесте сообщалось о создании революционного правительства Саравака, Сабаха и Брунея, в котором Азахари отводились посты премьер-министра, министра иностранных дел и министра обороны⁹.

Для подавления восстания в Бруней были переброшены английские войска из Лондона и Сингапура, несколько эскадрилий реактивных самолетов, большое количество кораблей военно-морского флота. Сюда же был направлен специальный полицейский отряд из Малайи. Помощь Англии в подавлении восстания оказывали Австралия и Новая Зеландия. По свидетельству газеты «Таймс», к 15 декабря 1962 г. в Брунее было сосредоточено более 5 тыс. солдат и много современной военной техники¹⁰.

⁶ In: State of Brunei. Annual Report 1967. Brunei, 1968.

⁷ Ibid.

⁸ In: «Borneo Bulletin», 22.XII.1962.

⁹ In: «Straits Times» (Singapore), December 10, 1962.

¹⁰ In: «Times», 24.XII.1962.

В течение почти двух недель восставшим удавалось противостоять войскам английских империалистов. Но силы были слишком неравны, и к 20 декабря 1962 г. каратели подавили основные очаги сопротивления. После расправы над восставшими султан запретил Народную партию Брунея, объявил о роспуске законодательного совета, приостановил действие конституции и ввел чрезвычайное положение.

Несмотря на поражение, восстание в серьезной степени способствовало повышению уровня политического самосознания брунейцев. Его антиколониальные лозунги встретили поддержку и одобрение прогрессивных сил во всем мире.

Восстание 1962 г. существенным образом повлияло на планы султана относительно вступления Брунея в состав Федерации Малайзия. Сначала султан склонялся к тому, чтобы вступить в Федерацию. В феврале 1963 г. он заявил, что любое другое решение будет представлять опасность для Брунея. Но вместе с тем султан выдвинул ряд условий, которые следовало соблюдать в случае присоединения Брунея к Малайзии. По его мнению, Федерация должна была представлять собой добровольное объединение уже существовавших государств — Малайи и Брунея, а также английских колоний Северное Борнео, Саравак и Сингапур. При этом имелось в виду обеспечение особых интересов Брунея.

В первой половине 1963 г. состоялись переговоры о вхождении Брунея в состав Федерации Малайзия. В их ходе султан выразил твердое несогласие с предложением Малайи о том, чтобы в бюджет будущей Федерации в течение первых 10 лет отчислялась половина, а затем и все 100 % доходов, которые Бруней получал от компаний, эксплуатирующих его нефтяные месторождения. Разногласия по этому вопросу послужили формальным поводом для отказа Брунея от присоединения к Федерации. Вместе с тем на решение султана повлияло и то, что против этого, как показало восстание 1962 г., были настроены значительные слои населения султаната. Не поддерживали идею вхождения Брунея в Федерацию и англичане, опасавшиеся ослабления в таком случае своего контроля над султанатом, что, в свою очередь, угрожало интересам владельцев нефтяной монополии «Шелл».

В 1968 г. произошла смена султанов Брунея. Омар Али Сайфуддин, не получая поддержки британского правительства, недовольного его националистическими настроями и стремлением побудить Лондон к политическим и экономическим уступкам, вынужден был отречься от престола в пользу своего старшего сына, наследного принца Хассанала Болкиаха. Вступив на престол 1 августа 1968 г., Хассанал Болкиах и в настоящее время является султаном Брунея.

В 1978 г. были проведены англо-брунейские переговоры, результатом которых стал подписанный 7 января 1979 г. договор. В соответствии с этим договором Бруней должен был получить независимость 31 декабря 1983 г. 1 января 1984 г. Бруней стал независимым государством.

* * *

Современный Бруней (площадь 5765 км²) состоит из двух небольших анклавов, окруженных с суши территорией Малайзии — штатами Саравак и Сабах. Население Брунея, достигающее ныне около 250 тыс. человек, увеличилось примерно вдвое за последние десять лет, в основном за счет миграции из Малайзии.

Рост общей численности населения в незначительной степени способствовал увеличению количества рабочих, которых в 1982 г. насчитывалось около 40 тыс. человек. Неквалифицированную рабочую силу Бруней получает из соседних Малайзии, Индонезии, Таиланда и Филиппин; специалистов более высокой квалификации — из Гонконга, Южной Кореи, Сингапура и Японии. Несмотря на то что страна испытывает острую нехватку рабочих рук, иммиграционные власти стараются регулировать приток иностранцев, опасаясь того, что в противном случае среди них «растворится» основное население страны.

По национальной принадлежности население Брунея состоит из малайцев (40 %), китайцев (26,7 %), кедянов (13,8 %), дусунов (6,9 %), меланау (5,7 %), а также англичан, ибанов и выходцев из стран Южной Азии¹¹. Малайцы находятся в более привилегированном положении, чем представители других национальностей. Они занимают различные посты в государственном аппарате страны¹², получают бесплатное образование и пользуются бесплатным медицинским обслуживанием, им предоставляются льготы при покупке недвижимости.

В такой обстановке не может не возникать недовольство немалайского населения султаната, прежде всего проживающих в стране китайцев. Этой второй после малайцев группе населения, численность которой к тому же довольно интенсивно возрастает (по переписи 1960 г. в Брунее насчитывалось 21 795 китайцев¹³, а к 1984 г. их численность составила уже свыше 50 000¹⁴), пока не удастся, однако, добиться значительной роли в политической жизни султаната.

После провозглашения независимости Брунея для местных китайцев остро встал вопрос о гражданстве. Получение ими брунейского гражданства возможно лишь при

¹¹ In: «Asiaweek», January 6, 1984, p. 30.

¹² In: «Far Eastern Economic Review», March 12, 1982, p. 23.

¹³ In: State of Brunei. Annual Report 1960. Kuala Belait, 1962, p. 5.

¹⁴ In: «Asiaweek», January 6, 1984, p. 30.

условии, что они успешно выдержат экзамен на знание малайского языка. Сдать же этот экзамен весьма нелегко, поскольку он не только включает выяснение степени владения самим языком, но и предполагает ответ на вопросы, требующие основательного знакомства с традициями, природой и животным миром Брунея. Характерен такой пример. Одному брунейскому китайцу удалось убедить экзаменаторов в том, что он может свободно изъясняться по-малайски. Однако, не удовлетворившись этим, они предложили ему назвать по-малайски 15 разных пород деревьев, которые встречаются в брунейских джунглях¹⁵.

Такую линию в отношении китайской общины брунейские власти объясняют опасением того, что с получением гражданства китайцы чрезмерно усилят свои позиции за счет местного населения. Обладая немалыми финансовыми средствами, они, воспользовавшись предоставленными брунейским гражданам правами, могут, например, скупить наиболее плодородные земельные участки¹⁶.

* * *

В течение длительного периода экономика султаната имела типично колониальный характер, выполняя роль сырьевого придатка британской индустрии. До открытия крупных нефтяных месторождений англичане смотрели на Бруней лишь как на источник традиционных тропических товаров, среди которых главное место занимал жасу — дубильный экстракт из коры мангровых деревьев. В стране отсутствовали даже зачатки обрабатывающей промышленности.

Ситуация в корне изменилась, после того как началась добыча нефти в больших масштабах. К 70-м годам XX в. нефтяная и газовая промышленность составляла основу брунейской экономики. В немалой степени такому повороту в развитии экономики Брунея способствовала благоприятная конъюнктура мирового рынка нефти и нефтепродуктов, рост потребления и значительное повышение мировых цен на эти товары.

Чрезмерно интенсивная разработка основного месторождения Сериа, когда за несколько десятилетий было добыто около 70 млн. т нефти, привела к его истощению в начале 70-х годов. Не желая терять прибыли и стремясь приспособиться к новой ситуации, филиал корпорации «Ройял Датч-Шелл» компания «Бруней Шелл» еще в 60-е годы начала поиск нефти на континентальном шельфе. Было обнаружено несколько крупных месторождений, в том числе Ампа, Ферли, Чэмпин и другие.

В результате добыча нефти вновь заметно увеличилась. В 1971—1980 гг. она ежегодно составляла 10—11 млн. т в год, а в 1972—1974 гг. доходила до 13—16 млн. т¹⁷.

Обеспечив высокий уровень добычи в период повышенного спроса на нефть на мировом капиталистическом рынке, компания «Бруней Шелл» пошла на ее сокращение в 80-х годах, когда цены на это сырье упали. В 1981 г. добыча нефти в Брунее составила 8,8, в 1982 г. — 9¹⁸, в 1983 г. — около 10 млн. т¹⁹.

Вплоть до начала 60-х годов английский монополистический капитал диктовал султанату условия распределения доходов от нефти. Однако после антиколониальных выступлений народных масс в декабре 1962 г. хозяева «Ройял Датч-Шелл» были вынуждены пойти на некоторые уступки. В октябре 1963 г. в Брунее был принят закон, который определял правила разведки нефти, условия получения концессий и арендную плату за использование нефтяных месторождений, а также предписывал, что доходы между правительством султаната и «Бруней Шелл» будут распределяться поровну²⁰. Ликвидация монопольного положения английского капитала привела к появлению конкурентов «Бруней Шелл» — нефтяных компаний США.

Осуществляя дальнейшую перестройку условий сотрудничества с «Бруней Шелл», правительство султаната в 1973 г. стало пайщиком этой компании, доведя через два года долю своего участия в ней до 50 %. Вместе с тем оно приобрело 50 % акций дочерней компании «Бруней Шелл», ведущей сбыт нефтепродуктов в самом султанате²¹. В отношениях с иностранными нефтедобывающими компаниями Бруней учитывает опыт развивающихся стран — членов ОПЕК, пытается использовать межимпериалистические противоречия.

Почти вся добываемая в султанате нефть экспортируется компанией «Бруней Шелл». До середины 70-х годов она перекачивалась по нефтепроводу в Малайзию, где перерабатывалась на заводе этой компании в городе Лутонге. Со второй половины 70-х годов значительная часть брунейской нефти на танкерах компании «Шелл» вывозится в капиталистические страны Запада. К началу 1984 г. крупнейшим импортером была Япония, ввозившая 46 % производимой в султанате нефти. На долю США приходится 20 %, Сингапур, Таиланд и Филиппины — 17 %. Всего лишь 1 % добычи нефти идет на удовлетворение собственных потребностей султаната²².

¹⁵ In: «Far Eastern Economic Review», March 12, 1982, p. 23—24.

¹⁶ In: «Asian Wall Street Journal», February 1, 1984.

¹⁷ In: International Petroleum Encyclopedia, 1981. Tulsa, 1982, p. 266.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ In: «Asiaweek», January 6, 1984, p. 31.

²⁰ In: «Far Eastern Economic Review», February 16, 1967, p. 12.

²¹ См.: Бруней. История, экономика, политика. М., 1984, с. 67.

²² In: «Asiaweek», January 6, 1984, p. 31.

В 70-е годы важное значение для экономики страны приобретает добыча и переработка природного газа, который добывается в чистом виде и как сопутствующий продукт и отличается низким содержанием серы. К 1980 г. разведанные запасы природного газа составляли около 200 млрд. м³; одно из наиболее крупных его месторождений — Ампа, где он добывается вместе с нефтью.

На протяжении ряда последних лет Бруней является одним из главных мировых экспортеров природного газа. Сжижение газа производится на заводе в городе Лумут, построенном в начале 70-х годов и долгое время бывшем крупнейшим в мире предприятием такого рода. Мощность завода первоначально составляла 5 млн. т газа в год, а затем была доведена до 6 млн. т. Вопросами производства, перевозки и реализации природного газа занимается «Бруней ликвид нэйчурэл гэс компани», капитал которой распределяется поровну между брунейским правительством, «Ройял Датч-Шелл» и японской корпорацией «Мицубиси».

Основной потребитель брунейского природного газа — Япония. Ее промышленным фирмам удалось договориться с правительством султаната об импорте газа в течение 20 лет, с 1973 по 1993 г. В 1981 г. Япония ввезла 5 млн. т брунейского природного газа — почти все, что было добыто в султанате²³.

Благодаря развитию нефтяной и газовой промышленности в 70-е годы ВНП Брунея увеличился почти в 10 раз, составив в 1980 г., по оценкам экспертов МБРР, 2620 млн. долл., а в расчете на душу населения — около 12 тыс. долл.²⁴

Другие отрасли экономики, в том числе сельское хозяйство, остаются отсталыми и не удовлетворяют потребности султаната. Рис Бруней импортирует из стран Юго-Восточной Азии, главным образом из Таиланда. В султанате слабо развиты также животноводство и рыболовство.

Вооруженные силы Брунея насчитывают около 4 тыс. человек. Королевские вооруженные силы состоят из двух армейских батальонов, авиаэскадрильи и флотилии военных судов²⁵. На вооружении брунейской армии имеется 1 батарея ракет английского производства «Рапир» класса «земля — земля», эскадрон из 12 легких английских танков «Скорпион» и батареи полевых орудий, 6 патрульных временных судов. В вооруженных силах Брунея служат 150 британских офицеров.

В султанате сохранился английский военный гарнизон, состоящий из батальона гуркхов численностью 1 тыс. человек. Он размещен в районе месторождения Сериа²⁶. Личная охрана султана также состоит из гуркхов — вышедших в отставку военнослужащих британской армии — и насчитывает 900 человек.

По договоренности с правительством Сингапура в Брунее находятся 600 военнослужащих сингапурских вооруженных сил. Они размещены в джунглях, в районе Тем-буронг²⁷.

В 70—80-е годы военный потенциал Брунея значительно возрос. Так, если в 1972 г. султанат выделил для покупки современного вооружения 35 млн. брунейских долл., то в 1978—1982 гг. военные расходы составили уже около 2 млрд. брунейских долл.²⁸ На содержание вооруженных сил и полиции падает основная часть расходов султаната, она составляет 40 % его госбюджета²⁹.

* * *

Одним из первых внешнеполитических шагов Брунея после провозглашения независимости стало его вступление в АСЕАН. Еще в начале 80-х годов султанат начал проявлять интерес к развитию экономических отношений со странами, входящими в эту региональную организацию. С 1981 г. его представитель постоянно присутствовал в качестве наблюдателя на всех совещаниях министров иностранных дел стран — членов АСЕАН; тогда же наметились и сферы экономического сотрудничества Брунея с государствами — членами Ассоциации на двусторонней основе. В 1981 г., например, была создана смешанная брунейско-малайзийская компания для обслуживания нефтепромыслов Брунея, началась совместная с Малайзией разработка проекта строительства цементного завода, моста через реку Лавас и шоссейной дороги в приграничной зоне.

Бруней рассматривает АСЕАН в качестве организации, с помощью которой ему удастся быстрее приспособиться к происходящим в регионе событиям, проникнуть на мировые рынки и установить тесные отношения с торговыми партнерами Ассоциации — странами ЕЭС, Австралией, Новой Зеландией, Японией и США. По словам министра иностранных дел Брунея принца Мохамеда Болкиаха, султанат рассматривает АСЕАН и как важную политическую организацию, разделяет взгляды правительств

²³ In: «Far Eastern Economic Review», March 12, 1982, p. 28.

²⁴ In: World Bank Atlas 1981. Washington, 1982, p. 14.

²⁵ In: Borneo Bulletin, February 23, 1984.

²⁶ In: «Asiaweek», January 6, 1984, p. 39.

²⁷ Ibid.

²⁸ См.: Бруней. История, экономика, политика, с. 119.

²⁹ См. там же, с. 78.

государств, входящих в ее состав, по вопросам безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Азии³⁰.

Решение о принятии Брунея в АСЕАН было принято 7 января 1984 г. министрами иностранных дел Малайзии, Таиланда, Сингапура, Филиппин и Индонезии на заседании секретариата Ассоциации в Джакарте. Бруней стал пятой страной, вступившей в АСЕАН после учреждения этой организации в 1967 г. Представители всех азиатских стран положительно расценили факт вступления Брунея в АСЕАН, отметив, что это отвечает интересам всех ее членов и будет способствовать росту коллективной мощи Ассоциации³¹.

В 1984 г. Бруней поддерживал активные связи со всеми азиатскими странами, однако особо выделялось развитие его отношений с Малайзией. Еще до получения Брунеем независимости Малайзия оказывала султанату помощь в подготовке дипломатических кадров. Брунейские дипломаты включались в состав малайзийских дипломатических миссий и работали в них в качестве наблюдателей на таких международных форумах, как конференция министров иностранных дел исламских стран, конференция государств — членов Содружества наций, сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Было решено продолжить такое сотрудничество и после 1 января 1984 г. Кроме того, брунейские студенты имеют возможность обучаться в высших учебных заведениях Малайзии³².

В июле 1984 г. торгово-промышленные палаты малайзийского штата Перак и Брунея договорились основать консорциум, на который будет возложена задача финансирования и внедрения совместных проектов развития в Брунее, в частности строительство предприятий по возведению дешевых зданий, производству продуктов питания и напитков³³.

В 1984 г. подписан договор о воздушном сообщении между Брунеем и Сингапуром, в соответствии с которым самолеты компании «Сингапур эйрлайнз» получили возможность совершать посадки в Брунее, а также использовать аэропорт Брунея как промежуточный пункт при полетах по маршрутам, пролегающим в юго-западной части Тихого океана, а также в Северную и Южную Америку³⁴. Именно в Сингапур министр иностранных дел Брунея М. Болкиах нанес свой первый визит с момента провозглашения независимости султаната³⁵.

В августе 1984 г. было объявлено о соглашении, заключенном Брунеем с Индонезией. Торгово-промышленные палаты двух стран договорились сотрудничать в области торговли, снабжения рабочей силой, передачи технологии, развитии туризма³⁶.

Значительный интерес Бруней проявил и к участию в других международных организациях: он принят в ООН, стал членом Организации исламская конференция (ОИК). Ожидается открытие миссий (посольств) Брунея в некоторых странах, в том числе в Египте и Саудовской Аравии. Учреждение миссии в городе Джидде (Саудовская Аравия) приобретает особое значение с учетом ежегодного паломничества в этот город брунейских мусульман.

³⁰ In: «Borneo Bulletin», 23.11.1984.

³¹ In: «New Straits Times», 8.1.1984.

³² In: «New Straits Times», April 4, 1984.

³³ In: «Business Times», July 26, 1984.

³⁴ In: «Star», August 30, 1984.

³⁵ In: «New Straits Times», September 1, 1984.

³⁶ Ibid., August 10, 1984.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Во имя утверждения исторической истины

Сборники: Великая Отечественная война советского народа и современность; Освободительная миссия Советского Союза во второй мировой войне. М., «Наука», Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1985.

9 мая 1945 г. отгремели последние залпы войны в Европе.

Верный своим союзническим обязательствам, принятым на Крымской конференции руководителей антигитлеровской коалиции, Советский Союз выступил против милитаристской Японии.

В течение 24 дней Советская Армия разгромила мощную миллионную Квантунскую армию в Маньчжурии, крупнейшую вооруженную группировку Японии на сухопутном театре военных действий. Во второй мировой войне это была самая короткая, по сути молниеносная, кампания, развернувшаяся на фронте протяженностью 5000 км и глубиной до 1000 км.

Стремительные удары, нанесенные советскими войсками по Квантунской армии, а также по японским соединениям в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах, резко изменили обстановку на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Вступление СССР в войну сделало сопротивление японских империалистов бесперспективным и вынудило их подписать акт о капитуляции.

Так закончилась самая страшная и кровопролитная война в истории, продолжавшаяся 6 лет и унесшая более 50 млн. человеческих жизней. Длительная и напряженная борьба, в которую были втянуты 60 государств, 80 % населения земного шара, увенчалась великой победой антигитлеровской коалиции. Гитлеровская Германия, потерпев полное военное, экономическое и морально-политическое поражение, безоговорочно капитулировала.

К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне редакция «Общественные науки и современность» АН СССР подготовила сборники «Великая Отечественная война советского народа и современность» (выходит на английском, арабском, испанском, немецком, португальском и французском языках) и «Освободительная миссия Советского Союза во второй мировой войне» (выходит на английском, испанском, немецком и французском языках).

Решающая роль в этой Победе, которая навсегда останется в памяти многих поколений, указывается в статье Д. Ф. Устинова «Победа, развеявшая мечты и иллюзии», принадлежала Советскому Союзу, его народу, его Вооруженным Силам. Советский народ выдержал основную тяжесть борьбы с фашизмом в Великой Отечественной войне (1941—1945), не только защитил свою независимость, но и внес самый значительный вклад в победу над фашистской Германией, в освобождение народов Европы и Азии от фашистского угнетения, в спасение мировой цивилизации.

Как отмечают авторы этих изданий — видные советские военные специалисты и ученые, например первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора Маршал Советского Союза В. Г. Куликов, начальник Главного Политического Управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев, академик А. М. Самсонов и др. — в Великой Отечественной войне была достигнута и военная победа, и ликвидирована фашистская идеология гитлеризма, принесшая гибель десяткам миллионов человек.

Боевые действия во второй мировой войне развернулись на огромных пространствах от Атлантики до Тихого океана, от льдов Гренландии до африканских пустынь. Однако главным театром военных действий стал советско-германский фронт. В статье А. И. Бабина «Решающая роль СССР в разгроме фашистской Германии» приводятся следующие факты. 22 июня 1941 г. гитлеровцы обрушили на Советский Союз невиданную по величине военную силу: 5,5 млн. солдат и офицеров, 3700 танков, 5000 самолетов и другую боевую технику. Фашистский блок, завоевавший к этому времени 12 европейских государств и разбивший при этом почти 180 дивизий этих стран, рассчитывал на «блицкриг» (молниеносную войну) и с Советским Союзом. Но уже через месяц гитлеровцы потеряли около половины своих танков, 1284 самолета, 213 тыс. человек. В декабре 1941 г. (первого года Великой Отечественной войны) в битве под Москвой был развеян миф о непобедимости нацистского рейха — перешедшая в наступление Советская Армия разгромила почти 50 дивизий врага, потери немецко-фашистских войск составили свыше 830 тыс. человек.

Но это было только начало. В 1943—1944 гг. в битвах под Сталинградом, на Курской дуге и на Днепре советский народ и его Вооруженные Силы добились корен-

ного перелома в Великой Отечественной войне, который явился коренным переломом и в ходе всей второй мировой войны. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки командования Советской Армии.

Такой ход событий показал, что Советский Союз способен собственными силами, один на один разгромить гитлеровскую Германию и ее союзников. Состоявшееся наконец-то летом 1944 г. открытие второго фронта сильно запоздало. Поэтому оно имело ограниченное значение для исхода войны в целом и преследовало главным образом политическую цель — укрепить позиции США и Англии в странах Западной Европы, преуменьшить влияние Советского Союза на решение послевоенных проблем.

Некоторые буржуазные «советологи» в своих исследованиях второй мировой войны, особенно в вопросе о втором фронте, прибегают к искажению событий. В статье А. С. Якушевского «Правда и ложь о войне» приводятся убедительные доказательства их неправоты.

Как известно, в результате советско-американских и советско-английских переговоров, состоявшихся в мае — июне 1942 г., США и Англия пошли, учитывая, что это соответствовало их собственным интересам, на заключение соглашения с Советским Союзом, в частности, о создании второго фронта в Европе в 1942 г. Его создание могло отвлечь часть войск вермахта с Восточного фронта и облегчить ведение боевых действий Советской Армией. Однако в течение еще двух лет после этого Советский Союз был вынужден один нести основную тяжесть борьбы с германским фашизмом и его союзниками. И только резкий поворот в ходе второй мировой войны, когда Советская Армия повсеместно перешла в решительное наступление, заставил союзников СССР по антигитлеровской коалиции — США и Англию — пойти на открытие второго фронта.

Авторы сборников отнюдь не умаляют роль других народов и их армий, участников движения Сопротивления и партизанских соединений, действовавших на оккупированной фашистами территории европейских государств, в достижении победы. Но как бы ни были велики эти усилия, они не могут идти в сравнение с теми масштабами мобилизации ресурсов, которая была осуществлена Советским Союзом. Советский народ сыграл решающую роль на всех этапах войны, во всех сферах борьбы с фашизмом — на полях сражений, в экономической битве, в ожесточенном и бескомпромиссном поединке двух систем и идеологий.

Теперь, пишет А. М. Самсонов в статье «Война и современность», когда прошло четыре десятилетия после окончания войны, когда стали известны многие документы, раскрывающие чудовищные планы государства фашистского блока — Германии, Италии, Японии и их пособников, даже трудно представить, что ожидало бы человечество, если бы фашизму не преградил путь Советский Союз, обладавший большой экономической и военной мощью, высоким

морально-политическим авторитетом в мире.

К лету 1941 г. под властью Германии и Италии находилась фактически вся капиталистическая Европа: были разгромлены Польша, Дания, оккупированы Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция. Потерпела поражение на Европейском континенте английская экспедиционная армия. Был захвачен ряд стран на Балканах. Японская агрессия поставила под угрозу судьбу народов стран Азии и бассейна Тихого океана.

Несмотря на предельное напряжение духовных и физических сил советского народа, указывает В. Г. Куликов в статье «Интернациональная помощь народам Европы», СССР оказал бескорыстную братскую помощь всем народам, боровшимся за свое освобождение, изгнал фашистских оккупантов и восстановил национальную независимость и суверенитет многих стран Европы и Азии.

Эта помощь выражалась в создании национальных воинских формирований на территории СССР, переброске оружия, боеприпасов, медикаментов и другого имущества партизанским соединениям Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Румынии. Мужественно боролись советские граждане — более 40 тысяч — в рядах европейского движения Сопротивления.

В годы войны с помощью СССР были созданы 2 общевойсковые армии, 3 армейских, танковый и авиационный корпуса, а также 9 военных училищ, 19 офицерских школ, курсов, учебных центров и других частей польских, чехословацких, югославских, румынских, венгерских и французских формирований. Их общая численность достигла к концу войны более 550 тыс. человек. Иностранцы части и соединения, сформированные в СССР (кстати, их воины носили военную форму и знаки различия своего образца, соблюдали свои ритуалы принятия присяги, посвящения в офицеры и т. д.), получали новейшие образцы оружия и боевой техники советского производства. Только в централизованном порядке им было передано свыше 16 тыс. орудий и минометов, около 1000 танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 1500 самолетов и т. д.

Многие буржуазные историки пытаются принизить или исказить выполнение Советским Союзом своего интернационального долга в отношении других стран. В сборниках приводятся многочисленные факты и данные, которые показывают, что только вступление войск Советского Союза спасло многие народы от угрозы физического уничтожения. При этом Советское правительство, направляя свои войска для освобождения поработенных народов, руководствовалось существовавшими в то время договорами и соглашениями.

Известно, что нередко в буржуазной историографии извращаются причины вступления СССР в войну против Японии, его вклад в разгром японского милитаризма. В статье А. И. Бабина «Освободительная миссия на Дальнем Востоке» отмечается, что выступление Советского Союза было вызвано его коренными интересами и со-

ображениями безопасности — необходимостью ликвидировать очаг войны, расположенный непосредственно у советских границ, предотвратить в будущем возможность агрессии со стороны японских милитаристов. И кроме того, начиная военные действия, Советский Союз глубоко осознавал свой долг перед народами мира в борьбе и в уничтожении агрессора, а также в выполнении своих обязательств перед союзниками по антигитлеровской коалиции.

Сейчас (да и ранее предпринимались эти попытки) кое-кто на Западе пытается принизить значение блестящих операций Советской Армии на Дальневосточном фронте. Буржуазные специалисты преувеличивают роль действий США, утверждая, что установленная ими морская блокада и массированные воздушные бомбардировки послужили главной причиной капитуляции Японии.

Авторы отмечают, что каждый из этих факторов, безусловно, сыграл определенную роль в ускорении победы над агрессором. Однако японских милитаристов не смогли бы заставить сдаться, если бы Советская Армия не разгромила сухопутные силы Японии. Потеряв Квантунскую группировку войск, Япония лишилась основных средств ведения войны и была вынуждена капитулировать. (Напомним, что из общего числа ее вооруженных сил в 1945 г. — 7,2 млн. человек — 5,5 млн. приходилось на сухопутные войска.)

Вооруженные Силы СССР полностью или частично освободили территории одиннадцати стран Европы общей площадью 1 млн. км² с населением около 113 млн. человек и двух стран Азии (Китая и Кореи) общей площадью 1,5 млн. км² с населением около 700 млн. человек. В этих операциях участвовало 92 оперативных соединения Советской Армии. Их численность в Европе составляла 7 млн., в Азии — 1,5 млн. человек.

Под влиянием победы над фашизмом начался бурный рост национально-освободительного движения, который привел к кру-

шению системы колониализма, ликвидации всех колониальных империй и образованию более 95 самостоятельных государств.

Историческое значение освободительной миссии Советской Армии заключалось в том, что эта миссия не ограничивалась только освобождением территории страны. К примеру, разгром и капитуляция Японии привели к коренному изменению положения в ряде стран Восточной и Юго-Восточной Азии, активизации в них национально-освободительного движения. Так было в Китае, Корее, Вьетнаме, Индонезии, Бирме, на Филиппинах.

В статье «Политика и стратегия Советского Союза во второй мировой войне» П. А. Жилин подчеркивает, что основная политическая цель СССР во второй мировой войне состояла в том, чтобы отстоять свободу и независимость Отечества, освободить народы от фашистского ига. Это определило характер войны со стороны СССР как справедливый освободительный и всенародный. Политические цели Германии и Японии имели исключительно агрессивный характер, они ставили своей задачей ликвидацию СССР как государства, уничтожение его строя.

Материалы рецензируемых сборников убедительно свидетельствуют о том, что один из главных уроков этой войны в том, что Советский Союз своей победой не только отстоял завоевания социализма, но и показал бесперспективность авантюристических планов империализма в войне против стран социализма.

Опыт сорокалетней давности не должен быть забыт и сейчас, он требует с особой бдительностью следить за происками сил реакции и не допустить повторения войны. За это борются прогрессивные люди всего мира, во главе которых твердо и уверенно стоит Советский Союз, неизменно проводящий политику сохранения мира на Земле.

И. А. ШИФРИН

* * *

По пути мира, дружбы, сотрудничества

Монгольская Народная Республика. Отв. редактор Е. П. Баврин. М., «Наука», 1984, 232 с.

В 1984 г. трудящиеся братской Монголии отметили 60-летие провозглашения Монгольской Народной Республики. Ныне в полной мере можно оценить историческое значение

этого события, его роль в раскрытии созидательного потенциала трудолюбивого монгольского народа, который за прошедшие годы добился выдающихся достижений в развитии экономики и культуры.

За эти годы под руководством своего испытанного авангарда — Монгольской народно-революционной партии, — опираясь на всестороннее сотрудничество и помощь стран — членов СЭВ, прежде всего Советского Союза, монгольский народ осуществил

глубокие социально-экономические преобразования.

Рассказу об этом посвящена коллективная монография «Монгольская Народная Республика», выпущенная в свет издательством «Наука» в конце 1984 г. Ее ответственный редактор Е. П. Баврин более 30 лет посвятил изучению этой страны, в течение длительного времени работал в Монголии.

Для оценки каждой работы, выходящей в серии «Экономика и политика зарубежных стран социализма», важно прежде всего выделить те проблемы, которые позволяют глубоко понять динамику и суть процессов, происходивших в данной стране. В рецензируемой работе именно такие аспекты находятся в центре внимания авторов. В ней ярко раскрыты наиболее характерные черты сегодняшней Монголии, вычленяются главные тенденции, определяющие ее роль и место среди стран социалистического сотрудничества и в мире в целом.

По своему жанру рецензируемая работа не представляет собой строго академическое исследование. Каждый из трех разделов монографии носит по-своему законченный характер и содержит обобщающий научный анализ по теме, но все они вплетаются в единую ткань повествования. Рецензируемое издание приобретает особую актуальность в свете решений состоявшегося в июне 1984 г. в Москве Экономического совещания стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи на высшем уровне, на котором была подчеркнута необходимость дальнейшего развития всестороннего сотрудничества между государствами социалистического сотрудничества. Учиться на лучших примерах, черпать все ценное и полезное из практики друзей стало в наши дни постоянной потребностью миллионов трудящихся стран социализма. Разумеется, каждая страна берет из опыта другой страны то, что ей действительно подходит и приносит пользу.

Серьезным достоинством монографии является то, что в ней аргументированно показаны огромные преимущества социалистических международных экономических и политических отношений. Эти отношения, сложившиеся на основе социалистического интернационализма, предусматривают широкую взаимопомощь, равноправное сотрудничество и братскую поддержку. Все более тесные и многообразные связи монгольских рабочих со своими братьями по классу из Советского Союза и других стран социалистического сотрудничества — отмечают авторы — способствуют дальнейшему росту и укреплению интернационалистской закалки рабочего класса МНР и являются одним из факторов процесса постепенного сближения стран социализма (с. 128). Используя большой фактический материал, авторы рассказывают о важнейших этапах экономической, социально-политической и культурной жизни Монголии, перспективах дальнейшего развития страны, о ее внешнеполитических и внешнеэкономических связях, о руководящей и направляющей деятельности МНРП.

Главный итог пройденного Монгольской народной революцией пути — подчеркивают авторы во введении к книге — состоит в том, что монгольский народ под руководством

МНРП, опираясь на всестороннюю помощь и поддержку трудящихся Советского Союза, а последние 30 лет — на сотрудничество и с другими социалистическими странами, добился полной независимости от иностранного капитала, ликвидировал феодальные отношения, упразднил частную собственность на средства производства, обеспечил победу социалистических производственных отношений во всех отраслях экономики (с. 5).

В результате героической и самоотверженной борьбы трудящихся МНР совершила исторический переход от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Следуя ленинскому учению о строительстве социализма, опираясь на бескорыстную помощь СССР и других социалистических стран, Монголия создала и планомерно развивает новые, современные производительные силы.

Преимущественная ориентация на развертывание эффективного агропромышленного комплекса как главного звена в экономическом строительстве представляет собой своеобразие избранного МНР пути социально-экономического развития. В результате успехов в решении задачи развития сельского хозяйства и легкой промышленности, увеличения экспорта продукции этих отраслей были обеспечены благоприятные условия для последующей социалистической индустриализации. Последовательное решение задач индустриализации привело к заметным структурным сдвигам в народном хозяйстве.

В ходе социалистической индустриализации, подчеркивается в монографии, в МНР большое внимание было уделено совершенствованию структуры промышленности. В программе МНРП подчеркнуто, что одной из важных задач экономического развития страны в ближайшем будущем является создание рациональной структуры добывающей и обрабатывающей промышленности, установление правильного сочетания основных отраслей социалистической экономики (с. 45).

Авторы большое внимание уделяют изменениям, которые произошли в структуре народного хозяйства страны. Наряду с коренной перестройкой традиционного сельского хозяйства вновь созданы и успешно развиваются промышленность, строительство, транспорт и связь, материально-техническое снабжение, торговля. Важной особенностью индустриализации Монголии является то, что благодаря международному социалистическому разделению труда и кооперации она имеет возможность на базе новой техники, получаемой из СССР и других стран социализма, создавать в первую очередь те отрасли, для развития которых имеются наиболее благоприятные условия. В книге справедливо отмечается еще одно немаловажное обстоятельство — борьба трудящихся различных отраслей промышленности за повышение эффективности производства, качества продукции, совершенствование планового управления экономикой, внедрение новейших достижений научно-технического прогресса, рациональное использование рабочего времени и оборудования, рост производительности труда.

Большое значение приобрело применение достижений в деле организации производственных процессов, используются методы бездефектной сдачи продукции и бригадного подряда в строительстве, опыт движения наставников в СССР. Все большее распространение получил и обмен опытом в деле автоматизации, внедрения электроники в производственные процессы. Как показывает практика, совместный труд, постоянные личные контакты монгольских и советских специалистов в рамках единого трудового коллектива становятся действенным фактором подготовки высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров МНР, внедрения передового опыта, способствующего делу интернационального воспитания.

В книге важное место отведено сотрудничеству МНР с социалистическими странами в области сельскохозяйственного производства. Постоянное внимание со стороны МНРП и всестороннее содействие Советского Союза, указывается в книге, позволили за исторически небольшой период превратить земледелие МНР в одну из важнейших отраслей народного хозяйства, дающую около 20 % всей сельскохозяйственной продукции страны (с. 66). СССР на протяжении многих лет успешно сотрудничает с МНР в сфере развития агропромышленного комплекса, в области зернового хозяйства, животноводства, механизации и химизации сельскохозяйственного производства. В результате претворения в жизнь аграрной политики МНРП, отмечают авторы, достигнуты определенные результаты в интенсификации сельского хозяйства — в создании и укреплении кормовой базы животноводства, механизации и химизации сельскохозяйственного производства, увеличении его энергообеспеченности, повышении урожайности полей, улучшении породного состава стада и росте экономической эффективности капитальных вложений в животноводство и земледелие (с. 68). Сегодня сельское хозяйство МНР — это современная отрасль экономики с быстро развивающейся материально-технической базой.

Достигнутый в последние годы устойчивый рост сельскохозяйственного производства является итогом многолетних целенаправленных усилий партии и народа по коренному преобразованию жизни монгольского села.

Все более широкий размах приобретает обмен прогрессивными приемами и способами возделывания сельскохозяйственных культур, производства продуктов животноводства.

Большие преимущества братского сотрудничества ярко и наглядно проявляются в международном социалистическом соревновании, которое впервые широко развернулось в честь 30-летия создания Совета Экономической Взаимопомощи.

Немало места в монографии отведено и рассмотрению основных аспектов внешней политики МНР. Успехи братской Монголии в строительстве нового общества, ее борьба за упрочение мира и безопасности в Азии и во всем мире, подлинно интернационалистская позиция по отношению к странам и на-

родам, борющимся за свободу и независимость, вызывают глубокое уважение у всего прогрессивного человечества.

Основой внешней политики МНР является ее сотрудничество с Советским Союзом, со странами социалистического содружества. Монголия активно поддерживает советскую Программу Мира на 80-е годы и другие мирные инициативы СССР, направленные на устранение угрозы термоядерной войны и обуздание экспансионистских устремлений сил империализма и реакции.

МНР проводит активную внешнюю политику, последовательно выступает за сохранение мира и стабильности в Азии. Конкретным проявлением миролюбивой внешней политики МНР является выдвинутое ею предложение о заключении Конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана, которое находит поддержку в странах Азии и других районах мира.

ЦК МНРП, правительство МНР, весь монгольский народ с глубоким одобрением восприняли заявление Советского правительства в связи с начавшимся размещением американских ракет средней дальности в Западной Европе. МНР полностью поддерживает призыв советского руководства к руководителям США и государствам Западной Европы еще раз взвесить все последствия, которыми грозит их собственным народам, всему человечеству реализации планов развертывания новых американских ракет в Европе.

Последовательная миролюбивая внешняя политика МНР снискала ей уважение и авторитет во всем мире, а ее опыт социалистического строительства высоко оценивается «свободившимися государствами и всем прогрессивным человечеством».

Говоря словами авторов, «верная своей интернациональной внешнеполитической линии, Монгольская Народная Республика выступает с общих позиций стран социалистического содружества, вносит заметный вклад в дело укрепления мира, дружбы и безопасности народов» (с. 190).

Авторы показали, что во внешней политике МНР твердо проводит курс на мирное сосуществование с государствами другой социальной системы, а ее политика интернационализма, поддержки национально-освободительных движений находится в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Как и другие социалистические государства, Монголия представляет собой фактор стабильности и мира в Азии и во всем мире.

Выход в свет рецензируемой монографии является еще одним проявлением чувств дружбы советских людей к МНР и ее народу. В книге подведены итоги сотрудничества, рожденного новой формой межгосударственных отношений, и показаны пути политического и экономического развития, которыми идут народы стран социалистического содружества.

В. А. АРХИПОВ

Исследование экономической структуры КНР

Структура экономики Китая. Сокр. перевод с кит. М., «Прогресс», 1984, 472 с.

Рецензируемая книга — первая крупная работа китайских экономистов, изданная в Советском Союзе за последние годы. В ее подготовке принимали участие ответственные работники центральных экономических и научных учреждений, а также высших учебных заведений КНР. Авторский коллектив возглавил президент Академии общественных наук Китая Ма Хун.

Данная монография представляет собой попытку обобщить накопленный в стране к началу 80-х годов опыт экономической работы, переосмыслить факторы экономического развития КНР. В рецензируемой книге довольно подробно освещаются важнейшие аспекты развития народного хозяйства КНР и структурные сдвиги в общественном производстве, дан анализ динамики развития различных сфер экономики, формирования пропорций народного хозяйства. По существу, рецензируемый труд можно рассматривать как аналитическое обоснование хозяйственной реформы в КНР, проведение которой поэтапно началось с конца 1978 г.

Авторы рецензируемой книги исследовали структуру экономики Китая в целом, подвели итоги ее 30-летию развитию (гл. I). Проанализированы возможности улучшения и рационализации структуры, что будет «способствовать делу социалистической модернизации» (гл. II). Часть книги посвящена вопросам основных народнохозяйственных пропорций («Соотношение сельского хозяйства, легкой и тяжелой промышленности»), направления капиталовложений в отрасли народного хозяйства, соотношения между накоплением и потреблением. Этот показатель определяет темпы роста как отдельных отраслей, так и экономики в целом. От него во многом зависит пропорциональность развития народного хозяйства.

Авторы отмечают, что с развитием производства в КНР поднялся и уровень народного благосостояния. Приводятся следующие данные: средний уровень потребления по стране в 1952 г. составил 76 калорий, в 1978 г. — 174, в 1979 г. — 197 калорий. Учитывая рост цен, уровень потребления за 1952—1979 гг. увеличился на 97 %. В первые годы после образования КНР произошло значительное изменение соотношения между накоплением и потреблением. Норма накопления возросла, фонды накопления и потребления получили возможность постоянно и стабильно увеличиваться, скорость роста фондов была довольно высокой, объемы их с течением

времени возрастали. Как показывает статистика, в течение длительного времени соотношение между накоплением и потреблением в Китае нарушалось: доля фонда накопления была длительное время завышена, а фонда потребления — занижена. Средняя норма накопления составила в первую пятилетку 24,2 %, во вторую — 30,8, в период «урегулирования» — (1963—1965) — 22,7, в третью пятилетку — 26,3, в четвертую — 33,0, в 1976—1979 гг. — 33,4 %. За исключением первой пятилетки и периода «урегулирования», в остальные годы норма накопления превышала реальные возможности производственных сил.

В результате возникла ситуация, когда покупательная способность населения стала превышать предложение предметов потребления, что повлекло за собой рост цен на них, снижение их качества, отрицательно сказалось на реальном уровне жизни.

Нарушение пропорций между накоплением и потреблением было не случайным. Основное «зло», приведшее к этому, определено в книге как «односторонняя жесткая система централизации». Непосредственной причиной нарушения пропорциональности названы также просчеты в управлении экономикой — «чрезмерный» акцент на приоритетное развитие тяжелой индустрии, осуществление курса «сталь — основа основ», — в результате которых началась погоня за высокими показателями, главным образом в тяжелой промышленности и в частности в металлургии.

Отмечается также, что высокие темпы развития военной промышленности, расходы на военные нужды превысили реальные возможности страны. Это также явилось фактором, нарушившим пропорции между накоплением и потреблением. Как показала действительность, слишком большие размеры накоплений и высокая доля производственных капиталовложений не обязательно ведут к росту производства средств производства, но уже зато неизбежно приводят к снижению жизненного уровня населения и трудовой активности.

Авторы рецензируемой книги вскрывают негативные явления, многие годы присутствовавшие в экономической политике КНР, не скрывают сложности рассматриваемых проблем и вместе с тем понимают, что эти проблемы настоятельно требуют своего решения. Прежде всего это касается пропорций в народном хозяйстве, рассматривая которые Ян Цзяньбай и Ли Сюэцзэн (гл. III) пишут, что одной из главных черт структуры экономики является соотношение производства в сельском хозяйстве, легкой и тяжелой промышленности. По мнению указанных китайских экономистов, «упорядочение соотношения между сельским хозяйством, легкой и тя-

желой промышленностью закладывает основу рационализации всей экономической структуры» (с. 106).

Найти правильные пропорции в экономике и, главное, при помощи соответствующей политики поддерживать их — задача не из легких. Этим вопросам посвящены многие статьи на страницах китайских газет и журналов. В рецензируемой книге проблема пропорций рассмотрена всесторонне, в различных ее аспектах: производимая продукция, количество занятых, занятость в отраслях, темпы прироста чистой продукции и динамика роста национального дохода и т. п. Аграрно-индустриальную структуру Китая, который «по соотношению промышленности и сельского хозяйства превратился из отсталой в прошлом аграрной страны в аграрно-индустриальное государство с наличием ряда современных производств» (с. 108), можно считать рациональной, говорится в книге, при соблюдении трех взаимосвязанных условий: 1) каждый из структурных элементов способен к самостоятельному устойчивому развитию и отличается внутренней целостностью; 2) при этом обеспечивается устойчивый рост национального дохода; 3) как следствие двух вышеперечисленных условий имеет место неуклонный рост жизненного уровня населения. Авторы рецензируемого труда считают, что за 30 лет со времени образования КНР указанным требованиям отвечает лишь первая пятилетка (с. 110).

Причинами возникновения в экономике Китая народнохозяйственных диспропорций, в том числе между сельским хозяйством, легкой и тяжелой отраслями промышленности, авторы рецензируемого труда называют слишком высокую степень централизации управления и просчеты в макроэкономической политике. В книге говорится, что китайские экономисты долгое время недостаточно глубоко уясняли «закон преимущественного роста тяжелой промышленности» (с. 112), что допущенные ошибки «в значительной мере проистекают из-за одностороннего подхода к принципу преимущественного роста тяжелой промышленности» (с. 113). Известно, что неоправданно высокая норма накопления, массивные капиталовложения в тяжелую промышленность рождают диспропорции. В развитии же тяжелой промышленности в Китае акцент делался на экстенсивные факторы роста, а размах строительства в тяжелой промышленности сказывался негативно на развитии сельского хозяйства и отраслей легкой промышленности. Наконец, к диспропорциям привел и автаркический характер тяжелой промышленности, которая до настоящего времени не отвечает в достаточной мере потребностям сельского хозяйства и легкой промышленности.

Авторы указывают далее и на такой фактор, негативно повлиявший на выравнивание пропорций в развитии основных отраслей, как нерациональная система ценообразования. Проблема «ножниц цен» на промышленную и сельскохозяйственную продукцию досталась Китаю в наследство

еще от прошлого. Отдельные шаги по преодолению этого явления предпринимались, но проблема в целом пока не решена. В настоящее время ведется работа по проведению реформы ценообразования. На III пленуме ЦК КПК двенадцатого созыва отмечалось, что реформу предполагается осуществить на базе рыночного ценообразования и что она затронет все народное хозяйство.

В настоящее время действительно трудно предвидеть, какое влияние может оказать намечаемая реформа ценообразования на различные аспекты экономики. Особые трудности могут возникнуть в вопросах планирования, которое в социалистических странах связывают обычно с пропорциональным развитием экономики, с рациональной структурой народного хозяйства (чем как раз особенно озабочены авторы книги!). Общеизвестно, что рациональная структура экономики — один из главных факторов, позволяющий обеспечивать сбалансированность в экономике, без нее невозможна также широкомасштабная интенсификация народного хозяйства.

Большое внимание в книге уделяется вопросу о структуре сельского хозяйства, что в условиях Китая, где большинство населения занято в сельском хозяйстве (в 1979 г. — 73,6 % трудоспособного населения), имеет принципиальное значение.

Современная структура сельского хозяйства определена авторами книги как нерациональная — не обеспечивающая развитие производительных сил страны, не удовлетворяющая потребностям населения. Такая структура сформировалась в прошлом — на базе мелкокрестьянского хозяйства старого Китая, которое носило замкнутый характер.

Здесь уместно остановиться на высказываниях, которые являются едва ли не главными для понимания состояния экономической структуры КНР и основных проблем и как бы представляют собой заключительный вывод для всей книги.

Неудачи конца 50-х годов в экономике Китая были вызваны рядом причин. Это, во-первых, неоправданная погоня за темпами, когда не соблюдалось требование сохранения народнохозяйственных пропорций и составления народнохозяйственного баланса. Пропорции были подчинены темпам роста. «...Нереально высокие показатели выдавались за марксистско-ленинский подход, а реальные показатели получали ярлык правого оппортунизма и ревизионизма; балансовый метод критиковался как пассивное балансирование, а отступление от комплексного подхода провозглашалось активным балансированием. Жизнь доказала ошибочность таких взглядов» (с. 18). Во-вторых, характерным для практики КНР был преувеличенный акцент на развитие тяжелой промышленности при забвении сельского хозяйства и легкой промышленности. Однако практика Китая, по мнению авторов книги, показала, что тяжелая промышленность не должна развиваться в отрыве от сельского хозяйства и легкой промышленности. Не всегда темпы роста тяжелой промышленности долж-

ны опережать темпы роста легкой промышленности. Другими словами, развитие тяжелой промышленности не должно превращаться в самоцель. В-третьих, дисбаланс в экономическое развитие вносила высокая норма накопления, которой придавалось преувеличенное значение.

В книге рельефно показана одна из главных причин экономических неудач КНР — волонтаризм в конце 50-х годов в процессе «коммунизации» китайской деревни (с. 19). У структурных проблем в Китае один из главных источников — отсталость сельского хозяйства. «Отсталое сельское хозяйство, — пишут авторы, — тянет назад легкую промышленность, мешает быстрому развитию тяжелой промышленности. Причин отсталости сельского хозяйства великое множество, но одна из основных — «коммунизация» китайской деревни и после этого долгое господство левашкой линии, что отразилось на активности крестьянства» (с. 19).

Кооперирование в китайской деревне, по китайской трактовке, «проходило в целом успешно», хотя из-за поспешности допускались отдельные ошибки, имело место «преждевременное повышение степени обобществления». Такова оценка этого периода, которая дается в книге. Но особенно значительными, подчеркивается далее, были «левые» ошибки, допущенные при создании «в деревне народных коммун».

На экономическую жизнь страны оказывало отрицательное влияние то, что в системе управления предприятиями государственного сектора накопилось «много недостатков». К ним авторы относят отсутствие у предприятий «необходимой самостоятельности» и то, что при существующей в стране системе управления «не может быть полностью развернута регулирующая роль рынка» (с. 19). При чрезмерной степени централизации и преобладании административных методов, отмечается в книге, «социалистическое производство оказалось лишенным механизма саморегулирования, возникающие недостатки не могли быть своевременно обнаружены и ликвидированы» (с. 19). Здесь отстаивается мнение, которое в последнее время начинает претворяться в жизнь, — длительное существование в условиях социализма различных секторов и форм собственности. Поэтому и называется как недостаток то, что «ни в области промышленности, ни в области транспорта и торговли не нашли должного распространения предприятия коллективной формы собственности; с индивидуальным же сектором было решительно покончено» (с. 19).

Анализ в книге во многом связан с основными направлениями экономической политики Китая в последние годы. И действительно, многие идеи, высказываемые составителями сборника, воплощаются в экономической практике КНР.

В книге подняты проблемы, которые предполагается решить в ходе проводимой ныне реформы хозяйственного механизма.

На III пленуме ЦК КПК двенадцатого созыва отмечалось, что хозяйственная ре-

форма распространяется на город. Особо при этом подчеркивается специфика чисто «китайского» пути («продвижение вперед собственным путем, создание жизнеспособной и жизнедеятельной специфически китайской социалистической системы»).

Решение такого серьезного вопроса, как перестройка структуры экономики Китая, о которой говорится в книге, нелегко без коренных реформ. В КНР намечено проведение реформы планирования, системы цен, функций государственных органов, осуществляющих управление экономикой, реформы зарплаты и т. д. Тем не менее масштабность поставленных задач вызывает сомнение в возможности их осуществления в полной мере в ближайшее время. Кроме того, многие аспекты реформ, по признанию китайской прессы, еще требуют дальнейшего изучения и доработки.

Успех проводимой в КНР модернизации экономики трудно себе представить без строгого контроля за товарно-денежным обращением. В Китае понимают значение контроля, однако зачастую трудно определить степень и механизм этого контроля. Говоря о необходимости коренной реформы системы хозяйственного управления, в которой центральным звеном называют «полное выявление роли рыночного механизма, преобразование экономики, ранее полностью регулировавшейся директивным планированием, в экономику, сочетающую плановое и рыночное регулирование, то есть плановую экономику, базирующуюся на товарных отношениях» (с. 449), китайские авторы признают, что государство не может «полностью отказаться от плановых (централизованных) закупок, планового (централизованного) распределения, нормированного снабжения и других рычагов административного вмешательства, не может ослабить контроль за ценами на дефицитную продукцию» (с. 449—450). Это связано с тем, что, по мнению китайских экономистов, рыночный механизм должен поощрять передовые и подталкивать отстающие предприятия к повышению качества продукции, к использованию новой техники, укреплению хозяйственного управления, проявлению инициативы, чтобы производство отвечало потребностям общества. Но такое положение может быть только при нормальном положении со снабжением и сбытом. Когда на рынке спрос превышает предложение и существует разрыв между производством и сбытом, рынок не сможет играть стимулирующую роль. Следовательно, и после перехода к рыночному регулированию при плановом руководстве, предоставлении предприятиям самостоятельности в вопросах закупки сырья и сбыта продукции, ликвидации твердых цен (это намерение подтверждено решениями III пленума ЦК КПК двенадцатого созыва) не исключено, что ситуация останется аналогичной той, которая существовала при системе централизованных закупок и сбыта. В книге подчеркивается, что с ликвидацией административного контроля рынок и цены трудно было бы упорядочить, возникли бы явления нездо-

рового ажиотажа, спекулятивных закупок, резкого роста цен. Поэтому для того, «чтобы избежать хаоса на рынке и в ценах», государство не может полностью отказаться от контроля.

Следует отметить, что после написания книги прошло уже немало времени, и если реформа хозяйственного механизма в Китае в тот период только намечалась, если тогда в основном проводилась работа по урегулированию народного хозяйства, то III пленум ЦК КПК двенадцатого созыва уже констатировал, что реформа успешно проявила себя в деревне и теперь необходимо основной упор сделать на проведении ее в городе, что создались благоприятные условия для проведения реформы всей хозяйственной системы.

В настоящее время усилия китайского народа «направлены, — как подчеркивается в книге, — на совершенствование экономической структуры и ускоренное претворение в жизнь программы «четырёх модернизаций» (с. 35). Это серьезная задача. Первую часть задачи, поставленную и рассматриваемую авторами, они предложили начать решать с исправления существующих диспропорций в народном хозяйстве,

так как только после этого, по их мнению, можно вести разговор о подлинной рационализации экономической структуры (с. 92). Как уже отмечалось, главным недостатком сложившейся в Китае экономической структуры было признано забегание вперед тяжелой промышленности, отставание сельского хозяйства и легкой промышленности, поэтому возникла необходимость в целях «рационализации» экономической структуры обратить внимание на подтягивание сельского хозяйства и легкой промышленности. Реформа в деревне способствовала этому. Однако признано, что этого недостаточно. Китаю, как считают авторы, предстоит не только подтянуть сельское хозяйство и легкую промышленность, но и создать такую тяжелую индустрию, которая бы послужила подлинным стимулом развития сельского хозяйства и легкой индустрии.

Советская научная общественность встретила с интересом появление перевода книги китайских экономистов. Эта книга позволяет лучше разбираться в процессах, происходящих в народном хозяйстве КНР.

Б. К. ЧИЖОВ

* * *

Экспансия США в Индийском океане

А. В. Крутских. Политика США в Индийском океане. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984, 256 с.

Резкое усиление агрессивности американского империализма в последние годы свидетельствует о попытках США и их союзников с помощью силы изменить объективный ход исторического процесса и воздвигнуть вооруженный барьер на пути освобождения народов от капиталистической эксплуатации, задержать становление нового, социалистического строя.

Агрессивная политика США носит глобальный характер; сферой «жизненных интересов» объявляется чуть ли не вся территория земного шара и даже космическое пространство.

Конкретное выражение этой политики проявляется в создании разветвленной военной структуры в виде системы взаимосвязанных военных баз на территории других государств. Этой же цели служит превращение целых государств с помощью насаждаемых там реакционных правительств в сателлитов Соединенных Штатов с последующим использованием их для подрывных действий против неугодных Вашингтону режимов соседних стран.

В условиях, когда агрессивные акции стали неотъемлемой частью внешней политики США, для их осуществления понадо-

бились крупная отмобилизованная армия, получившая наименование сил быстрого развертывания (СБР), и обеспечивающие ее поддержку военно-воздушные и военно-морские силы. Специально для СБР вблизи потенциальных театров военных действий Пентагон заблаговременно концентрирует (на кораблях-складах или на базах) тяжелую военную технику и боеприпасы, что позволяет в сочетании со срочной доставкой личного состава военных частей по воздуху в несколько раз сократить сроки начала военных действий.

Таким образом, американский империализм еще в мирное время осуществляет полномасштабную подготовку к военным действиям во многих районах земного шара. Разоблачение агрессивной политики и анализ конкретных действий американской администрации, направленных на подготовку локальных войн, представляют важную интернациональную задачу советской общественной науки.

Этой задаче отвечает книга А. В. Крутских, посвященная исследованию агрессивной политики США в 70—80-е годы в Индийском океане и районе Ближнего Востока. Автор не только прослеживает историю формирования политики США в этом важнейшем регионе, но и основные ее направления, формы и проявления.

Американская политика в Индийском океане является наиболее характерной для глобальной политики Соединенных Штатов в целом как с точки зрения преследуемых

сею целей завоевания мировой гегемонии, так и средств (политических, экономических, военных), используемых администрацией США для достижения этих целей. Автор убедительно показывает, что, когда речь идет о внешнеполитической экспансии, принципиального различия между позициями демократической и республиканской партий не существует. Внешняя политика как той, так и другой направлена, во-первых, против стран социалистического содружества, и прежде всего Советского Союза, а во-вторых, против развивающихся стран, в частности тех, территории которых прилегают или имеют выход к Индийскому океану, — главным образом против зарабских стран и крупнейшей страны региона — независимой Индии.

Соединенные Штаты стремятся также если не вытеснить из этого района своих империалистических соперников, то хотя бы подорвать их позиции, подчинить их действия своей глобальной политике, привлекая в качестве младших партнеров для участия в так называемых «коллективных санкциях».

Книга состоит из трех разделов. Раздел I посвящен историческому обзору экспансии США в регионе в доимпериалистический период и характеристике движущих мотивов экспансии: экономических и военно-политических. В разделе II анализируется современный этап активизации агрессивной политики США в регионе и ее основные формы — создание многочисленных баз-плацдармов и постоянное пребывание в регионе мощных военно-морских сил. Раздел III освещает превращение ряда государств региона, возглавляемых реакционными режимами (таких, как Израиль, Саудовская Аравия), в постоянных партнеров США в осуществлении их экспансионистских планов и в противодействии попыткам миролюбивых сил и национально-освободительных движений мирным путем урегулировать ближневосточную про-

блему, индо-пакистанский конфликт и другие острые ситуации.

Монография дает читателю ясное, четкое представление об экономической подоплеке, целях, сущности и конкретных проявлениях империалистической политики США, вскрывает ее неокOLONиалистский характер.

В книге убедительно показан тот факт, что, взяв на себя миссию «защитника» всей капиталистической системы от победоносного шествия социализма, США в соответствии с волчьими законами капитализма пытаются втянуть и другие империалистические страны в свои авантюры.

Особое место в книге уделено развивающимся странам, составляющим подавляющее число стран региона и являющимся первоочередным объектом американской экономической и политической экспансии. Здесь автор основной упор сделал на освещении деятельности американского империализма по подчинению реакционных режимов в ряде стран и использованию их территорий для размещения своих военных баз и складирования вооружения для сил быстрого развертывания. Значительно меньше внимания уделено подрывным действиям США и их агентуры, направленным против прогрессивных режимов Сирии, НДРП, Индии.

Вообще следует указать, что автор главным образом рассмотрел военный аспект агрессивной деятельности США. Политической же сфере посвящена лишь одна глава из восьми, и то в плане обеспечения военного «партнерства». Вопросам идеологического обеспечения американской экспансии вообще не нашлось места.

Настоящее издание книги А. В. Крутских представляет собой ценное исследование наиболее опасной, милитаристской политики США. Оно, бесспорно, вызовет живой интерес как у пропагандистов и агитаторов, так и у широкой советской общественности.

Г. В. АСТАФЬЕВ

• • •

Яркая страница русско-японских культурных связей

И. П. Кожевникова. Варвара Бубнова — русский художник в Японии. М., «Наука», 1984, 224 с., ил.

Когда читаешь книгу И. П. Кожевниковой «Варвара Бубнова — русский художник в Японии», прежде всего испытываешь чувство благодарности к автору за то, что знакомишься с человеком необычной судьбы и яркой одаренности. Жизнь Варвары Бубновой сложилась так, что она, окончив петербургскую Академию художеств, провела

36 лет в Японии, где преподавала русский язык и литературу. Ее жизненным предназначением оказалось не только искусство (живописью и графикой она занималась на протяжении всей своей долгой жизни), но и трудное дело педагога и пропагандиста русской культуры в чужой стране, постепенно ставшей для нее родной и близкой. Как мы узнаем из книги И. П. Кожевниковой, в Японии Варвара Дмитриевна старалась помочь своим ученикам не просто выучить русский язык, но проникнуть в дух и суть русской литературы, осознать ее гуманистический пафос и общечеловеческий смысл. Вместе с тем ее, как художни-

ка, не могло не увлечь японское искусство, столь самобытное и непохожее на то, что она видела в Европе. Прожив долгие годы в стране, наблюдая быт и характер людей, природу Японии, Варвара Бубнова одна из первых европейцев сумела понять то, что скрывалось за внешними формами произведений японских художников, почувствовать внутренние связи японского искусства с национальным мировосприятием. Именно поэтому воздействие японского искусства на ее собственное творчество не было ни подражанием, ни копированием, ни обыгрыванием восточной экзотики. Изучив принципы японской живописи, Варвара Бубнова сумела остаться русским художником со своим собственным взглядом на мир.

Автор книги постепенно подводит нас к пониманию «главной темы» жизни Варвары Бубновой, ставшей главной темой повествования: Россия и Япония, взаимопонимание людей и культур, их взаимообогащение.

Однако особенность книги состоит в том, что рядом с этой главной нитью повествования постоянно возникают «дополнительные темы», связанные с окружающими Варвару Дмитриевну людьми, с событиями общественной или ее личной жизни, экскурсами в прошлое. Это не только обогащает содержание книги, создает ощущение исторического фона, среды, в которой протекала жизнь В. Д. Бубновой, но способствует пониманию того, как формировалась ее личность, складывались основные представления о жизни, долге, смысле творчества. Сложный, менявшийся и в чем-то постоянный внутренний мир героини книги раскрывается не только через цитирование ее записок и воспоминаний, но и через поступки, взаимоотношения с окружавшими ее людьми.

Читая первые страницы, мы узнаем о молодой девушке, предки которой Вульфы были друзьями Пушкина, а сама она неоднократно проводила время в Бернове бывшей Тверской губернии, где бывал поэт и все хранило благоговейную память о нем. А в главах, посвященных работе Варвары Дмитриевны в университете Васэда и Институте иностранных языков в Токио, снова возникает «пушкинская тема»: она читает своим ученикам «Евгения Онегина», стараясь донести до них музыку и красоту пушкинской поэзии, раскрыть подлинный масштаб его личности, его общечеловеческое значение. Многочисленные иллюстрации Бубновой к произведениям Пушкина, издававшимся в Японии, — еще одна очень важная грань той же темы в книге И. П. Кожевниковой, сумевшей с помощью такого приема не только насытить текст обширным фактическим материалом, но и сделать чтение увлекательным.

Но и «главная тема» русско-японских и советско-японских связей, в которых такую важную роль сыграла Варвара Дмитриевна Бубнова, имеет много интересных и содержательных «ответвлений», в том числе — о движении «За пролетарское искусство» в 20-х годах, о выставке советского искусства 1927 г. Широкому читателю эти факты

вряд ли были известны, да и специалисты тут найдут немало нового для себя.

Раздел, посвященный пребыванию Бубновой в Японии, безусловно, центральный и по смыслу и по значению. Если начальные главы в основном биографические и рассказывают о самых первых шагах молодой художницы, а заключительные — об итогах длительного творческого пути, возвращении на Родину и признании заслуг, то все повествование, касающееся жизни в Японии — от приезда никому не известной молодой женщины с матерью в гости к сестре (как тогда казалось — ненадолго) до подъема на борт советского корабля спустя более трех с половиной десятилетий высокопочитаемого и окруженного учениками наставника, — это и есть «драма жизни» Варвары Бубновой, исполнение ею своего предназначения, своей жизненной миссии.

Мало кто из оказавшихся тогда на чужбине прожил такую значительную и такую достойную жизнь, как В. Д. Бубнова. Автор книги не просто сообщает об этом, но доказывает с помощью фактов, документов, свидетельств бывших учеников Варвары Дмитриевны, ныне профессоров русского языка и литературы в японских университетах, известных переводчиков и общественных деятелей, художников и критиков. Сбор и систематизация всех этих материалов автором книги делают труд И. П. Кожевниковой особенно ценным. Через события жизни В. Д. Бубновой в Японии — работу с русистами-переводчиками, встречи с художниками, лекции, выставки, публикации статей — возникает возможность и для читателя взглянуть как бы «изнутри» на художественную жизнь, борьбу направлений, формирование прогрессивного крыла в японской культуре тех лет.

Уже в самый первый период жизни в Японии В. Д. Бубнова знакомится со многими художниками, главным образом графиками, зачинателями современной гравюры — Канаэ Ямамото, Косиро Онти и другими, впоследствии прославившимися мастерами. Позднее ее друзьями становятся Уэбэити Хирацука, Сико Мунаката, Тадасигэ Оно. Сама она начинает заниматься литографией и показывать свои работы на выставках рядом с работами новых друзей и единомышленников. Однако, принимая активное участие в художественной жизни японской столицы, Варвара Дмитриевна продолжает ощущать себя полпредом советского искусства, считает своим долгом рассказывать о том, что делается в молодой Советской Республике. Уже в октябре 1922 г. она публикует статью «О направлениях в современной русской живописи».

Среди иллюстраций, приводимых в книге, есть несколько, по которым можно судить о путях творческой мысли Бубновой в тот период, — обращение к новым для нее сюжетам, где преобладают сцены из жизни японских крестьян и городских бедняков, а также портреты друзей и близких. Первоначально ориентируясь стилистически на работы немецких экспрессионистов, в первую очередь Кэтэ Кольвиц, Бубнова постепенно обретает собственный язык, вырабатывая

сти свои приемы использования цвета в графике.

По своему жанру книга И. П. Кожевникова — не искусствоведческая монография, поэтому в ней сравнительно немного места уделяется разбору конкретных работ Бубновой, этапам ее развития как художника. Но общее представление об этом складывается вполне отчетливо. Автор книги многократно подчеркивает, сколь нелегким было овладение мастерством и новой техникой литографии, рассказывает, как Бубновой пришлось преодолевать недоверие к этому новому тогда в Японии виду графики, упорно и настойчиво учиться, ошибаться, открывать новое и снова учиться. Интересно, что Варвара Дмитриевна не сразу пришла к пониманию японской живописи, особенно живописи тушью суйбоку-га, которая впоследствии захватила ее своей глубиной и покорила виртуозным мастерством. Но многолетние наблюдения природы Японии, возможность ознакомиться с шедеврами классического искусства позволили Бубновой глубоко и тонко осмыслить его, сделать органичной частью собственного внутреннего опыта. Одной из первых она попыталась использовать в литографии характерные для живописи тушью приемы размытого цвета, передающие безграничность пространства.

Едва ли не самый большой интерес представляют главы книги, где говорится о работе В. Д. Бубновой в качестве преподавателя русского языка и в связи с этим затрагивается более широкий круг вопросов о русистах и русской литературе в Японии. С 1924 г. Варвара Дмитриевна преподавала в университете Васэда, а с 1927 г. — еще и в Токийском институте иностранных языков. Изучение русского языка в Японии имело к тому времени более чем столетнюю историю (автор книги попутно рассказывает о капитане В. Головинне, составителе первого русско-японского словаря И. Горшкевиче, священнике И. Касаткине, Л. Мечникове), но не было ни учебников, ни методических пособий, ни хрестоматий и словарей. Зато был интерес к русской литературе. Многие шедевры русской классики уже были известны японским читателям. В. Д. Бубнова не без удивления узнала, что на японский язык переведены не только произведения Л. Толстого, Достоевского, Чехова, но и рассказы Тургенева, Куприна, Бунина. С 20-х годов растет внимание к советской литературе, и друг Варвары Дмитриевны Масао Энэкава, который впоследствии перевел всего Достоевского, многие произведения Л. Толстого и Чехова, подготовил сборник, куда вошли рассказы М. Зощенко, К. Федина, Л. Леонова, И. Эренбурга, Б. Пильняка и др.

Как пишет И. П. Кожевникова, в доме Варвары Дмитриевны часто собирались ее ученики, становившиеся нередко близкими друзьями, круг знакомств постепенно расширялся. Кроме художников, она постоянно встречалась с самыми известными переводчиками русской литературы, такими, как Сему Нобори, Хакуё Накамура, Хисанитиро Хара и многими, многими другими. У Вар-

вары Дмитриевны спрашивали совета не только в области собственно русского языка, но и при выборе произведений для перевода. «Среди нас, имевших отношение к русской литературе, почти не было таких, кто не пользовался бы ее доброжелательной помощью. Если говорить о ее вкладе в японскую литературу, то мне думается, что он был еще больше, чем вклад в искусство», — писал Масао Энэкава. Особенно большая заслуга принадлежит В. Д. Бубновой в укреплении интереса к русской поэзии — стихам Пушкина, Тютчева, Блока.

Занятия русской литературой с учениками и ее собственные размышления получили свободное отражение в творчестве Бубновой — ее иллюстрациях к переводам произведений русских классиков: Пушкина, Гоголя, Л. Толстого. Работы эти ценны стремлением их автора не следовать за сюжетом, как это часто бывало, а раскрыть эмоциональную атмосферу и помочь читателю проникнуть в глубины смысла книги.

Как справедливо указывает И. П. Кожевникова, трудно переоценить деятельность В. Д. Бубновой в Японии, ее влияние на переводчиков русской литературы. От нее, видимо, исходил особый «магнетизм» сильной личности и одаренной натуры, она увлекала своих учеников, а они, в свою очередь увлеченные русской литературой, знакомили с ней японского читателя. Несомненно, есть заслуга В. Д. Бубновой в том, что уже в первые послевоенные годы начали выходить книги 23-томного собрания сочинений Л. Толстого в переводе Масао Энэкава, сказки Пушкина, романы Достоевского. В 1946 г. на японском языке вышел «Русские люди» К. Симонова, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Непокоренные» Б. Горбатова, романы Л. Леонова, В. Василевской, а вскоре «Тихий Дон» М. Шолохова в четырех разных переводах. Почти все переводчики были учениками В. Д. Бубновой.

В послевоенные годы получают все большую известность произведения В. Д. Бубновой-художника, ее акварели и литографии, проводится несколько ее персональных выставок. О выставке, приуроченной к 50-летию творческой деятельности Варвары Дмитриевны, доброжелательно писали почти все японские газеты и художественные журналы.

После возвращения на Родину в 1958 г., будучи уже в преклонном возрасте (ей было 72 года), В. Д. Бубнова продолжала работать как художник, занималась общественной деятельностью, публиковала воспоминания и статьи о японском искусстве, продолжая служить делу своей жизни — укреплению взаимопонимания советского и японского народов.

Содержательная, насыщенная фактами книга И. П. Кожевниковой написана увлеченно, местами не без патетики. Автор не жалеет красок, чтобы заставить читателя не только поверить всему тому, что рассказывается о жизни В. Д. Бубновой, но и проникнуться глубокой симпатией к талан-

ту, трудолюбие и настойчивости этой русской женщины с такой необычной судьбой. Со страниц книги, как и с помещенных в ней фотографий, смотрит на нас человек, много испытавший, стойкий, неизменно отзывчивый и открытый навстречу людям.

В книге И. П. Кожевниковой, как почти во всякой другой, есть спорные суждения,

мелкие погрешности и неточности, о которых можно было бы упомянуть. Но они не меняют общего благоприятного впечатления от книги, появление которой можно назвать данью памяти В. Д. Бубновой.

*Н. С. НИКОЛАЕВА,
кандидат искусствоведения*

* * *

О чем рассказывает ежегодник «Япония»

Япония 1983. Ежегодник. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984, 320 с., с ил.

Вышедший в 1984 г. очередной, 12-й выпуск ежегодника «Япония» — «Япония 1983» — продолжает знакомить советскую общественность с последними результатами научных исследований и мнениями востоковедов по широкому кругу проблем современной экономической, политической, общественной, культурной и научной жизни Японии. В нем помещен обширный материал о внутренней и внешней политике Японии, об экономическом положении в стране, социологии, культуре, литературе, религии и т. д.

Три обзора, открывающие сборник, — экономический, внутриполитический и внешнеполитический — создают у читателей достаточно целостный образ Японии 1982 г.

Как известно, экономика страны вот уже в течение ряда лет переживает ряд трудностей, нашедших свое выражение в ухудшении многих важнейших показателей.

Причины этого автор экономического обзора П. Д. Долгоруков видит прежде всего в процессах, происходящих внутри страны, хотя и начинает их анализ с рассмотрения состояния внешнеэкономических связей Японии (в основном с США и странами ЕЭС). Поднявшаяся в США и Западной Европе в ходе экономического спада 1980 — начала 1983 г. волна жестокого протекционизма резко ухудшила условия реализации японской продукции на внешних рынках. Заметно обострились торговые противоречия и с группой развивающихся стран, а на торговлю с социалистическими странами самое негативное влияние оказала проводимая японским правительством политика «экономических санкций».

Все это незамедлительно и в самой болезненной форме отразилось как на динамике промышленного производства, так и на общем состоянии хозяйства Японии, усилившей за последнее время степень экспортной ориентации. Нарастающее с осени 1981 г. сокращение темпов роста товарного экспорта послужило одной из важнейших

причин существенного падения темпов промышленного развития и прироста ВВП в 1982 г.

Решающую же роль в усилении негативных явлений в экономике Японии играет накопление многих серьезных диспропорций: между возросшими возможностями производства и ограниченными рамками личного и производственного потребления, в отраслевой и региональной структуре промышленного производства, в области государственных финансов, между крупным и мелким предпринимательством и т. д.

П. Д. Долгоруков вполне обоснованно связывает углубление диспропорциональности развития не только с временными циклическими факторами, «но и с принципиальными изменениями всей воспроизводственной ситуации под влиянием научно-технической революции и других изменений глобального масштаба». Отсюда следует естественный вывод: «Поэтому для преодоления или смягчения нынешних трудностей в экономическом развитии Японии требуются очень большие усилия самого различного характера и длительное время» (с. 9).

В обзоре, помимо промышленного производства, подробно исследуются хронические проблемы и крупные диспропорции в сельском хозяйстве, в сфере товарного и кредитно-денежного обращения, в валютном положении Японии. Интересным представляется приведенный автором анализ экономического развития Японии самими японцами — представителями правительства и деловых кругов. Большинство японских экономистов («пессимисты») считают, что сравнительно низкие темпы экономического роста превратились в устойчивую тенденцию, а перспективы быстрого оживления экономической активности весьма проблематичны. Однако министерство внешней торговли и промышленности (МВТП), а также Управление экономического планирования (УЭП) считают возможным достижение ежегодного роста на 5 %, для чего, по их мнению, необходимо «управление экономикой, выбор правильных направлений в экономической политике» (с. 27). Автор, и с ним нельзя не согласиться, отдает предпочтение сторонникам более осторожного подхода, считая оценки «чрезмерных оптимистов» скорее намечаемыми целями, до-

стижение которых желательно по целому ряду социально-экономических и политических соображений.

1982 г. ознаменовался важными событиями в политической жизни Японии. Кризисные явления в экономике страны, провал финансово-экономической политики кабинета Дз. Судзуки, обострение борьбы внутри правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) привели к правительственному кризису, в результате которого произошла смена партийно-государственного руководства: председателем ЛДП и премьер-министром вместо Дз. Судзуки стал Я. Накасонэ.

«Реакция на появление кабинета Я. Накасонэ, сформированного из правых деятелей, не была обычной для японцев, — пишет А. И. Иванов, автор обзора «Год 1982-й: обострение внутриполитической обстановки». — Вместо привычного изложения пожеланий и требований относительно направлений будущей деятельности правительства в японской прессе почти единодушно высказывалась тревога за судьбу страны под руководством нового премьера» (с. 47).

Тревога, как показали дальнейшие события, вполне обоснованная. Кабинет Накасонэ круто повернул государственный руль вправо. Он стал настойчиво выступать за пересмотр конституции и введение законодательства на случай «чрезвычайных обстоятельств», за усиление мощи «сил обороны» и расширение их функций в военном сотрудничестве с США.

Именно Я. Накасонэ, выступая в Вашингтоне (январь 1983 г.), заявил о намерении превратить страну в «непотопляемый авианосец» и провозгласил «общность судеб» Японии и США. Японское правительство активно поддержало планы размещения на базе Мисава истребителей-бомбардировщиков F-16, способных наносить ядерные удары, и дало согласие на заход японские порты американских кораблей с крылатыми ракетами на борту. Накасонэ принял решение о предоставлении Пентагону передовой военной технологии. При нем начались японо-американские «исследования» по вопросу о совместной «защите» морских путей в радиусе 1000 морских миль и было объявлено о планах Японии блокировать три международных морских пролива в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств».

Вопросы внешней политики Японии рассматриваются (и довольно подробно, с разбивкой по регионам) в обзоре А. Н. Александрова «Особенности внешней политики Японии в 1982 г.». Остановимся на японо-советских отношениях. Как ни странно, несмотря на всю свою важность, эта тема находит лишь отрывочное освещение на страницах периодической печати и в научных исследованиях, явно уступая по глубине и масштабам разработки вопросам отношений Япония — США, Япония — АСЕАН, Япония — ЕЭС и т. п. В какой-то степени ежегодник «Япония 1983» восполняет этот пробел, хотя и здесь автор отводит отношениям Японии с СССР последнее место.

На весь комплекс японо-советских отношений в 1982 г. оказало непосредственное

воздействие усиление негативных тенденций во внешней и внутренней политике Японии.

«Поддерживая глобальный антисоветский курс администрации Р. Рейгана, — пишет А. Н. Александров, — Япония не только более «пунктуально», чем западноевропейские страны, придерживалась политики «санкций»... но и предпринимала шаги по консолидации общего курса западного лагеря в антисоветском плане» (с. 76).

Японское правительство ограничило политические контакты с нашей страной, сдерживало развитие торгово-экономических и научно-технических связей. В феврале 1982 г. под предлогом «событий в Польше» Япония ввела дополнительные «экономические санкции»: на неопределенный срок были отложены переговоры по обсуждению хода выполнения действующего Соглашения о товарообороте и платежах на 1981—1985 гг. и проведение очередной сессии комиссий сторон по научно-техническому сотрудничеству, было принято решение не рассматривать вопрос об открытии отделения торгпредства СССР в городе Осака и др.

На 1982 г. приходится особое усиление враждебной СССР кампании территориальных притязаний, инициатором и организатором которой выступает японское правительство. Наряду с этим активно муссировалась миф о «советской военной угрозе», о «наращивании Советским Союзом военной мощи в прилегающих к Японским островам районах» и т. д.

Разоблачая лживость подобных утверждений, автор напоминает, что «в азиатской части своей территории Советский Союз не делает ничего сверх того, что является абсолютно необходимым с точки зрения обеспечения безопасности, и имеет ровно столько вооружений, в том числе ракетно-ядерных средств средней дальности, сколько необходимо для противодействия направленным против него аналогичным американским вооружениям, расположенным в азиатско-тихоокеанском регионе» (с. 76—77).

Но в Японии есть значительные силы, понимающие необходимость дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Одно из свидетельств тому — визит в Москву в феврале 1983 г. самой представительной за всю историю советско-японских отношений делегации японских бизнесменов (более 250 человек) во главе с ныне покойным председателем Торгово-промышленной палаты С. Нагано. Представители японских деловых кругов решительно высказались за расширение экономического сотрудничества между Японией и СССР. Достигнута договоренность проводить ежегодные советско-японские встречи по торговле и сотрудничеству.

Вопросы взаимовыгодных торгово-экономических связей, а также поиск новых перспективных направлений в этой области находились в центре внимания и проходившего в декабре 1985 г. в Токио совместного совещания советско-японского и японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству.

Выступая на открытии форума, министр иностранных дел Японии С. Абэ подчеркнул, что укрепление взаимовыгодных торгово-экономических связей между Японией и Советским Союзом даст новый импульс расширению отношений взаимопонимания и сотрудничества между двумя странами. Он высказал мнение, что нынешнее совещание станет важным этапом в развитии советско-японского диалога.

О возможных конкретных планах на будущее говорили на совещании руководитель японской делегации, председатель японо-советского комитета по экономическому сотрудничеству, президент энергетической компании «Токио гасу» Хироси Андзай, другие представители деловых кругов. С интересом были выслушаны выступления членов советской делегации, возглавлявшейся заместителем министра внешней торговли СССР В. Н. Сушковым.

Комментируя проходящую встречу, газета «Асахи» писала, что насущность и актуальность вопроса о налаживании нормальных контактов с Советским Союзом и ряд позитивных шагов в этом направлении, несмотря на имеющиеся проблемы, позволяют говорить о сдвигах в направлении улучшения и развития японо-советских торгово-экономических отношений.

Обеспокоенность широких кругов общественности двух стран состоянием отношений между ними показала и 4-я встреча «круглого стола» представителей общественности СССР и Японии, проходившая в октябре 1984 г. в Москве. В выступлениях участников, в совместно принятом коммюнике была выражена твердая решимость прилагать все усилия для установления подлинно добрососедских, дружеских связей между народами обеих стран. Возобновились контакты на межпарламентском уровне: в октябре 1984 г. в Японии побывала делегация Верховного Совета СССР во главе с членом Президиума Верховного Совета СССР, членом Политбюро ЦК КПСС, Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаевым. Лед, можно сказать, тронулся. Направление же дальнейшего развития советско-японских отношений во многом зависит от взвешенного, реалистического подхода японской стороны к определению своего курса с учетом как позиции Советского Союза, так и собственных национальных интересов.

Содержание 12-го выпуска ежегодника «Япония» характеризуется весьма качественным подбором тем и их богатым разнообразием, позволившим осветить наиболее важные элементы японской действительности. Читатель может познакомиться с военными аспектами проблемы пересмотра японской конституции, парламентской тактикой правящей ЛДП и отношением монополистического капитала Японии к проблеме «участия трудящихся в управлении».

В статье Я. А. Певзнера детально исследуется развитие кризиса государственно-монополистического регулирования в Японии, приведшего к появлению ряда проектов ад-

министративно-финансовой реформы. Суть ее — в затормаживании государственного участия в экономике, в повороте экономической политики в сторону модели, близкой к «этатеризму» и «рейгадомике». Автор убедительно показывает несостоятельность подхода к реформе как к панацее от всех экономических неурядиц, разоблачает ее противоречивость и ограниченность.

В этом же разделе «Экономика, наука техника» помещены материалы на пока еще мало разработанные у нас темы — развитие робототехники в Японии и проблема переноса производства из Японии за рубеж. Среди статей на «нетрадиционные темы» следует также выделить «Проблемы материального обеспечения пожилых японцев» (Н. А. Латышев) и «О специфике отношения японцев к религии» (Г. Е. Светлов). Как видим, тематика выпуска действительно довольно разнообразна; причем в данном обзоре упомянуто далеко не о всех материалах ежегодника.

В заключение хотелось бы особо выделить литературный обзор В. С. Гринина «Японская литература конца 70-х — начала 80-х годов в оценке японской критики», дающий широкую панораму литературной жизни Японии наших дней. Автор не ограничивается изложением оценок японскими критиками творчества того или иного писателя; его собственная позиция, высказываемая в адрес и произведений, и их критики, помогает лучше разобраться в довольно сложном литературном процессе в соседней стране.

В 12-м выпуске ежегодника «Япония», как, впрочем, и в предыдущем, — масса справочного материала, вынесенных в приложение статистических выкладок, хронология, библиография и т. п. Написанный живым языком, освещающий самые разнообразные, подчас доселе почти неизвестные темы, снабженный иллюстрациями ежегодник «Япония 1983», несомненно, будет с интересом встречен не только японоведами, но и самими широкими массами читателей, интересующихся международными проблемами.

Вскоре после выхода в свет ежегодника «Япония 1983» в Институте востоковедения АН СССР состоялось вручение грамот Президиума АН СССР членам редколлегии ежегодника во главе с главным редактором И. И. Коваленко, а также работникам Главной редакции восточной литературы издательства «Наука», принимавшим непосредственное участие в подготовке ежегодника к печати. Тем самым был отмечен значительный вклад, вносимый изданием ежегодника «Япония» в дело ознакомления советской общественности с действительностью сегодняшней Японии, в развитие добрососедских, дружественных отношений между нашими народами. Пожелаем же коллективам редакции ежегодника и издательства «Наука» дальнейших успехов в их благородном и весьма нужном деле.

Ю. Е. ЕВГЕНЬЕВ

Конференция в Улан-Удэ

В Улан-Удэ 28—30 августа 1984 г. был проведен советско-монгольский «круглый стол» по марксистской критике буддийской философии, организованный Институтом философии АН СССР и Институтом общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР совместно с Бурятским отделением Философского общества СССР и Бурятским отделением Всесоюзной ассоциации советских китаеведов (ВАКИТ). В его работе приняли участие ученые из Улан-Батора, Москвы, Ленинграда и Улан-Удэ.

С приветственным словом к участникам «круглого стола» обратился секретарь Бурятского областного комитета КПСС А. А. Баднев. Он отметил, что сегодня, в условиях резкого обострения идеологической борьбы, исследования в области буддийской философии приобретают особую актуальность и большое практическое значение. Поэтому необходимо активизировать изучение философских аспектов буддизма и поднять его на более высокий методологический и источниковедческий уровень, опираясь на новейшие достижения марксистско-ленинской историко-философской науки.

На пленарном заседании были заслушаны доклады доктора философских наук, профессора М. Т. Степанянц (Москва) «Критический анализ социальной роли буддизма в странах зарубежной Азии», академика Ш. Нацагдоржа (Улан-Батор) «Буддологические исследования в МНР» и доктора философских наук, профессора В. В. Мантатова (Улан-Удэ) «Методологические проблемы изучения и критики буддийской философии».

Доклад М. Т. Степанянц был посвящен анализу современного состояния буддизма в странах Востока, роли его философского наследия в современной идеологической борьбе. Докладчик указал на возрастающую политическую активность буддистов и расширение идеологической экспансии буддизма в странах Запада, на необходимость критического анализа философского наследия буддизма с позиций марксистской методологии. В докладе отмечалось, что в последние годы в Бурятском институте общественных наук успешно развивается изучение философских и психологических аспектов буддизма на материале китайских, монгольских и тибетских источников.

В докладе Ш. Нацагдоржа был дан анализ буддологических исследований в МНР, в частности рассмотрены вопросы изучения истории ламаистской церкви в Монголии и Тибете, философских аспектов буддизма на материале тибетских и монгольских источников. Докладчик подчеркнул важную роль сотрудничества монгольских буддологов с советскими учеными.

В. В. Мантатов осветил методологические вопросы изучения и критики буддийской философии с использованием методов системного анализа и семиотики, рассмотрел вопросы взаимодействия философии, религии и культуры в буддизме.

В ходе работы «круглого стола» состоялось четыре заседания, на которых было заслушано 20 докладов и сообщений.

В выступлении В. С. Семенцова (Москва) «К происхождению концепции «Дхарма» в буддизме тхеравады» была предпринята попытка связать систему передачи знания в буддизме тхеравады с некоторыми приемами древнейшего брахманического ритуала. Автор пришел к выводу, что первоначальным значением слова «Дхарма» являлось то, которое было зафиксировано в «Пурушасукте», — «установления, касающиеся ритуала».

Г. Лувсанцэрэн (МНР), рассмотрев философские идеи школы мадхьямиков, отметил, что их учение оказало большое влияние на средневековых монгольских буддистов. При этом докладчик указал на необходимость различать в буддизме философские и религиозные аспекты.

Л. Е. Янгутов (Улан-Удэ) критически проанализировал гносеологические принципы китайского буддизма махаяны. В докладе были определены наиболее характерные черты школ китайской махаяны (тяньтай, чань, хуаянь) и выявлены общие для них гносеологические принципы, основывающиеся, как считает автор, на снятии оппозиции субъекта и объекта.

В сообщении А. А. Терентьева (Ленинград), посвященном анализу философских идей «Праджня-парамита-хридая сутры» (III в. н. э.), отмечалось, что сутры прадж-

няпарамиты сыграли важную роль среди махаянских текстов, придав новый облик буддийской философии. На основе анализа «Праджня-парамита-хридая сутры» автор выявил смысл преобразований, введенных доктриной праджняпарамиты в учение раннего буддизма.

Н. В. Абаев (Улан-Удэ) рассмотрел основополагающие принципы философского и психологического учения чань-буддизма. На основе их анализа автор пришел к выводу, что школа чань развивалась в основном в русле развития буддизма махаяны и поэтому неправомерны утверждения некоторых исследователей о «небуддийском» или даже «антибуддийском» характере этой школы.

Г. Лхагвасүрэн (МНР) посвятил свое выступление анализу учения о «трех сущностях» в философии виджнянавадинов. На основе всестороннего анализа этого учения докладчик сделал вывод о том, что буддийскому мышлению было присуще рассмотрение противоположностей в их взаимозависимости и взаимопревращении.

А. Д. Сухов (Москва) рассмотрел становление и эволюцию буддизма, его взаимоотношения с социальным строем в ареале его распространения. Автор отметил, что данная религия подчиняется общим закономерностям религиозного развития, переживая те же стадии, что и любая другая религия, реагирующая на объективные перемены в окружающей социальной среде.

Член-корреспондент АН МНР Ч. Жугдэр дал критический анализ моральных принципов ламаизма и его социальной роли. Вместе с тем докладчик осветил некоторые вопросы деятельности Азиатской буддийской конференции за мир (АБКМ), охарактеризовав основные цели и задачи, стоящие перед этой международной организацией буддистов (штаб-квартира в Улан-Баторе).

Некоторые аспекты теории «религиозных заслуг» в буддизме тхеравады были рассмотрены в сообщении В. И. Корнева (Москва), который затронул также ряд общеметодологических вопросов изучения буддийской философии.

Выступление Р. Е. Пубаева (Улан-Удэ) было посвящено изучению тибетских источников по истории буддийской философии, в частности рассмотрению проблемы исследования особой категории историко-философской литературы типа сиддханта. Докладчик указал на важность изучения философских взглядов отдельных школ и сект буддизма.

В. П. Андросов рассмотрел два трактата Нагарджуны — «Сухриллекха» и «Ратнавали», имеющие форму посланий к монархам, с целью выявления социальных аспектов его учения. Было отмечено, что в этих трактатах религиозный аспект явно преобладает над философским и политическим.

К. М. Герасимова (Улан-Удэ) посвятила свое выступление методологическим вопросам конкретного исторического изучения надстроечной функции ламаизма с участием полиэлементной и полифункциональной структуры мировой религии, поставила вопрос о конкретном историческом анализе социальной роли доктринального богословия, являвшегося, по мнению автора, элитарным и практически исключенным из массовой религиозной пропаганды.

В целом работа «круглого стола» внесла значительный вклад в марксистское изучение буддийской философии, содействуя активизации этих исследований.

Н. В. АБАЕВ,
кандидат исторических наук

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1985, № 2, 208 с.

Технический редактор Сологубова Т.

Сдано в набор 09.04.85. Подписано в печать 24.05.85. А 05636 Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 18,2. Уч.-изд. л. 22,57. Усл. кр.-отт. 18,2. Изд. № 40538. Тираж 10 774. Заказ 1022

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Советов Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 119487, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bul'var, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 142300, г. Чехов Московской области